

ШОЛОХ

ТЕНЕВЫЕ БЛИКИ

АНТОНИНА
КРЕЙН

В
ПОЛНОТУЧНЫЕ
ЗАПИРАЙ
ДВЕРИ

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Антонина Крейн

Шолох. Теневые блики

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крейн А.

Шолох. Теневые блики / А. Крейн — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-111933-1

Тинави живет в столице колдовства, но напрочь лишилась магии. Теперь на ее будущем можно поставить крест. Но в полнолуние она спасает странного мальчишку с амнезией, а следующим утром внезапно получает работу Ловчей – детектива по делам чужестранцев. В паре с магом Польшью Тинави предстоит отыскать убийцу, орудующего в самом сердце королевства – во дворце. Постепенно девушка убеждается, что на магии свет клином не сошелся. Только вот незадача: все ее новые знакомые – не те, кем кажутся на первый взгляд...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111933-1

© Крейн А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

1	6
2	11
3	17
4	24
5	29
6	33
7	40
8	46
9	51
10	57
11	64
12	71
13	77
14	83
15	92
16	98
17	105
18	115
19	124
20	132
21	142
22	149
23	154
24	163
25	170
26	176
27	183
28	190
29	197
30	203
31	210
32	216
33	222
34	229
35	236
36	243
37	253
38	261
39	266
40	275
Эпилог. Море	281
Энциклопедия «Доронах»	287
Магические существа, духи и представители иных рас	288
История Срединного государства и его преемника Лесного королевства	291

Антонина Крейн

Шолох. Теневые блики

© Крейн А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Долг перед обществом

*И я коснулся дна и, оттолкнувшись,
вверх поплыл на свет неведомых,
невидимых планет...*

Старинная дэльская песня

Дважды в месяц, на новую и на полную луну, все жители Шолоха крепко запирают двери своих домов.

В это время смутные тени в темно-зеленых одеждах выходят в лес. Их неясные лица под глубокими капюшонами дышат золотом старинных гобеленов, а ярко-оранжевые фонари освещают им путь. Шаги незнакомцев легки: ни одна травинка не чувствует их тихой поступи. Всюду царит безмолвие. Не крикнет птица, не шелохнется листва старой ивы.

В такие ночи Шолох, столица Лесного королевства, безраздельно отдан духам.

Мы называем их бокки, потому что на древнем наречии Восточных Пределов «бокки» означает «искра», «тайна» и «непостижимое».

Бокки бродят по всему городу. Они кружат по дубовым рощам, выходят на центральные улицы, спускаются к бурным водам реки Нейрис. Иногда они подолгу стоят под окнами того или иного дома, и только фонари со скрипом раскачиваются на ветру.

Никто не смеет нарушить дозор бокки-с-фонарями.

Нельзя препятствовать их скорбным прогулкам. Они – егеря старых королей, важнейшая часть нашей истории. Признавая право бокки на две ночи в месяц, мы будто снимаем шляпу перед богами-хранителями, без которых Шолох никогда не стал бы Шолохом.

Но... как быть, если дух уже битый час топчется на твоей клумбе и колотит, колотит, непрерывно колотит в окно фонарем?

– Вот зараза! – Кадия поднялась из кресла и потопала к нарушителю спокойствия. От обжигающего чая носик подруги раскраснелся, оттеняя ее пшеничную шевелюру.

– Эй, ты, призрак! – Кад ткнула пальцем в стекло. – А ну брысь отсюда!

Ноль эффекта. Бокки по ту сторону продолжал бесчинствовать.

Хотя я на его месте поумерила бы пыл: Кадия страшна в гневе. Писаная красавица, стражница, дочь высокопоставленного чиновника и просто боевая натура, она кому хочешь задаст жару. Будь он хоть трижды «непостижимый».

Я тоже с любопытством подошла туда, где спальня обрывалась в ночь. За панорамным окном во всю стену, выпуклым, как аквариум, мир духов плыл под толщей волшебства.

И только бокки все стучал. Вот сумасшедший дятел!

– Что будем делать? – протянула я.

– Не обращайтесь внимания! Тогда ему, наверное, надоест, – предложил Дахху.

Дахху – это третий и последний из нашей дружной компании.

Сейчас друг полулежал на диване, и длинный полосатый шарф обматывал его шею свободными петлями, свисая чуть ли не до пола. Дахху дотошно изучал передовицу «Вострушки» (лучшая столичная газета, печатается под редакцией Анте Давьера). В новостях не было ничего интересного, но Дахху, знаете ли, педант.

И, думаю, он прав насчет бокки. Я кивнула и наглухо задернула шторы.

– Вот и славненько! – одобрила Кадия, когда глубокий синий бархат приглушил истерику духа.

Подруга с размаху плюхнулась на грушеподобный пуф, схватила миску с виноградом и продолжила учиться ловить ягоды ртом – с подброса. Получалось ужасно! Половина трагиче-

ски улетала на пол, но Кадью это не смущало. Ее вообще не многое могло смутить. К сожалению.

Кстати, да, я же не объяснила.

Кадия, Дахху и я – бывшие однокурсники. Семь лет мы втроем учились у строгого наставника, магистра Орлина. Боюсь, с точки зрения науки мы остались жуткими невеждами, зато обрели нечто не менее ценное, чем знания, – настоящих друзей. Тех, за кого держишься крепко, как за шток-мачту во время шторма. И кому легко прощаешь минное поле из винограда на своем ковре.

Раз в неделю мы с ребятами собираемся на совместную ночевку у меня дома.

Вечеринки всегда проходят одинаково: мы болтаем обо всем на свете, потом кого-нибудь тянет танцевать, и мы пляшем, будто бешеные кочевники, а ближе к утру заваливаемся спать, и по комнате долго летают уютные шепотки: «Ты уже уснула?», «Дахху храпит, зараза», «Давай ему лимоном на язык капнем?».

И ни разу еще в нашу тесную компанию не пытался ворваться чужак. Тем более такой неожиданный и рьяный, как бокки-с-фонарем.

Стук фонаря о стекло все еще слышался, но тихо. Я вернулась к своему занятию: подошла к камину и стала технично рвать письма, пришедшие за полгода. Обрывки официальных бумаг – сплошь отказы в приеме на работу – мертвыми мотыльками падали по ту сторону витой решетки. Будет холодный день – разожгу огонь и спалю все это к праховой бабушке.

– Тинави, а что с твоим последним заявлением? – вдруг с набитым ртом спросила Кадия. Я изобразила, что не слышу.

– Тина-а-а-ави! – пропела подруга.

– Каким из них? – неохотно буркнула я.

– На должность тренера по тринапу.

Мой взгляд скользнул к остаткам конверта в глубине камина. Я пожала плечами:

– Моя кандидатура им не подошла. Вы бы видели, как перекосило рекрутера, когда я сказала, что я магическая калека. Я уж думала – инсульт! Откачивать его собралась...

Кад нахмурилась:

– Да перестань ты называть себя калекой! Магия не часть тела. Ее потеря несравнима с физическим увечьем. И учитывая, где я работаю, я знаю, о чем говорю.

– Заметь – ты работаешь. А я – нет. Никому в королевстве не нужны отбросы общества.

– Хей, девушка, следите за языком!

Я отвернулась к книжному шкафу, пряча лицо. В зеркале на полке отразилось, как Дахху тарашит глаза и знаками показывает Кадии, чтобы она сменила тему. Деликатный ты мой...

Я фыркнула:

– А что? Все равно никто не нуждается в моих услугах. Дахху целыми днями гундит, что не реализуется в Лазарете, ты жалуешься на коллег-стражников, а я... Завидую, наверное. Очень весело сидеть дома и смотреть, как жизнь проносится мимо. И все из-за одной оплошности в выпускную ночь! – Я запнулась.

Потом с горестью продолжила:

– Тринап был моей последней надеждой. Казалось, какое дело миру спорта до моих магических способностей? Но нет. Отказ. Несмотря на все мои медали. Вот они, сплошные плюсы жизни в колдовской столице! Больше идей о трудоустройстве у меня нет. Так что: добро пожаловать на дно, Тинави из Дома Страждущих! – Я театральным жестом распростерла руки и поклонилась.

Перехватив мой взгляд, Дахху сочувственно блеснул глазами из-под темно-коричневой, в цвет волос, шапки. Зима на улице или конец мая, как сейчас, – будьте уверены, Дахху из Дома Смеющихся не расстанется с вязаными аксессуарами. Богемный шик? Да нет! Скорее, нехитрый способ спрятать шрамы, полученные в детстве. И седые пряди на макушке.

Кадия же ринулась в бой: выкарабкалась из мягкого пуфа, засасывающего, как зыбучие пески, подошла ко мне и ободряюще потрепала по плечу. Жест получился воистину материнским: Кадия выше меня на голову.

– А ну, отставить грусть! Надо продолжать бороться! Бороться до конца! – патетически заявила Кад, как на трибуне выступала.

И, следуя ее завету, со стороны окна послышалось настолько отчаянное, страшное звяканье стекла о стекло, что мы втроем аж подпрыгнули.

Дахху мигом отбросил газету. Друг вскочил, подбежал к окну и дернул за бархатную веревочку. Шторы со скрипом разъехались в стороны. За ними, как на театральной сцене, снова возник бокки-с-фонарем.

На сей раз пустое лицо призрака оказалось в пугающей близости: оно почти прижималось к стеклу. Туманный подол зеленого плаща змейкой вился вокруг моих розовых кустов. Сгустившаяся до черноты ночь пахла холодом.

Дахху шумно сглотнул и хотел отступить, но мы с Кадией уже подперли его сзади. Ведь нам известно: любопытство веселее страха.

В стекле слабо светились наши отражения: задиристая красотка Кад, носатик Дахху и моя глазастая физиономия. Между нами, будто мистический судия, мерцал стоявший по ту сторону бокки.

У лесного духа резко прибавилось энтузиазма. Теперь он колотил без остановки.

– Э-э... – сказала я. – Он так окно разобьет!

– Да он там не один! – Отражение Дахху зашевелило полупрозрачным ртом. – Вон, от леса еще идут.

Следующие пару минут мы во все глаза таращились на происходящее в саду. Музыкальное сопровождение в стиле «звяк-дзыньк-звяк-тыдыщ» добавляло сцене колорита.

Вдали, между густо растущих сосен, зажигались новые и новые огоньки – оранжевые искры в лесной прохладе, тихой и влажной, как речное дно. Призраки приближались, плывя в двух сантиметрах над землей.

Кадия озадаченно хмыкнула:

– Тинави, у тебя дома достаточно еды? Чувствую, придется держать осаду!

Вдруг Дахху прильнул к окну, всматриваясь. У калитки творилось неладное: две дюжины бокки столпились там тесным кругом. Наш бокки-первопроходец тоже развернулся и отчалил. Мне показалось, что нечто чужеродное закралось среди духов. Я сощурилась. В зеленовато-зыбких рядах мелькнуло что-то белое... Еще раз, еще...

– Народ, а там может быть человек? – Голос у Кадии неожиданно охрип.

– Да вряд ли... – протянула я.

И тотчас мы поняли, что ни разу не «вряд ли». Среди бокки действительно затесался кто-то в белой одежде: человек был плохо виден, но, судя по всему, отчаянно махал руками.

Дахху не стал махать в ответ и молча бросился в прихожую. Мы кинулись за ним.

В моей голове лихорадочно завертелись обрывки старых сказок: «Кто выйдет к бокки – того найдут через сорок дней под горой»; «Бокки коснулся Ши Лиардана, и мальчик обернулся черной птицей, после чего навсегда улетел в ночное небо». Или вот это, мое любимое: «Бокки поставил фонарь на землю и съел ее живьем».

Что вполне могло оказаться правдой, потому что в Шолохе настолько уважают бокки и настолько боятся нарушить хлипкое магическое равновесие, помешав им, что никогда не изучают духов экспериментально. Только на расстоянии: через окошко и по книжкам.

А значит, никто по факту не знает, чем обернется столкновение с бокки лицом к лицу. Верней, лицом к капюшону.

В коридоре Кадия молниеносно сдернула с крючка мою битую для тринапа и пинком распахнула дверь. Мгновение спустя она уже мчалась через лужайку, тонконогая и стремительная,

как зубастая цапля Рычащих болот. Дахху семенил следом, стараясь не расплескать собранное в ладонях заклятие.

Итак, прошу любить и жаловать: мои друзья – храбрые самоубийцы! Ладно Кадия, она стражница и привыкла к тому, что может надрать задницу очень многим, но зачем доходяга Дахху из года в год сует голову в самые узкие и безнадежные петли – это для меня загадка.

С гулко бьющимся сердцем я выбежала за ними. Замешкалась на пороге в надежде прихватить какое-нибудь оружие, но откуда оно у меня? Пришлось ограничиться пыльным зонтиком. Ох уж этот диктат повседневности!

Трава под босыми ногами была неприятно холодной. Полная луна просвечивала сквозь верхушки пиний. В ее неверном свете сцена, развернувшаяся в саду, напоминала шаманский обряд.

При появлении Кадии, которая с криками бежала в авангарде нашей маленькой армии, бокки начали медленно расходиться. Очень медленно, как мед, лениво уступающий воткнутой в него ложке. Подруге пришлось остановиться и грозно потрясать битой, не сходя с места, иначе бы она просто врезалась в неохотно разбредающихся духов. Серая флисовая пижама Кад издали казалась доспехами.

– Ну-ка пошли отсюда! Кыш! – Подруга разгоняла бокки, как кур на ферме. Как ни странно, призраки слушались: уплывали прочь с таким колоссальным спокойствием, будто все было в пределах нормы.

Дахху подскочил к лежащему на земле пареньку. Возле того еще отиралась пара бокки, но лекаря, вошедшего в раж, это не смутило. Он прошмыгнул, предупреждающе приоткрыв ладони с бурлящим заклятием, и был таков. Я выставила зонтик на манер щита и стала оттеснять запоздавших духов вбок. Кадия продолжала размахивать битой и сыпать проклятиями.

Это было излишне: бокки все равно не собирались оставаться в обществе таких негостеприимных хозяев. Чуть ли не откланявшись напоследок, они растворились вдали.

Виновником нашей вылазки оказался подросток лет двенадцати. Невысокий, с лицом правильной овальной формы, он свернулся на траве калачиком и лежал, подложив руку под голову. Уютненько так лежал. Каштановые волосы с легкой рыжинкой (совсем как у меня!) были подстрижены под горшок. Курносый нос побледнел, созвездие из родинок темнело на щеках, а белый комбинезон мальчика был перепачкан зелеными стрелами разнотравья и земляной крошкой.

– Он жив? – с опаской уточнила я у Дахху.

Друг пытался нащупать у незнакомца пульс. Шапка Дахху съехала набекрень, фисташковые глаза блестели от адреналина.

– Да, – облегченно выдохнул он. – Еще как жив.

– Тогда затащим мальчишку в дом. – Я огляделась. – Вдруг духи вернуться?

Мы втроем подхватили «жертву» на манер мешка с песком и заторопились в сторону коттеджа. Поднявшийся ветер лишил меня видимости: длиннющие волосы Кадии налепились мне на лицо, так что я шла почти наобум. Но все равно увидела, когда из руки мальчика что-то выпало.

– Донесем, я потом подниму, – предложил Дахху. Наш спасенный был на удивление тяжелым для своего телосложения.

– Он что, кольчугу под одеждой таскает? Откуда столько килограммов? – пыхтела я, преодолевая последние ступени своего так некстати высокого крыльца.

– Не, точно не кольчугу. Она б из-под рубахи выпирала, – со знанием дела прокомментировала Кад.

Наконец мальчик оказался в гостиной. Филин Марах, мой домашний питомец, проснулся и тревожно заухал в углу.

– Я мигом, – сказал Дахху и вышел в ночь.

Когда он вернулся, его глаза были в два раза больше, чем обычно, а шапка окончательно уползла на затылок. Шарф размотался, волочась за другом по полу.

– До меня дотронулся бокки, – глухо сказал Дахху.

– Что? Как? Они же все ушли?!

– Один остался. Когда я поднял вещицу, бокки уже стоял рядом. Он коснулся моего локтя и пропал. Но теперь я испытываю некий дискомфорт и ощущаю, кхм, перепад температур...

Я потрогала руку Дахху. Кожа была ледяной. Друг вручил мне безделушку мальчика и начал интенсивно растирать локоть.

Вещица представляла собой цилиндр из неизвестного фиолетового металла. Она оканчивалась широкой частью, похожей на абажур, который сбоку перекрывало молочно-белое стекло. Посередине нашлась мягкая кнопка со схематично изображенной дверью. Я нажала на нее несколько раз, но ничего не произошло.

Я положила вещицу на стол и снова посмотрела на Дахху. Смеющегося знобило.

– Возможно, ощущение холода – это нервное, – предположила я.

– Надеюсь. – Дахху передернуло. – Не хочу практиковать ампутацию на самом себе. Как раз на следующей неделе ее проходить будем...

– Да ладно! Если ты не затянешь с исповедью, тебя мигом вылечат.

– Ты думаешь, мне стоит рассказать в Лазарете о случившемся? Да за выход к бокки меня лишат стипендии!

– По-твоему, стипендия важнее руки?

Кадия, рубанув по воздуху ладонью, прервала нашу дискуссию:

– Так! Народ! Давайте решать проблемы по мере поступления. Сейчас у нас есть некий мальчик без сознания, и лично я хочу привести его в чувство, чтобы понять, за каким прахом он поперся гулять в полнолуние. Может, он вообще оборотень какой, и мы зря его спасли. Нужно срочно определиться с его добропорядочностью. Это наш долг перед обществом! Так что извольте помочь. Дахху, на пощечины он не реагирует, что там с пробуждающими заклятиями?

Заклинания не сработали. Мальчик мирно спал.

Оставшееся до рассвета время – а поздней весной солнце встает очень рано – мы пытались его разбудить. Кадия – пинками и ушатом ледяной воды. Дахху – ворожкой. Я – угрозами.

Под утро мы совершили еще одно жуткое преступление: связали подростка простынями, затолкали получившийся кулек между диваном и стеной и с полными сомнения душами легли спать.

– Кад, – шепнула я подруге, когда Дахху вырубился. – Как думаешь, нас не посадят за такое в тюрьму?

– Сегодня не посадят! – оптимистично отмахнулась Кадия и сразу же мирно засопела.

Я со вздохом последовала ее примеру.

2

Познакомьтесь с полынью!

*Удача – это всего лишь умение быть начеку.
Балатон из Дома Мчащихся, Глас короля*

Меня разбудил громкий стук в дверь. Тяжелые резкие удары, будто добиться внимания пытался горный тролль, а то и кто побольше.

В комнате было душно и желто от всепроникающего солнечного света.

Я подскочила на кровати и побежала открывать, на ходу перепрыгивая через спящие на матрасах тушки Дахху и Кадии. За диваном угрюмо безмолвствовал то ли спасенный, то ли похищенный мальчик.

Мальчик!

Прахов прах, прах, прах!

Неужели это Смотрящие из Лесного ведомства пришли по наши преступные души? Или чародеи-Лакмусы хотят перекинуться парой ласковых? А может, вообще Ходящие... Тогда пиши пропало.

У меня непроизвольно вырвался стон.

Я оглянулась на ребят. У Кадии из Дома Мчащихся, дрыхнувшей в позе звезды, красиво блестели на солнце волосы. Во сне подруга скинула с себя одеяло и возлежала с достоинством, удивительным для человека в пижамке. Дахху же свернулся под пледом в клубок, так что торчали только нос и нестриженные вихры.

Кулек с загадочным мальчиком не шевелился.

Под несмолкающий стук я выбежала в коридор, где за входной дверью скрывались неведомые каратели. Попытка отыскать в голове что-то похожее на план действий окончилась провалом. Лихорадочные мысли гулко врезались в костяные стенки черепа, не встречая по пути ни грана полезной информации: увы, я всегда была совой, туго соображающей поутру.

Едва я замерла перед дверью, не решаясь ее открыть, как стук оборвался.

– Госпожа Тинави, приветствую, – раздался спокойный и совсем не злой мужской голос. – Я не вовремя?

Хм. Каратели вряд ли были бы столь милы.

– Да, к сожалению, я не при параде, – озадаченно протянула я. – А вы, простите, кто?

– Меня зовут Полынь. Я ваш куратор в Иноземном ведомстве.

– Э-э? Здесь явно ошибка! Я там не работаю!

– Теперь работаете, поздравляю. – В голосе отчетливо слышалась усмешка. – Начиная с сегодняшнего утра, вы занимаете должность Ловчей.

– Что?!

– Разве вы не получили ведомственную ташени? Мы отправили вам летучее письмо вчера вечером.

Мое лицо вытянулось, ведь я не помнила никаких ташени.

Ташени – это магические послания, оригами в виде птичек, которые «оживают» от нужного заклинания и находят адресата в любой точке города. Но если все окна и двери закрыты, ташени не сможет прорваться в дом...

А у меня есть дурная привычка: я люблю запираюсь в своем одиночестве.

– Тинави, – чужак, в ответ на мое молчание, заговорил тем мягким тоном, какой выбирают для детей и дураков. – Давайте так. Вы закончите свои дела, приведете себя в порядок,

а я подожду здесь. Как будете готовы, выходите. И мы вместе отправимся в ведомство на ваш первый рабочий день.

– В ведомство, – тупо повторила я, – на работу.

Человек выдержал многозначительную паузу.

Потом, судя по возросшей громкости голоса, он прижался к двери вплотную и вздохнул:

– Поторопитесь, если вы все еще хотите у нас работать. Вы ведь хотите?

– Д-да! – сказал мой подлый рот до того, как мозг успел его остановить.

Какое еще «да»?!

Зажав провинившийся рот руками, чтобы еще чего не ляпнул, я, спотыкаясь, попятилась в комнату.

Никогда еще входная дверь в собственный дом не казалась мне такой манящей и пугающей одновременно.

* * *

По спальне бесшумно, но панически металась Кадия.

Дахху дрых, посвистывая на выдохе. Заботливо свернутый нами кулек с мальчишкой был размотан и обескураживающе пуст. Судя по всему, именно это превратило подругу в подобие безмолвного траурного вихря.

Вывод напрашивался сам собой.

– Сбежал?

– Сбежал! – трагическим шепотом подтвердила Кадия. – Я очнулась от хлопанья ставни, – она кивнула на второе окно моей спальни. Уже не панорамное, а обычное, скромно притаившееся за книжными полками.

– Вот прах! – Я с чувством выругалась. Потом озадаченно добавила: – Слушай, тут такое дело. Меня сейчас же вызывают в Иноземное ведомство.

Кадия отшатнулась.

– Я думала, нас максимум оштрафуют за выход к бокки!

– А меня не штрафовать. – Я покосилась в сторону коридора и понизила голос: – Меня приглашают на службу.

– Что? – Кадия распахнула свои прекрасные голубые глаза, приоткрыла пухленький ротик... А потом мыском ноги непочтительно ткнула спящего Дахху.

– А ну подъем! – гаркнула она. – Тут у нас повод для праздника!

– А подождать он не может? – просипел друг и плотнее завернулся в одеяло. – Такой божественный сон...

– Не может. Тинави взяли на работу в Иноземное ведомство!

Дахху мгновенно сел. Вертикальное положение он принял со скоростью игрушки-неваляшки. Проморгавшись, друг ошарашенно обратился ко мне:

– Это правда?

Да чтоб я знала!.. Я развела руками:

– Человек за дверью говорит, что да. Хотя я не подавала заявление, сами понимаете.

Ребята кивнули.

Конечно, они понимали.

Иноземное ведомство – это государственное учреждение. Попасть туда на работу – задача не из легких, и уж точно не по зубам такой, как я.

«Я завязала с магией», – шутила я на трех десятках собеседований, на которые успела сходить после инцидента.

Рекрутеры почему-то не спешили смеяться в ответ. Лишь хмурились и шустро сворачивали разговор под тем или иным предлогом. Я даже стала собирать их отговорки: «Кажется, обеденный гонг звонит... закончим на этом», – мое любимое; услышано в семь утра.

В общем, никто не заинтересовался ни моим блестящим образованием, ни спортивными успехами, ни сокрушительным – ах, если бы! – обаянием, ни другими – реальными и выдуман-ными – козырями. Графа «Магические способности: утеряны» метким щелчком складывала карточный домик карьерных надежд. Таяли, один за другим, зимние, а потом весенние деньки. Таяли деньги на счету. Таял оптимизм.

Росла гора отказов на каминной полке.

Я прикусила губу:

– Как быть?

– Иди и узнай подробности, – посоветовала Кадия.

Дахху задумчиво почесал свой выдающийся нос.

– Может, они социальную программу организовали? Что-нибудь с привлечением к службе не-магов?

– Может, – осторожно согласилась я.

– На месте разберешься. – Кадия бодро отмахнулась. – Только, – она фыркнула, – не спеши убеждать всех, что это недоразумение и ты недостойна работы! Осмотришь, послушай, а там уже рот открывай. Договорились?

– Да. Но мне страшно. Мало ли что им наобещал рекрутер, – призналась я.

– Мне тоже страшно, – проворчала Кадия. – Как подумаю, что ночной ребенок принял нас за похитителей и сейчас со всех ног бежит жаловаться – так прям очень страшно.

Мы втроем растерянно посмотрели на окно. В него, сокращая обзор, кучей вваливались ивовые ветви – частая проблема с окнами Лесного королевства, знаете ли.

Дахху выпутался из одеяла.

– Я найду мальчика. Я поставил на него метку Чондра, и его путь будет светиться для меня легким серебристым цветом. Таким же, как моя новоявленная седина – теперь и на висках, спасибо бокки за это... – Он с сомнением почесал голову под шапкой.

Потом подошел к подоконнику, крикнув, раздвинул ветки и полез наружу.

– Придется повторять все движения мальчика, – пояснил друг и смешно поджал губы в куриную гузку.

– На Ловчего во дворе не нарвись! – всполошилась я. – Не то подумает!

– Все под контролем. Дорожка ведет в овраг. – Дахху неуклюже спрыгнул на розовую клумбу. – А ты иди в ведомство. Вперед к мечте, как говорится.

– Поддерживаю! – Кад задорно хлопнула меня по плечу. Так задорно, что там теперь расплывется синяк.

Внезапно решившись, я бросилась к шкафу и начала судорожно перебирать вещи в попытках найти что-то уместное. Судя по насмешливому уханию Мараха, надежды было ноль. Увы, полгода жизни в режиме «рак-отшельник» плохо влияют на гардероб.

– Возьми это, – посоветовала Кадия. Она ловко выудила из глубин шкафа изумрудное платье в пол. – Хорошо смотрится с синими глазами. Да и вообще, зеленый успокаивает. Правда, вряд ли это спасет такую невротичку, как ты.

– Оно же вечернее!

– Ну... – Кадия окинула критическим взглядом сначала меня, потом платье. – Скорее, нечто среднее между праздничными монахинями и целомудренными дриадами. Главное, летягу сверху не надевай.

– Без летяги я никуда не пойду! – Я сдернула предмет спора со спинки стула, пока этого не сделала Кад.

Любимый плащ шелковисто скользнул по коже, охлаждая мое напряженное сердце. Другие носят на удачу амулеты, но я не мелочусь – таскаю целый плащ.

По летяге меня можно узнать за версту.

Почему «летяга»? Потому что объемный крой, треугольный капюшон и широкие рукава придают плащу сходство с белкой-летягой. Некоторые детишки даже прыгают в таких с деревьев – смутно надеются на красивый полет. Лекари, уставшие заращивать переломы, регулярно подают петиции против обманчивого фасона, но тщетно: несколько лет назад Торговая палата объявила летягу традиционным нарядом королевства.

Однако мой плащ – уникам. Во-первых, он невероятного бирюзового цвета.

Во-вторых, задорно топорщится сотней кармашков, ведь я жуткая барахольщица. Для комфортной жизни мне нужно носить с собой кучу мелочей: я распахиваю их по цветным карманам, которых с каждым годом становится все больше, и горя не знаю. Зеркальце, ягодные леденцы, писчее перо, нож, пустырник и томик стихов... Нужно что-то – спросите у меня, прежде чем идти на рынок.

Уже на пороге я замешкалась и, осененная неожиданной мыслью, схватила со стола вчерашний цилиндр.

– Вещица дорогая, мальчик захочет ее вернуть, – объяснила я Кадии. – Страховка на случай, если Дахху не найдет пакостника.

Потом я выскочила в коридор и бегом-бегом рванула к входной двери, за которой ждал таинственный господин Полынь из департамента Ловчих.

Если окажется, что он – плод моего воображения из-за недосыпа, я переубиваю всех в этом доме.

* * *

Нет, все-таки не плод.

Человек, сидевший на скамье возле крыльца, явно был настоящим. Моя фантазия на такое не способна!

Непроизвольно отшатнувшись, я дала обратного ходу: попробовала изобразить из себя свою кухарку, которая вышла на крылечко развеять скуку и окинуть хозяйским взглядом владения (она действительно так делала).

Обман не удался. Полынь – теперь язык не поворачивался назвать его господином – встал и деловито протянул мне руку. Пришлось ее пожать, сжигая мосты в такую привычную жизнь унылой социопатки.

– Рад познакомиться лично. – Глаза Полыни озорно блеснули при виде моей очевидной паники. Мои губы с усилием дернулись в ответ.

Лохматый и костлявый, весь увешанный яркими бусами и амулетами, пришедший по мою душу человек был с ног до головы обмотан шелками, как иджикаянский священник.

Присмотревшись, я поняла, что это несколько огромных маек разной длины, почти ночных сорочек, надетых одна на другую и сползших по сторонам. Все ткани были красного цвета, но оттенок неуловимо менялся от алого к темно-бордовому. Дорогой костюм! И крайне эксцентричный.

Поверх этого архитектурного нагромождения блестел, переливаясь на солнышке, тяжелый медальон с механическими часами. Тик-так. Громкость устрашающая. У меня задергался глаз: подстраивался под удары секундной стрелки, бедняга.

Разноцветные ленты, перья и колокольчики украшали прическу мужчины – длинные темные волосы, сплетенные очень хитро. Шею обматывали нитки с навешенными на них волчьими клыками.

Помимо странного имени, у Польшы был широкий лягушачий рот и совершенно безумные глаза – огромные, воспаленные и такие черные, что непонятно, где заканчивается зрачок и начинается радужная оболочка.

М-да, красавчик! Не мужчина, а банши какая-то.

Неужели такие могут работать в ведомстве?

– И мне приятно познакомиться, – кивнула я, покривив душой. – А вы позволите увидеть ваш значок? Для, хм, профформы?

Польша усмехнулся и протянул мне бронзовый кругляш вполладони. Мои руки от волнения дрожали так, что он чуть не выпал.

Благородная патина затягивала шероховатую поверхность значка. На одной стороне был изображен герб Иноземного ведомства: полуразвернутый свиток с нарисованной на нем картой мира и роза ветров. На обратной стояла печатка департамента Ловчих, представлявшая собой голову ястреба в профиль. Глаз коварной птицы смотрел на меня очень злобно.

По кромке значка вились старинные руны: «Польша из Дома Внемлющих, Ловчий».

– Похож на настоящий? – поинтересовался вышеозначенный.

По интонации было не вполне понятно, серьезно ли он спрашивает. Я недоверчиво взглянула на чужака, он подмигнул и повернул левую руку ладонью вверх.

Предплечье Польшы густо покрывали переползающие одна на другую татуировки. Волшебную, ведомственную, между ними впихнули лишь чудом.

Я осторожно прикоснулась к изображению все того же ястреба. Иголки холода острозубо впились в ладонь. Я отдернула пальцы.

Что ж. Все как полагается.

– А меня правда приняли на должность Ловчей? – спросила я. Сердце трепыхалось, будто воробышко после стомильного пролета.

– Правда, – твердо ответил Польша. Так твердо, что ему сложно было не поверить.

Сердце сделало кульбит, воробью неподвластный.

– То, что я не получила ташени... это проблема?

Польша глянул на часы.

– Только если задержимся еще сильнее. Пора идти. И, да, раз уж формальности позади: ко мне можно обращаться на «ты» и без смущения задавать любые, даже самые глупые вопросы. Хорошо?

«Зачем бокки напали на мальчика? Что привело их к нам? Кто предложил мое назначение?». О, у меня были вопросы... Но не к Польше.

Ему я лишь улыбнулась.

* * *

А нам с вами, думаю, пора побеседовать по душам. В подведение итогов утра, так сказать. Расставим все палочки в рунах и с чистой совестью двинемся дальше, ибо моя история закручивается, как морская раковина, и однажды времени на «ля-ля» не будет.

Меня зовут Тинави из Дома Страждущих. Дом Страждущих – один из семнадцати знатных родов Лесного королевства, но прах меня побери, если в нашем веке это кого-то интересует.

Я живу в маленьком гордом коттедже в Мшистом квартале, люблю размышлять о вечном-бесконечном, играю в тринап и сносно говорю на трех языках. Я люблю туманы, книжки, запах речной воды. Люблю находить ответы на незаданные вопросы: одни называют это любознательностью, другие – хамством, а по мне так чистое веселье и эстафета наперегонки с мирозданием.

Хотя главное удовольствие в жизни мне приносят победы. Над собой, над судьбой, в меньшей степени – над окружающими.

Точнее, приносили. В прошедшем времени. Так как в плане побед этот год оказался на удивление паршивым.

В декабре мы с Дахху и Кадией закончили учебу, и, по закону подлости, одновременно с выпуском я потеряла способности к магии. Вообще. Напрочь. Это была моя ошибка, расскажу как-нибудь.

Теперь попросите меня разогреть вам яичницу без плиты – и я позорно скроюсь в соседней комнате под звуки отвлекающей мелодии.

И – да, сейчас я рассказываю это, как забавную байку – натренировалась. Но на самом деле мое сердце разбито до сих пор. Просто пережить это легче с гордо поднятой рюмкой самоиронии.

Правда, в плохие дни рюмка выпадает у меня из рук и разливается ядовитыми лужами самоуничтожения. Лучше не приближаться!

Вы ведь знаете, как это бывает: ты долгое время надеешься стать, например, бегуном, а потом оказывается, что твои ноги на десять сантиметров короче нормы, сердце бьется едва-едва, легкие размером с кешью, и тело твое физиологически не подходит для бега.

Так и у меня. Я всегда мечтала о жизни, полной магии и чудес, колдовских изысканий и заглядывания за звездную ширму вечности. А еще о великолепной, вверх уносящей карьере.

Но *инцидент* поставил крест на этом. Вердикт не подлежал обжалованию: магия не вернется, обществу калеки не нужны.

Мне пришлось шустро смещать приоритеты, ведь мечтать о заведомо недостижимом не лучшая идея для самосохранения. Это разрушает изнутри, потому что изо дня в день ты понимаешь, что обречен на проигрыш.

Мне думалось, что я уже почти смирилась.

Но вот так штука: некий Полынь ведет меня в Иноземное ведомство на работу прямо сейчас. А я изо всех сил сжимаю зубы, чтобы моя челюсть не приземлилась на грудь от таких чудес.

Что ж...

Посмотрим, что за фокус приготовила судьба.

3

Иноземное ведомство

Долой департамент Ходящих! Не дадим трусам в масках лезть в наши жизни! Никому не позволено шпионить за своими! Прочь, железнолицые!

Агитационная листовка двухлетней давности, прибитая к забору на улице Сойкиного Пера

В Шолохе самое удивительное то, насколько гармонично этот здоровый, бурлящий жизнью город растворяется в густом лесу.

Бывает, идешь себе, задумаешься мимоходом, а очнешься уже в чащобе. Дубравы захватывают власть профессионально. В некоторых местах это взаимопроникновение доходит до абсурда: городские мощные дорожки минуют ряды обросших мхом каменных домов и внезапно, совершенно нелогично, обрываются между кустом, пнем и пригорком. А двести метров спустя появляются вновь, как ни в чем не бывало.

По дороге к центру мы с Польшью миновали несколько таких прогалин.

Шли молча. Я не знала, что сказать, а Ловчий отмахивался от вайтов – игривых духов воздуха, похожих на прозрачно-леденцовых светлячков.

Вайты увязались за нами еще на моем участке. Подрагивая от удовольствия, они назойливо звенели колокольчиками в волосах Польши, перебирали амулеты на его груди, бренчали многочисленными оберегами.

Честное слово, я бы их уже пристукнула на его месте! Но он, наверное, привык, ведь вайты падки на все волшебное, а от Польши разило магией так, что я буквально задыхалась от плотности энергетического поля. И немного от зависти...

Между тем мы вышли на набережную реки Арген – тут начинается центр, – и мир вокруг резко просветлел. Стало весело и звонко.

Горожане сновали вдоль мозаичной мостовой, щеголяли акцентами всех мастей. На воде покачивались лодки, чьи хозяйева, разбирая снасти, громко подпевали уличным музыкантам. Примостившиеся рядом рыбаки косились на них отнюдь не добро. Ивы шелестели, низко склонясь над рекой, а дети играли зеркалами, посылая в прохожих солнечные зайчики.

Птицы орали, как ненормальные. Считается, что причиной тому зашкаливающий у них уровень счастья от пребывания в нашем благословенном краю. Хотя, признаться, иногда мне кажется, что они просто глуховаты и потому ведут свои разговоры на повышенных тонах: «Э-э-эй, ну как там твое новое гнездо, Барли?» – «Что говоришь, Селви, я не слышу?!» – «Гнездо, говорю, как гнездо?!» – «Селви, говори громче, на этой улице ужасно шумно!» – «Вы, идиоты, заткнитесь оба, я тут птенцов кормить пытаюсь!»

Вайты, ошеломленные живостью улицы, что-то прожужжали и усвистели обратно в чащобу. Польшь хмыкнул им вслед и тотчас хищно повел носом: на набережную выкатилась кофейная телега.

Чарующий аромат буквально сшибал с ног, скрип колес казался пением сирен. Мы с Ловчим дружно уставились на источник блаженства.

Переглянулись.

– Выпьем на ходу, я возьму, – коротко кивнул Польшь и решительно пошел к телеге.

Я невольно улыбнулась. Кофейная проверка пройдена: значит, мы найдем общий язык!

– Тинави, ты когда-нибудь была в Иноземном ведомстве? – спросил Ловчий, вернувшись, и сделал большой глоток. Потом сразу же поморщился и буркнул заклинание – обжегся, значит.

Я помотала головой:

– Нет. Зато была в Военном, там работает моя лучшая подруга. – Я вспомнила тесные коридоры, горы оружия, грубоватых стражей и добавила: – Так себе местечко! Надеюсь, наше не воняет потом и не забито самовлюбленными мужланами?

Полынь хмыкнул:

– Ну, разве что в департаменте Указующих... Знаешь, кто это?

– Судя по названию, большие начальники?

– Они самые.

Я осторожно подула на слишком горячий кофе. Ловчий прищелкнул пальцами, и напиток мгновенно остыл до комфортного состояния. Лихо Полынь колдует! По любому пустяку.

– Знай: всего в Иноземном ведомстве насчитывают пять департаментов, – дружелюбно продолжил куратор. – Во-первых, Ловчие. Это мы, занимаемся делами иноземцев внутри Шолоха. Потом Говоруны, то есть дипломаты. Указующие – мозги ведомства, на них внешне-политическая стратегия. Ищейки – мастера на все руки. И Архив. Тоже мозги, но пассивные.

– Мы самые классные, да? – неловко попробовала пошутить я.

Полынь поддержал инициативу: прижал украшенный сразу тремя перстнями палец к губам и воровато оглянулся:

– Конечно. Только никому не говори.

Пройдя под аркой Тысячи Горгулий (на самом деле их только триста, Дахху как-то подсчитал), мы вынырнули в Верхнем Закатном Квартале – самом престижном районе Шолоха, месте скопления большинства министерств.

Впереди показалось Иноземное ведомство.

Это было тяжелое каменное здание, изобилующее шпилями и контрфорсами. Его оттеняли воздушная площадь и пестрая набережная по левому боку, заполненная людьми и верандами. Вдалеке торчали фигурные контуры Казначейства и Ратуши.

Колокол Толстяк Бенджи на Ратуше пробил полдень, и тотчас госслужащие стайками потекли на обеденный перерыв.

Мы смело ринулись им наперерез.

– Значит, так, – инструктировал меня Полынь, пока мы проталкивались к высоким арочным дверям ведомства. – Утром другие новобранцы прошли вступительное тестирование, потом был перерыв, а через десять минут, – Полынь сверился со своими болтавшимися на цепочке часами. – ...Нет, уже через семь минут, будет лекция мастера Улиуса. Он возглавляет департамент Ловчих. Там ты и присоединишься к группе.

– У меня будут проблемы из-за пропущенных тестов? – Я испугалась.

– Что-нибудь придумаем, – успокоил Полынь.

Мы ввалились в ведомство, и я обомлела от открывшейся красоты.

Прохладный главный холл, как колодец, проходил сквозь все этажи здания. По мостикам, перекинутым на высоте второго, третьего и четвертого уровней, деловито сновали люди. С перил свисали тяжелые полотна гербов, вышитые серебром. В центре зала шумел фонтан, чья скульптурная группа символизировала семнадцать Домов Шолоха. Тут и там в специальных углублениях стояли величественные, в два человеческих роста, статуи знаменитых шолоховских чиновников.

Люди вокруг разговаривали тихо, зато активно шумели бумагами. Акустика – высший класс, шепоты и шорохи так и летали по всему зданию.

Я почувствовала себя крохотной и незначительной, но это ощущение до странности успокаивало...

Полынь указал мне на регистрационную стойку, а сам скрылся в неизвестном направлении.

– Дела, – пояснил он и заскользил, дребезжа браслетами и костяшками, прочь.

Я же потопала в сторону высокомерной секретарши. Гордо и одиноко, шелестя слишком длинным платьем. Регистраторше, кажется, вовсе не понравилось мое появление, но она все же натянула дежурную улыбку. Вполне даже милую. Молодец! Нет, правда, люди, умеющие поставить вежливость выше личных сомнений – вы невероятно хороши. От имени всех человеческих несуразностей говорю вам большое спасибо.

– Третий этаж, восточная лестница, – сообщила дама. Вокруг нее, чирикавая, по кругу летали разноцветные письма-ташени, требующие внимания. Секретарша наугад схватила одну и технично ее вскрыла.

* * *

Найдя нужный кабинет, я выдохнула, мысленно пожелала себе удачи и постучалась.

– Войдите! – Голос по ту сторону дверей был низким, раскатистым и рычащим, как у медведя. «О-оу», – подумала я и с опаской зашла.

В центре комнаты стоял, оперев руки в бока, высокий полный человек в оранжевом облачении. Цвет его костюма по-своему гармонировал с соломенной бородой и такими же желтыми волосами. Мужчина хмурился, но его лицо – очень морщинистое, с широким лбом и бугристым носом, – казалось добрым.

– Здравствуйте, мастер Улиус, – храбро заблеяла я. – Меня зовут Тинави из Дома Страждущих. Простите за опоздание.

– Ах вот ты где, явилась не запылилась! – пробасил Улиус, затейливо двигая кустистыми бровями. – Ну, на мою лекцию ты вовремя, никаких претензий. Не всяк умирает, кто хворает. Присаживайся, – он приглашающим жестом указал мне на амфитеатр, занимающий половину кабинета.

Там с десяток человек уже сидели в глубоких кожаных креслах, заменяющих скамьи. Я осторожно опустилась в одно из них. При желании, в кресле уместилось бы еще штуки три моих несуществующих сестер-близняшек. Вот уж правду говорят: все начальники делают кабинеты под себя.

Если честно, я до последнего думала, что, увидев меня, Улиус расхохочется во все свое богатырское горло и заявит: «Ну ты и дурочка, повелась! А ну быстро в тюрьму за насилие над малолетними!» Но нет.

Тогда продолжаем действовать по плану Кадии: молчим, слушаем, ждем.

В дальнем углу кабинета за столом ссутулилась женщина, не замеченная мной вначале. Она тихонько кашлянула, привстала и обратилась к главе Ловчих:

– Все на месте. Можете начинать. – Голос у нее был такой же бесцветный, как и лицо.

– Спасибо, Селия, – кивнул шеф.

Затем мастер Улиус прочистил горло (от вибрации со стен посыпалась штукатурка), хрустнул пальцами (сидевший на карнизе голубь в ужасе закрыл голову крыльями) и торжественно начал:

– Итак! Мои поздравления. Сегодня вы вступаете в ряды департамента Ловчих. Его возглавляю я. Что мы делаем, спросите вы? А мы расследуем преступления, связанные с чужеземцами и представителями иных рас. И еще занимаемся превентивной деятельностью. Как я говорю, лучше болезнь предотвратить, чем потом лечить. Первые полгода в ведомстве – испытательный срок. Вы будете работать под началом своих кураторов, помогая им в текущей деятельности, и я от души рекомендую вам поднапрячься...

Выступление мастера Улиуса длилось очень долго. По большей части оно состояло из перечисления задач департамента, цитат из всевозможных кодексов, выдержек из трудового договора.

Я честно старалась не упустить ни слова, но мысли скакали вокруг одной и той же темы: как? Как я здесь оказалась? За какие качества меня приняли? Бывает ли такое наяву?

– Не спите, Тинави, – сухо бросила мне подошедшая Селия и подсунула очередной документ на подпись. Я вздрогнула.

– Да я не сплю... – крайне неуверенно протянула я, но помощница шефа уже шла к другим новичкам.

Она хромала. Ходила, опираясь на крупную деревянную трость с набалдашником в виде мыши. «Мышиная тема» прослеживалась во всем ее облике: круглые очки в серой оправе, подвижный острый носик, туго затянутый пучок, блеклый шерстяной костюм.

– Все ясно? – закончил лекцию мастер Улиус.

– Да, сэр! – встрепенувшись, нестройным хором ответили мы, новички.

– В таком случае... Кураторы! – рявкнул шеф, и тут же, как по волшебству, из-за приоткрытой двери появилось несколько действующих сотрудников. – А ну-ка выдайте малькам все необходимое и отправьте их на экскурсию! Рассказать хорошо, а лучше глазами проверить!

После чего нас расхватили, как персики на рынке, и чуть ли не под локоток вывели из начальственного кабинета. Со мной в паре, как и следовало ожидать, был Полынь.

Сначала мы пошли в подвальную кузницу за значком.

– Поздравляю, детка, – прогундосил там насупленный гном-равнинник и, исчезнув за конторкой, долго рылся в ящиках. Поиски у него шли туго, но весело. В воздух над столешницей все взлетали какие-то железки, отвергнутые кузнецом. Я переживала, что одна из них, приземляясь, стукнет гнома по кумполу. Обошлось.

– От души поздравляю, тем паче с куратором. Небось взво-о-о-ешь скоро! – хохотнул гном и наконец-то вынырнул обратно.

Полынь неопределенно пожал плечом в ответ на эту ремарку.

Гном ловко выгравировал мое имя, а потом, сопя от усердия, раз двести протер значок выдавшей вида тряпчочкой – то ли носовым платком, то ли бывшим носком.

Еще один час и один кабинет спустя на моем предплечье красовалась татуировка Ловчей.

Технически это были даже две татуировки, повторяющие значок: аверс и реверс, два кружочка один над другим. Карту так и хотелось развернуть, а птице – взъерошить перья. Я вертела руку так и эдак, но глаз ястреба из любого положения смотрел прямо на меня – внимательно и предостерегающе.

Не знаю, кому как, но мне боль, как ничто другое, придает ощущение реальности. Нет. Это все-таки не сон: ночная дрема не исполосовала бы мою руку красочными чернилами.

Уже когда мы вышли обратно в главный холл ведомства, Полынь вручил мне небольшой широкий кинжал.

– Обычно Ловчие работают головой. Но иногда нужно постоять за себя, – предупредил он.

– Таким ножичком разве что курицу разделаешь, – фыркнула я, взвесив оружие на ладони.

– Это магический кинжал, заряжен молниями. Даже маленькая царапина отправит противника в нокаут, – объяснил куратор как ни в чем не бывало.

У меня отвисла челюсть.

Магические кинжалы используют колдовскую энергию человека. Я при всем желании не смогу применить это оружие.

Прах побери. Значит, они все-таки *не знают?*.. Никаких социальных программ для немалых? Все-таки ошибка? Но... Я же...

Сердце заколотилось.

Предательский кинжал переливался в разноцветных лучах главного холла. Солнечный свет проникал сквозь огромное витражное окно высотой метров двадцать, которое кружевом

затянуло дальнюю стену ведомства. Совсем сказочный, лилово-желтый луч света соскользнул с мраморных медальонов мне на нос, так ребячливо и доверчиво, будто я уже «своя».

– Ах, вот оно что, понятно, – я заулыбалась Полины поспешно и фальшиво. И лихорадочно пристегнула ножны к поясу платья.

Куратор не обратил внимания на мой внезапно охрипший голос.

Я еще раз посмотрела на новенькую татуировку.

«Лгунья, – читалось в глазах ястреба. – Лгунья».

* * *

Полынь оставил меня возле группы «мальков», отиравшихся у центрального фонтана.

Новички возбужденно гудели, спешно перекидывали мостики дружбы – всюду, где могли дотянуться. Особенно усердствовали двое темноволосых, остроносых близнецов. Чем-то похожие на муравьедов, они ни на секунду не оставались в покое, все время к чему-то приносиваясь, гримасничая и перешептываясь.

Не успела я ответить кривоватой улыбкой на улыбки, прыгающие вокруг болотными огоньками, как подошла Селия и повела нас на экскурсию по ведомству.

Несмотря на сильную хромоту, ассистентка шефа двигалась очень быстро, хотя и забирала, по-паучьи, вбок. Наша группа едва за ней поспевала.

Мы ходили по зданию добрых два часа. Изучали каждый раздел ведомства. Много раз мы останавливались, чтобы тихонько понаблюдать за работой сотрудников.

Одна такая пауза возникла в тренировочном крыле, где в огромных пустых помещениях, эдаких стеклянных кубах, практиковали магию. Мужчины и женщины в мягкой одежде оттачивали сложные заклинания, долго отдыхая после этого на устилающих пол матах.

– Но ведь мы уже были здесь сегодня утром, когда сдавали тесты, – недовольно прокомментировала одна из новеньких Ловчих – бледная девушка с родинкой-сердечком на шее.

Селия строго ответила:

– Кое-кто присоединился к нам позже, – на этих словах она бросила на меня суровый взгляд.

Злые мурашки с топотом пробежали по моей спине.

– А, так это ты прогулявшая? – «Родинка» повернулась ко мне. – Ну, даешь!

– Моя ташени разбилась, не долетев. – Я пожалала плечами как можно небрежнее. – Хотя это, конечно, меня не оправдывает.

– Это не ваша вина, – сказала Селия так категорично, будто подразумевала обратное. Она поправила очки и добавила: – Донести до вас информацию о том, что вас приняли, – работа ваших кураторов. К сожалению, господин Полынь отнесся к этому по-дилетантски легкомысленно.

– Полынь из Дома Внемлющих? – встрепнулся другой новичок, красивый парень с кожей цвета шоколада. – Я слышал, что он лучший Ловчий ведомства. Его наградят генеральством, если он разберется с Тем Самым Делом, да?

Селия недовольно поджала губы и будто бы стала сильнее цокать тростью об пол:

– От кого это вы слышали?

– У меня сестра тут работает, – простодушно объяснил малек. – Она по Полины просто тащится.

Чернявые близнецы захихикали.

– Несмотря на то что сбор слухов и сплетен – важная составляющая работы Ловчих, я советую воздержаться от подобного внутри департамента, – почти выплюнула Селия и указала тростью в мою сторону: – А вы, Тинави, сдадите тесты завтра.

Паника захлестнула меня. Бедолага-мозг включил в голове обратный отсчет до позора, лицо продолжало улыбаться...

Ох, и зачем я саму себя загоняю в ловушку!

* * *

Наша экскурсия закончилась у огромного гобелена, изображающего «государственное древо» Лесного королевства. Селия перехватила трость на манер указки и сухо отгарабанила справку о политическом устройстве страны. Ее никто не слушал (глупая формальность, информация для детей), и Селия это знала.

Я разглядывала гобелен.

В центре полотна был вышит герб Шолоха – коронованное древо, на котором вместо листьев растут белые цветы. Под корнями дерева, стоящего на холме, располагался огранный бриллиант с шестью искрами – намек на славных предков нашего королевства, которые дружили с шестью богами-хранителями и чьи магические останки сегодня покоятся под курганом дворцового острова.

Вокруг, как на циферблате, располагались гербы девяти органов государственной власти. На маковке сиял герб Иноземного ведомства, конечно же. По бокам от него – Башня магов и Военное ведомство.

Еще было Лесное ведомство – самое крупное в Шолохе. У него модный герб, выполненный популярным столичным художником: черный контур знаменитых черепичных крыш, внизу ажурный парапет набережной и речные воды, а сверху, вместо неба, – плотные кроны деревьев. Что весьма точно отражает реальное положение дел в Шолохе.

Внизу гобелена теснились остальные госучреждения: Торговая палата, Правое ведомство, Рагуша, Академия и королевский Двор. Слева от последнего ярким тоном выделялась зеленая заплатка... Я догадалась, что там было раньше.

Герб Теневого департамента – самого таинственного и пугающего министерства.

Сотрудников-теневиков называют Ходящими, они занимаются внутренней разведкой. Все эти мрачные вещи вроде допросов, пыток, узких застенков и казней без суда и следствия – все к ним. Ходящие носят глухие мантии и золотые маски, и, если видишь такого, – побереги себя, не приближайся.

Два года назад король попытался реформировать Теневой департамент: внешнеполитическая обстановка казалось стабильной, да и внутри государства все было тихо. Но Ходящие взбесились оттого, что его величество «сунул к ним нос». Произошел кровавый бунт...

Король победил. Реформа состоялась. Теперь в Шолохе лишь дюжина железнолицих (как их уничижительно называют горожане). И то – на роли личных подчиненных его величества.

Впрочем, я все равно от души не советую нарываться. Их право на убийство никто не отменял.

– Что ж, наша экскурсия закончена, – объявила Селия. – Ждем вас завтра в девять утра. Будьте готовы: работы полно, а рук мало.

* * *

Я собиралась выйти из ведомства, когда путь мне перегородила влетевшая в стрельчатое окно алая ташени. Бумажная птичка, вереща, врезалась мне в грудь, после чего обессиленно упала.

Я подняла ее, осторожно оглянувшись: никто не заметил странной реакции волшебного предмета на прикосновение ко мне? Обычно ташени не обмякают в руках адресата, а, напротив, мило чирикают.

Алый – это цвет Дахху. А Дахху должен был найти потерявшегося мальчика, жертву бокки. Так что новости от него – это важно.

«Воздушная гавань. Ждем», – гласила записка.

Очень содержательно, спасибо, друзья. То, что надо изголодавшемуся по информации человеку!

Я запахнула плащ-летягу и вышла на улицу.

4

Трудности амнезии

Два самых дорогих района Шолоха – это Верхний и Нижний Закатный Кварталы. Верхний квартал, также именуемый Королевской милей, отдан госучреждениям. В Нижнем квартале располагаются поместья семнадцати знатных Домов.

Энциклопедия «Доронах» под авторством Дахху из Дома Смеющихся, черновик первый

Хозяева «Воздушной гавани» удивились бы, узнай они, что мы с Кадией и Дахху считаем их ресторан нашим «штабом».

Тем не менее так оно и было.

В откровенно туристической «Воздушной гавани» мы обсуждали великие планы по захвату мира, тосковали о несбывшемся и банально сплетничали.

Мы регулярно жаловались на то, что «Гавань» нам надоела, еда тут шлак, сидеть на крыше холодно, цены задраны, и, вообще, пора бы найти «штаб» поуютнее, но... Сложно было решиться на предательство.

Ведь именно в «Воздушную гавань» мы пришли в наше первое утро в Шолохе после окончания учебы. Семь лет жизни в Смаховом лесу, под крылом наставника, и вдруг – возвращение в большой город. На родину, но позабытую. Казалось, совсем чужую.

«Гавань» стала для нас первым заново обретенным местом в столице. И мы прикипели к ресторанчику всем сердцем, сколь бы скверным он ни был. Я считаю, легко отделались. Другие так привязываются к людям.

Выпустились мы в начале зимы.

Кадия и я, прощаясь с магистром Орлином, рыдали взахлеб. Старому мастеру даже пришлось отобрать у нас только что врученные дипломы, потому что иначе они бы утонули в слезах и соплях. Дахху переминался рядышком и тоже заметно грустил.

Забавно – мы ведь так ждали конца учебы! С придыханием считали дни до «взрослой» жизни.

Но, когда дверь в хижину Орлина захлопнулась, только у Кадии все сложилось, как надо.

Подруга убрала диплом в тумбочку, переделалась в военную форму и бодрым шагом отправилась на службу. Кад не разменивалась на сомнения, не мялась на пороге: «А стоит ли?» У нее механизмы в голове вообще как-то лучше работают, чем у большинства. Если Кад чего-то хочет, она идет и пробует. Если ее обижают – мигом выбрасывает эту чепуху из головы (предварительно врезав обидчику как следует). Если ей страшно, она говорит «Что-то мне боязно, ух!», и все равно делает намеченное, пусть и покрывшись мурашками.

А вот мы с Дахху влипли. Я – потому что потеряла магию, напутав кое-что в алхимической лаборатории отца.

Дахху – потому что ждал другого. Он думал, финал учебы означает торжество твоего ума и сладкую дрожь в коленях, когда ты видишь, как огромен внешний мир. Сколько у тебя возможностей. Перспектив.

Но оказалось, что это сложный труд: из раза в раз выбирать правильную дорогу. Каждый день сосредотачиваться и выбирать, не расслабляясь.

Потому что начать заново не получится. Правила не позволяют.

«Меня как будто выкинули в Шепчущее море, – вздыхал Дахху, – на крохотном плоту. Сказали: дерзай! И, одобрительно улыбаясь, растворились в прозрачном синем воздухе. И вот я совсем один, и уже, если честно, плевать на свободу. Просто хочется знать направление. Быть

уверенным в том, куда я плыву. Чтобы трое суток спустя, когда я начну умирать от жажды, те же самые лица не спросили разочарованно, за каким прахом я так упорно гребу прочь от земли блаженных».

В итоге неприкаянный Дахху поступил на второе высшее в Лазарет. Быть вечным студентом очень удобно. Это позволяет отложить настоящий выбор на туманное «потом».

Грустно, ибо всем, кроме самого Дахху, очевидно, в чем его судьба.

Он – прирожденный ученый. Такой, знаете, настырный теоретик, который может годами докапываться до истины в каком-нибудь Чрезвычайно Важном Вопросе типа: «Пользовались ли мотыгой народы Северной пустоши в IV–V веках?».

Дахху давно мечтает написать «Доронах» – энциклопедию о Лесном королевстве, в которой он раскроет всю суть нашей истории и культуры. Но друг слишком боится провала, поэтому исследование все еще в проекте.

Компенсируя, Дахху доходит до самой сути в других, отнюдь не столь полезных вещах.

Так, когда я поднялась в «Воздушную гавань», он по десятому разу читал меню. Изучал его так внимательно, будто надеялся найти секреты древних магов между строк. Или хотя бы какое-то новое, еще не опробованное нами блюдо – что тоже вряд ли.

Первой меня заметила Кадия:

– Кого я вижу, хей-хей! – Подруга помахала из соломенного кресла, стоявшего у самого парапета. Улыбка стражницы, обнажающая и верхние, и нижние зубы, была настолько широкой, что не умещалась на лице.

Я выжидающе уставилась на ребят:

– Ну, порадуйте старушку Тинави! Что там с мальчиком?

Дахху развел руками:

– Никто не знает. У парня амнезия, – и друг рассказал все по порядку.

Утром, догнав беглеца, Дахху замешкался, ведь за ночь мы успели выстроить непростые отношения с подростком. Спасли его, но потом связали (страшно сказать – розовыми простынями...). Причем о спасении мальчик не знал – был в обмороке. Зато простыни прочувствовал по полной программе.

Незнакомец заговорил с Дахху первым: дрожащим голосом поинтересовался, что случилось. Как выяснилось, он не помнил ровным счетом ничего: зачем гулял в полночь? Где живет? Даже собственное имя вызывало у подростка глубочайшие сомнения. Потом он утвердился в мысли, что его зовут Карл.

Дахху вместе с мальчиком отправился в Лазарет. Там друг активно размахивал лекарским амулетом, поэтому их без очереди пропустили к старшему знахарю курса. Тот провел осмотр по высшему разряду, применил новомодные «просвечивающие» заклинания (я даже не хочу знать, что это) и вынес вердикт: мальчик здоров. Но беспомыслен.

Ночную историю лекарь узнал без мистических подробностей (дескать, наткнулись на парня на обочине) и без вопросов выделил для Карла койку в палате.

– И что теперь? – спросила я.

– Будем восстанавливать его память. – Дахху пожал плечами. – Пока ясно одно: Карл не из Шолоха. Мы нашли слабые следы воспоминаний, по которым видно: не наши названия, не наша еда, необычная одежда... Он явно чужестранец. Только непонятно, его семья переехала сюда жить или просто путешествует?

– Еще есть вариант, что он сбежал из дома. – Кадия со значением подняла указательный палец. – Тогда, конечно, огонь!

Я вздохнула:

– Думаешь, очередной искатель долголетия?

– Конечно. Юный и отчаянный. Розовощекий и розовопростынный. Верящий в свою звезду, но получивший звездюлей. Кумир бокки и, кажется, лучшая подружка нашего Дахху?

Дахху в ответ смерил Кадию таким взглядом, будто был из Дома Убивающих Одной Мыслью, а не из Дома Смеющихся. У меня аж сердце сочувственно екнуло. Но подруга лишь комично подняла ладони, мол, сдаюсь-сдаюсь. Все-то ей нипочем.

Теория о том, что Карл отправился на поиски долголетия, казалась логичной. В Шолохе мы живем по полторы-две сотни лет вместо положенной одной. Тайна кроется в могущественных косточках дворцового кургана.

Дело в том, что наши предки были очень серьезными ребятами – прямыми учениками шестерых богов-хранителей. Даже мертвые, они умудряются влиять на жизнь королевства.

Так, от их останков исходят магические эманации, благодаря которым в Шолохе колдовать легче, чем где бы то ни было еще. Особенно это чувствуется на территории дворца. Там всякий первокурсник мнит себя всемогущим: хохочет от доступности магии, творит глупости – стражи едва успевают отлавливать.

Кроме того, курган привлекает волшебных существ и потусторонних сущностей – не всегда добрых, правда, – которые живут с нами по соседству и привносят в быт города изюминку.

И, наконец, косточки подарили нам уже упомянутую небывалую продолжительность жизни. Приятный бонус, который сыграл свою роль в становлении департамента Ловчих: люди со всего мира стремятся переехать в Шолох, надеясь жить долго-долго и почти не стареть. Увы, магия кургана работает только на коренных шолоховцев. Но никто, конечно, не верит. Поэтому чужаков у нас завалились. Заодно и преступлений, с ними связанных. Куда без этого!

– Слушай, а что там с Иноземным ведомством? – спохватился Дахху.

Я с гордостью выложила на стол свой новоявленный значок. Ребята дружно выгнули брови коромыслом.

Кадия прыснула:

– То есть они приняли тебя, несмотря на вечернее платье? – И, подмигнув, она прихлебнула чай из тонкой фарфоровой чашечки. Вот зараза! Сама ведь убедила меня в многофункциональности наряда.

Я в подробностях рассказала свой день. Когда я закончила, за столом воцарилось гнетущее молчание: Дахху и Кадия отнюдь не собирались меня чествовать. Наоборот, они с сомнением переглянулись.

Солнце скрылось за неведомо откуда взявшейся тучей, панораму города залило синей краской. Резко похолодало, как это бывает в переменчивые весенние месяцы.

– М-м-м, Тинави, душка, так вы не обсудили твою... особенность? – неуверенно протянула Кадия.

Говоря это, подруга смотрела куда-то вбок и чесала нос указательным пальцем. Она всегда так делает, когда нервничает.

– Еще нет. – Я беззаботно улынулась, хотя сама полдня психовала из-за этого.

– Не лучше ли сразу прояснить ситуацию? – тактично поинтересовался Дахху.

– Чтобы они развернули меня с порога?

– Но ты понимаешь, что последствия могут быть самыми неприятными?

– Дахху, вы же сами советовали пойти и все разузнать!

– Разузнать, а не врать.

– Я не врала.

Смеющийся откинулся на спинку стула, спрятал ладони в длинные рукава кашемирового свитера и нахмурился. Толстый шмель подлетел к нашему столику, но, почуяв неладное, в резком выраже развернулся.

Я продолжила:

– Просто там, в холле, под всеми этими потоками витражного света, в буйстве шорохов и шепотов я... Я впервые за полгода почувствовала себя живой. У меня не хватило духа закончить все так сразу.

Друг наморщил высокий лоб:

– И ты даже не выяснила, кто подал твое заявление?

– Нет. А как бы я спросила? Извиняйте, дамы и господа Ловчие, я что-то не понимаю, какой простофиля умудрился меня, калеку, к вам пристроить. Явно не рекрутер. Дайте гляну, интересно же. Да, все верно, колдовать я не умею, я в этом деле овощ, огурцу конкуренцию не составлю. Но зарплату хочу, как у всех, и еще отдельный кабинет, пожалуйста! Так, что ли? – Я почувствовала, что начинаю говорить громче, чем следовало.

Пожилая пара за соседним столиком, дружно оттопырившая мизинцы в процессе питья чая, недовольно закудахтала.

А Кадия вдруг по-военному рывкнула:

– Прах побери, Тинави! Кто-то распоряжается твоей личностью, как считает нужным, и зачем-то пропихивает тебя на госслужбу. Ты вообще задумывалась, зачем? Может, тебя в шпионы завербовать хотят? Посадят на крючок, и до свидания. И все это еще и утром после встречи с бокки! Это наверняка чей-то план, ни разу не добрый!

Я с шумом втянула воздух:

– Чей план, Кадия?! Это твоя жизнь полна интриг и шантажа, что в корпусе Стражей, что в родовом гнезде Мчашихся. Моя не такая. Козни против меня может строить максимум моя кухарка, которую бесит, что я ем печенье в кровати. Если кому-то хватило сил и желания вписать меня в свой неведомый план – да я только за, спасибо за высокую оценку! Хотя кто-то видит во мне что-то полезное! Ты вообще задумывалась о том, каково мне живется?

– Перестань прибедняться! – Кадия врезала кулаком по столу. Стол задрожал, чашка всхлипнула и описалась чаем. – Ну не повезло тебе, ну бывает!

– «Бывает»!.. – горько передразнила я. – Да нет ничего хуже, чем осознавать, что из-за пепловой случайности, когда даже обвинить некого, кроме самой себя, все твое потенциально светлое будущее накрылось медным тазом. Если в ведомстве – пусть и обманом – у меня будет шанс поменять мою жизнь, я его не упущу. А вы могли бы меня и поддержать! Кадия, ты же сама хотела, чтобы я боролась – вот я и борюсь!

– Что за игрища со смыслами?! Да я тебя сейчас стукну! – возмущенно выдохнула Кад и слегка привстала. Но, поймав мой болезненно-сухой взгляд, мигом присмирела.

Я отвернулась, изобразив, что люблюсь видом...

Под «Воздушной гаванью» бурлила жизнь на набережной реки Нейрис, просматривались извилистые улочки и тенистые бульвары Верхнего и Нижнего Закатных Кварталов. Остальное пряталось под покровом леса. Только вдалеке над ровными рядами елок торчала завивающаяся спиралью Башня магов. На фоне солнце она казалась темнее, чем есть.

Дахху деликатно кашлянул, привлекая мое внимание.

– Тинави, – сказал он. Мягко, очень мягко. – Мы всегда на твоей стороне. Но ситуация с ведомством – странная, признай. Если все окажется нормально – хорошо. Но постарайся выяснить, что происходит.

– Ладно, – пробормотала я.

Кадия мигом расслабилась, поняв, что кризис миновал и я не собираюсь рыдать посреди ресторана – это в ее представлении худшее, что может случиться с человеком. Подруга кивнула на мою левую руку:

– Ты, кстати, носи одежду с длинным рукавом. А то ведь заметят, супостаты.

И действительно. Татуировка Ловчей, нанесенная в ведомстве, так и не замерцала волшебным светом, признаком подлинности. Сразу после процедуры Полынь сказал, что на это может потребоваться несколько часов. Я подозревала, что все не так просто, но промолчала.

Равно как и магическое оружие, со мной не хочет иметь дело никакой волшебный инвентарь, питающийся энергией владельца. А таких девяносто процентов. Вокруг моего тела как будто царит зона отчуждения.

Чтобы прикрыть руки, я надела плащ, хотя на улице было слишком жарко для подобного наряда. Мы еще немного посидели. Вечер окутал столицу прозрачной вуалью. Лучи заходящего солнца окрасили облака в розовые тона, черные стаи птиц диагоналями расчерчивали небо.

– Пойду домой. – Я вздохнула. – Глаза слипаются.

– Заглядывай завтра в Лазарет, – пригласил Дахху. – Познакомлю тебя с Карлом.

– Обязательно. Неужели он совсем не помнит про бокки?

– Совсем. Возможно, это шоковое.

– Или гаденыш пудрит нам мозги, а сам вынашивает планы мести.

– О, теперь и ты начинаешь видеть во всем заговор! – Кадия добродушно хохотнула. –

Иди-ка ты баиньки, душа моя.

Я попрощалась с друзьями и послушно отправилась домой.

* * *

Там меня ждал сюрприз в лице Селии, помощницы мастера Улиуса.

Она стояла, облокотившись о мой забор, и заполняла какие-то бумаги. Селия зажала трость под мышкой. Поза была расслабленной и привычной: судя по всему, она давно ходит с палкой.

Мне резко захотелось развернуться и пойти куда угодно еще, чтобы избежать разговора. Но Селия меня уже увидела.

– Тинави. – Она кивнула. – Я рассчитывала встретить вас здесь.

– Что-то случилось? – сипло выдавила я, не ожидая ничего хорошего.

– Я просто хотела уточнить еще раз: вас распределили к господину Польни на стажировку?

– Ну да, – подтвердила я.

– Вы с ним были знакомы прежде?

– Нет...

– Отлично. – Селия достала из кармана брюк визитку и вложила мне в руку. – Вы будьте внимательнее на службе, Тинави. Ловчий – непростая профессия. Нужно хорошенько разбираться в людях. И не бояться превентивных мер.

– В смысле? – Я замерла, разглядывая серебристый бархат карточки.

– Это мой адрес, – снисходительно пояснила женщина. – На случай, если вас кто-то обидит. – Она тонко улыбнулась, попрощалась и быстро захромала прочь.

Я проводила ее растерянным взглядом.

5

Магия, прощай

*Не смотри на прошлое с тоской!
Было и ушло, нынче его нет.
Лучше поутру проснись и пой,
Жить сегодня – в этом весь секрет.*

Девиз шолоховской гильдии трубадуров

Когда я оказалась дома, вся моя сонливость улетучилась, как окись балаган-травы. Вечный парадокс: нет ничего желаннее сна поутру, и ничего скучнее – ночью.

Следы вчерашней вечеринки придавали комнате неряшливый вид. Всюду были разбросаны разноцветные подушки, из шкафа вывалилась одежда (сама вывалилась, ага).

Я занялась уборкой. И заодно мысленно перебрала детали нашей встречи с бокки. Все-таки приятно, что мы так близко познакомились с одной из чудинок Шолоха...

Ведь бокки – таинственные существа.

В детстве я обожала сказки про них. Помню, книжки четко делились на две категории. В первой рассказывалось, что призрачные егеря, посланцы богов, сторожат наши сны в самые мрачные ночи – это был вариант для малышей. Им поди объясни иначе, почему дважды в месяц за окнами блуждают призраки, чьи плащи, будто щупальца, шевелятся у земли!

Другая категория – легенды для детей постарше. Эти истории были одобрены департаментом образования и рекомендовались к прочтению в дидактических целях. Там описывались смелые, но непослушные ребята, выходившие к бокки-с-фонарями и никогда больше не видевшие белого света, так как духи утаскивали их в царство теней. Напрашивается вывод: то ли мы с Дахху с Кадией не прошли в это царство по возрастному цензу, то ли сказки все-таки врут. А вот мальчик... Может, мы спасли его от подобной участи? И бокки-с-фонарями не угомонятся, пока не вернут себе намеченную жертву?

Луна уже пошла на убыль, и, значит, лесные духи не появятся в Шолохе еще пару недель. Но вдруг?..

Я подошла к окну и с опаской выглянула. Все честно: бокки не было. Сад тонул в прохладной темноте.

Наверное, со стороны мой коттедж казался светящимся рыбацким судном в безбрежном океане леса. Огни в остальных домах Мшистого квартала уже погасли – соседи спали, убаюканные свежестью весенней ночи. Лишь пел соловей.

Спальня мерцала в зеленоватом свете двух аквариумов с травой осомой. Мебель таяла в сумраке по углам. Кружась с веником по комнате, я чувствовала себя ундиной в полночном водопаде. Минуту спустя – феей, манящей путника в заколдованный круг. Или нет. Жрецом, который готовит пещеру к кровавому ритуалу... Для полноты картины оставалось только начать что-нибудь петь на придуманном языке.

На древнем не рекомендую! Однажды я умудрилась вызвать духа гор своим якобы безобидным детским лепетом – случайно поставила слова в таком порядке, что получилось заклинание. Ох, как папа бесился, когда Смотрящие выкатили ему штраф за нарушение порядка! Но и гордился: колдунья растет.

Впрочем, теперь подобная оплошность мне не грозит.

Я сердито отбросила веник, переделалась в пижаму и легла в кровать.

Повернулась так и эдак. Встала, открыла окно. Выключила ночник. Заплела волосы в косичку. Сон не шел. Включила ночник.

– Ух-ху... – кисло прокомментировал Марах. Филин был в курсе моих бессонниц. И, как ни странно, их не одобрял.

Мысли беспокойно вертелись вокруг работы в департаменте Ловчих.

В Иноземном ведомстве не знают, что у меня нет магии. Если бы знали – точно завели бы на эту тему разговор. А так все ходят с лицами шито-крыто, и – да, дело пахнет жареным. Рано или поздно они выяснят правду, и тогда мне не поздоровится.

Воспоминания неминуемо соскользнули в омут того проклятого июньского дня.

Я со стоном закрыла лицо руками. В глазах защипало – как всегда, когда речь идет об инциденте. Иногда мне кажется, что эта плаксивость – главная причина того, что мои родители согласились на переезд в далекую Тилирию.

Они не могли меня больше видеть. Я ведь раскисаю очень быстро. А у моих ближайших и дражайших сердца разрываются от такой картины. Особенно у папы.

Это в его лаборатории случился взрыв.

Надо сказать, что меня с детства завораживал подвал нашего дома. Мой отец – его зовут Инри – алхимик, за которого дерутся королевские дворы всего мира. Но пока я была ребенком, он брал контракты только в Шолохе.

На семейных встречах запрещалось обсуждать работу – мама считала, что так мы сохраним «нормальный климат» в доме. Как следствие, папины склянки манили нас с сестрой куда больше, чем могли бы.

Мы фантазировали, что он разрабатывает сложнейший эликсир, который даст человеку божественную силу и наконец-то сделает левитацию возможной. Когда отец уединялся в своей подвальной лаборатории, мы все норовили подглядеть. Но мама отлавливала нас на полпути и оттаскивала прочь, лупя мокрым полотенцем.

И вот годы спустя Дахху, Кадия и я получили дипломы и, как все нормальные выпускники, отправились кутить.

Я плохо помню ту ночь. Мелькают какие-то разрозненные картинки: Кадия, голышом прыгающая в Нейрис со скалы; наш тяжелый топот и мои разрывающиеся легкие при побеге от стражей; Дахху, клянущийся, что теперь-то начнется настоящая жизнь. Теперь нас, подруга, никто не остановит. Мы свободнее самих богов-хранителей!

Мы были пьяны и счастливы. На рассвете я стояла посередине Лоскутной площади, той, что напротив департамента Ходящих, и бесстрашно кричала охраняющим вход химерам, что сочиню заклинание, которое отпустит их на все четыре стороны с этого грустного поста. Кадия ржала, как конь, и все пыталась не уронить саму себя с высоты каблуков. Дахху мечтательно пялился в никуда, как у него это принято.

Утром я кое-как добралась до родительского дома. Найдя ключи и открыв дверь, я поняла, что там никого нет. Родители уже были на службе, сестра – в Академии.

«Лаборатория!» – подумала я с ликованием и почти кубарем скатилась в подвал.

Заветные скляночки, реторты, порошки и ступки, казалось, приветливо улыбались мне. Я благоговейно читала названия на этикетках, легонько потряхивала туманные капсулки, растирала между пальцев трехглавые мхи и, казалось, была счастливее, чем когда-либо. А потом обнаружила, что потолок лаборатории разрисован картой звездного неба. Это было восхитительно.

Я пялилась на него так долго, что у меня заболела шея. Тогда я решила добавить еще красок своему восторгу. А именно: начала крутиться вокруг своей оси, представляя, что я в самом сердце вселенной, медленно вращающейся вокруг меня.

Как оказалось, мой вестибулярный аппарат никуда не годится.

В какой-то момент меня занесло, я споткнулась и, размахивая руками, будто ветряная мельница, рухнула вниз и вбок. Прямо на маленькую этажерку багряного цвета.

В ней, как выяснилось на практике, хранились пороховые элементы и пороховый огонь. Мой папа не слишком-то соблюдал принцип товарного соседства...

Взрывом разнесло весь подвал и половину первого этажа.

Говорят, меня собирали чуть ли не по кускам. Благодаря могущественным родителям Кадии меня лечили так быстро и энергично, как никого и никогда. Шолох уже давно ни с кем не воевал, а в мирное время находится мало идиотов, умудряющихся себя взорвать...

Главной задачей лекарей было заставить работать мою собственную магию. Сделать так, чтобы она полностью посвятила себя регенерации. Никто не может вылечить человека, кроме самого человека

Я спала. А волшебство работало. Оно работало и тогда, когда я вдруг очнулась. Это стало проблемой: ведь во сне мы больше верим в себя и, как следствие, легче творим невозможное.

Усыпить меня заклинанием не удалось – организм и так претерпевал слишком много магического вмешательства. Я лежала, привязанная к койке, и с ужасом наблюдала, как мое тело светится всеми цветами радуги поочередно.

– Постарайся не думать, – советовала медсестра. – Твое подсознание пытается захватить как можно больше унни, не мешай ему.

Это было сложно. В голову лезли мысли, в том числе такие как: «Не думать, не думать, прахов прах, я должна не думать. Или я не должна думать, хм, как будет правильнее с точки зрения стилистики, а-а-а, остановись!» До сих пор боюсь, что в исчезновении магии виноваты именно те размышления.

В какой-то момент сияние просто прекратилось.

Медсестра нахмурилась и подошла поближе. Она потыкала меня тут и там, приложила к груди холодную железку, измерила температуру. Потом посмотрела на мое лицо и ахнула.

Оказалось, магия не завершила работу: левое ухо осталось порванным, с аккуратным крестиком шрама у мочки.

Лекари решили, что мне нужно отдохнуть и процесс выздоровления продолжится. Но не тут-то было. В тот день спектакль закончился. Унни сочла, что я слишком распустила руки, и решила разорвать наши отношения. Навсегда.

Существует множество теорий о том, что такое магия, откуда она берется и почему некоторые люди колдуют лучше, чем другие.

Но философы сходятся в одном – у магии есть какое-то подобие разума. Если ты хочешь творить волшебство, то ты снова и снова вступаешь в схватку с унни.

Унни – это энергия, определяющая мироздание. Из нее состоит все сущее: деревья, моря, воздух, люди и животные. Когда ты колдуешь, то ты как бы навязываешь унни свою волю, поработщаешь ее частичку и как победитель меняешь вселенную на свой манер. Сильные маги часто выглядят подтянутыми и сухопарыми: противоборство с унни съедает кучу сил, как и всякая нормальная драка. Обычно до унни еще и непросто добраться: ведь она скрыта под материей бромой.

Да, бывают места, где колдуется легче – там энергия податливее. Но все равно для колдовства первична личность мага. Его жесткость, целеустремленность, негибаемость. Его готовность бороться до конца.

Прошлой зимой мне каким-то чудом удалось в сжатые сроки найти, «победить» и «сожрать» достаточно большое количество унни для того, чтобы восстановить свое брненное тело. И, кажется, в ходе той схватки энергия раз и навсегда уяснила для себя, как нужно уворачиваться от моей воли.

Это честно и нечестно одновременно. Но, в любом случае, до ужаса тоскливо.

Почти так же тоскливо, как то, что завтра в ведомстве мне все-таки придется признаться в своей ущербности. Несмотря на яростную тираду друзьям, я не могу иначе. Затягивать эту ситуацию – себе дороже. Увы, без магии я пустышка. Так пусть в департаменте эту горькую правду услышат от меня, а не выяснят опытным путем.

В темноте я нащупала свеженькую татуировку Ловчей. Интересно, больно будет ее сводить?..

Мне представился Полынь со своими многочисленными амулетами и огромными черными глазами. Лучший Ловчий ведомства, говорите? Как он среагирует, когда узнает, что стал куратором для неведомой зверушки? Я накрыла голову подушкой и застонала.

Лихорадочный восторг, мой дневной спутник, ушел. Осталось только привычное чувство собственной ничтожности.

Потом я наконец-то заснула, прижав ладонь к разорванному уху.

6

На острове-кургане

Тринап, то есть «трижды-на-пригорке» – это командная игра с мячом, лассо и битами, известная как национальный спорт Лесного королевства.

Энциклопедия «Доронах»

Профессиональная форма для тринапа включает в себя шлем, защитное снаряжение на шею, комбинезон из мистральной упругой ткани, а также гномьи наплечники, налокотники и наколенники. Вы думаете, вам больно, когда вы безответно влюбляетесь в какого-нибудь красавчика – так вот, НЕТ. По-настоящему больно, если лассо зацепит за шею или стеганет по лицу.

Мастер Пнивколено, тренер сборной по тринапу

В девять утра ровно – колокол на Ратуше не даст соврать – я стояла перед Иноземным ведомством.

Здание, обрамленное крепкими молодыми дубами, как бакенбардами, щерилось на меня тремя парами дверей. Двери беспрестанно распахивались. Работники бегали туда-сюда, не давая им закрыться.

У всех в руках были папки. Из блестящего изумрудного картона, с неперменной розой ветров и картой мира на обложке. Писчие перья крепились к папкам на обманчиво тонкую цепочку: на деле не оторвешь! Я вспомнила, как прошлой зимой наблюдала за детьми, игравшими в Короля Холмов на сметенных вдоль улиц сугробах. У них точно так же, за веревочки, варежки цеплялись к рукавам.

Я собиралась с духом. Сжимала и разжимала кулаки, будто в кабинете лекаря перед плановой сдачей крови. Я готовилась к признанию. Боялась и злилась. В голове играла воинственная музыка – для остратки.

Неожиданный хлопок по плечу заставил меня подпрыгнуть.

– Привет! Готова к первому делу? Очень, очень интересное.

– Польнь?

– Кто ж еще. Разворачивайся, нам надо во дворец. Тебе повезло – нечасто новички с ходу попадают в святая святых Шолоха!

Куратор выглядел таким бодрым и довольным, что у меня аж зубы заболели – очень не хотелось признаваться.

Все его обереги и талисманы были начищены до блеска, переливаясь на майском солнышке, как ювелирный прилавок. Вот-вот окрестные сороки слетятся.

Я прокашлялась и, ковыряя носком сандалии землю, промямлила:

– Подожди, надо кое-что обсудить. По идее, еще вчера стоило, но я сглупила, поэтому говорю только сейчас...

– Минуту. – Куратор предостерегающе поднял ла- донь. На каждом пальце было по тяжелому перстню. – От того, что ты хочешь сказать, зависит чья-то жизнь?

– Э-э... Скорее нет.

– Тогда отложим разговор.

Я тихо выдохнула. Будто едешь сдавать важный экзамен, но на полпути передумываешь и воровато разворачиваешься – прогуляю! Стыд и облегчение одновременно.

– А как же вступительные тесты? Селия вчера говорила, что...

– Все потом!

Сердце выдало барабанную дробь. Польша посмотрел на меня очень внимательно, будто прислушиваясь к этому сердечному соло, и осторожно увел от ведомства.

То, что я послушалась его – это слабость? Или веление судьбы? Предпринять еще попытку раскрыть карты или счесть, что само небо хочет, чтобы я молчала?

– Тинави, ты знаешь, кто такой баргест? – спросил меж тем куратор.

Мы продирались сквозь толпу на Министерской площади. Приходилось как следует работать локтями, ведь площадь – одно из самых популярных мест в столице.

Я ответила, постаравшись выказать максимум эрудиции:

– Баргест – это нейтральный дух, предвестник несчастья. Является людям, в чьих жилах течет кровь срединного народа, то есть представителям знатных Домов. Если принять меры, предсказанное баргестом можно миновать – обычно ради этого дух и приходит. Хотя история знает случаи, когда он злорадствовал, являясь за несколько минут до катастрофы. Чисто чтобы посмеяться.

– Молодец, – кивнул Польша.

Сегодня его черные волосы были собраны в огромный клубковатый пучок на темечке, который смешно подпрыгивал при каждом шаге куратора. В пучке позвякивали монетки и колокольчики.

И не лень ему так заморачиваться!

– Ты верно сказала – баргесты являются только знатным шолоховцам. В теории я могу представить, что баргест придет к обычному горожанину: возможно, у того есть гены срединников, хотя титул и не унаследован. Но вот чтобы баргест явился дриаде... Это из ряда вон выходящая ситуация. – Ловчий цокнул языком.

– Баргест и дриада? Это и есть наше дело? – удивилась я.

– Да, – куратор улыбнулся. – Сущности из очень разных миров, как считаешь?

– Пожалуй, – согласилась я. Потом подумала и пожала плечами: – Может, дриада врет?

– Это самое логичное объяснение. Но она третий день подряд приходит в ведомство с жалобой, и при даче показаний ее так трясет, что департамент все-таки отправил проверку.

Мы подошли к тяжелому кованому мосту, ведущему на остров-курган.

Этот высокий остров с крутыми берегами, на котором воздвигнут королевский дворец – самое сердце Шолоха. Вокруг свернулся змеей оборонительный ров Рейнич. К нему подведены шесть столичных рек, из-за чего на картах центр Шолоха похож на диковинное шестипалое существо.

Когда мы с куратором ступили на мост, мрачные гвардейцы с лязгом скрестили алебарды и перегородили нам путь. Веселенький плюмаж на их шлемах никак не сочетался со зверскими физиономиями.

Один из стражей сплюнул на землю и рывкнул басом:

– Кто? Куда? Зачем?

– Ловчие. Во дворец. По вызову, – передразнил Польша. Когда гвардеец заскрежетал зубами от подобного «неуважения», черные глаза Ловчего проказливо блеснули.

– Удостоверение?

Польша начал скучающе, неторопливо заворачивать рукав. Я с замиранием сердца стала повторять за ним. Еще медленнее, что окончательно взбесило стража. Он аж вспотел. Хотя, возможно, это из-за жаркой формы. Ох-ох-ох. Мое «удостоверение» так и не засияло, и сейчас, когда это обнаружится, кому-то будет бо-бо.

Но вот Польша разобрался со своими несметными шелками (да, он опять был в «маечной» хламиде) и поднял руку, церемониально приложив тыльную сторону ладони ко лбу. На предплечье вспыхнула татуировка, увидев которую, гвардейцы расступились.

Я бочком-бочком проскользнула за куратором.

* * *

Когда пересекаешь Трекованный мост, то будто попадаешь в другой мир.

Шолох – город, который последовательно и упорно отвоевывает у вездесущего леса пространство для жизни. Но дворцовый остров, напротив, решил капитулировать перед матушкой-природой.

Здесь все утопает в зелени. Кролики мирно скачут в густой траве. Желтые бабочки порхают среди кустов. Воздух напоен упоительными ароматами жасмина и гудением пчел. Вдалеке то и дело слышится приглушенный звон мечей: идет рыцарский бой на радость двору.

Мы с Польшью хрустели по извилистой гравийной дорожке, щедро утыканной гвардейцами. Видимо, вместо кипарисов. Неприхотливы и функциональны, а молчат похлеще деревьев.

Дорожка привела нас к главному зданию дворца – тому, что ступеньками поднимается по крутому склону кургана и представляет собой многоуровневое ажурно-игольчатое безумие. Безумие цвета взбитых сливок. Будто торт на великаньей свадьбе. Не помню, при каком из королей строили дворцовый комплекс, но тот явно обожал все сладкое и воздушное.

Мы зашли в парадные двери. Пятнадцать минут блужданий (справились бы быстрее, но приходилось раскланиваться со всеми встречными) – и Польша постучался в неприметную деревянную дверь.

– Наша задача – выяснить побольше про эту дриаду. Не обвиняем ее во лжи, но и не верим истории про баргеста. Все вежливо и нейтрально, – шепнул мне куратор, пока с той стороны отпирали щеколду.

Вблизи я почувствовала, что от Польши сильно пахнет популярным в Шолохе лекарством от простуды: мята, перец и эвкалипт, вдохнешь – будто легкие сжигает. Болит он, что ли?

Нам открыли.

Я невольно отшатнулась: кожа дриады, появившейся в дверном проеме, была ровно того же цвета и текстуры, что и лакированный дуб. Даже темные пятнышки срезанных сучков имелись. Пугающий эффект, если честно.

– Здравствуйте, Цфат. Меня зовут Польша, а это Тинави, мы Ловчие. Можно зайти? – Куратор наклонил голову вбок.

Цфат вперила в нас неподвижный взгляд раскосых травянистых глаз. Высокая, худая, с ярко выраженными шишковатыми суставами, она казалась искусно вырезанной скульптурой, а не живым существом.

Только волосы, волнами спускающиеся до самого пола (и тоже зеленые), не давали шанса на ошибку: перебираемые ветерком, они слегка шевелились, что-то шептали, обещали, поблескивали в янтаре солнечных лучей... Я никогда еще не видела таких чудесных волос у дриады.

Цфат деревянно улыбнулась и пропищала:

– Конечно, Польша. Конечно, Тинави. Будет честью для меня. – Она поклонилась и пропустила нас в комнату.

Польша, по-собачьи поводя носом, прошел в центр спальни.

Я гуськом поплелась за ним, оторопело пялясь на ряд манекенов у стены. Манекены не обладали ни малейшим намеком на лица, зато могли похвастаться вычурными прическами. Кроме того, на полках и витринах тут и там были разложены парикмахерские инструменты. На стенах висели схемы стрижек и пара молитвенных картинок с шестью богами-хранителями.

– Прелестная комната, Цфат! – оценил Польша. И, думаю, вполне искренне. – Чем вы занимаетесь во дворце? – спросил он, хотя даже мне все было очевидно.

Перед тем как сесть на невысокий топчан, куратор тщательно разгладил свое одеяние, чтобы не помять. Ишь какой осторожный! А издали выглядит, как ходячая помойка.

– Я ухаживаю за волосами Ее Величества.
– Вам нравится ваша профессия, не так ли?
– Очень нравится, господин Польшень. – Цфат снова поклонилась.
– А в целом – вам комфортно в Шолохе? Давно ваша семья живет в Лесном королевстве?
– Очень комфортно, господин Польшень. Моя семья живет в Лютгардии, я одна приехала сюда.

– К родственникам?
– Нет, у меня здесь нет никаких родственников.

Польшень сцепил руки замком и вольготно закинул их за голову:

– Кто-то из ваших предков путешествовал в наш край?
– Мои предки никогда не были в Лесном королевстве.
– Тогда почему вы выбрали Шолох как место жительства?

– Я переехала, потому что мне нравится, что здесь можно выглядеть, как угодно, и никто тебя не осудит. В Лютгардии невозможно носить столь длинные волосы, как у меня: дриады не терпят излишеств. Или ходить с подростковой прической, как у вас, господин Польшень. А вам, госпожа Тинави, запретили бы заправлять волосы за уши – так видно вашу рану, а в Лютгардии не демонстрируют увечья.

Я машинально выпустила волосы вперед. Демонстрировать увечья, что?! Подумаешь, пара шрамов и рваная мочка! Неужели так заметно?

Польшень проигнорировал замечание:

– Да, все верно, Лесное королевство – страна свободы. И волшебства. Скажите, давно вам является баргест?

– Третью ночь подряд.
– И как он выглядит?
– Пугающе. – Цфат сокрушенно покачала головой.
– Можно подробнее?

– Он похож на пса, огромного пса графитового цвета. Когда я ложусь спать, он появляется у двери и смотрит на меня, а потом медленно приближается. Сначала я решила, что это чья-то собака, и встала, чтобы прогнать его. Но стоило мне приблизиться, баргест увеличился в размерах – стал больше меня, занял почти всю комнату! Потом завыл и исчез. Следующие разы было то же самое, хотя я уже не пробовала подойти к нему.

– А какая у него шерсть, Цфат?
– Ухоженная. Короткая и гладкая, блестит.
– Почему вы думаете, что это баргест?

– Но как иначе? Рядом с этим псом мне становится так горько, будто я уже умерла, господин Польшень...

Куратор что-то черкнул в маленьком блокнотике, который в начале беседы вынул из одной из своих «ночнушек». Он повертел головой туда-сюда, потом наклонился и бесцеремонно посмотрел под топчан, на котором сидел. Брови дриады взметнулись вверх, но Польшень флегматично пожал плечами: а я что? А я ничего.

Потом он спросил:

– А это может быть чья-то злая проделка, чтобы расстроить или испугать вас?

– Нет, господин Польшень. У меня есть несколько подруг во дворце, но все они добрые и честные девушки. Большую часть дня я провожу за работой, причесывая королеву и знатных дам.

– Цфат, еще такой момент. Не хочу ставить под сомнения ваш профессионализм, но вдруг вы сделали кому-то неудачную укладку, и человек разозлился на вас?

– Никак нет! Я очень люблю свою работу и всегда все делаю хорошо. – Дриада вскочила и обвела рукой комнату: мол, смотрите, я настоящий фанат, как вы можете сомневаться во мне?

Полынь и не стал.

– Хорошо, – кивнул он. – Сегодня ночью мы нанесем вам еще один визит, чтобы воочию убедиться в присутствии баргеста. Вам нужно придумать место, где мы сможем спрятаться. Платяной шкаф, портьеры, что-то стандартное – баргесты не очень хитроумны и не сильно беспокоятся о приватности.

Мы попрощались и ушли.

– Что ты думаешь об этом? – спросила я у Полыни, пока мы пересекали садовый лабиринт, ведущий к одному из мостов. Он был выполнен в «шахматном» стиле: тут и там в зеленых нишах стояли белоснежные фигуры, смотрящие на визитеров с презрением и опаской.

– Пока что ничего не думаю. – Полынь пожал плечами, на что его бесчисленные побрякушки отозвались нестройным звоном. – Описание баргеста подходит. Причем в книжках пишут про «клочковатую шерсть», но парикмахерша Цфат назвала ее гладкой и короткой, что соответствует действительности. Местной родни нет, значит, гены отвергаем... Может, чье-то колдовство – узнаем вечером. Ах, да, подожди меня здесь, мне нужно еще кое-что сделать, пока мы во дворце.

Я послушно села на указанную им скамью. Полынь нырнул в неприметный проход в зеленой изгороди и был таков.

Минуты две я сидела в молчании, наслаждаясь теплым весенним солнышком и запахом сирени. Точно напротив меня на белоснежном постаменте высился гордый ферзь. Садовый архитектор нарисовал ему лицо, и, жуткое дело, шахматная фигура стала напоминать тыквы для Самайна. Под ее взглядом было сложно расслабиться, но в итоге я сумела. Где наша не пропадала!

Потом послышался скрип гравия – из-за угла кто-то приближался. Я резко выпрямилась и напустила свое Деловое Лицо. Боюсь, со стороны можно было подумать, что я хочу в туалет.

Шаги были легкими, очень легкими, не быстрыми и не медленными. Как говорил мастер Орлин, так шагают только люди с чистой совестью.

Идущий тихо насвистывал, и я невольно улыбнулась: столько беззаботной радости было в этой незатейливой мелодии.

И вот – человек вывернул из-за ряда кипарисов. Свист взмыл мажором – и сразу оборвался.

– Тинави! Это вы! К-какая встреча! – возопил появившийся на дорожке юноша и распахнул объятия.

Я обомлела от неожиданности, но потом, в волнении путаясь в полах летяги, кое-как поднялась ему навстречу:

– И в самом деле, удивительная встреча, Лиссай!

Он был высокий и тонкий, сутулый. Лицо, шея, руки, длиннющие пальцы с торчащими костяшками – весь в веснушках.

Светло-рыжие волосы торчали под такими безумными углами, что, казалось, он стрижется сам (моя новая знакомая, Цфат, такого бы не допустила!). Юноша убирал мешающиеся пряди за уши, но те снова и снова выскальзывали обратно. Я насчитала пять раз за те полминуты, что мы здоровались. Это было обескураживающе мило.

Он весь был очень милым. Как потерявшийся бельчонок. Туго замотанный в традиционный шолоховский наряд – нечто вроде савана, – он передвигался небольшими шагами и напоминал мачту, раскачиваемую ураганом. Глаза его были серьезны и зелены, как сам лес.

– Здорово, что вы меня помните, Лиссай. А то исчезли тогда так внезапно, что я подумала, специально сбежали. – Я подпустила в голос легкого укора и постаралась незаметно прихорашиваться.

Рыжий улыбнулся еще шире:

– К-как же вас забудешь! К-к сожалению, тогда, из библиотек-ки, мне пришлось уйти не по своей воле. Но в глубине души я знал, что наши пути еще пересек-куются. Приятно, что это случилось так ск-коро. – Он сердечно сжал мою ладонь двумя руками, не переставая улыбаться. Что немаловажно – искренне улыбаться.

Удивительно, как легко может быть с почти незнакомым человеком! Ведь мы с Лиссаем впервые встретились около месяца назад – и не виделись ни разу с тех пор.

Это случилось в городской библиотеке. В тот день я шла по читальному залу вся такая обворожительная, грустная и обвешанная книгами, а рыжий Лиссай стоял, спокойный и пусто-порожний, в проходе.

Противоположности притягиваются, поэтому удивительная сила набранной мною литературы сбила молодого человека с ног. Мы разговорились.

Сначала там же, на месте крушения, потом за одним из читальных столов. Полтора часа прошли незаметно: не знаю, как, но этот несуразный парень умудрился вложить мне в голову ощущение, что я – очень и очень особенная. При том, что не был похож ни на искателя интрижки, ни на льстеца, каковые обычно промышляют такой манипуляцией.

И вообще, мы почти не говорили «по существу» – о своих жизнях – скорее, о литературе, искусстве, философии и религии... В какой-то момент Лиссай сказал, что хочет прямо сейчас показать мне одну книгу – и отправился за ней в другой зал. Но не вернулся.

Я решила, что на этом наше знакомство закончилось. Расстроилась, конечно. А через пару дней выкинула из головы – ценой невероятных усилий.

Но вот он стоит передо мной и сияет, как огранный бриллиант.

– А знаете, Тинави, пойдете выпьем чаю? Ведь в тот раз я не расск-казал вам самое важное! – Глаза Лиссая разгорелись звездами.

Я замялась:

– Мне бы очень этого хотелось, но я здесь по рабочему вопросу.

– Да бросьте вы! Я живу за углом, поэтому не отниму у вас много времени.

– Вы живете на территории дворца? – удивилась я.

Лиссай в своем дорогом национальном костюме не был похож на слугу. Но для придворного он был слишком... несуразным, что ли. По-детски наивным, с огромными глазами-блюдами. Ох, не задерживаются такие люди при дворе – в этом безумном мире интриг и власти.

– Да, буквально сто шагов отсюда.

Я набрала в грудь воздуха, чтобы ответить решительным отказом (первый рабочий день!) и предложить альтернативу (ну классный же парень!), как вдруг из зеленой изгороди вынырнул Польш.

Причем не из какого-нибудь тайного прохода в лабиринте, а прямо из цветочной стены – с треском и руганью. Куратор замер, озабоченно выпутывая из волос веточки и листья – хотя, как по мне, так они смотрелись в его бешеной шевелюре весьма органично.

Выскребывая что-то особенно злобное на затылке, Польш слегка повернул оголившую левую руку. Татуировка Ловчего ярко вспыхнула на солнце.

Тотчас с боковых дорожек выскочили четверо гвардейцев и загородили собой Лиссая от Польши. И, заодно, от меня. Белоснежный ферзь, мой недруг, начал ухмыляться еще мерзопакостнее.

– Тревога, тревога, код багрянец! – рявкнул один из стражей в кристалл-передатчик.

– Код багрянец, действуйте по стандарту! – запульсировал кристалл в ответ.

Я позволила своей челюсти обреченно отвиснуть. Это что за дела?

– Мастер Лиссай, прошу, немедленно вернитесь в свои покои, – строго сказал страж с передатчиком.

– Но к-как же так? Я имею полное право гулять по этой территории! – Рыжик сложил руки на груди, гордо вздернув по-детски нежный подбородок.

– Тот мужчина опасен. – Гвардейцы стали аккуратненько разворачивать Лиссая – не трогая, но направляя жестами и мечами, так сказать.

– Но я же не с ним разговариваю, а с Тинави! – возмутился Лиссай. Мое имя он произнес так, будто оно должно было как-то повлиять на ход дела.

– Мы уходим, – веско сказал все тот же господин в латах. – И вы уходите, – сообщил он Польшни не слишком-то вежливо.

Куратор пожал плечами и озадаченно пробормотал что-то про «негодную, негодную тропинку».

– Тинави, пожалуйста, навестите меня на днях! – донесся глухой голос Лиссая из железного каре, которым его окружили и повели прочь по дорожке. – Я живу в Восточном к-крыле!

– Обязательно! – крикнула я в ответ.

Когда тяжело вооруженная кучка с этим удивительным парнем исчезла за поворотом, я изумленно повернулась к Польшни:

– И что это было?

Куратор с кислой миной отдирает от одежды репей, но все же снизошел до ответа:

– Охрана Его Высочества Лиссая считает, что общение с Ловчими может повредить тонкой душевной организации принца, – проворчал он.

И полез обратно, в ту же стену, но парой метров дальше.

– А у тебя татуировки не видно, вот и не сообразили, что ты из наших.

Польшнь уже целиком исчез в кусте.

– Кстати, на остаток дня я занят, а вот ты свободна! Встретимся за полчаса до полуночи у Трекованого моста!

– Подожди, Польшнь! – взвыла я ему вслед, но поздно. – Как это Его Высочества? Как это принца?! Лиссай что, сын короля? И, хранители всемогущие, что ты делаешь?!

Ответом мне был лишь удаляющийся треск ветвей.

7

Хозяин Крустов

В нулевом году нашей эры шестеро богов-хранителей покинули Лайонассу и поодиночке отправились путешествовать в другие миры, чтобы распространить свои знания как можно шире по Вселенной. С этого момента заканчиваются наши хроники о богах – и начинаются сказки. Что происходит с хранителями сегодня – неизвестно.
Энциклопедия «Доронах»

Брошенная Полынью фраза о том, что обаяшка Лиссай был принцем, требовала дальнейших разъяснений. Я постаралась отложить свои лихорадочные мысли на этот счет до того момента, когда эти разъяснения получу.

Впрочем, сказанное куратором вполне могло быть правдой.

Стражники, жилье во дворце, изысканные манеры вкупе с колоссальной расслабленностью... У короля Сайнора много детей, и, так как в Шолохе не принято лезть в частную жизнь власть имущих, Лиссай мог быть одним из них.

С ума сойти! Неужели я приглянулась Его Высочеству? О-хо-хо!

За сутки с небольшим количество загадок в моей жизни возросло в геометрической прогрессии. Такое ощущение, что плутовка-судьба, забывшая обо мне в последние полгода, неожиданно очухалась и подумала: вот же прах, у меня там Тинави киснет без присмотра! А ну-ка вмажем по невероятностям!

Я покинула территорию острова-кургана.

То, что Полынь отпустил меня на остаток дня, стало неожиданностью. Поразмыслив, я решила отправиться в Лазарет: навещу Дахху и мальчика, как мы вчера условились.

До Лазарета было далеко, так что мне требовался перевозчик.

Ближайшая ко дворцу стоянка располагалась за чертой обжитых улиц, в чашобе, во дворе паломнического ресторана «Подкова души моей». На окошко ресторана, целомудренно прикрытое ситцевой занавеской, снаружи была приклеена бумажка со стрелкой: «Админстратер ТАМ!».

Я поморщилась и пошла в указанном направлении. На лавке у заднего крыльца восседал козлоногий сатир. Его борода кишмя кишела муравьями. Я отпрянула – ненавижу насекомых – но потом собралась с силами и обратилась к нему:

– Добрый день. Мне нужно в район Пятиречья.

– Без про-облем, дамочка, – развязно проблеял сатир, поднимая волосатую ладошку и жеманно прикрывая узкие глазки. – Пожелания по окрасу есть?

– Окрас любой. Но молчаливого мастера, пожалуйста.

– Будет сделано. Проследуйте за мной.

Администратор поцокал куда-то в глубь двора. Я покорно засемила следом. В какой-то момент он поднял хвост и... ээ... сделал это. Я тактично отвернулась, но сатиру, кажется, было все равно.

– Хххе-е-ей, Патрициус! До Пятиречья девицу возьмешь? В тишине, – крикнул он, постукавшись в стойло номер пять.

– Беру, – оттуда донесся приятный баритон. Из тех, что называют «бархатными» в рекламных проспектах шолоховской оперы. Створки стойла распахнулись, и ко мне вышел, горделиво вихляя крупом, моложавый кентавр каурой масти.

Он был мускулист и строен, с крепкими мохнатыми ногами и высоко поставленным хвостом. Ярко выраженные трицепсы, бицепсы и не знаю что еще приковывали взгляд, хотя уж кто-кто, а я никогда не была ценительницей мужской красоты.

– Точно молчать будем? – уточнил у меня Патрициус, пока я забиралась ему на спину и просовывала ступни в желтые стремяна с номерными знаками.

– Точно. Я не говорливая.

– Ну ладно, – разочарованно протянул кентавр и почесал ухо под веселеньким цветочным венком, украшавшим его русую голову. – С ветерком?

– Да, пожалуйста.

И мы поскакали через весь город. Ух!

Я обожаю кататься с кентаврами. На то, чтобы иметь своего коня, у меня не хватает средств и усидчивости, а водный транспорт в Шолохе куда медленнее скакунов. Перевозчики же – прекрасный вариант, особенно после того, как ввели функцию «молчаливый мастер»: ты можешь заранее предупредить, что не хочешь общаться в пути, как я и сделала. А то вы знаете этих кентавров: трепятся безостановочно, и в основном, увы, жалуются.

Зато, если у кентавра легкий характер, то он непременно разбавляет галоп мощными прыжками с преодолением препятствий. У Патрициуса характер оказался легче перышка.

Мы весело скакали по центральным кварталам: с визгом разбегались прохожие, маленькие собачки заливались лаем, вездесущие ташени едва успевали уворачиваться...

– Чуть не снес прилавок, супостат парнокопытный! – заорал нам вслед какой-то негодующий торговец.

– Я непарнокопытный! Так что отвали, недоделок бесхвостый! – Патрициус не остался в долгу.

Все правильно: ведь кентавр должен быть молчаливым только по отношению ко мне.

В какой-то жуткий момент нам на пути попался Ходящий в золотом плаще и маске. Теневик наблюдал за верандой летнего кафе, видимо, выслеживая жертву... то есть подозреваемого. Стайки людей огибали агента по большой дуге.

Патрициус лихо заржал и, проносясь мимо, обдал Ходящего брызгами из глубокой лужи. Грозная фигура обернулась, но мы уже были далеко.

– Так тебе, железнолицый! – «вникуда» бросил Патрициус.

– Я их тоже не люблю, – не удержавшись, вякнула я.

– Мерзкие люди, мерзкая работенка! – Кентавр встрепенулся, почувяв возможность беседы.

– Это если вообще люди... – пробормотала я, мигом вспомнив тысячу и одну легенду о запредельных возможностях Теневого департамента.

* * *

Когда мы домчали до Пятиречья, мои волосы были спутаны в безумный клубок, а в глаза надуло.

– Все понравилось, мадам? – участливо поинтересовался Патрициус, пока я спешивалась.

– Сто баллов, – кивнула я.

Район Пятиречья не зря так называется: здесь широкая столичная Нейрис распадается на пять рукавов. Тут же растет знаменитая роща деревьев ошши, в которой прячется, надежно скрытый от чужих глаз, Лазарет.

Ошши – один из символов Шолоха.

Это огромные крупнолистые деревья с узловатыми стволами и толстыми корнями. Художники изображают их на своих полотнах, когда хотят нарисовать идиллический пикник – очень уж ошши симпатичные. Такие прям разлапистые, умиротворяющие, хоть плачь. Да еще

и с огромными оранжевыми плодами, которые светятся в темноте, как апельсиновые луны – и, честное слово, могли бы стать прекрасным элементом городского освещения... Если бы не крусты, которые в них живут.

Сжав зубы и пообещав наградить себя конфеткой постфактум, я смело вступила в рощу. Садист-архитектор выложил дорожку к Лазарету по спирали – путь обещал стать долгим.

Шоу началось с первого же моего шага.

– Фу-у-у, приперлась! – раздался злобный, клекочущий шепот из кустов.

– Наглая самка какая, фу-у-у-у! – вторили ему с другой стороны тропинки.

Я набросила капюшон, опустила голову и ускорила. Увы: крусты – древесные человечки – твердо решили развлечься за мой счет.

Один из них пронзительно свистнул где-то в овраге. Тотчас с веток деревьев свесились, будто летучие мыши, десятки леших. Чернели глазки-бусинки, поскрипывали тельца, похожие на связки палочек для розжига. Скалились крохотные зубки.

– Здрасти, здрасти, здрасти, – залебезила я.

Так надо. Ибо крусты как бы положительные персонажи: заботятся о деревьях ошши на роли высококлассных, бесплатных садовников матушки-природы. Нам нельзя их обижать. Им нас – можно.

В ответ на приветствие мне в голову прилетело тяжелое спелое яблоко – звук был такой, будто от черепашки что-то откололось. Охнув, я безропотно пошла дальше.

Любишь ошши – терпи крустов. Каждый шолоховец это знает.

Тыдыж, тыдыж, тыдыж, – гремели падающие передо мной камни. За деревьями замаячили витиеватые башенки Лазарета. Удивительно все-таки, что оплот тишины и спокойствия прячется в таком безумном месте, как эта роща!

– Эта че приперлась, ф-у-у? – Один круст внезапно выскочил передо мной на тропинку. Он был больше других, а на голове у него разбухли нежно-салатовые почки будущих листиков. Интересно, подобная растительность влияет на интеллект?

Я вежливо помахала лешаку и стала обходить его по кругу.

– Че приперлась, говорю-ю-ю? – Он забулькал, как кастрюлька.

Я игнорировала лешего. Отвечать им ни в коем случае нельзя, они сразу почувствуют себя сильнее и набросятся. Не убьют, конечно, но расцарапают. Зачем – не знаю. Никто, кажется, не знает. Характер такой.

Хотя иногда мне в голову закрадывается мысль, что они просто не хотят оставлять лекарей без работы. Если вдруг в городе все спокойно, обязательно найдется парочка бедолаг, искушенных крустами.

– Она прямо к хозя-я-яину идет, подружка хозяина, пахнет-то как – чуешь? – мерзко захихикал светло-бежевый круст, вниз башкой свисающий с ветки.

– А! Точно! Пахнет! Хозяин порадует. – Почковастый соорил злорадную мину.

– Хозяин? Хозяин вернулся? – разволновался другой круст, легкомысленно раскачивающийся на оранжевом плоду ошши.

– Вернулся, давно уже вернулся! Спа-а-ал только, лечи-и-ился. Вернулся – и к нам теперь пришел! – Шепоты и экзальтированные вздохи понеслись со всех сторон.

Мне очень не понравились эти комментарии.

Прикинув, каким должен оказаться хозяин крустов, если даже рядовые лешаки портят столько крови, я решительно свернула с дорожки в овраг.

Изгваздаюсь, конечно, но хоть не сцеплюсь с главным лешим. Он, вероятно, поджидает в конце тропинки, заранее запасшись камешками, яблоками и прочим метательным скарбом.

Не дождетя!

* * *

Пять минут спустя я стояла на крыльце Лазарета.

Серебряный дверной замок в виде морды волка приветливо осклабился: в отличие от крустов, он всегда рад гостям.

Тщательно обтерев ноги о губчатый коврик, я нырнула в прохладное нутро больницы.

Глаза резануло светом. Все в Лазарете было вызывающе белым. Ума не приложу, с какой скоростью тут приходится вытирать пыль и следы от грязных ботинок посетителей! Уборщики явно проходят какие-то курсы спецподготовки. Некий злобный экзаменатор бесконечно бегаёт по коридору с ведром грязи, а они носятся за ним со швабрами. Потом звенит секундомер, и арбитры замеряют лучший результат...

Сверившись с расписанием, выбитым в стене на стародольном языке, я направилась в палату, где дежурил Дахху.

Белые стены добродушно поглаживали мою тень, белый пол слегка проскальзывал под мягкими сандалиями. Лекари в белых тогах деликатно шуршали мимо меня. Белые гортензии, благоухая, свешивались с карнизов. На цыпочках я прошла мимо Корпуса Морфея. Это раздел Лазарета, где спят, восстанавливая силы, особо пострадавшие. Спят, спят, спят. Могут спать неделю, месяц, иногда даже год, в ожидании, что мозг восстановится и начнет излечиваться волшебством. Еще боги-хранители говорили: сон – это лучшая тактика. Но простым смертным нужен уход на время спячки. Вот и спуют по Морфею медсестры, вот и меняют бельё.

Я тоже тут лежала зимой.

Эх, Лазарет.

Хранители небесные, как же я ненавижу это стерильное место.

* * *

Я зашла в палату.

На единственной занятой кровати лежал, подогнув колени, наш мальчик. Дахху сидел подле него. Друг читал вслух какой-то приключенческий роман. Удачно я попала – сразу на двоих.

– Привет! Ну что, познакомимся полноценно? – предложила я Карлу.

Он выглядел немного испуганным. Сине-бирюзовые глаза, широко поставленные, с припухшими веками, моргали редко, как у птицы. Брови казались такими светлыми, будто их и не было вовсе.

Подумав, мальчик согласно кивнул:

– Я Карл.

– Тинави. Это из моего дома тебе пришлось совершить побег вчера утром... Надо сказать, ты справился с блеском!

– Я всегда хотел быть похожим на Монте-Кристо, – мальчик робко улыбнулся.

– На кого? – не поняла я.

Физиономия Карла моментально вытянулась:

– На Монте-Кристо... Только я не помню, кто это. Просто, когда вы сказали про побег, фамилия сама скакнула на язык.

– Ничего страшного, Карл, это нормально при амнезии, – утешил его Дахху. – То, что воспоминания возвращаются, пусть даже обрывочно – это хорошо.

Даже поверх больничной тоги друг умудрился намотать шарф. Волосы, ясен-красен, прикрывала шапка. Ох, наорет на него дежурная медсестра, если увидит!

Мы немного поболтали с Карлом и Дахху. Вернее, в основном болтали мы с другом – обменивались новостями, а мальчик слушал. Подозреваю, ему особо нечего было сказать. В больницах время тянется медленно, а прошлое подростка едва проклевывалось сквозь туман беспомысленности.

– Кстати! – Я подпрыгнула. – У меня же твоя вещица! – И я вытащила тот странный цилиндр, что мальчик обронил вчера. – Мы так и не поняли, что это, но знай – Дахху чуть ли не жизнью рисковал, отбирая его у бокки! Расскажешь тайну этой штучки?

Карл с недоумением взял у меня цилиндр. Повертел в руках туда-сюда, нажал на странную кнопку, постучал по стеклу. Нахмурился: белый лоб прорезали суровые морщины.

– Не работает... Но я в любом случае не помню этой вещи, – смущенно сказал он, возвращая предмет и как-то побито заглядывая мне в глаза.

Взор его был полон неподдельной грусти. В ответ я оглушительно чихнула. Потом еще раз и еще. Карл отшатнулся с перекошенным лицом.

– Ох, простите. Видимо, умудрилась простудиться, – прогнусавила я.

– Дать тебе какую-нибудь таблетку? – Дахху уже заботливо потянулся к тумбочке.

– Нет, спасибо.

– А вы сильный маг, да? – невольный брякнул Карл, глядя на меня с откровенным ужасом. Дахху изумленно поднял брови. У меня по-привычному грустно ухнуло сердце.

– Если бы... – Я смерила мальчика задумчивым взглядом. – А что, у меня настолько мощный чих?

– Можно и так сказать. – Он моргнул.

До шести вечера мы сидели втроем.

За это время я успела снабдить Карла невероятным количеством самой разной информации о Шолохе – полезной и не очень. С моей подачи мальчик, кажется, всей душой влюбился в наш город.

Дахху не отставал, разбавляя мои бытовые байки историческими комментариями.

Карлу особенно понравились рассказы о богах. Он аж розовел от удовольствия, слушая про шестерых хранителей.

– То есть боги реально существуют?!

– Однозначно, – Дахху авторитетно кивнул.

– А с ними можно встретиться? – В глазах Карла плескался восторг.

Дахху покачал головой:

– К сожалению, нет. Они ушли из Лайонассы две тысячи лет назад и теперь путешествуют... где-то.

– Или уже вернулись, но сохраняют инкогнито, – подмигнула я, увидев, какое горькое разочарование проступило на лице мальчишки.

Не хочу быть той, кто рушит сказки!

От моих слов Карл встрепенулся:

– Я бы хотел увидеть кого-нибудь из них! Получается, они бессмертны? И всемогущи?

– Не факт. – Дахху задумался. – Боги-хранители – лишь промежуточное звено между людьми и Непостижимым Отцом. Например, жизнь создали не они. Поэтому, возможно, и лишиться ее они могут наравне со смертными. Мотив потерянной магии также часто встречается в легендах... Но я надеюсь, все хранители в порядке. Лично мне приятнее жить в мире, где боги есть, – друг улыбнулся.

– А драконы? – Мальчик не отставал. – На них можно посмотреть?

– Можно, потому что они в Лайонассе. Но сложно, потому что ящеры спят на самом севере, накрытые магическим куполом.

– Почему?

– Они очень старые, Карл. Они устали. И им грустно без хранителей.

– А разбудить их можно?

– В теории – да, если найти способ попасть под купол. Но и тогда я сомневаюсь, что это хорошая идея. Драконы уснули после того, как сожгли Мудру – столицу Срединного государства. В некотором роде это была демонстрация разочарования ящеров во всем человечестве... Боюсь, того, кто их разбудит, они тоже сожгут. Если только у него не окажется по-настоящему важной причины для такого святотатства.

– Какой, например?

Дахху задумался.

– Не знаю, – покачал он головой. – Нужно что-то поистине вселенское.

* * *

– Кстати, ты прояснила вопрос с Иноземным ведомством? – полюбопытствовал Дахху, провожая меня на первый этаж.

– Я... Я тебе потом расскажу.

Друг почуял неладное и задумчиво сощурился, глядя на меня. Я болезненно скорчилась: сейчас начнется допрос. Но вместо этого Дахху некстати воскликнул «О, точно!», выхватил из кармана записную книжку и, черкая в ней на ходу, ушел. Мне казалось, что над головой у него аж маг-фонарь сияет – как рисуют в комиксах, когда кого-то осенило.

Хм. Ну ладно.

* * *

На этот раз крусты не стали досаждать мне.

Только в самом конце, уже у городской дороги, один леший выскочил перед самым носом.

– Хоз-з-зяин с тобой не зако-о-ончил... – прошепелявил он.

Я показала ему кукиш.

8

Охота на Баргеста

Иметь большие амбиции и ничего не достигнуть – встречается частенько. А вот чего-то достигнуть, не имея больших амбиций – слабо верится!

Мастер Авен Карлиннан, Глава Иноземного ведомства

На Шолох надвигалась беспощадная майская гроза.

Воды Нейрис потемнели и приобрели пугающий свинцовый отблеск. Свирепые волны бились о гранитные берега, будто зверь, рассердившийся на весь род людской. Злые молнии немилосердно кололи темный небосвод – пока еще вдали. Пусть и запаздывающий, но страшный грохот подгонял немногочисленных горожан.

Я плотнее запахнула плащ и ускорила, проскальзывая по замшелым камешкам моста. Электрическая вспышка высветила деревянный знак: «Мост Бесконечного Полета». Вы не подумайте: он так назван потому, что над ним постоянно кружат чайки, а не из-за тех злополучных самоубийц-студентов...

До места встречи с куратором оставалось пройти метров сто, но в кромешной темноте, ведь на время грозы столичные власти отключают уличные фонари. Говорят, магические сферы притягивают молнии – небезопасно!

Я отцепила от ремня керосинку. Большинство шолоховцев предпочитает подсвечивать путь при помощи травы осомы, а я люблю живой огонь – в непогоду от него теплеет на душе.

Оранжевый язычок пламени высветил чистую зелень листвы, агатовые слезы мостовой, пару лупоглазых лягушек, квакнувших мне вслед нечто недоброе.

Я еще поднажала. Но от крупных, все учащающихся капель дождя вовремя укрыться не удалось – до моста я добежала с хлюпающими от воды сандалиями.

– Отличная погодка для охоты на баргеста, как считаешь? – вместо приветствия бросил мне Польшень.

Я позавидовала его сапогам.

Куратор ждал меня, облокотившись на парапет. Он колдовал, творя над водой иллюзорных бабочек, за которыми с визгом и хохотом гонялись ундины. Эти раскрепощенные голые девицы с рыбьими хвостами восторженно ловили насекомых и громко аплодировали, когда те снопом искр схлопывались в воздухе.

Сценка, уместная скорее жарким полднем, нежели ненастной ночью. Но, кажется, никого из участников это не смущало.

– Я так погляжу, у тебя тут своя охота, – фыркнула я. Одна из ундин уже активно послала куратору воздушные поцелуи.

Он равнодушно пожал плечами и отвернулся от рыбины.

– Ну что, во дворец? – зевнул Польшень.

* * *

Дриада Цфат сдержала слово и придумала для нас убежище.

Она предложила проследить за баргестом из платяного шкафа, в котором одна створка была ажурной – то есть при должном старании просматривалась насквозь.

– Господин Польшень, госпожа Тинави, вам удобно? – вежливо спросила парикмахерша, с трудом закрывая за нами двери шкафа: места для двоих было маловато.

– Да, переживем, – крикнула я.

– Вполне, – сдавленным голосом подтвердил Внемлющий.

В следующие пять минут, пока мы пытались устроиться поудобнее, я успела дважды захватить ему локтем в глаз и, кажется, тем самым приблизилась к потенциальному рабочему выговору.

Но обошлось. Спасибо баргесту, который внезапно пресек нашу возню и нытье. Со всей той наглостью и самоуверенностью, на которую способны одни лишь потусторонние тварюги.

Сначала по комнате прокатилось тихое, картавое «р-р-р-р-р». Мы его проигнорировали, потому что в этот момент Польша популярно объяснял мне, что свобода одного заканчивается там, где начинается нос другого.

– Р-р-р-р-р! – разнеслось уже куда более уверенно.

Польша замолчал и прильнул глазом к дырке в дверце. Я сделала то же самое, уровнем пониже.

Огромная черная псина стояла у окна. Мускулы на спине перекачивались, глаза алели. Лоснящаяся черная шерсть, волосинка к волосинке, блестела даже при очень тусклом свете. Я была бы готова душу поставить на то, что это настоящее животное, если бы не один нюанс: лапы собаки чуть-чуть проваливались в пол. Дух немного не рассчитал позицию для полной убедительности.

Цфат сидела на кровати, поджав коленки к груди, и таращилась на баргеста во все глаза. Впрочем, дриада казалась довольно спокойной. Немудрено: во-первых, она видит собачку уже в четвертый раз. Во-вторых, в засаде сидят бравые Ловчие.

В эту секунду бравый Ловчий мужского пола распахнул дверцу шкафа.

Выскочив перед баргестом, куратор начал плести заклинание, быстро меняя положение рук: он сгибал и разгибал пальцы, заламывал запястья, неистово вращал ладонями. Это напоминало Разгадку Большого Билла – штуку, которая позволяет заглянуть под иллюзию, если таковая есть.

Баргест между тем начал увеличиваться в размерах и сокрушенно выть.

Его вой проникал в самое сердце – лишал тебя надежды на малейший лучик света, разъедал изнутри и выворачивал наизнанку.

Я вздрогнула от охватившего меня ужаса. Перед глазами возникли картины самых тоскливых и позорных ситуаций в моей жизни...

Пес рос и занимал все больше места. Я же наполовину пребывала в шкафу: стояла в створках, но уже отворенных. Будто кукушка в заевших часах. Калейдоскопом проворачивающиеся неприятные воспоминания лишили меня всякого желания шевелиться.

Когда одна из лап псины увеличилась до того, что «встретилась» с моей ступней, баргест с негромким хлопком исчез...

О-оу. Значит, моя тотальная антимагия нейтрализует не только ташени.

Польша, ругнувшись, постарался поскорее «погасить» заклинание. Потому что унни – штука опасная. Если уж ты припахал ее под свои цели, то бросать посреди дороги нельзя. Изволь довести дело до конца или же мастерски спустить на тормозах – а то всепронизывающая энергия надает тебе по щам. Вселенная ненавидит бессмысленность.

Когда все было позади, Цфат осторожно поднялась с кровати.

– Это и есть мой баргест, – со вздохом сказала дриада. Будто мы нуждались в пояснениях!

– Он настоящий, – подтвердил Польша, подозрительно довольный.

– Ты же не довел до конца заклинание? – спросила я с содроганием.

С содроганием – потому что сейчас мы наверняка поднимем столь неприятную тему, как «почему волшебная собачка пропала, коснувшись Тинави?».

– Когда пес завыл, все стало очевидно. Ни одна иллюзия не влияет на психику столь сокрушительно. Так что, Цфат, я вас поздравляю – вам является настоящий дух! – весело ска-

зал Полынь. И тотчас поправился: – Вернее, сочувствую. Мы выясним, почему баргест приходит, и предпримем все необходимое, чтобы предотвратить несчастье.

– Спасибо, – кивнула дриада. На глазах Цфат выступили блестящие слезинки. Шикарные волосы окутали ее, словно плащом.

Полынь вышел в центр комнаты и достал из складок одеяния стеклянный шар пурпурного оттенка. Ловчий критически осмотрел его, подышал на стекло, протер рукавом. Потом поднял шар высоко над головой и попросил нас с дриадой замереть. Из шара донесся глухой хлопок. Всю его поверхность заволокло искрящимся туманом.

– Мы будем держать вас в курсе расследования, – пообещал на прощание Полынь.

Когда мы вышли в коридор, я осторожно ткнула пальцем в стеклянную диковину:

– Что это?

Внутри лиловой мглы, будто в драконьем яйце, набухало движение.

– О, это прекрасная штука, разработка Дома Внемлющих. Называется «имаграф». Он позволяет перенести внутрь стекла изображение места, где ты находишься. Что-то вроде картины, но круглой. Уже готово, посмотри.

Полынь протянул мне имаграф.

Звездчатый туман расчистился. Внутри проявилась – совсем как наяву – комната Цфат. Стены, окна, мебель, книги и парикмахерские инструменты – все перенесено в мельчайших деталях. Мы с куратором и дриадой тоже присутствовали в этой игрушечной спальне.

– Здорово как! – ахнула я.

– Ага. А теперь удержи палец на... Ну на своем лице, например. – Полынь подмигнул.

Я послушно ткнула мизинцем в шар. Прошла секунда – и мое лицо в имаграфе начало увеличиваться, как пойманное на удочку. Ойкнув, я поскорее отдернула руку, отпустив натяжение.

На картинке у меня была такая оторопевшая и виноватая рожа, что любой заподозрит неладное. Не стоит ее приближать!

Но Полынь так и не спросил про исчезновение баргеста. Повезло.

– Чудесная штука, – подытожила я.

– Чудесная и очень полезная, – согласился куратор. – Все детали сложно удержать в памяти, а имаграфы позволяют вернуться к анализу в любое время.

Я только головой покачала.

Ох уж эти Внемлющие! Самый технически подкованный Дом Шолоха.

Кстати, надо будет особенно подчеркнуть для Кадии, что Полынь принадлежит к этому семейству, и всласть похихикать над ее вытянувшейся физиономией.

Дело в том, что Дом Мчащихся (который возглавляет ее отец) и Дом Внемлющих соперничают. Враждовать кому-либо в Шолохе не позволяет воспитание, но, если бы мы жили в Иджикаяне, например, то эти кланы уже давным-давно перерезали бы друг другу глотки.

Интеллектуалы против политиков... Конкуренция длится со времен Срединного государства, и никто пока не одержал верх.

Хотя само Срединное государство, земля наших предков, уже давно погребло...

Когда-то, на заре времен, оно было сильнейшей империей Лайонассы. Его основали шестеро богов-хранителей. Бессмертные дети Отца, они жили среди людей, чем оказали срединникам величайшую услугу. Боги учили срединников магии, медицине, наукам и искусствам, оберегали их и помогали найти свой путь.

Но всякая сказка кончается. Так, однажды боги ушли («Другим мирам тоже нужна наша помощь»), и Срединное государство осталось без покровителей. Несколько веков спустя его уничтожила соединенная армия западных королевств и драконов.

Выжили только те, кому в указанное время довелось проходить обучение на островах народа шэрхен. Именно та горстка людей – не больше пяти десятков – положила начало будущей истории Шолоха.

Долгое время сироты-серединники жили у шэрхен, увеличивая популяцию и перенимая у островного люда их культуру, традиции и привычки. А в шестнадцатом столетии рискнули вернуться на материк.

Здесь, в самом сердце Смахового леса, они основали новое государство, ничуть не стесняясь воздвигнуть королевский дворец прямо поверх некрополя.

Потомки тех переселенцев и являются сегодня представителями семнадцати знатных Домов. У каждого Дома – своя фишка.

Так, когда видишь кого-то из Внемлющих – беги, не то он заставит тебя часами слушать новости из научной сферы.

Очень странно, что Польш, выходец этого дома, выглядит и одевается так архаично. Косточки на шее, небо голубое, он же носит косточки животных на шее!..

И зачем только?

Пока я размышляла, мы с куратором неспешно шли сквозь ночные дворцовые коридоры. Наши равномерные шаги поддакивали ритму сердца. Внезапно впереди мигнул чей-то фонарь.

Мгновение спустя перед нами стояла невысокая, крепко сбитая девушка в походной одежде: штаны из грубой ткани, льняная рубашка, кожаная жилетка с накладными карманами. Русые волосы девушки перетягивала резинка с диковинными очками на макушке – как у ныряльщиков. У очков были толстые зеленые стекла и коричневая оправа – круглая, широкая, железная.

В одной руке девушка держала лампадку, в другой – яблоко.

Заразительный хруст расколол тишину коридора, когда плод подвергся укусу...

– Йоу, Польш! – сказала девушка и рукой с яблоком деловито отдала честь.

– Правой, Андрис. Честь отдают правой рукой, – мягко поправил ее куратор. Девушка ничуть не смутилась замечания:

– Не занудничай. Почему ты опять во дворце? Тем Самым Делом занимаешься?

– Нет, сегодня другая работа. Кстати, познакомься, это Тинави, мой «малек».

Андрис приподняла фонарь и в его свете осмотрела меня с головы до ног. Она ничего не пропустила: ни тканые ремешки сандалий с цветными стекляшками, ни кулон в виде ловца снов, ни нервную улыбочку – мою фирменную.

Удивительное дело, но в исполнении девушки «осмотр» не был оскорбительным, как, знаете, бывает при встрече новичков. Было видно: она просто хочет ухватить максимально много информации за раз. Я невольно расправила плечи. Удовлетворившись осмотром, любительница яблок кивнула, потом с грохотом поставила фонарь на пол и протянула руку:

– Будем знакомы. Я Андрис Йоукли, Ищейка.

Даже при скудном освещении было видно, какие розовые и круглые щечки у Андрис.

Хм. А я-то думала, все Ищейки должны быть «шкафами», умеющими с одного удара уложить злого преступника! Андрис же едва дотягивала мне до переносицы и вообще скорее походила на очаровательную бакалейщицу.

– Обращайся, если нужна будет помощь, – девушка кивнула мне дружелюбно и в то же время очень резко, по-деловому. – Знаю, как непросто живет «малькам». Работы куча, разъяснений – ноль.

Потом Ищейка еще раз сказала «Йоу!», подняла фонарь и энергично засеменила прочь. Хруст яблока в темноте отмечал ее путь.

Польш фыркнул ей вслед и поманил меня в боковой рукав коридора.

Чувствуя, что должен как-то прокомментировать встречу, он объяснил:

– Андрис работает в Иноземном ведомстве уже пять лет. Отличный профессионал и, как по мне, самый нормальный человек во всем министерском квартале. Можешь ей доверять.

Я кивнула, а потом замялась:

– Слушай, Полынь... А Ищейки – они как бы наши подчиненные?

Он улыбнулся. Колокольчики в волосах зазвенели:

– Ну, можно и так выразиться. Но! Скажи такое самим Ищейкам – обидятся. По факту, да, именно мы даем им задания. Но многие вещи, с которыми шутя справляется Ищейка, не под силу даже лучшим Ловчим. Таким, как я, например, – добавил он самодовольно.

– Значит, не врут? – воодушевилась я.

Сузившийся было коридор снова расширился. Впереди замаячил холл, пост охраны и двери на улицу.

– Ты и впрямь мастер своего дела?

– Как минимум я иду к этому, – посерьезнел куратор. – Не вижу смысла заниматься какой-либо работой, если не планируешь стать в ней номером один.

Следующий вопрос я постаралась задать как можно более «невзначай»:

– Кстати, а Лиссай, он что, правда принц?

...Но получилось... скорее... как можно более невпопад.

– Долго ж ты терпела! – Полынь расхохотался.

Смех его отскочил от стены и помчался прыгать по арочному своду холла. Стражники недовольно скривились.

Куратор продолжил:

– Да, правда. Но об этом потом расскажу.

– А про То Самое Дело расскажешь?

Ловчий покачал головой:

– Сейчас пора спать, Тинави.

Мы вышли из дворца, и на улице, как по заказу, сразу же послышался бой часов.

Сначала раздались громкие удары дворцовых курантов, потом к ним присоединился переливчатый звон с башен Академии, из Водного управления и Казначейства... Секунд тридцать весь город дружно отбивал час ночи. «Бо-о-о-о-о-м-м-м», – где-то на нижней границе слуха подытожил колокол Ратуши, который за этот басовитый звук прозвали Толстяком Бенджи.

Все стихло.

– Обожаю Шолох, – хмыкнул Полынь. – Девяносто процентов населения встает на работу спозаранку, но даже ночью каждый час мы упорно слушаем этот концерт.

– А мне нравится, – пожала я плечами.

– А мне нет. Завтра утром жду в моем кабинете.

Полынь сделал несколько шагов и... исчез.

Во всяком случае, мне так показалось. На самом деле, вероятно, он скрылся за деревом – еще днем, в зеленом лабиринте, я убедилась, что куратор не ищет легких путей. Я буркнула в пустоту «до встречи» и потопала дальше.

Если поторопиться и поймать кентавра, дома буду к двум. А значит, даже получу свою шестичасовую дозу сна.

Да здравствует здоровый образ жизни!

9

Водопады Иштвани

*Комплиментам чужаков мы верим больше, чем похвале от близких.
Ее Величество Аутурни из Дома Ищущих*

Я проснулась оттого, что на меня вылили ушат воды. Слава хранителям, хоть не ледяной! А все же приятного мало.

– Какого праха?! – взвывла я, подсакивая.

Многочисленные пухлые подушки, из которых я перед сном выстраиваю себе «гнездо», грустно осели под тяжестью воды. Запахло мокрыми гусиными перьями.

Передо мной стояла сияющая поганка Кадия. Сияющая в прямом смысле этого слова – подруга так качественно натерла форменные доспехи стража, что они аж светились, несмотря на рассветный полумрак комнаты.

– Утречко добренькое! – радостно возвестила Кад, элегантно жесом поправляя волосы. А потом еще раз. И еще.

Скоро ей придется спрятать локоны под шлем, где они будут безжалостно щекотать уши и шею. Вот подруга и наслаждается шевелюрной свободой, пока может.

– Я с крендельками – не сердчай на побудку! – Кадия бросила мне на грудь бумажный пакет, благоухающий свежей выпечкой, а сама пошла в обход комнаты – раздвигать шторы.

Красная леска рассветного солнца исполосовала спальню, нашинковав сборную солянку из предметов мебели, надерганных со всего света.

Вернее, мне бы хотелось сказать – «со всего света».

На самом деле, надерганных в экзотических лавках Потаенного Рынка, где дивно разодетые торговцы с чарующими голосами и выверенными жестами одну за другой тянут золотые монеты из карманов зевак. Таскать вещи из других стран – затея для дураков, богачей и Ходящих (если сплетни не врут и железнолицые действительно умеют прыгать сквозь пространство).

Марах, отвернувшись от света, недовольно заушал: филины все-таки ночные птицы. Появление Кадии не пришлось ему по вкусу.

– Крендельки – это хорошо. Но что-то больно напоминает подкуп, – проворчала я, выпутываясь из одеял.

– Ничего от тебя не скроешь, госпожа Ловчая! Тебя ведь пока еще не выперли, да? – Кадия неожиданно подскочила ко мне и по-хозяйски выхватила один слобный полумесяц из пакета.

– Жадничать плохо! – строго добавила она, перехватив мой возмущенный взгляд. И резво отпрыгнула обратно.

Я заглянула в пакет. Теперь всего один крендель подмигивал мне глазком-изюмом. Я вздохнула:

– И на что ты хочешь сподвигнуть меня с помощью этой жалкой взятки?

Кадия ответила с набитым ртом:

– О, тут все просто. Отправляйся сейчас на водопады Иштвани – там Дахху занимается чьягой. Ты же ведь тоже любишь этот недоспорт? Поразминайтесь вместе, потянитесь, «раскройте таз» и сделайте прочие глупости «просвещенных». А главное, Тинави, спроси у этого светила науки – что он собирается делать со своей рукой?

– А что не так с его рукой?

– Ну, ее бокки-с-фонарем пощупал, если помнишь. И хотя Дахху отнекивается, что-то тут нечисто. Вчера вечером в ресторане я слегла облила его локоть кипятком, а он даже не заметил. Прикинь! Я ему: Дахху, дружище, у тебя там уже пузырь вздулся, тебе, вообще, как? Он: а, что? О, небеса великие, а что с моей рукой? Парниша, конечно, всегда был рассеянным, но не настолько же!

Я нахмурилась:

– А почему ты сама с ним не поговоришь?

– Ну... – Кадия замялась. – У нас вчера вышел кое-какой неловкий момент, и я не хочу пока видеть этого Смеющегося.

– Поня-я-тно, – протянула я. – Что ж, я действительно люблю чьягу. Но, учитывая, что ты разбудила меня на рассвете... Ох, Кадия, тут крендельком не отделаешься! Ты бы знала, во сколько я легла! Подкинь меня до места, и я расскажу тебе о бравых буднях департамента Ловчих.

– Заметано. Но если ты надеешься заодно выведать про нашу с Дахху размолвку – не выйдет. Предупреждаю.

Я пожала плечами.

Тоже мне, большой секрет!

Кадия уже много лет влюблена в нашего Дахху.

Точнее, как: на нее это болезненное чувство нападает периодами, как сенная лихорадка у аллергиков. Только чаще. И непредсказуемо.

То влюблена так, что аж руки трясутся, то принимает твердое решение «все забыть» и начинает активные поиски другой любви. Находит объект. Недельку наслаждается бабочками в животе. И снова-здорово: «Мне нужен только Да-а-ахху».

Ну а Дахху к пеплу никто не нужен – он же философ, поэт, историк, лекарь, безумный ученый и просто чурбан. Ему «романтика» слышится диагнозом.

Иногда Кадью это доводит, и в частных беседах она начинает намекать ему, что, мол, есть такая штука, как любовь, и это – хорошо. Обычно Дахху слушает ее дуб-дубом в течение получаса, а потом переводит разговор на другую тему. После этого Кадия пару дней дуется. И – вот это поворот! – отправляется на охоту за новой любовью.

Самые громкие ссоры случаются, когда Кадью дергает за язык как-нибудь завуалированно признаться в своих чувствах, а потом, так же завуалированно, пообещать, что Дахху пожалеет, если она «уйдет от него».

Но, так как наш носатый кудряш и это пропускает мимо ушей, скандалы, опять же, оказываются односторонними и проходят исключительно в голове Кадии.

Вот я даже не знаю, плохо это или как.

* * *

Подруга быстро довезла меня до места.

– Не подведи, Тинавушка! – напутствовала Кадия.

Я кивнула и трепетно сползла с ее лошади по имени Суслик. Суслик явственно проскрежетала зубами мне вслед. Тяжело сглотнув, я не рискнула обернуться.

Безобидная кличка лошади многих сбивает с толку.

Слушателям историй о Суслике чудится, что речь идет про очень нежное, хрупкое и милое создание. И когда подруга рассказывает, например, что ее любимица забила трехметрового горного тролля копытами, то все воспринимают это как преувеличение.

Ага, щас.

Скорее преуменьшение.

Суслик – жертва магических экспериментов по выведению новых пород. Бабушка этой кобылки (или как там называются лошадиные родственники) была эх-ушкье, то есть океанским водяным духом в облике лошади. Духом юрким, злым и красноглазым. Многие ругаются на живущих в Шолохе келпи: сетуют, что эти речные твари, питомцы ундин, очень вредные, управы на них нет. Но по сравнению с настоящими эх-ушкье, обитающими в Море Ста Мертвецов, наши келпи – полная ерунда. Это как сравнивать саблезубого змея ливьятана с банальной гадюкой.

Суслик недалеко ушла от своих предков: огромное, чернильного цвета, животное, она скачет со скоростью ветра и на десерт потребляет мечи, отжившие свой век.

– Пожалуйста, сделай так, чтобы рука Дахху осталась на месте! – крикнула мне вслед Кадия таким голосом, будто это у нее что-то болело.

* * *

Водопады Иштвани – излюбленное место фанатов чьяги. Здесь, под рокот ниспадающей воды, особенно приятно выполнять различные асаны и медитировать.

Пригнувшись, я прошла под скалистым уступом. Естественный коридор был с одной стороны ограничен аметистовой стеной. С другой – шипящими потоками воды.

– Привет! – Выйдя на потаенную полянку, я нашла Дахху среди других практикующих. Дамы и господа в мягких свободных костюмах тянулись, выполняли танцевальные связки или просто лежали, созерцая небо.

Обстановка располагала.

Крохотные капельки воды висели в воздухе, бриллиантами оседали на ресницах. Форель скакала в глубокой, холодной реке. Птицы пели в высоте, над водопадами, где с обрыва, любопытствуя, свешивались кудрявые ивы.

– Я присоединюсь?

– Конечно. – Дахху вышел из «позы дерева» и улыбнулся.

Его широкие штаны травянистого цвета и рубаха с завязочками при каждом движении дивно пахли хлорной известью, которой обрабатывают палаты в Лазарете.

Мы поупражнялись.

Я заметила, что друг избегает стоек с опорой на руки.

– У тебя болит рука? – спросила я. Он вздрогнул:

– С чего ты взяла?

– Это видно. Ты не даешь нагрузки запястьям. Левому.

– Я... – Смеющийся замялся. – Тебе показалось.

– Дахху, я что, полоумная бабка, чтобы мне что-то там казалось? Прикосновение бокки... Мало ли, к чему это приведет?

Друг пожал плечами и, сев на траву, стал педантично массировать ступни. Голову опустил низко, якобы увлеченный процессом.

Я упрямо села рядом и, вывернув шею, заглянула ему в лицо.

Дахху мгновенно натянул физиономию «у меня все под контролем». Поправил шапку (да, он в ней даже занимается, увы). Поправил шарф (и в нем, все верно). Отцепился от своих грешных ступней и, глядя в никуда, стал грызть фалангу указательного пальца.

Как пишут в букварях, «Р» – «Раздумье».

Я пошла в атаку:

– И что это значит?

Он сразу же капитулировал:

– Рука иногда немеет. И болит. Ничего страшного. В любом случае, я не хочу показывать ее лекару. Это все испортит.

– Что испортит?

Взгляд его стал каким-то жалобным.

– Мои сновидения... – тихо сказал друг.

Майский ветерок сменил направление, и брызги водопадов окатили нас радужной пылью.

Вдруг Дахху прорвало:

– Помнишь, я сказал вчера, что у меня был «божественный сон»? Я имел в виду именно это. Бокки что-то сделали со мной. Раньше мне никогда ничего не снилось. Я думаю, это связано с тем, как погибли мои родители – тот волкодлак напал на нас ночью, и, если бы не рассвет – я бы тоже не выжил. Не люблю спать, сама понимаешь. – Дахху тревожно коснулся шарфа, под которым прячется один, но жуткий шрам.

Друг продолжил:

– И тут, после встречи с призраками, я начал видеть сны. Причем такие! Ярче реальности!

– И что там происходит, в этих снах?

– История! – возликовал Дахху.

Я опешила:

– Что?

– История. Я вижу Мудру – сожженную столицу Срединного государства. В ту эпоху, когда она еще процветала. Я вижу, как хранители жили бок о бок со срединниками. Тинави. – Он выдержал паузу. – Я вижу прошлое.

Я почесала макушку и завалилась на спину. Синее небо развело облаками, как руками, подтверждая: да, малышка, для меня это тоже неожиданный поворот.

Дахху не на шутку разволновался – вскочил и забегал, как укушенный:

– За эти ночи я успел подсмотреть за каждым из богов-хранителей. Я встретил сияющую Авену на волшебной рыбе, в золотых доспехах. Следил за шулером-Рэндомом. Я видел Карланона с двуручным мечом, на страже света, как всегда одинокого. Нежную Селесту. Веселую Дану. Я смотрел, как Теннет чутко вслушивается в небо, ждет опасности... Это просто невероятно! Я ходил вслед за богами, любовался... И все так четко! Я даже могу перечислить названия улиц, по которым гулял, представляешь?

– Ты настолько хорошо знаешь историю?

Дахху улыбнулся, польщенный моим предположением. Так хорошенькая девушка радуется комплименту о внешности – с легкой, знаете, снисходительностью.

– Нет, конечно! За все надо благодарить бокки. Это они показывают мне сны. Сопровождают меня. И я не должен лечить руку, иначе сны пропадут и я не смогу выполнить свое предназначение.

– Какое предназначение? – Я напряглась, потому что ненавижу всякие фантазии про «избранных», «на роду написано» и прочее.

Человек сам вершитель своей судьбы, и точка. «Предназначение» в большинстве случаев – приманка извращенных сект.

Дахху явно смутился:

– Ты знаешь... Я решил все-таки написать «Доронах».

– ДА ЛАДНО?! – Я аж поперхнулась от неожиданности.

Друг смутился еще больше.

Я вскочила и саркастически захлопала в ладоши, удачно убив по ходу дела парочку комаров:

– Мы с Кадией талдычим, как попугаи, что тебе надо написать свою прахову энциклопедию, но ты понял, что это отличная идея, из-за снов? Да будь ты проклят, Дахху из Дома Смеющихся!

Он возразил:

– Эти сны очень убедительны. А главное – в них столько материала! Только успевай записывать, проснувшись. Причем я проверил несколько неочевидных фактов – и все сходится, Тинави! Это просто невероятно. Я приблизился к богам. – Он расплылся в блаженной улыбке.

Счастливым Дахху – зрелище нечастое. Я подивилась:

– Значит, бокки ратуют за народное образование?

Улыбка друга расширилась еще чуть-чуть и вдруг превратилась в гримасу боли.

– Эй! Ты чего?! – испугалась я.

Дахху вскрикнул. Схватившись за левую руку, он стал баюкать ее, как ребенка, закрыв глаза и что-то пришептывая.

– Дахху? – Я потянулась к нему.

– Не трогай! – рявкнул он не своим голосом и снова вскрикнул.

Кровь отхлынула от его и без того бледного лица. Из-под опущенных век покатались слезы. Но уже не- сколько мгновений спустя Дахху отпустил руку... Встряхнулся, проморгался и сказал нормальным тоном:

– Прости.

– Это вот так она у тебя немеет?! – Я с трудом подобрала челюсть.

– Все нормально... Мой организм адаптируется, это как акклиматизация, только в случае с потусторонней материей. Скоро пройдет, – невнятно пробормотал друг.

– Дахху. Тебе надо к лекарю.

– Мне надо узнать всю историю богов, вот что мне надо, – быстро перебил он.

– Расскажи в Лазарете, что случилось. Если ты докажешь, что твой... мм... источник заслуживает доверия, там наверняка найдут способ избавиться от боли и притом оставить сны.

Друг упрямо помотал головой. Я продолжила:

– Тебе точно помогут! Ведь у нас так мало данных о расцвете срединников – и о богах! Всякий уважающий себя ученый, услышав твои новости, сам бросится обниматься с бокки. Все вместе вы наверняка найдете безвредный способ написать «Доронах».

Лицо Дахху окаменело.

– Вот именно, – тихо сказал он.

Я заметила, что привычные синяки под глазами Дахху потемнели еще сильнее после приступа. Кожа отливала зеленоватым воском.

– Вот именно, – повторил друг. – «Все вместе». Я не хочу писать «Доронах» с кем-то. Я хочу сделать все сам: сам раскопать, изучить, доказать и опубликовать. А потом признаться, что мой источник – бокки-с-фонарями. Это будет прорыв. И это будет сенсация.

– При условии, что ты до нее доживешь. – Я с беспокойством смотрела на своего бедного, бледного друга.

– Конечно, доживу. – Он трясущимися пальцами поправил кудряшки. Его грустные глаза с опущенными внешними уголками казались решительными, как никогда.

Я сменила тактику.

– Слушай, если ты хочешь признания, пиши о чем-то более... современном, – от души посоветовала я. – Займись бунтом Ходящих, например! Истории два года, настоящий свежак по меркам нашей заторможенной публики. А?

Он смерил меня гордым взглядом:

– Я не хочу глупого признания. Я хочу провести настоящее исследование.

– Ну вот! Так и исследуй реформу Теневого департамента. Опроси ту дюжину железнолицых, что сохранили работу. Навести осужденных в тюрьме. Найди изгнанников. Узнай, в конце концов, есть у них сверхспособности или нет. Разве это не интересно?

– Зачем мне какие-то дешевые сверхспособности, если я могу разобраться в истории самих хранителей? – Дахху возвел очи горе.

Я сдалась.

– Ладно. Разбирайся в чем хочешь, господин Помешанный. Но следи за здоровьем. Если с тобой что-то случится – Кадия разорвет меня на куски. Хотя нет: прежде с этим справится моя совесть.

Дахху еще немного поизображал каменного истукана, но потом махнул рукой и смягчился:

– Я постараюсь.

Мы попросились.

Я со вздохом пошла прочь к лесному тракту. От водопадов Иштвани до центра Шолоха где-то полчаса езды. Нужно поторопиться, если я не хочу опоздать на работу.

Между тем рассказ Дахху оставил в душе неприятный осадок.

С одной стороны, мне категорически не понравился его приступ. С другой стороны, он же лекарь и вообще не дурак, чай, сообразит, если ситуация выйдет из-под контроля.

Ну а если честно, я вообще не верю в его сны. Точнее, в их «историчность».

Как по мне, так мысль о том, что сны бывают пророческими, то есть навеянными высшей силой, которая заботится о тебе настолько, чтобы намеками подсказывать дальнейший путь – это большой самоутешительный обман.

Каждый из нас всю жизнь остается замкнут в рамках собственного разума. Идея, что в него могут залезать – по ночам, под покровом темноты – некие чужеродные сущности, дает позитивную иллюзию, будто человек не так одинок, как кажется. Это из той же серии, что сказки про чтение мыслей: якобы можно гулять по чужой памяти, как у себя дома – еще одна волнующая умы «дешевая сверхспособность»! Но нет.

Никто из нас не способен соединиться с другим разумом, никто не может напрямую познать порывы чужой души. Мы прибегаем к речи, к физическим контактам, к опосредованным эго-излияниям (литература, живопись, скульптура), чтобы приблизиться друг к другу. И все равно получается далеко...

А тут такой чудесный миф – ты спишь, и некто нашептывает тебе прямо в мозг! Ближе не бывает! Да еще и – ах! – помогает исполнить давнюю мечту: выдает горстями информацию, столь нужную для энциклопедии.

Ну-ну.

Прости, Дахху, но это не бокки читают тебе лекции, а просто соображалка, наконец, включилась – столько лет спустя. Прикосновение бокки разбудило в тебе смелость. А она, в свою очередь, распахнула запертые подвалы со школьными знаниями – в тот момент, когда они могут тебе пригодиться. Не знаю, как именно это работает, но уверена, что объяснение «умных» снов проще, чем предложенное тобою.

Если в нашем мире и есть магия, то это не значит, что к ней надо апеллировать в любой непонятной ситуации.

Уж я-то знаю.

10

Наказание неизбежно

Выбирая себе убеждения, помните, что однажды они могут обернуться против вас.

Магистр Орлин

На работу я успела тютелька в тютельку.

Ровно к сроку стояла перед кабинетом мастера Улиуса вместе с остальными новобранцами.

Кабинет был заперт, в коридоре – ни души, кроме нас. Это резко контрастировало с главным холлом ведомства – вечно забитым людьми, наполненным шорохами бумаг и скрипом перьев. Здесь тишину отмеряло только монотонное тиканье здоровенных напольных часов, установленных в нише.

Я заметила, что в Иноземном ведомстве испытывали необъяснимое влечение к ходикам: за каждым поворотом обязательно прятались новые куранты. Всегда крупные, с серьезной, почти человеческой физиономией, сложенной из циферблата и стрелок. Неумолимый маятник мерно раскачивался за стеклом, а по серебряной ленте вдоль корпуса вились цитаты из Речения Теннета – книжки, написанной этим хранителем.

«Бойся тихой воды, тихой женщины и тихого врага».

«Лучший друг человека – собака, которая спит с одним открытым глазом».

«Даже если все спокойно, это не значит, что ты можешь уйти с поста».

М-да, смелость в каждом слове...

Дело в том, что у всякого хранителя есть своя специальность. Например, Авена и Карланон – воители (но Авена скорее нападает, а Карланон – защищает). Рэндом – телепат и трикстер. Дану ответственна за чары и иллюзии, а Селеста – за флору и фауну. Теннет же – пророк и хранитель времени. Последнее звучит круто, но по факту в большинстве историй Теннет предстает нервным психопатом, который из-за своей природной «чуйки» (не имеющий ничего общего с колдовством) бьет в набат, насильно выталкивая братьев и сестер на битвы с условным злом.

Другие хранители его за это не слишком любят. Сложно любить того, кто постоянно заставляет тебя что-то делать.

Так и часы с его именем – не дают забытья... Тикают вдоль всего коридора.

Видимо, как-то раз ретивые завхозы заказали целую партию – штук сто, не меньше, и теперь рассовывают где придется. Знаменитая шолоховская запасливость в действии!

Я зевнула и перевела взгляд от часов на коллег-Ловчих.

«Мальки» не разговаривали. Кто-то сидел прямо на полу, читая, кто-то облокотился о подоконник и отрешенно оглядывал улицу. Лишь темноволосые братья-близнецы о чем-то тихо перешептывались. Их цепкие взгляды профессиональных сплетников последовательно обшаривали каждого из нас.

– Так-так, говорит проstack, утро доброе, доброе утро, дамы и господа! – зазвучал бас, от которого чуть не полопались осветительные аквариумы.

Секунду спустя появился и сам мастер Улиус. За ним Селия цокала серовастенкой мышинной тростью.

– У кабинета не толпимся, излишнего почтения не проявляем, – рокотал начальник, отыскивая в кармане безразмерного плаща связку ключей. – Все пришли, никто не опоздал? Все пришли, отлично. Общаетесь? Не общаетесь. Хуже, но терпимо. Дружными Ловчие быть не обязаны. Что мне от вас надо – так это аналитические способности, упорство и скорость

реакции. – Будто в подтверждение своих слов Улиус резко повернулся и обрушил стопку документов на стоявшую у него за спиной девушку.

Та от неожиданности едва не упала.

– Просыпаемся, малышки, просыпаемся! – еще громче возопил шеф.

От него так и несло безумной бодростью человека, любящего свою работу.

Я невольно приосанилась.

Мы гуськом прошли в кабинет и расселись по амфитеатру. Совсем как студенты в Академии. Я заняла самое левое место в дальнем ряду. Когда у тебя всего одно рабочее ухо, волей-неволей выбираешь угловую позицию с широким обзором: чтобы все были спереди и справа. Кадия в шутку называет это «стрелковой кочкой».

– Ну что, Тинави из Дома Страждущих. – Умостившись за столом, шеф без предисловий обратился ко мне. – Вижу, ты получила за вступительные тесты «отлично». Молодец-молодец, возьми с полки огурец! Сложно было Полыни сдавать?

Я немножко не поняла ситуации – когда это Полынь принимал у меня тесты? – но на всякий случай с улыбкой наклонила голову. А потом чуть-чуть повернула ее вправо-влево. Я надеялась, что истолковать такой жест можно по-разному: может, да. А может, нет. Может, шею разминаю. Или вообще не услышала вопроса и неловко шевелю конечностями, выигрывая время.

– Да-а-а, – радостно продолжил Улиус, выбравший толкование номер один. – Твой куратор – зверь, девочка! Но ты справилась! Поздравляю! А ну-ка все похлопали!

Все кисло похлопали.

Я чувствовала, что еще немного – и от стыда провалюсь под землю.

Получается, тот же человек, который устроил меня на работу, еще и подделал результаты тестов? В реальности я бы никогда не сдала «магическое искусство», так что теперь речь идет о полноценной фальсификации.

С ужасом я перехватила взгляд Селии – холодный, напряженный.

Она что-то подозревает. Или боится, что я туповата для должности – после моих-то игрищ с шей!

Мастер Улиус начал читать лекцию.

Согласно программе, три раза в неделю нас, новеньких Ловчих, накачивали знаниями лучшие умы ведомства. Улиус поставил себя лектором на добрую половину занятий. То ли очень хочет считаться «лучшим умом», то ли обожает учить, пока неясно.

Сегодня он вещал о культуре и традициях народов Лайонассы. Интересно, но не слишком – пересказывать не буду.

– Эй, пс-с! – справа от меня раздался шепот. – Как тебе с Полынью работается, а?

Я повернулась. Один из близнецов. Хитрая улыбочка, жажда сенсации.

– А что?

– А ничего. Нормальный мужик-то хоть?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, не каждый так возгордится, что попробует занять свой портрет в Галерее Генералов! – Парень поправил бархатный галстук-бабочку на шее и подмигнул.

Мне стало любопытно. Я постаралась подстроиться под интонации собеседника, чтобы он рассказал мне больше:

– Че за галерея-то?

– Ты че. Галерея Генералов, на первом этаже. Статуи, портреты. Все изображают Генералов Улова – тех, кто раскрыл больше девятисот девяноста девяти дел за два года.

– Ого. И что, Полынь хочет стать Генералом?

– По-любому хочет! – Близнец рубанул воздух ладонью, подтверждая серьезность своих слов.

На кафедре мастер Улиус рокотал про свадебные обряды фей.

Новичок окинул его скучающим взглядом, зевнул и продолжил:

– Быть Генералом – круче не придумаешь. Слава, почет, надбавка к жалованью. А еще – аудиенция у короля и право одной королевской просьбы. Говорят, вообще любой: на какую наглости хватит. Хоть поместье себе проси, хоть жену из Ищущих! – Близнец замысловато подвигал бровями.

Видимо, это должно помочь мне представить все плюсы обладания женой из королевского рода.

– И у Польшы как раз скоро будет два года службы. Пашет не по-детски, чтобы девяносто девяносто девять дел раскрыть! Прикинь, как в ведомство пришел, мальком, так сразу задал жару. Мужик знает, чего хочет, уважаю. Вот только Селия его ненавидит, вешает на него сплошь висяки и мелочовку с окраин королевства. Пока туда доедешь, уже и день пропал. При этом обычно генералами становятся большие начальники с кучей подчиненных, а Польша работает сам. Хотя теперь у него есть ты, а-ха-ха!

– А-ха-ха! – вяло я поддержала энтузиазм коллеги.

Информация была, безусловно, любопытной. Н-да, не повезло Польшы – в кои-то веки обзавелся помощницей, а она – я. Сочувствую.

Близнец продолжал нашептывать сплетни, густые, как гномье хмельное варенье. Я прислушалась – будет полезно узнать о Польшы как можно больше.

– ...В общем, из-за этого дела он совсем озверел. Если оно ему нарушит всю малину с Галереей Генералов – чую, порвет он Селию, как тузик грелку.

– Отвлеклась, извини. Повтори, из-за какого дела?

– Да из-за того, безнадежного. Или Того Самого. Как тебе больше нравится. Да Польша тебе сам уже рассказал, небось? – Близнец снова подмигнул и задергал свою грешную бабочку. Флиртует, что ли?

– Хочу твою версию услышать, – нашлась я.

Малек-коллега плотоядно улыбнулся и зашептал еще жарче:

– Ну, Селия выдала Польшы висяк, который уже несколько недель болтался по разным департаментам и его, прикинь, все игнорировали. Сначала вообще не поняли, что это преступление, потом не могли решить, кому им заниматься. Потом, когда скумекали, что речь о серийных убийствах – засуетились, конечно. Но времени, времени-то сколько прошло! И улик по нулям. А Селия бац – и Польшы его сбаврила под одиночное расследование! Нет чтоб комиссию созвать!

Малек продолжил:

– Селия такая злобная с тех пор, как пришлось оперативную работу из-за травмы бросить, вообще беда. Мне бы тоже не понравилось с костылем валандаться, понимаю. Но стопорить нормальному мужику карьеру – это по-свински!

– Почему стопорить?

– Ну, двухлетний срок у Польшы через две недели закончится. Чтоб Генералом Улова стать, надо заявку подать, что начинаешь гонку. И среди твоих девятиста девяти дел не должно быть ни одного нераскрытого. Если к тебе что-то присобачили официально – изволь разобраться. А с этими убийствами... Ой вряд ли.

Близнец авторитетно покачал головой.

Я недоумевала:

– А почему Селия так ненавидит Польшу?

– КХЕ-КХЕМ. Тинави, Гамор, это что такое? Дружка нашла, голову потеряла? Мила девица дороже знаний? – За перешептываниями я не заметила, когда подошел и грозно навис над нами мастер Улиус.

Рыжая курчавая борода шефа пахла детским мылом.

Он загудел:

– Я человек добрый, но болтунов на дух не переношу. В качестве штрафа будет вам по дополнительному заданию на неделе. Да не от ваших кураторов, а от меня лично. Любишь кататься, люби и саночки возить.

Мы извинились.

Мастер Улиус еще пару минут разглагольствовал о том, как нехорошо перешептываться, вместо того чтобы «погружаться в великолепный источник пламенеющих знаний», а потом продолжил лекцию.

Я опять наткнулась на подозрительный взгляд Селии. Хотела по привычке отвести глаза, но сдержалась.

Глава департамента Ловчих сказал бы: «Враг моего друга – мой враг». Видимо, визитку вчера Селия дала мне для доносов на куратора...

Не знаю, чем уж там Польша насолил этой даме, но, пожалуй, я буду на его стороне. На всякий случай. Раз уж он такой крутой, что даже ундинам и болтливым близнецам нравится.

* * *

После лекции «мальки» отправились к своим кураторам – помогать.

Я спустилась на второй этаж, отведенный для чиновников среднего звена, и нашла кабинет Польша. В верхнем правом углу деревянной двери было криво выцарапано: «Удачи! Мы тебя любим!». И сердечко.

Я усмехнулась.

Генерал Улова, значит...

Зайдя внутрь, я присвистнула: до звания чистюли куратору ой как далеко! Помещение было завалено до потолка.

Тут находились: большое некрашеное бюро, засыпанное документами, два глубоких кресла с вытертыми подлокотниками, пара неудобных стульев, шахматы, раскиданные на журнальном столике, и несколько хаотично стоящих шкафов с распахнутыми дверцами. Будто их занесли в помещение, а потом поленились нормально поставить и бросили посреди комнаты.

На полу стояли ящики с уликами, валялись берестяные стаканчики из-под напитков. Стопки газет опасно кренились по бокам. Подоконник оказался куда шире обычного, с расстеленным на нем клетчатый пледом, несколькими подушками и апельсиновым деревом в кадке. На пробковую доску вполстены были приколоты десятки ярких бумажек с заметками.

При всем этом бардаке кабинет выглядел до странности уютным.

Внемлющий, кажется, проводил тут сутки напролет: в углу комнаты примостилась выцветшая раскладушка. Подушку украшала тарелка с остатками сэндвича.

Я окликнула коллегу:

– Польша?

Где-то за шкафом послышалось недовольное кряхтение.

– Я пришла помогать.

Куратор вылез мне навстречу, разминая затекшие руки и ноги:

– Ах да. Привет. Ну что, сегодня пойдешь на свой первый арест.

– В смысле?

– А что, думаешь, Цфат будет и дальше стричь королевскую семью? Преступникам место в тюрьме.

В ответ на мой недоуменный взгляд Польша тяжело вздохнул. Задумался на секунду, потом нырнул под стол и вылез оттуда со вчерашним имаграфом.

– Что ты видишь? – Польша протянул мне шар, похожий на маленькую планету.

– Дурацкое выражение на собственном лице. Да и поза подкачала... Будешь еще имаграфом пользоваться – позволь мне сначала выйти из комнаты, ладно?

Он пропустил замечание мимо ушей и нетерпеливо побарабанил пальцами по шару.

– Опиши мне спальню дриады.

– Небольшая. Одно окно. Чисто убранная, в отличие от этой. Много парикмахерских инструментов...

– Расскажи о них подробнее. Можешь приблизить.

Я сделала, как он велел. Картинка внутри шара дернулась и поехала под моими пальцами.

Я пожалала плечами:

– Цфат хранит все в идеальном состоянии. Ножницы вычищены до блеска, нигде не пылинки. А еще все новое, выглядит очень... современно, что ли. Не жалеет дриада денег на материалы.

– Вот именно. А теперь посмотри на этажерку у окна.

В указанном месте у парикмахерши лежали гребни. Разноплановые и очень красивые. Вдруг мой взгляд наткнулся на уродца...

Небольшой костяной гребешок с редкими зубцами казался лишним в этом ряду. На рукоятке не хватало нескольких камней.

– Видишь, да? – Полынь глянул на меня с азартом. – Приблизь еще!

При максимальном увеличении стало видно, что на гребне стоит монограмма: инициалы А.И. в короне, венчающей дерево. Я протянула долгое «М-м-м?», но куратор упорно молчал. Было ясно, что Полынь меня экзаменует: он хитро шурился и ждал, что скажу. Я сосредоточенно наморщила лоб.

Вскоре меня осенило:

– Королевская эмблема! А.И. – это случайно не Аутурни из Дома Ищущих?

– Именно, душа моя! – Куратор потер ладони. – Гребень принадлежит королеве. То, насколько плохо он выглядит, свидетельствует об одном из двух: либо это дешевый, потасканный аксессуар; либо – антикварная ценность, которую не пощадило время. Учитывая Аутурни в уравнении – второе. Я отправил Ищеек во дворец, чтобы они проверили догадку, и оказался прав: зимой у королевы пропал гребень, которым она пользовалась еще в детстве. Так же, как ее мама, бабушка и другие женщины рода Ищущих. Обнаружив пропажу, горничные испугались, что их накажут за неосмотрительность, и промолчали: понадеялись, что Ее Величество еще не скоро вспомнит о гребне, а может, и не вспомнит вовсе. Что и произошло.

– Ты думаешь, Цфат стащила королевский гребень? Она, конечно, фанатка своего дела, но воровать?

– Тем не менее своровала. И я знаю, почему.

Полынь с размаху плюхнулся в одно из замшевых кресел. В воздух взвилось облачко пыли.

Куратор искрился удовольствием, объясняя:

– Дриады верят, что волосы хранят нашу энергию, удачу и «ген сильных сторон», если так можно выразиться. Хочешь ослабить человека – укради его прядь и сожги. Хочешь ему добра – возьми его волос и обвяжи вокруг ветки дуба. Хочешь выглядеть, как он, – используй его гребень для себя.

Я представила королеву Аутурни, которую мельком видела на паре государственных праздников. Одна деталь вспоминалась очень ясно: шикарные волосы. Ее Величество могла вернуться в них целиком, было бы желание. А от блеска ее локонов слепли глаза, как поют менестрели.

Я ахнула:

– Цфат хотела волосы, как у королевы, и поэтому пошла на кражу?

– Да. И она преуспела. Ты помнишь ее прическу? Тоже ведь ничего так. И, по свидетельствам очевидцев, волосы отросли за пару месяцев. Очень интересно, не находишь?

Я уселась во второе кресло – фиолетовое – и подтянула ноги к груди. Так мне лучше думается.

– Получается, из-за этого баргест явился к Цфат? Дриада вместе с гребнем заполучила частицу королевской энергии и стала как бы «своей», сошла за срединника?

Куратор довольно кивнул:

– Умничка. Да, как всегда, все дело в унии. У каждого существа – муравья, человека и бога – есть свой энергетический отпечаток, и магические твари ориентируются в первую очередь на него. Ну, что ж, дело закрыто. Иди во дворец.

Полынь вручил мне предписание на арест и наручники, а потом, как ни в чем не бывало, залез на подоконник, накрылся пледом и углубился в изучение каких-то документов.

Я растерялась:

– погоди. Но ведь это не такое страшное преступление – украсть старый гребень! Может, не надо ареста?

– Так. – Куратор вздохнул и со значением посмотрел на меня. – Я скажу это только один раз, но запомнить ты должна навсегда. Шолох – правовое государство. Наказание за нарушение закона у нас неизбежно. Это, считай, основа основ. Любой должен понимать: пошел на преступление – заплатишься. Иначе люди станут надеяться: ой, а вдруг не поймают, а вдруг пожалеют... Нет. Мы поймаем и не пожалеем. Иначе все покатится в тартарары. И можешь не волноваться – Цфат грозит всего лишь дюжина дней тюремного заключения, потом – свобода и никаких записей в трудовой. Дело и впрямь пустяковое.

– Хорошо, – кивнула я. – Мысль про неизбежность наказания мне нравится.

Говоря это, я скрестила пальцы за спиной.

– Вот и я люблю порядок, – кивнул куратор и небрежно бросил на пол прочитанный документ.

Наверное, тоже пальцы скрестил.

* * *

– Нет! Не надо! – шарахнулась от меня дриада, когда я выдвинула ей обвинения.

– Мне очень жаль, Цфат. Но вы пробудете в тюрьме совсем недолго. Это как в угол встать – неприятно, но не смертельно. – Я обошла побледневшую парикмахершу и достала наручники.

Когда они оказались на запястьях Цфат, пришло время побледнеть мне... Праховы наручники запирались волшебством: чтобы открыть их, нужно было приложить магический замок к татуировке Ловчего.

Тресни эта земля окаянная!

Уже при самостоятельном проходе во дворец у меня возникли трудности из-за отказывающегося сиять изображения. В итоге гвардейцы согласились пропустить меня по обычному значку. («Это новая татуировка, господин. Ей нужно время, чтобы активироваться».)

Но завязанные на магию наручники! Такого подвоха я не ожидала.

Цфат оглянулась и узрела мою обескураженную рожу над неработающими наручниками. Изображение медведя на них – символа тюрьмы – едва слышно похрапывало в ожидании, пока его разбудят должным образом.

Дриаде потребовалась доля секунды, чтобы оценить обстановку. После этого парикмахерша пнула меня, распахнула дверь в коридор и помчалась прочь, поскрипывая сочленениями.

Я, проклиная все на свете и потирая колено, заковыляла вслед.

Наша гонка по дворцу напоминала смешные истории в картинках из воскресных журналов. Дриада бежала молча, сосредоточенно, искала выход. Я прыгала за ней на одной ноге с дикими воплями «Вы арестованы!».

Прахово колено, кажется, выскочило из сустава. Я еле тащилась, а дриада, наоборот, скакала, как горная козочка.

Из комнат начали выглядывать любопытствующие. Они не спешили помочь. Первое правило настоящего шолоховца: при чрезвычайной ситуации не вмешивайся, запоминай как можно больше – потом расскажешь всем в округе и станешь звездой.

Наконец, мне улыбнулась удача в лице пухленького поваренка. Он выходил из кухонных дверей с огромным подносом наперевес. Выйдя, повар узрел мчащуюся на него Цфат. Бедолагу это так напрягло, что он сразу же упал – без чьей-либо помощи, просто от неожиданности.

Постольку поскольку поваренок был в теле, а поднос – в тарелочках, узкий коридор оказался перегороден. Дриада с разбегу врезалась в это добро, споткнулась и тоже упала. Сверху до кучи напрыгнула я.

Преступница была повержена!

Избавлю вас от утомительного пересказа последующих событий: того, как мы с гвардейцами производили арест, как я вытаскивала голову поваренка из кастрюли, где она застряла, как счищала с плаща-летяги остатки спагетти и со скрежетом зубовным вправляла колено...

Почуввав во мне новичка, стражники самовольно позвали на подмогу Ищейку. Так сказать, от греха подальше – пусть проследит за неразумной Ловчей.

Это была вчерашняя девушка.

При свете дня Андрис Йоукли выглядела очаровательно: мягенькая и розовенькая, как персик. Смешные очки нырлящика все так же были при ней, на роли ободка для густых, подстриженных «каре» волос.

Андрис, и глазом не моргнув, помогла мне правильно заполнить бумаги об аресте и отмыть плащ. Она заразительно хохотала, когда я рассказала, как смешно гонялась за Цфат, и тем самым облегчила мой стыд. В конце Ищейка похвалила меня и радушно повторила приглашение обращаться за помощью, если возникнут «неловкости».

Мы, считай, подружились.

На прощание я попросила ее отправить ташени для Польни:

«Цфат под арестом. Ее волосы до самых корней измазаны в смеси для ирисок. В тюрьме обреют – расчесать это невозможно. Баргест был прав, предсказывая несчастье».

После этого я с чувством выполненного долга пошла на улицу. В садовом лабиринте вдруг сообразила: я же во дворце, эй. И время, кажется, обеденное – законный перерыв! А один прелестный молодой человек как раз звал меня к себе на чай...

Любую грань между добрым совпадением и судьбой я трактую в пользу судьбы – так приятнее.

А потому, набравшись смелости, я остановила патруль стражников:

– Подскажите, как мне найти покои принца Лиссая?

11

Святылище

*Рискуя, можно проиграть. Не рискуя, нельзя выиграть.
...Еще немного цитат хранителя Теннета*

Как мне сообщили, Лиссай жил отшельником.

Его покои находились в восточном секторе острова. Тут не было ни входов во дворец, ни развлечений для придворных. Только озеро идеальной круглой формы, храм, тенистые аллеи и старая аркада.

Аркада утопала в ивняке. Тогда как большая часть дворцовых корпусов была построена «лесенкой», взбирающейся на самую вершину кургана, аркада вела строго по прямой и поэтому как бы уходила под холм. Зарывалась внутрь, прорубалась сквозь, полностью игнорируя давление земли. Будто хотела достигнуть самого сердца кургана.

Хотя почему «будто»?

Я округлила глаза и обратилась к стражнику, провожавшему меня:

– Там что, вход в некрополь?

– Да, в глубине. Но вход в покои принца будет раньше, – успокоил он.

Ну-ну. Не понимаю, как они вообще живут тут, во дворце – ходят прямо по скелетам!

Конечно, сейчас все входы в глубь кургана надежно запломбированы, чтобы, так сказать, никто никому не мешал – ни мертвые живым, ни живые мертвым. Прецедентов до сей поры не было, но береженого лес бережет. К предкам не принято соваться.

Под старой аркадой было свежо и сумрачно. Если первые тридцать шагов ты делал по зеленой травке в окружении кирпичных арок и кустов, то потом уже шел по полуподземному туннелю. Каменные дуги, похожие на реберные кости, играли роль потолка. Скошенная боковина холма с каждой секундой все больше скрывала солнечный свет. Дальняя часть аркады терялась в густом сумраке.

Почти сразу я наткнулась на неприметную дверцу, увитую плющом. Я собралась с духом (о-хо-хо, я пришла в гости к принцу, мать моя женщина, в гости к принцу!) и постучалась.

Дверь открылась.

На пороге стоял Ищуций: высокий, худой, в атласной пижаме лимонного цвета. Последнее меня жутко смутило. Неужели я его разбудила? Его Высочество – адепт дневного сна? Но отступить было поздно.

– О, Тинави! Вам удалось выделить время, чтобы навестить меня – это чудесно! И к-как вы вовремя – мне к-как раз подали чай. Добро пожаловать в мое ск-кромное пристанище. – Лиссай светился от радости, как оранжевая ягода дерева ошши. Такой же рыжий и теплый.

Я подумала, что мне хочется называть его Лисом, а не Лиссаем.

Он слегка поклонился и галантно пропустил меня внутрь. Когда принц повернулся, стало видно, что на спине его пижамы вышито королевское древо в короне – красота!

Но войдя в комнату, я обомлела.

Круглое помещение с купольным потолком не содержало почти никакой мебели. Только кровать, кресло и пустой мольберт.

Зато везде валялись банки с темперой и холсты, натянутые на подрамники.

Со стен были содраны обои, и голые, осиротевшие камни кто-то покрыл ярко-белой краской. То же самое случилось с паркетом. И постельное белье на неубранной кровати было белым. И обивка кресла. Вместо штор – тонкий белый тюль.

Мне показалось, что я снова в Лазарете.

Только распахнутые настежь окна под потолком добавляли помещению жизни. Растущая снаружи глициния бесцеремонно шарила сиреневыми ветками по комнате – они проваливались сверху вниз, наполняя спальню упоительным ароматом.

– К-как вам? – любезно спросил Лиссай, усаживая меня в единственное кресло и выдавая белую фарфоровую чашечку с чаем.

Чайник – белый – стоял прямо на полу.

– Весьма... необычно, – призналась я.

Как-то совсем не так представляешь дворцовые покои.

– Вы ведь понимаете, зачем это? – Лиссай посмотрел на меня заговорщицки. Нечто безумное мелькнуло в его глазах.

– Не хочу вас разочаровывать, – осторожно ответила я, снова обводя комнату взглядом. – Но нет, не понимаю.

Принц будто немного расстроился, но потом воспрянул духом и кивнул. После чего неожиданно разулся и босиком прошлепал в дальнюю часть спальни. Там он встал, широко раскинув руки, и торжественно объявил:

– После долгих экспериментов мне удалось создать пространство, из которого легче уходить в Святилище. То есть это я называю его Святилищем. Не знаю, к-какой вариант предпочитаете вы.

Я замерла с чашкой чая, не донесенной до рта.

– М-м-м... – протянула я, дугой выгнув брови. Лиссай приложил руку к сердцу:

– Тогда, в библиотеке, я сразу узнал в вас к-коллегу.

Я уставилась на принца, как баран на новые ворота.

Ну обалдеть! Всю жизнь я думала, что что-то знаю, а окружающие упорно доказывали мне обратное. Чаще всего это случалось на экзаменах. Но в последние два дня мир перестал спрашивать с меня ответы, автоматом выставляя «зачет». Что в ведомстве, что теперь. Интересный поворот.

– Коллегу, – задумчиво протянула я.

Не знаешь, что сказать – с умным видом повторяй за собеседником. Первые пару раз сойдешь за мудреца.

– Именно! – подтвердил принц. – Тогда от вас едва заметно пахло Святилищем, но мне все равно удалось почувствовать. – В подтверждение своих слов Лиссай энергично втянул ноздрями воздух: – А сейчас запах ощущается в разы сильнее. Тинави! Неужели вы были там на днях? Поделитесь подробностями, умоляю!

– Не уверена, что могу, – пробормотала я.

– Понимаю ваши сомнения. На меня тоже наводит дрожь мысль о том, что о таком загадочном месте можно говорить вслух. Но я все-таки говорю! И даже чувствую себя вполне комфортно. Значит, и вам это не доставит излишних неудобств.

Притворяться дальше было бессмысленно. Я ни праха не понимала.

– Лиссай... Мне очень жаль, но я не знаю, о чем вы.

Принц, мешавший чай резной серебряной ложечкой, замер. Ошарашенно поднял взгляд. Затем подошел и начал разглядывать меня, как экспонат в музее. Очень внимательно, до неприличия.

– Тинави, вы точно не знаете о Святилище? Возможно, нас сбивает лек-кисическое недопонимание? – с тревогой уточнил он.

– Не знаю...

Лиссай стал мерить комнату шагами.

Принц молчал, а я тоскливо следила за танцем пылинок в лучах солнца. Кажется, не грозит нам с Лиссаем никакая дружба или что похлеще. Он меня явно с кем-то перепутал и

теперь думает, как поизящнее выкрутиться. Небось в итоге опять сбежит. Без объяснений, как тогда в библиотеке.

Правда, не представляю, как он проделает этот трюк в собственной спальне.

Его Высочество меж тем почесал веснушчатый нос и чуть-чуть сгорбил и без того сутулую спину:

– Хорошо. Я сам раск-кажу вам про Святителище. Мой опыт показывает, что это едва ли совпадение. Тот запах, который привел меня к вам – особенный. Его нельзя не узнать. Только, пожалуйста, не перебивайте мой рассказ. Я был уверен, что никому и никогда не поведаю о Святителище, так что грядущий монолог – своего рода испытание и для меня тоже.

Я послушно кивнула.

Лиссай перестал наворачивать круги и забрался на кровать. С ногами. Потом залез под одеяло, тем самым напрочь стерев границы этикета. Глубоко вздохнув, принц начал свой рассказ.

История принца Лиссая

Лиссаю было душно во дворце.

Все вызывало раздражение. Портъеры казались слишком пыльными и тяжелыми. Лиссай попробовал свернуть одну из них тугим жгутом и подоткнуть за кресло – может, так она станет менее приметной?

Но получилось еще хуже: непонятная бархатная сосиска, свисающая с потолка.

– Ваше Высочество, я могу вам помочь? – промурлыкала горничная, чьей единственной обязанностью было приносить завтрак и обольстительно улыбаться.

– Пришлите к-кого-нибудь, чтоб сняли эти портъеры.

Принц тоскливо поковырял содержимое подноса. Когда король Сайнор решил, что его младший сын болен, принца начали пичкать какой-то отравой. В ответ Лиссай не то чтобы объявил голодовку, но стал есть безрадостнее. Волнение лекарей усилилось. В пищу перестали добавлять приправы. Аппетит принца вновь исчез... И так по кругу.

– Но, господин Лиссай, нельзя же оставить окна совсем без штор. Вся ваша спальня будет как на ладони!

– Повесьте вместо них белый тюль.

Горничная неодобрительно поджала губы, но промолчала. Лиссай увидел, как вокруг нее пульсирует темно-синее облачко недовольства, и захотел, чтобы она поскорее ушла – некрасивый, пугающий цвет!..

Честно говоря, принц всегда был странным, а теперь и вовсе съехал с катушек. Этой весной он полностью поменял интерьер своих покоев. Сначала его перестали устраивать обитые красным бархатом кресла, потом – балдахин над кроватью. Стол, покрытый сукном. Книжные шкафы. Со временем каждый предмет подвергнулся опале и был заменен на своего двойника чистого белого цвета. Дошло до того, что на той неделе принц самолично перекрасил стены.

Последний оплот здравомыслия, шикарные портъеры цвета осеннего леса, оставляли хоть какую-то надежду...

Но теперь комната Лиссая, белая и полупустая, пахла холодом. По мере того, как проходил день и солнце совершало свой небесный обход, освещение менялось. Но оно всегда оставалось безупречно чистым. Лиссай с удовольствием смотрел на свои руки в этом цветочном – из-за глицинии – цвете. Худые, бледные, щедро посыпанные веснушками ладони излучали волшебное сияние.

И, что самое важное, белый цвет не отвлекал. Из него удавалось уйти в Святителище.

Лиссай был художником, и, как писали газеты, художником-авангардистом.

Нет, в детстве он рисовал классические картинки: пейзажи, портреты, натюрморты. Сайнор не скупился на учителей и гордился сыном. Тайно. Внешне король не выказывал нежности: ведь королевский отпрыск должен быть в первую очередь государственным мужем.

Но как-то раз Лиссай упал с лошади. Приложился головой так, что в мозгу что-то шелкнуло. Что-то не то.

Принц стал видеть потоки света вокруг людей – будто акварель, расплзающуюся по листу бумаги. У принца кружилась голова, а на публике подташнивало.

Позже Лиссай осознал, что видит всепронизывающую энергию бытия – унни. Он не всегда понимал, что она значит, но научился с ее помощью читать эмоции людей.

А еще Лиссаю было тяжело смотреть на тех, кто только что колдовал. Они сочли грязью, как промокашки.

После травмы принц стал рисовать иначе. Его картины наполнились яркими, смелыми, волшебными огнями. Материальные объекты исчезли с холстов. Теперь там царили разноцветные потоки света.

Два месяца назад случилось чудо.

Лиссай писал огромную работу, во всю стену. Задача была сложная: изобразить дворцовую игру в крикет. Принцу никак не удавалось найти нужные оттенки: игроки испытывали самые разные эмоции, и под каждую требовался определенный тон. Да еще и магическая аура вуалью окутывала поле...

Вдруг Лиссай почувствовал, что его рукой движет что-то иное, не он сам. Не успел принц испугаться, как реальность у него перед глазами поплыла. Краски смешались, в горле запершило, вдохнуть не получалось, а в ушах тянулось бесконечное «до» нижней октавы...

Когда Лиссаю удалось «вынырнуть» из мельтешащих вокруг красок и утихомирить звон в ушах, он обнаружил себя в изящной каменной беседке на лесной поляне. Вокруг – ни души. Судя по деревьям и общему колориту, это мог быть Смаховый лес. А мог и не быть.

Лиссай огляделся. Потрогал одну из колонн ротонды – вроде настоящая. Принюхался и понял, что пахнет тоже вполне себе реальными растениями.

Принц решил: неважно, что именно случилось, с этим успеется, но сейчас нужно двигаться в сторону дома. Сориентировавшись по матовому солнцу, похожему на яичный желток, он отправился на восток. Если уж не к Шолоху, то к морю рано или поздно выйдет.

Двигался принц медленно: беседку со всех сторон окружал густой туман, идти сквозь который было сложно и, если честно, страшновато. Впрочем, вскоре магическое представление с уезжающей по спирали реальностью повторилось, и Лиссай снова оказался в собственной спальне.

Очувшись в безопасности, заинтересованный принц перевел дух и тотчас возжаждал вернуться обратно...

Он никому не рассказал о случившемся. Жизненный опыт подсказывал: простейший способ испортить чудо – заикнуться о нем прилюдно.

«Сегодня я побывал в Святыхище...» – написал Лиссай в дневнике, решив, что таинственному миру нужно имя.

Через неделю его вновь закинуло в лесную беседку, тоже во время рисования. Принц обрадовался. Как ни странно, ему понравилось это место. Там царило сверхъестественное спокойствие. Его не оставляло ощущение того, что все идет правильно.

В дальнейшем Лиссай сам пытался спровоцировать подобные «скачки». Сначала ничего не получилось, потом кое-что стало вытанцовываться. Главным условием перехода оказалась его внутренняя сосредоточенность. У всех так бывает: ты проваливаешься куда-то внутрь себя и потом с трудом возвращаешься к настоящему. Если так «проваливался» Лиссай, где-то там, на глубине, умудряясь обрести спокойствие (а не, скажем, «сосредоточенно» обдумывал какие-то проблемы или планы), то его выбрасывало к Святыхищу.

Он начал понимать, что Святилище было живым. Оно хотело дружить. Ему было одиноко, но остальные люди... Остальные не подходили на роль гостей. Только Лиссай. Принцу казалось, что, если он начнет активнее изучать Святилище, то его ждут удивительные открытия.

Но Лиссай рос во дворце и был сыном короля, а потому – юношей осторожным. Он не понаслышке знал, что такое заговоры и под каким соблазнительным соусом они могут подаваться. Изучение Святилища шло очень медленно...

Впрочем, беседка в лесу давала принцу самое главное – творческие импульсы для новых работ.

Внешний мир больше не представлял для принца ценности. Он начал перестраивать комнату, ходить босиком, носить пижамы целыми днями, пропускать балы и засыпать на семейных ужинах, сбежать из дворца, чтобы инкогнито гулять по Шолоху – стражники вылавливали его в самых неожиданных местах и силком возвращали на остров.

Король и весь Дом Ищущих единогласно решили, что Лиссай ментально болен.

На самом деле, принц был счастлив и свободен, как никогда.

* * *

– Поэтому, к-когда я увидел вас в библиотеке и почувствовал этот запах, я решил, что вы тоже избранница Святилища. Это невероятно вдохновило меня, – подвел итог принц.

Он сидел посреди кровати в обнимку с подушкой. Вторую подушку Лиссай кинул мне, так что я тоже не страдала от одиночества в своем белоснежном кресле.

– А как оно пахнет? – спросила я.

Чай в моей чашке давно остыл, и я осторожно опустила ее на пол.

– Это тонкий, пряный аромат, нечто среднее между деревом, перцем и скошенной травой.

– Хм, интересно. – Я задумалась. – Недавно со мной произошло одно загадочное событие... – Я вспомнила о бокки-с-фонарями. – Но во время нашей встречи в библиотеке я вела совершенно обычную жизнь. У меня нет ни малейшей идеи о том, что может связывать меня и Святилище.

Это было обидно – на протяжении всего чаепития вести себя, словно попугай с одной-единственной выученной фразой. Но что поделаешь.

– А я, наоборот, с к-каждой новой минутой наедине с вами убеждаюсь, что вы очень, очень тесно связаны с ним.

– Почему?

– Как я отметил в своем рассказе, я вижу мир не так, как большинство людей. – Лиссай снова развел руками.

Этот жест – неуверенный, извиняющийся – явно входил в число его любимых.

– Все окружающее для меня скорее состоит из красок, чем из контуров. Иногда я не в силах разобрать лицо собеседник-ка, потому что оно затянуто желтоватой дымкой лести или тонет в пепельном облаке остаточной магии. А появление своей горничной я могу предсказать минуты за две. Знаете, к-как? Сквозь смежную с коридором стену проступают пульсирующие спирали влюбленности.

Я фыркнула. Ох уж эти горничные!

И смутилась тоже... Надеюсь, у меня там ничего такого не вырисовывается?

Лиссай продолжил:

– Но вас я вижу на удивление четко! Ничего не мешает. Ни одного завитка энергии вокруг.

Я дернулась, как от пощечины.

– Мне к-кажется, это связано со Святилищем, оно охраняет вас, прячет вашу унни от чужих взглядов, – мечтательно улыбнулся Лиссай.

Я отвела глаза. Мир как-то резко перестал быть радостным.

Ох, Лиссай. Милый принц.

Ни одного завитка энергии?

Я мигом вспомнила, что я – всего лишь заигравшаяся девчонка. Лгунья. Убожество без магии. Никто.

– Лиссай, боюсь, дело все-таки не в Святилище... – протянула я и, собравшись с силами, подняла взгляд на принца.

И тотчас вскрикнула, потому что Лиссай начал стремительно таять в воздухе. И я, прах побереи, вместе с ним.

* * *

Так вот ты какое... Святилище.

Огромные стволы деревьев, столбами уходящие в облачное небо, такое низкое, что можно коснуться рукой. Фиолетовая россыпь незабудок под ногами. Эхо птичьего пения и обволакивающий со всех сторон музыкальный туман.

Все внешнее – пыль. Все внешнее – быль и боль. Иногда – радость, замешанная на ужасе от тикающего механизма времени, иногда – надежда, блуждающим огоньком дрожащая в беззвездной темноте. Все внешнее отдавай на откуп делам и планам, работам и балам, любимым и завистникам, норовящим ухватить кусок посочнее в твоём не зашторенном окне.

Для Святилища же сохрани крупицу вечности. Оберни ее шелком из снов и загадок, выпрями спину и вдохни поглубже само бытие.

– Это просто потрясающе, – то ли сказала, то ли выдохнула я.

Захотелось разуться и кружиться, кружиться, кружиться на траве, влажной от росы, пока не упадешь, счастливый, на спину.

Лиссай был тут как тут. Он сидел на перилах каменной беседки, белой и прохладной в своем древнем величии. Принц весело тряхнул головой, так что рыжие пряди запрыгали, будто солнечные зайчики, и заулыбался во всю ширь океана.

– Я не ошибся в тебе! – воскликнул он. – И, да, обрати внимание, какой тут колоссальный запах!

Заикания как ни бывало. Я втянула воздух ноздрями. Действительно – скошенная трава, древесина, перец и еще жасмин.

– С ума сойти, от меня что, тоже так прекрасно пахнет? – Я с удивлением поняла, что, когда смеюсь, мой голос звучит просто божественно. Никогда раньше мне не нравился свой смех. Но тут он был похож на перезвон весенних колокольчиков.

– Еще прекраснее. – Лиссай спрыгнул с перил и подошел.

Оглянувшись вправо-влево, он наклонился и тихо шепнул мне на ухо, как будто нас кто-то подслушивал:

– Оно радо нам, не правда ли?

Сердце забило. Быстро, радостно.

Лиссай стоял передо мной – красивый, светлый, тонкий – и мир, казалось, улыбается вместе с ним.

Небо голубое. Как хорошо.

Я вдруг почувствовала, что вокруг полно энергии унни. Она льется между пальцев, шевелит волосы... Бери – не хочу.

Соблазн был слишком велик. Я осторожно потянулась за энергией – как делала это сотни, тысячи раз до инцидента.

И тотчас в туманном лесу Святилища пронзительно вскрикнула птица. Желток солнца заволокло облаками, порыв ветра хлестнул меня по щеке. Земля содрогнулась, и мы рывком перенеслись обратно во дворец.

– Ого, – сказала я, хватаясь за дверной косяк, чтобы не потерять равновесие.

Голова кружилась, перед глазами скакали цветные пятна. Лиссай выглядел абсолютно нормально – вот она, доминанта опыта!

– Поздравляю, Тинави, вы познать-комились со Святилищем! – с гордостью сообщил мне принц.

– Но почему нас так быстро выкинуло обратно? – удивилась я.

– Не знаю. Может, решило, что на первый раз хватит, вы все-таки новеньк-кая. Но вам понравилось?

– Не то слово, – ошарашенно подтвердила я.

Если рядом с Лиссаем мне было легко, то в этом странном Святилище вообще хотелось улететь за горизонт, размахивая руками, как крыльями, и идиотски хихикая. Если кто-то хочет похудеть – рекомендую попробовать Святилище! Место, где проблемы веса не существует.

И других проблем, кажется, тоже.

– Лиссай, – очень серьезно сказала я, заглядывая в зеленющие глаза принца. – Делайте что хотите, но приведите меня туда еще раз. Хорошо?

– К-конечно! – с восторгом согласился он.

Мы церемонно, по всем правилам этикета, распрощались.

12

Страшная судьба Олафа Сигри

При поступлении на работу всем госслужащим Шолоха наносят магическую татуировку на левое предплечье. Сотрудникам Теневого департамента – на правое. При увольнении или смене профиля татуировку сводят или заменяют новой.

Энциклопедия «Доронах»

Я вышла из покоев принца в сумрачную аркаду. Мысли порхали, как бабочки, и сладко путались.

Мои шаги гулким эхом отдавались в прохладной глиняной тишине. Тонкие лучи солнца по диагонали пересекали аркаду, еле-еле пробираясь сквозь ивняк снаружи. Неожиданно от одной из колонн отделилась тень. Я вздрогнула.

– Привет-привет, Ловчая! – Это оказался Польшень.

Куратор по-старушечьи поджал губы и стоял, скрестив руки на груди.

Ох! Кажется, мне сейчас всыпят по первое число. Неужели ему уже рассказали о моей беготне за Цфат? Или Внемлющего возмутила самовольная отлучка к принцу?

– В следующий раз сразу вернусь в ведомство, без промедлений и перерывов на обед, – с ходу пообещала я, на всякий случай.

– Пойдем со мной, Тинави, надо поговорить, – голос у Польшени был строгий.

Внемлющий осторожно взял меня под локоток. Даже сквозь рукав летяги я почувствовала холодок серебряных браслетов, плотно обхватывающих, один за другим, предплечье куратора.

Мы молча покинули аркаду. А потом, к моему удивлению, пошли не прочь из восточного сектора, а свернули к озеру.

Польшень, не отпуская меня, левой рукой сделал несколько быстрых пассов. Он сложил большой и указательный пальцы колечком, шепнул заклинание и резко дунул в получившуюся дырку. Вокруг нас возник прозрачный переливающийся пузырь, похожий на мыльный. Пузырь Бубри – мера против подслушивания.

Я не на шутку разнервничалась.

Наконец, куратор вздохнул и сказал, продолжая все так же тащить меня в неизвестном направлении:

– Я знаю, что у тебя нет магии, Тинави. – Монетки в его волосах зазвенели, будто акцентируя слова владельца.

– О, – сказала я.

Я тяжело сглотнула.

Я посмотрела на собственные ботинки.

Я шмыгнула носом.

Польшень продолжил:

– Это я подал твое заявление на вакансию Ловчей.

А вот это уже что-то новенькое.

– Но зачем?

– Не поверишь – из-за принца Лисая.

Перед мысленным взором у меня возникла длинная строчка из восклицательных и вопросительных знаков. Вербально я не стала выражать свое удивление, решив дожидаться продолжения.

Но Польша шел, как ни в чем не бывало. Он, зараза, из тех людей, кто говорит только тогда, когда сам этого хочет. Спрашивай, не спрашивай – лишь воздух зря сотрясаешь. Так что ладно, поиграем в молчанку.

Мы подошли к кромке озера.

Отсюда открывался дивный вид на Храм Белого Огня – главную достопримечательность острова-кургана. Бежевые башни храма вырастали вверх, будто сделанные из мокрого песка; фасад, составленный из трех стрельчатых порталов, таял на палящем майском солнце, а фигуры храбрых воинов, выстроившихся по фронтонам, казались кремово-безобидными.

Хороший храм, одобряю. Похож на мороженое.

От храма к нам быстро шел высокий короткостриженный мужчина. Его блестящий жемчужный балахон вызвал у меня удушающий приступ зависти. И почему священники одеваются моднее, чем даже самые обеспеченные горожане?

Мужчина шагнул внутрь «мыльного пузыря». Они с Польшой пожали друг другу руки. Затем священник ритуально поклонился, прижав сложенные ладони к губам: там, где соединялись мизинцы, был нарисован глаз, половины которого встречались лишь при таком жесте. У глаза было шесть ресничек – по числу богов-хранителей.

– Тинави, позволь представить тебе господина Эрвина Боу, служителя Храма Белого Огня и, по совместительству, нашего информатора. Эрвин, это Тинави из Дома Страждущих – новенькая Ловчая.

Мы выразили взаимное удовольствие от знакомства. Я старательно сохраняла нейтральное выражение лица, хотя количество вопросов росло, а вот ответов, увы, не прибавлялось.

– Эрвин, расскажи об убийствах.

Священник кивнул и посвятил меня в детали произошедшего, не обременяясь хоть каким-либо вступлением.

Итак.

Первый труп был найден месяц назад, на закате, в этом самом озере. Тело обнаружил мальчик-хорист, коего злобные одноклассники скинули в воду единственно по причине детской жестокости. Зацепившийся за водоросли хорист долго барахтался, выводя отнюдь не ангельские трели, пока, наконец, не наткнулся ногой на нечто холодное. Оно было скользкое и слегка сияло в темноте.

Вопли юнца достигли ультразвука.

То, что раньше было человеком, отчаянно пыталось всплыть со дна, но не могло – мешала здоровенная гиря на ноге. Мальчишечья свора была на седьмом небе от находки, но их бурное ликование вскоре прервал сам Эрвин Боу. Священник разогнал детишек и вызвал на место преступления Смотрящих из Лесного ведомства.

– Но Смотрящие уже на следующий день сообщили, что это дело «им не подходит», – продолжил Эрвин.

Священник, Польша и я поднялись на рыбацкие мостки. Польша по-свойски сел, свесив ноги к самой воде.

Эрвин вздохнул.

– Убитым оказался садовник по имени Олаф Сигри, уроженец Асулена. То есть дело должно было расследовать Иноземное ведомство. Однако труп покрывали письма, наполовину смывшиеся. Они имели явно заклинательное происхождение и требовали дешифровки, а значит, попадали под юрисдикцию Башни магов. Детективы запутались, послали запрос. Был вечер пятницы, так что им ответили не сразу. В понедельник дело Олафа Сигри все-таки решили отдать Ловчим. Но Иноземное ведомство отказалось «просто так» брать на себя лишнее преступление и запросило сопроводительные документы. Задним числом Смотрящие пошли собирать улики. И... нашли в озере еще шестерых. Уже в виде скелетов, болтавшихся на цепях. Пока задокументировали, пока передали Ловчим... Только через неделю

убийство досталось господину Польши. Благослови хранители души усопших! – Священник машинально коснулся лба кончиками пальцев.

– Классно, – вздохнула я. – Оперативно сработали, что тут скажешь.

В разговор вмешался куратор:

– Вернее сказать, что на меня сбросили сразу семь убийств. Причем в ходе следствия стало ясно, что шестеро предыдущих пропали, мягко говоря, давно. Сообщения об исчезновениях поступали равномерно с самого начала апреля. Вот только к пропажам людей в Шолохе относятся беспечно – мало ли куда захотел уехать взрослый человек? Ну и что, что никому не сказал? – а потому дела велись крайне вяло.

– Если бы не стечение обстоятельств, то и тело Олафа Сигри предстало бы нам в виде скелета. – Священник еще раз набожно коснулся лба. – Предыдущих жертв съели ливьятаны, раньше водившиеся здесь в изобилии.

Вода озера пошла рябью от легкого ветерка.

Я вздрогнула, представив себе ливьятанов на глубине – мерзкие, слизкие, прожорливые змеи с огромными зубами и совсем без мозгов.

Польшинь снова перехватил нить рассказа:

– Наш маньяк – мы называем его так – рассчитывал, что Олафа постигнет та же судьба. Но около месяца назад местные ундины по пьяни снесли решетку, отделявшую озеро от рва Рейнич. И ливьятаны умчались на волю, а труп остался сам по себе.

Меня передернуло от отвращения.

Многие в Шолохе держат в декоративных прудах ливьятанов.

Считается, что эти падальщики очищают и «лечат» воду. Но, насколько я ненавижу насекомых, настолько же мне не нравятся и толстые подводные змеи с острыми плавниками вдоль хребта.

А уж мысль о том, как они обглаживали трупы...

– Его выловили здесь. – Эрвин Боу подвел меня еще ближе к зеленой от водорослей воде. Информатор шепнул короткое заклинание, и стайка серебристых искорок очертила место, где нашли тело.

– Спасибо, Эрвин. На этом все на сегодня.

Священник кивнул нам, покинул пузырь Бубри и ушел в сторону храма.

Польшинь предложил мне сесть на скамейку неподалеку, чтобы продолжить разговор.

– Спрашивай, а я буду отвечать, – просто сказал он.

Я прислушалась ко всей той какофонии мыслей, что сотрясала мой разум, и, вдохнув речной гнильцы, начала с самого важного, пусть и немного устаревшего вопроса:

– Ты подал заявку на должность Ловчей якобы от моего лица. Как получилось, что ее одобрили?

Стрекозы с треском вспарывали неподвижный воздух. Из зарослей шиповника выкатился павлин, клекочущий в поисках самки.

Польшинь закинул ногу на ногу и неспешно начал завязывать волосы в узел.

Я закатила глаза, борясь с желанием немедленно отобрать резинку и дать ему ею по носу. Намеренная неторопливость Польшинь изматывала.

Наконец, куратор пожал плечами:

– Когда комиссия Иноземного ведомства набирает новичков, поступившие заявки распределяют среди действующих Ловчих. Каждому достается штук по десять. В течение недели мы вас «пасем». Проверяем на профпригодность. И в итоге рекомендуем взять кого-то одного, с кем сами готовы возиться на роли кураторов. Я добавил к полученной мною стопке «твою» заявку, а потом сообщил, что ты – отличная кандидатура.

Меня поразило то, что Польшинь столь легко признался в мошеннических действиях.

Это напомнило мне Кадю – она так уверена в том, что является «хорошим человеком», что зачастую совершает дикие, неправомерные глупости. Верит, что в ее эксклюзивном исполнении они не являются «чем-то плохим».

– Ладно. – Я приступила к следующему вопросу: – Ты сказал, что нанял меня из-за принца Лиссая. Что это значит?

– Ты внимательно слушала рассказ Эрвина Боу?

– Да.

– Так вот, он сказал о шести скелетах и одном трупе. Этот труп покрывали рисунки черной краской. Криминалисты обнаружили следы такой же краски на цепи одного из скелетов. Вдобавок – Эрвин об этом не знает – потом мы нашли еще один труп... Уже не в озере, но тоже на территории дворца. Сожженный. При помощи химического анализа мы установили личность и отыскали след от той же самой краски – очень, я скажу тебе, редкой. Никаких других улик по делу у нас нет. Ни одной. Запросив информацию по краске, я выяснил, что во всем Шолохе только один человек пользуется таковой. Принц Лиссай.

Полынь умолк и расслабленно откинулся на скамейке. Явно ждал от меня новых вопросов.

– Но при чем здесь я?

Полуприкрытые глаза Полыни блеснули:

– Лиссай, скажем так, болен ментально.

Я кивнула, вспомнив рассказ самого принца. Та же обтекаемая формулировка под авторством короля и придворных. ... Видели б они Святилище!

Куратор продолжил:

– Из-за этого он находится под домашним арестом. Сайнор голову на отсечение даст, лишь бы в прессу не просочились слухи о том, что один из его сыновей тронулся умом – при должной подаче это может привести чуть ли не к государственному перевороту. Поэтому к Лиссаю не пускают никаких чиновников. И я, как ни бьюсь, не могу получить доступ к своей единственной зацепке. Только слежу издали. И поэтому знаю, что ваша библиотечная встреча с принцем стала для него ярким событием. Ты, Тинави, единственный человек, кроме слуг, с которым он разговорился за долгое время. Я проверил твою биографию и подумал, что тебя можно привлечь к этому делу.

– Но зачем нанимать меня в качестве Ловчей? Почему нельзя просто... ну не знаю... попросить о помощи?

– Есть такое понятие, как «законно добытые сведения». В Шолохе таковыми считаются данные, которые лицо сообщает лично работнику правоохранительных органов – при этом по доброй воле. Поэтому ты должна работать у нас, иначе я не смогу использовать полученную тобой информацию. И, раз уже сейчас был сезон найма новых Ловчих, я решил на небольшую аферу.

Нифига себе небольшую.

– Ладно, – я почесала затылок. – Но если к Лиссаю не пускают госслужащих, то почему охранники так спокойно относятся ко мне?

Полынь потер руки и засмеялся:

– Вот это и был мой любимый поворот! Удивительное везение! Я даже не поверил сначала, что так бывает. Скажу больше: не обладай ты этой особенностью, не стал бы я подавать за тебя заявление, все равно бы не помогло. Знаешь, каким образом охраняют Лиссая?

– Ну?

– Придворная чародейка создала заклинание, которое дает сигнал тревоги, если к принцу приближаются люди со светящимися татуировками. Ведь у каждого из десяти... пардон, уже девяти ведомств есть своя метка, которая, как ты успела заметить, важнее, чем значок. Таким образом, надежно отсекается 100 % служащих. Или, вернее, 99,99 %. Ведь у нас есть ты –

уникальная Тинави из Дома Страждущих, от прикосновения которой даже баргесты исчезают. Что уж там говорить о какой-то потухшей наколке!

Он был очень довольным, как наевшийся кот, этот жуткий человек по имени Польшень.

Я же чувствовала себя не пойми как: то ли обиженной (обман! сплошной обман!), то ли обнадеженной (мой главный недостаток обернулся плюсом). Впрочем, над этой амбивалентностью чувств царил грусть: судя по всему, в Иноземном ведомстве я не задержусь. Выполню задачу – и до свидания.

– Слушай, Польшень... А что именно тебе от меня надо-то?

– Как что? – Он вытаращил глаза. – Поговори с Лиссаем! Я дам тебе список вещей, которые надо узнать. Что это за краска, почему он ее выбирает. Для чего использует. Какие разновидности магии предпочитает. Знал ли наших жертв. Его алиби. Ну и так далее.

– То есть Лиссай – подозреваемый? Что-то не верится. Принц действительно не от мира сего, но его интересуют совсем другие вещи. Уж точно не серийные убийства.

– Давай, расскажи мне о том, что симпатичные художники королевских кровей не бывают преступниками. – Польшень фыркнул. – На данный момент Лиссай – это наша единственная зацепка, как я уже и сказал. Мне нужно раскрыть это дело, понимаешь? – Глаза у него фанатично загорелись.

– Ну да, ну да. Я слышала про твоё желание стать Генералом Улова.

– Да, это для меня очень важно, – не стал отнекиваться куратор. – Но есть ещё понятие правосудия, знаешь ли. Наш маньяк убил уже восьмерых, но гуляет на свободе без какого-либо намека на неприятности. Когда он убьёт в следующий раз?

Я подняла с земли камешек и, размахнувшись, швырнула его в озеро. По воде побежали круги.

Польшень, конечно, всё логично говорил. Но я расстроилась. Подделать документы, нанять калеку на серьёзную должность, обойти охрану Сайнора... Внутри меня всё восставало против подобного поведения многоуважаемого Ловчего.

– И часто ты действуешь такими методами? – угрюмо поинтересовалась я.

Куратор помолчал, прежде чем ответить. Его голос неуловимо изменился: тембр стал ниже, что ли. Всю беседу до этого он вел в энергичном ключе: слышалось, что он взбудоражен, увлечен этим делом, его разбирает азарт и жажда победы. Сейчас Польшень стал серьёзен и спокоен. Рукой накрыл мою ладонь, посуровел.

Видимо, уловил мое недовольство и попытался обаять:

– Пару раз бывало. Но это исключение, а не правило, поверь, Тинави.

– Ах, вот оно как. Ну ладно. – Я пожалала плечами и убрала руку в карман. – Я поговорю с Лиссаем.

Он мгновенно вынул из складок одеяния сложенный пополам листок бумаги. Я развернула его. Список вопросов к принцу был снабжен подробными комментариями и указаниями.

Я задумчиво подергала покалеченное ухо.

– Шустро! Но я скажу Лиссаю, что спрашиваю это по велению начальства.

– Без проблем. Более того, ты обязана прояснить этот момент – а то снова получатся «незаконно добытые сведения». – Польшень весело кивнул. Потом по-птичьё наклонил голову и добавил:

– Понимаю, ты сейчас видишь всё это в качестве грандиозного обмана, но, на самом деле, я никому не причиняю зла своими действиями.

– Да, конечно, – холодно согласилась я. – А что будет со мной, когда я получу информацию? Меня уволят?

– Нет, – куратор улыбнулся. – Давай разберемся с маньяком, а потом просто продолжим работать в паре. Моего волшебства хватит на двоих.

– Хорошо. На сегодня ещё задачи есть? Мне идти к Лиссаю?

– Нет, это уже завтра. Пусть сигнализация на татуировку и не сработает, но стража может напрячься, если ты к нему дважды за день придешь. Отправляйся домой.

– Спасибо. И спасибо, что прояснил еще один вопрос.

– Какой? – Его проколота колючкой бровь поползла вверх.

– За что тебя так не любит Селия: ведь мало кому нравятся рвущиеся к славе манипуляторы.

– Хе-е-ей, Тинави, погоди!

Но я уже встала со скамейки и пошла прочь.

Полынь был интересным малым, и где-то в глубине души я представляла, как мы вдвоем станем самыми эффективными Ловчими в Шолохе. Будем получать награды, раздавать автографы, пить вино на дворцовых приемах... Но после этого разговора мечты лопнули, как тот антиподслушивающий пузырь.

Ничего криминального не случилось, но я выяснила: меня, что называется, купили, дабы использовать в своих целях. И мне это не понравилось.

Будь Полынь шантажистом по натуре (а вдруг он и был, понимаете?), он бы мог пойти дальше и навариться на мне: делай это и это, а не то всем расскажу, что ты обманом поступила в ведомство. А я что? Я ничего. Уверена, если бы ситуация дошла до расклада «мое слово против его слова», я бы проиграла.

Грустно быть тем, чья голова полетит сразу же, стоит начаться боевыми действиями.

Более того, Полынь заранее просчитал, что, попадая на службу, я не стану никому рассказывать о том, что у меня нет магии и я вообще не пойми как здесь оказалась. То есть он предвидел мое не самое благородное поведение.

Он прочитал эту ложь, трусость в моем характере – и оказался прав. Ставка сыграла... Такое осознавать особенно неприятно.

Как говорится, в других нас больше всего бесят те черты, которые есть и в нас самих. И Полынь, и я, судя по всему, были не прочь поставить личные интересы над общественными, коли возникала такая возможность.

Мне было стыдно.

13

У госпожи Пионии

*Половина шолоховских анекдотов посвящена госслужащим. Чаще всего высмеивают злобных Ходящих. На втором месте – Стражи, предстающие глупыми и нерасторопными. На третьем – «жадные» и «предвзятые» работники Правого ведомства.
Энциклопедия «Доронах»*

После разговора с Польшью мне срочно требовалась доза эндорфинов.

Я решила отправиться к какому-нибудь из своих «позитивных якорей».

Этим термином я называю места, где мне хорошо. В каком душевном состоянии туда ни приду – мир становится веселее. Дахху говорит, это потому, что когда-то в этих местах я несколько раз подряд чувствовала себя счастливой. И теперь, когда я там оказываюсь, в подсознании срабатывает «триггер», механически подтягивающий мой эмоциональный фон до «привычного» месту.

Звучит забавно. Вообще, хитрости нашей психологии – одно из чудес, доступных даже не-магам. Это утешает.

Мой самый близкий к дворцу «якорь» – Морская площадь. Она начинается прямо за рвом Рейничем, рукой подать.

Признаю, Морская площадь – странный топоним для города, затерянного в чащобе. Но правдивый: здесь стоит огромный фонтан с каменной группкой ундин. Вода, гейзерами бьющая вокруг скульптур, – соленая. По составу она такая же, как вода Шепчущего моря.

Каждый июнь в Башне магов начинается сессия. Тогда к фонтану приставляют стражей, потому что послушники считают доброй приметой выпить стаканчик «морской» воды в ночь перед экзаменом. А вода эта заколдованная, поэтому последствия могут быть ужасными – ведь все организмы по-разному реагируют на магию в желудке.

Но послушник не был бы послушником, если бы думал о безопасности больше, чем о хотя бы призрачной возможности получить «отлично». Поэтому юные маги идут на многочисленные ухищрения, чтобы обмануть стражей и все-таки хлебнуть заветной водицы. Иногда доходит до шедевральных инсценировок!

Так, в прошлом году второкурсник-заклинатель создал на удивление реалистичную иллюзию загоревшегося Казначейства. Все переполошились. Шептуны набегали с ведрами наперевес, но, обнаружив обман, этими же ведрами поколотили сорванца.

Помню, мы с Кадией тоже уповали на традицию перед сдачей зачета по теологии.

Нам никак не удавалось распознать богов-хранителей по их цитатам: мы могли отличить истеричку Теннета и гуманиста Карланона (он высказывал весьма человечные идеи о силе любви и боли одиночества), но остальные боги... Остальные представляли проблему.

– Давай дойдем до Скалистых гор, разбудим драконов, и пусть они вызовут нам этих шестерых из другого мира. Посмотрим на богов лично, может, хоть так начнем разбираться в интонации... – ворчала Кад, пририсовывая рожки богине Селесте.

– Ты правда думаешь, что драконы нам это простят? – Я, зевая, зубрила афоризмы.

– В воскресном комиксе два персонажа провернули такой фокус и выжили. – Кадия помачала перед моим лицом журналом.

– В комиксе, значит? – ехидно уточнила я.

Но Кадия была убийственно серьезна.

– Думаешь, есть большая разница между ним и этим? – Другой рукой подруга подняла иллюстрированный сборник мифов и легенд.

Книжечки, и впрямь, были похожи...

В общем, надеясь на чудо, мы поехали за волшебной водицей.

Охранники сразу же раскусили наши намерения. Мы долго бегали от стражей вокруг фонтана. Истерический хохот Кадии и грохот металлических сапог охраны перебудили весь район. На улицы вывалило два десятка горожан, которые мигом разбились на две категории: тех, кто болел за гвардейцев, и тех, кто сочувствовал нам.

В итоге Кад споткнулась и, падая, увлекла меня за собой. Мы с визгом перелетели через низкий бортик фонтана, вызвав бурю аплодисментов и настоящее народное ликование. Морской воды нахлебались по самое не горюй! Зачет был сдан. Штраф за нарушение порядка – выплачен, причем на месте, с помощью туристических монеток («чтоб вернуться!»), которые набились нам в сапоги во время неожиданного купания.

Сейчас на Морской площади, помимо фонтана, располагается еще одна достопримечательность – чайная телега госпожи Пионии. Почтенной госпожи Пионии – лучшей лавочницы в столице.

Когда я подошла, улыбчивая старушка привычно затараторила без пауз и смены интонации:

– Ой, дорогуша, а я уж решила, ты забыла о старой Пионии, милая, попробуй липовый сбор, я только-только сварила! – При разговоре у нее смешно подпрыгивали тугие завитушки волос, оттененные фиолетовыми чернилами.

Я сразу заулыбалась. Почти против воли.

– С удовольствием, Пиония!

Потом я послушно взяла берестяной стаканчик и потрепала по носу вечно спящего ослика. Животинка всхрапнула, и телега вздрогнула, да так, что все-все колокольчики и чайнички на ней дружно звякнули, а охапки живых цветов (преимущественно пионов, конечно же) благосклонно закивали махровыми головами.

– Как дела твои, голубушка? Совсем исхудала! – Пиония всплеснула руками, и круглые очки чуть не съехали с ее носа-пуговицы.

Я присела на огромное серебристое колесо телеги.

– Все хорошо. Представляете, я теперь Ловчей работаю, – неожиданно похвалилась я, хотя еще минут пять назад проклинала свое назначение и все Иноземное ведомство заодно.

– Вот это здорово! Вот это я понимаю! Давно тебе пора было на работу выйти. Грустила ты дома, Тинави. – Старушка улыбнулась. – Теперь не будешь грустить, а? Ты же такая умная девочка, а все эти месяцы свой ум против себя направляла – тут укоришь, там уколешь. Нельзя так с собой. Себя любить надо. – Она погрозила мне пальцем и тотчас отвлеклась на другого покупателя.

Приняв заказ, старушка ловко сняла верхний стаканчик с высокой, дугой гнущейся берестяной башенки. Потом поцокала языком, выбирая для клиента самый лучший, именно ему подходящий чай. Ароматные котелки булькали наперебой, привлекая ее внимание: меня, меня возьми!

Я же, прихлебывая липовый сбор, разглядывала охранные амулеты причудливых форм и размеров, свисающие с оглобли.

Несмотря на свою живописность, два года назад, когда Пиония приехала в Шолох, амулеты стали камнем преткновения в ее отношениях с Лесным ведомством.

Возмущение Смотрящих можно было понять: тогда только-только отгремел бунт Ходящих, и власти буквально на ушах стояли, видя опасность в любых магических предметах. Пиония утверждала, что амулеты безобидны, но так ли это? Можно было узнать только после принудительной проверки. Но портить таким образом отношения с лавочницей никому не хотелось по той простой причине, что Пиония, мать архиепископа Саусберийского, уже в день своего приезда была представлена королю. Дипломатия, что поделаешь!

Впрочем, Пиония быстро сжалобилась над чиновниками, зеленеющими каждый раз, как проходят мимо, и приобрела лицензию на колдовство для иноземцев. Пусть и не колдует.

Другой вопрос, зачем столь важной даме вообще понадобилось открывать у нас передвижную лавку.

Спросив ее об этом на заре нашего знакомства, я получила ответ:

– Деточка, если ты всю жизнь живешь как строгая мамочка талантливого богослова, то однажды все-таки захочешь сбежать на край земли к еретикам под крылышко. И делать там, что вздумается! Даже если роль сумасшедшего приключения в твоем случае играет возможность наливать людям чай за деньги. К тому же я надеюсь приобщиться тут к вашему замечательному долголетию. Глядя на мои седины, ты могла бы сказать, что я опоздала, и была бы не права – Пиония де Винтервилль еще ого-го!

В общем, чудесная дама по всем параметрам.

Обслужив клиента, старушка отерла руки о кружевной передник и села на колесо рядом со мной.

– А я знаю одного славного мальчика из Ловчих. Может, и ты его знаешь, деточка.

– Как его зовут?

– Запомню, – она покачала головой. – Но он может посоперничать с моей телегой по количеству амулетов и оберегов. Идет по улице – аж звенит от магии.

Я поразились совпадению:

– Вы про Польшу?

– А, точно, Польша. А то я все перебираю: Крыжовник, Крапива, что там было? Хороший мальчик. Очень сильный. Я у вас таких сильных больше не встречала.

– В каком смысле сильный? – Я представила куратора с его тонкими руками и острыми чертами лица.

Хотя... Магический фон вокруг него действительно мощный.

– Сильный – значит сильный. Разотрет в песок – не заметит. Но и хорошее для таких сделать – раз плюнуть. Бывают люди, у которых искры горят ярче, чем у других. Вот только светит эта искра или обжигает? И нравится ли королю, что среди нас есть такая искра?

Я заглянула старушке в глаза. Что это? Еще какая-то манипуляция? Польша ее подговорил на подобные речи, чтобы я почувствовала к нему бывшее расположение и внезапно зауважала? И при чем здесь вообще король?

– Пиония? Вы не могли бы рассказать мне об этом подробнее?

В добром взгляде Пионии не было ни намека на злой умысел. Лавочница засмеялась.

– Ну-ну, подробнее, ишь что придумала! – Старушка указала подбородком вдаль. – Смотри, твои друзья идут, деточка.

И тотчас с того конца Морской площади донеслось громовое:

– Кого я вижу, Тинави, юху-у!

Испуганные голуби, грязно выругавшись на своем голубином, повзлетали с парашютов. К нам лихо пригарцевали Кадия и Дахху. Еще сегодня утром подруга не хотела его видеть, а теперь вот – вместе обедают, причем без меня. М-да... Мисс Непостоянство эта Кадия!

Не успели ребята спешиться, как госпожа Пиония вдруг ахнула, всплеснула руками и обратилась к Мчашейся:

– А ведь для вас, юная леди, у меня сюрприз!

– Однако! Какой же?

– Письмо. – Старушка достала тугой свиток из корзины, прятанной за телегой, и протянула Кадии. – Мой помощник, Маркус, подрабатывает рассыльным у господина Анте Давьера. Тот передал ему стопку писем, чтобы развезти по Шолоху. Маркус поехал раздавать первую партию, а эту часть оставил у меня. Мы договорились, что если я увижу кого-то из адресатов, то сама отдам письмо. Зачем мальчонке зря ноги сбивать?

– Спасибо, Пиония! Что за хмырь этот Анте Давьер – я не в курсе, но сейчас разберемся. Пока Кадия развязывала перетягивающую свиток бечеву и ломала сургучную печать, Дахху встрепенулся:

– Я знаю, кто такой господин Давьер! Хозяин «Вострушки». Помните, на первой странице всегда указано: «Печатается в редакции Анте Давьера»?

Кадия дочитала письмо и присвистнула:

– Много же денег ему приносит газета! Он приглашает меня на бал, который состоится завтра в его особняке. Адрес: набережная Доро, дом 1. Если я не ошибаюсь, это одуреть как пафосно.

Дахху затряс вихрастой головой:

– У него не только газета. Давьер – серийный предприниматель. Его компании раскинуты по всей Лайонассе. Он придумывает какие-то невероятные вещи, даже Дом Внемлющих стонет от зависти.

Я удивилась:

– А в честь чего он дает бал?

– В честь «официального открытия летнего сезона, со скромной надеждой на полезное налаживание связей, которое в моем кругу принято называть «нетворкингом». «Нетворкингом», ага. Он что, чужеземец? Что за словечки? – Кадия хмыкнула и попробовала почесаться под железными латами. Доспехи издыхающе скрежетали при каждом ее движении.

Какая же Кадия у меня многозадачная: читает, разговаривает, чешется.

Умничка, да и только!

– Если бы «Вострушка» не принадлежала самому Анте, представляю, как бы журналисты по нему прошлись. – Дахху покачал головой. – Устраивать прием без особой причины означает бессмысленно хвастаться, выставляя напоказ свое возмутительное богатство. Чрезмерная тяга к шику и помпезности – это варварское поведение и первый признак слабоумия.

– Ну, лично я ничего не имею против. – Кадия пожала плечами. – Так, ребят, у меня в приглашении стоит «плюс один». Кто со мной?

Мы с Дахху переглянулись.

Друг спрятал руки в карманы вязаной жилетки и поднял густые брови так высоко, что они уползли под шапку:

– Я на балу? Вы же понимаете, как абсурдно это звучит?

Тогда я церемонно отвесила Кадии полупоклон:

– Прекрасная леди, с удовольствием составлю вам компанию.

– Отлично. – Подруга хлопнула в ладоши. – Тогда я пошла к швее.

И Кадия упорхнула. Мы с Дахху проводили ее долгими взглядами.

В последнее время наша дорогая подруга проводила в модных лавках больше времени, чем с нами. Мы знали, почему.

Виноват был открывшийся факт – родители не собираются выдавать Кадью замуж по расчету. Казалось бы, это хорошая новость, не так ли? А вот и шиш.

Кадия дико боялась мужчин. Точнее, романтических отношений с ними. В детстве, когда ей кто-то нравился, она шла напролом – признавалась в любви и предлагала нарожать избраннику детей.

Маленькие мальчишки не ожидали такого напора и пытались перейти на более понятный им язык – например, дергали Кадью за косичку. У Кадии тотчас включались защитные рефлексy, и она начинала избиение противника – он же напал, ну.

Таким образом, юную Кадью поразила череда любовных неудач. Как следствие, подруга стала чураться мужчин.

Чем в большую красавицу она превращалась с годами, тем сложнее оказывались на выходе ее романтические танцы с бубном. События развивались в двух вариантах. Первый: она

сама пугалась кавалера (даже если он ей нравился) и окружала себя непробиваемой стеной, пока ухажер не решал плюнуть на гиблое дело. Второй: в те дни, когда внутри Кадии пробуждалась смелость, пугались уже сами мужчины – ее невиданной энергии и прыти.

Потом, в годы наставничества, когда мы начали тусоваться втроем, проявился «фактор Дахху», про который я уже упоминала. Это, знаете, очень удобно: влюбиться в единственного парня, которого ты не боишься, потому что он твой близкий друг. Практично! К этой «несчастной любви» можно возвращаться снова и снова, убеждая себя, что только она настоящая, а все остальное – чушь.

Но самый смак в том, что все эти запутанные обстоятельства все равно «не считались».

Ведь Кадия – дочь главы рода Мчашихся, а род Мчашихся – это самые крутые гены во всем Шолохе после королевских. Естественно, все мы ожидали, что однажды нашу блондинистую бестию выдадут замуж за большую шишку, и все проблемы сами по себе иссякнут, оставшись лишь забавными историями ушедшей юности.

Помню тот ужин, когда стало ясно, что простого выхода не будет. Это случилось в том году. До диплома оставалось пару месяцев. Господин Балатон, тот самый, что занимает должность Гласа короля, пригласил дочурку и ее однокурсников в поместье на выходные.

Все было чудесно: мы катались на лошадях, загорали и мечтали о том, какими крутыми станем, как только окунемся во взрослую жизнь. У Кадии как раз пламенел «период Дахху», и мы с ней периодически уединялись, чтобы похихикать на эту тему и подумать, получится ли у них с Дахху все-таки закрутить какой-нибудь роман до того, как ее выдадут замуж.

Желательно так закрутить, чтобы Дахху понял, что происходит.

Вечером весь Дом Мчашихся плюс десяток гостей собрались за общим ужином. Много говорили о политике – еще бы, в такой семье!.. В какой-то момент всеобщее внимание переключилось и на нас троих. Ох, деточки, вы же у старого Орлина учитесь. Ох, смех, да и только, он же такой шальной сам раньше был. Ох, молодцы какие, а куда пойдете после выпуска?

И тут прозвучало роковое:

– Кадия, душа моя, – улыбнулась величественная мама нашей подруги, – надеюсь, в следующий раз ты пригласишь к нам в гости и своего кавалера... Будет приятно увидеть твоего избранника. После выпуска можно и свадьбу сыграть.

Я тогда застыла, как глубоководный кальмар, с невсосанными в рот спагетти. Какой такой кавалер? Их у Кадии отродясь не было, это факт.

Дахху поперхнулся, ибо смутно почувствовал опасность. И лишь сама виновница этого локального смятения осталась невозмутимой: «Конечно, мамочка!»

Зато потом сколько было рыданий в спальне – ух.

Даже вовремя спрятанная под юбку бутылка вишневой настойки не помогала.

– Где... Я... Возьму... Мужика... – Кадия билась в конвульсиях, пока я искала то мокрое полотенце, то стопку для наливки, то еще что-нибудь.

– Они хотят, чтоб я сама нашла себе мужа... – продолжала утробно выть в подушку наша бравая вояка. – А я даже парня не могу...

– Все в порядке, не волнуйся! – панически успокаивала ее я. – Есть плюсы в этой ситуации. Зато тебе точно не придется стать стариковой женой. И никто не выдаст тебя замуж в соседнюю страну. А найти себе мужа – подумаешь! Этим почти все самостоятельно занимаются. Чем ты хуже?

Хотя понятно было, что Кадия не хуже, а лучше.

И мужа ей надо найти «с иголочки». Чтоб весь Дом Мчашихся взвыл от восторга, король Сайнор пожелал немедленно обвенчать влюбленных, а городские газеты только о предстоящей свадьбе и писали – исключительно в восторженных красках.

Короче, это политическая задача, и непростая.

До сих пор не понимаю, за что родители Кадии так с ней поступили.

Наверное, они верили, что право выбора – это счастье. А по мне, так только лишняя возможность ошибиться.

В общем, мы закончили тот вечер как две раскисшие груши в позаброшенном осеннем саду. Кадия обзавелась шикарными красными пятнами вокруг глаз, я – нервным тиком. Один лишь Дахху как был немногословен, так и остался, хотя и у него мне привиделся какой-то непривычный тремор рук.

С тех пор Кадию переклинило.

Она поставила себе четкую задачу: найти мужа.

Дахху не подходил, если что. По нему она продолжала просто тихо страдать. В разговорах Кад стала гораздо чаще касаться таких тем, как одежда, модные места, известные люди, любовные скандалы и так далее. Вечерам в нашей компании она нередко предпочитала светские рауты, а мечты о пешем путешествии в далекий северный Асулен больше не казались ей такими привлекательными.

Вот и сейчас – умчала к своей швее так, что только пятки засверкали...

Вдруг госпожа Пиония снова подала голос:

– Ах, дружок, – старушка коснулась локтя Дахху, – мир не крутится вокруг тебя!

Друг опешил:

– То есть?

Но к лавочнице уже прискакала хохочущая стайка студентов, жаждущих чая, и она проигнорировала вопрос. Мы с Дахху переглянулись.

– Она и со мной сегодня говорила загадками, – пожаловалась я. – Как ты себя чувствуешь? – Я покосилась на руку Дахху.

– Как человек, нашедший свое призвание, – он улыбнулся и, перехватив мой взгляд, поспешил добавить: – Вы волнуетесь на пустом месте!

– Ну-ну. – Я подозрительно уставилась на мешки, набухшие под честными, до ужаса честными глазами Дахху. – Какие планы на вечер?

– Хочу зайти в книжный, купить что-нибудь для Карла, а то ему скучно в Лазарете. Присоединишься?

– Ага. Но учти, я буду много говорить: событий столько, что меня разрывает.

Он шутивно пригрозил мне пальцем:

– Я тоже буду много говорить! Представляешь, сегодня ночью мы с бокки бродили по университету Мудры. Там я посетил лекцию богини Авены о теории множественных вселенных. Кстати, то, что это Авена, я понял с трудом: оказывается, боги могут свободно менять внешность, поэтому наши канонические изображения – полная туфта. Так вот. Вдумайся: для богов-хранителей не существует проблемы осмысления «бесконечности». Их разум может это переварить. Но! Что они не могут познать, так это Царство Хаоса – территорию, чуждую жизни в нашем понимании. Она спрятана за Вратами, и стоит кому-то из богов приблизиться к Вратам – хранитель Теннет их останавливает. И хорошо. Ибо что там, по ту сторону – лучше нам не знать. – Дахху задумчиво почесал лоб. – Честно говоря, я пока не могу понять, к чему духи все это рассказывают, но у меня есть пара теорий, основанных на детерминистической теологии Гранса...

– Ой, все! Я передумала, пойду домой, господин Чокнутый! – Я пнула друга в бок.

Дахху засмеялся и пнул меня в ответ.

Так мы и шли по вечернему городу: немного странные, немного запутавшиеся, но очень довольные моментом.

14

Трясуха

В критической ситуации вы не поднимаетесь до уровня своих ожиданий, а упадете до уровня своей подготовки.

Правило корпуса Граных Военного ведомства

На следующее утро я шла на работу одухотворенная и радостная, с приятно перекатывающимся на языке послевкусием душевной беседы с Дахху и мыслью о том, что сегодня будет бал.

Бал! Звонкое слово, отзывающееся в душе каждой девушки. Правда, мне оно казалось старомодным, но в потрясающих вещах обязательно должен присутствовать какой-то изъян. Так сказать, для гармонии. А то вселенная присмотрится к ним, категорически заявит, что совершенству в жизни не место, и сметет эти расчудесные штуки из бытия, как крошки со стола.

Лучше предохраняться и оставлять кое-какие шероховатости в своем идеальном мире.

Например, называть бал балом.

Когда я подошла, перед Иноземным ведомством толпилось множество народа. На ступенях было не протолкнуться. Эти ступени ведут главному входу, их штук шестьдесят, не меньше. Тут всегда стайками сидят работники, вышедшие на обеденный перерыв. Очень забавно наблюдать за тем, как суровые Говоруны или высокомерные Указующие устраиваются рядышком с воробьями, неловко подоткнув плащи и мантии.

Иногда к ним присоединяются студенты: несмотря на то что от Академии до Ministerской площади идти и идти, молодежи нравится ощущение власти, разлитое в воздухе Верхнего Закатного Квартала.

Ну и воробушек покормить они не дураки.

Впрочем, сегодня люди стояли, а не сидели, и что-то бурно обсуждали в маленьких группах. Среди них был и Польш. Заприметив меня, он прервал беседу с мастером Улиусом и направился ко мне. Во взгляде куратора я прочитала немой вопрос: ну как, успокоилась после вчерашнего? Уже не считаешь меня врагом народа?

Я успокоилась (липовый сбор госпожи Пионии и дружеский треп очень гармонизируют), а потому одарила Ловчего вполне благосклонной улыбкой.

– Так, мы с тобой на удаленке сегодня и завтра. Разворачивайся, – категорично заявил Польш.

– Эй, а почему?

– Генеральная уборка, будь она неладна.

Я скептически посмотрела на куратора. Его внешность и царящий в кабинете бардак были симптоматичны, но ненавидеть порядок настолько, чтобы убежать с работы?..

– На субботниках убираются сотрудники, а не Метелочники, – пояснил Польш. – Традиция. Раз в квартал мы откладываем все дела и два дня уделяем вытиранию пыли и отскабливанию полов. Считается, что это неплохо промывает мозги и позволяет не зазнаваться. Сейчас все ждут, пока им подвезут бесплатные фартуки для уборки. – Он ехидно покосился на коллег, охочих до дармовщины.

Все мы знаем такой тип людей: вечно тащат с работы блокноты, перья, кружки с гербами. Или вот фартуки.

Я пожала плечами:

– Что ж, я с удовольствием пропущу это веселье. Маньяк важнее.

– Дело не в маньяке, я бы смог работать и так. Дело в том, что никто, ясное дело, не убирается руками. В дни субботника Иноземное ведомство сотрясается от магии. И тебя бы точно раскусили. – Куратор изогнул проколотую бровь.

М-да. А ведь и правда. Я уже успела забыть, как это удобно: взмахнул пару раз руками, прошептал нужный набор слов – и погнали, метла сама пляшет по комнате. Ну и ты с ней заодно, под завязку наполненный радостью лентяя.

– И куда же мы отправимся? – уточнила я, пока Польша подзывал двух свободных кентавров.

Перевозчики мирно паслись на ведомственном газоне и исподтишка пожевывали казенные алые маки. Это выглядело комично: огромные мужики, осторожно оглядываясь, срывали цветы и быстро запихивали их себе в рот, тотчас отворачиваясь от клумбы, якобы они тут ни при чем.

Польша обреченно покачал головой, созерцая эту сцену:

– Во дают. Из всех магических существ кентавры больше всех похожи на людей, но как же они тупят. И да, ты слышала когда-нибудь их смех? «Га-га-га»... Это же ужас. А отправимся мы, Тинави, заниматься другими делами, не маньяком. Мелкими. Их тоже нужно закрыть.

– А сколько дней осталось до конца твоего двухгодичного срока?

– Двенадцать, – вздохнул куратор. – И шестнадцать дел.

– Ого. А если ты найдешь убийцу восьми человек, это не посчитают за восемь дел?

– Увы. Поэтому уже сегодня ты работаешь сама. И не забудь про Лиссаю. Им займешься в обед, так как утром у принца толчется слишком много прислуги.

– Сама-а-а? Но как? Я же ничего не умею!

– Я тебе мелочовку выдам, не волнуйся.

Из кожаной сумки, перекинутой через плечо, он вытащил тонкую папку с наклейкой «Дело шестого уровня».

Сотрудники Архива, которые вручную занимались категоризацией обращений, явно устали присобачивать эти бумажки: наклейка была приклеена криво и отчетливо пахла ненавистью к бюрократии...

Польша объяснил мне задачу:

– Отправляйся в Лазарет. Там зафиксируешь приступ трясухи у чужеземца и потом отвезешь доклад в Башню магов. Все подробности внутри. А я поеду разбираться с... – Польша достал другую папочку для себя, – ...с каннибалом-рабовладельцем. Боги-хранители, что за дичь. – В глазах куратора мелькнуло неподдельное отвращение.

– Это Селия для тебя дела выбирает?

– Селия.

– А почему у вас такие плохие отношения все-таки?

– Ты же сама сказала – я прахов манипулятор.

– Ну, на самом деле?

– На самом деле... Вот разберешься с Лазаретом и Лиссаем сегодня – расскажу в награду.

А сейчас разъезжаемся.

Между тем кентавры все-таки заметили наши призывные жесты и приблизились. В одном из них я узнала Патрициуса.

– Молчаливый мастер? – с ходу, не здороваясь, спросил перевозчик, обнажив ряды крупных лошадиных зубов.

– Молчаливый мастер. И снова в Лазарет.

– Приболели, мадам? Моя сестрица вот на днях подхватила острую простуду, ужас. Кашляет и кашляет, кашляет и кашляет...

– Молчаливый мастер, Патрициус, пожалуйста!

– Понял, мадам.

Мы двинулись в путь.

Патрициус решил, что, раз судьба свела нас снова, то мы уже закадычные друзья. А потому еще несколько раз за поездку начинал болтать, преимущественно – о своей семье. У него оказалось шесть жеребят.

Сначала я раздражалась, но потом смирилась. В принципе, все к лучшему. Раз уж я снова стала социально активным человеком, то мне стоит научиться строить хорошие отношения со всеми вокруг. Пусть это будет нормой! С меня не убудет, если я стану чуть улыбчивее и снисходительнее. Даже наоборот: ведь социум вокруг тебя – одно большое зеркало, по сути.

– Подожди меня здесь, пожалуйста, обратно тоже с тобой поеду, – попросила я, когда мы прибыли в Пятиречь.

– Конечно, мадам! Вы только от этих чумных чего плохого не подцепите, я болеть не хочу!

Я дружелюбно похлопала его по крупу на прощанье и, уже отойдя, поняла, что это было как-то неприлично.

Переборщила...

* * *

Когда я зашла в нужную палату, мужчина, моя «жертва» (не клиентом же его называть?), мирно спал.

Я присела рядом и открыла выданную Польшью папку, чтобы проверить детали.

Больного звали Аверик Кирстен, он был уроженцем Республики Острога Пика, что на самом западе Лайонассы. Аверик работал по контракту в Шолохе, в Башне магов. Последнюю неделю господин Кирстен «прогулял»... Задним числом коллеги узнали, что его увезли в Лазарет с острым приступом трясухи.

К сожалению, трясуху в Шолохе лечить не умеют.

Наши лекари могут многое – вон, меня после взрыва собрали, но... Главную роль в процессе лечения играет сам больной. Он должен обладать магией, уметь черпать унни из мира вокруг и *хотеть* выздоровления.

А те, кто пал жертвой трясухи, ничего не хотят.

Трясуха превращает человека в безумца, у которого есть лишь два состояния: он спит или он бьется в приступе. То есть безобразно катается по полу, вращает глазами и изрыгает проклятия с «предсказаниями». Я взяла слово «предсказания» в кавычки, хотя некоторые верят, будто больные трясухой вещают от имени хранителей.

Но это, конечно, чушь. Ни один уважающий себя хранитель такой ерундой заниматься не будет, как бы вы к богам не относились.

Мы в Лесном королевстве любим богов-хранителей, но без пиетета. Для нас хранители – такие же дети мира, как и мы. Просто сильнее. И вечно молодые. Строгие старшие братья, герои сказок, которые вынуждены сталкиваться с вполне людскими проблемами.

А вот скальникам, например, хранители не нравятся. Северные люди видят в них богатых, но недалеких отпрысков Незримого Бога, порхающих по Вселенной, как мотыльки.

В Кнассии хранителей и вовсе ненавидят за то, что они покинули Лайонассу и оставили нас на произвол судьбы; за то, что не отвечают на молитвы, не являют чудеса и сами не являются давненько. Кнаски любят грозу – и знаете почему? Потому что верят, что гроза – это гнев Непостижимого Отца, который наказывает своих детей-хранителей, метая в них молнии, лишая силы. Мы в Шолохе говорим «прахов прах!», а кнаски – «чтоб тебя хранило!».

В любом случае, версия про «божественную» трясуху никуда не годится. Трясуха – это болезнь, не дар свыше. Болезнь, которую мы не умеем лечить. Она приходит, когда вздумается, и уходит – обычно через год-два.

Поэтому, если человек заболел трясухой, он получает страховку от работодателя и гарантию предоставления ему места после выздоровления. Для этого меня и позвали.

Как Ловчая я должна подтвердить, что Аверик Кирстен действительно болен. Мне нужно сидеть у койки Аверика до тех пор, пока я не стану свидетельницей приступа – но не больше трех часов.

Я захлопнула папку, откинулась в кресле и прикрыла глаза. Что ж, Аверик спит – вот и я посплю.

Если у него начнется трясуха, проснусь не только я, а вообще весь этаж, так что совесть моя чиста.

* * *

– Тинави, я не помешаю?

Секунды три я осознавала эту фразу, позволяя ей так и эдак побултыхаться на волнах задремавшего сознания. Но потом фразу вынесло на беспощадный берег разума. Я очнулась.

Аверик все еще мирно лежал в кровати. Зато надо мной стоял мальчишка: взлохмаченный, худенький, но притом щекастый Карл. С глазами круглыми, как у совы.

Он, кажется, собирался потрогать меня за плечо, но никак не мог решиться, поэтому физиономия у него была уморительная: губы поджаты, брови сведены, во взгляде паника. Зеленая больничная рубаха придавала зрелищу колорита.

– Хей, – сказала я. – А ты тут что делаешь?

– Гуляю. – Он расслабился, увидев, что я ожила, и пожал плечами. – Они разрешают мне бродить, где вздумается. Ну, кроме операционных. Мне осталось в Лазарете два дня, поэтому я вроде как уже не совсем больной.

– Два дня? Лекари нашли твою семью?

Карл потупил взор и осторожно присел на краешек кровати – стульев, кроме моего, в палате не было.

– Нет. Меня отдадут в детский дом. – В голосе мальчика слышались тщательно скрываемые слезы. – Никто не пришел по объявлению в газете.

– Так, погоди, а досье на тебя в Иноземном ведомстве запрашивали?

– Я не знаю. Лекари говорят – сделали, что могли. По закону им нельзя долго держать меня в Лазарете, раз у меня нет настоящих ранений. Но они передали властям мой портрет, так что, если семья все же захочет меня найти... – У Карла едва заметно дернулись губы.

Я испугалась, что он заплачет, поэтому резко перехватила нить разговора:

– Эй, а знаешь, что это за мужчина на койке?

Я рассказала ему про свою работу, Аверика и трясуху.

Потом – потому что время шло, а ничего не менялось – про то, как ловила дриаду во дворце. Потом про имаграф. Потом про Иноземное ведомство как таковое, которым я продолжала немерено восхищаться.

Вдруг я поняла, что Карл перестал меня слушать. Он, не моргая, смотрел на Аверика.

– Что такое? – забеспокоилась я.

Если начинался приступ – дрожь конечностей, пена изо рта – мальчика следовало убрать из комнаты.

– Вы сказали, это называется «трясуха»? – с сомнением спросил Карл. – Тинави, но я вижу, что в груди господина Аверика сидит шева.

– Какой шева?

– Шева. Дух, который использует человека для своих криков и танцев. Его еще называют «кликухой». Шева выбирает жертву и селится в ней, чтобы набраться сил после сезона охоты. Это как спячка у медведя.

– Что?! – Лицо у меня вытянулось. Карл испуганно вжался в больничную койку. – Ты что такое говоришь? Ни разу в жизни я не слышала ни о каком шева!

– Ну, вот же он, прямо в груди... – пробормотал мальчик, тыча пальцем в Аверика. Я посмотрела туда же.

Постаралась расфокусировать взгляд, скосить глаза, посмотреть поочередно правым и левым. Все одно – зеленая рубашка на волосатой Авериковой груди, и никаких тебе духов.

Но я верю, что мир принадлежит любопытным и упертым людям. Поэтому продолжила допытываться:

– И как он выглядит, этот твой шева? И с чего это ты почти словарное определение выдал, притом что не помнишь даже своего прошлого?

– Я не знаю, – еще больше переполошился Карл.

Он подтянул колени к груди и начал в волнении грызть ногти.

– Я правда не знаю, но шева – вот он. Черный, как клубок, искрится. Мне кажется, ему не нравится, что я его вижу.

– А ты еще что-то видел, чего не видят другие? – осторожно уточнила я.

Мальчик кивнул:

– Пару раз было, – а потом вдруг продолжил горячо и жалобно: – Пожалуйста, Тинави, поверьте, это не трясуха, это шева, его можно выгнать, давайте, давайте сделаем это, господину Аверику он ни к чему!

Хоть я и подозревала, что у Карла могут быть просто нелады с головой (в дополнение к амнезии, так сказать), а все же решила выслушать его предложение.

В конце концов, я не скептик. Уже. Пытаюсь им не быть. Так что...

Пусть сумасшедший принц зовет меня гулять в Святилище. Я за. Пусть патлатый Польнь незаконно нанимает ради пустячной услуги – отлично! И если мой друг пишет энциклопедию на базе снов, а безродный мальчик хочет изгнать невиданного науке шева из тяжелобольного, то я тоже в деле, прах побери! К пеплу подозрения и опасное внимание к чуду! Ибо мне многое предстоит наверстать. Полгода я сидела дома, думая, что жизнь моя кончилась вместе с магией. А теперь выяснилось, что жизнь как бы идет вперед вообще без проблем. Даже не оглядывается, поганка. Причем все такая же удивительная, полная загадок и сопровождающей их кутерьмы.

Хорошая новость, не правда ли? Но одновременно ужасная, поскольку оказалось, что это я вела себя по-идиотски. Это я, а не обстоятельства выкинули всю весну на помойку. Не отсутствие магии мешало мне жить, а моя собственная голова. Не «обыденность» распугала всех, кроме пары близких друзей, а мое нежелание общаться, мой страх чего-то, чему я даже не могу придумать название, настолько оно бессмысленно... Проблемы были в моем упадническом настроении, в философии жертвы.

А теперь – оп! Магии у меня все еще нет, но чудес вокруг – завались, хоть двумя руками загребай. Стоило только выйти из дома!

Так что, окружающие, можете и дальше творить неведомо что, говорить загадками, ломать шаблоны – я только за. Я с удовольствием присоединюсь. И наслажусь моментом.

А посомневаюсь... Посомневаюсь я потом.

– Ну, как же мы вынем этого шева? – после продолжительного молчания боевито спросила я Карла.

Он, будто подслушав мой мысленный монолог, с готовностью перечислил:

– Нам нужны мята, шафран, лимонная вода, немного перца и дойник.

– Отлично. Попрошу у медсестры.

– Нет, Тинави! – Лицо у Карла стало раздосадованным. – Медсестры – они... Они не верят мне.

Я пожалала плечами:

– Тогда сама возьму в подсобке.

Пять минут спустя я вернулась с необходимыми ингредиентами. Карл принял их из моих рук осторожно, будто новорожденного, и поместил в добытую где-то ступку. Растолок. Добавил воды. Посмотрел на меня подозрительно: я все еще готова на авантюру? Перелил содержимое ступки в стакан и аккуратно передал мне, по-телячьи заглядывая в глаза.

Я вдруг чихнула.

Он вздрогнул, сощурился, глядя на меня, будто на яркое солнце. Я чихнула еще раз. Карл быстро опустил взгляд.

– Дай ему выпить это, – сказал мальчик.

Я удивилась, что мы перешли на «ты». Но, с другой стороны, люди, творящие неизведанную наукой фигню, автоматически становятся друг другу ближе, чем люди, церемонно выпившие на брудершафт.

– Ну, смотри у меня, – я покачала головой. – Если ему станет хуже, пожалуюсь на тебя Дахху.

Карл улыбнулся и робко кивнул. Я влила смесь в чуть приоткрытый рот господина Аверика. Ничего.

Пять секунд – все еще ничего.

– Кажется, это все-таки трясуха... – разочарованно протянула я, оборачиваясь к Карлу.

Мальчик ничего не сказал в ответ. Только рот открыл. Какая-то у него странная реакция.

Неожиданно нечто холодное задело мое плечо. Я обернулась, уже понимая: что-то пошло не так...

Над грудью Аверика завинчивалась, посвистывая, огромная черная воронка. У нее, вопреки всякой логике, были маленькие красные глазки и зубастый рот. Длиннющий язык нежно облизывал мое плечо.

Я взвизгнула и отпрыгнула.

– Убей шеву! – заорал Карл из угла, в который предусмотрительно ретировался.

– У меня нет магии, я не могу! – Я в панике пятилась от воронки.

Она меж тем окончательно покинула тело господина Кирстена и разбила магическую сферу с травой осомой – в палате воцарилась темнота из-за плотно задернутых штор... После этого воронка решила сменить форму.

Комнатный смерч опустился на пол и превратился в младенца – в натуральную величину, жуткого, проворного младенца с краснющими глазами. Со странным рыком шева бросился ко мне – как-то по диагонали, быстро перебирая пухлыми ручками и ножками.

– Покройся прахом, прахов придурок! – возопила я, швыряя в потустороннюю дрянь колбы с тумбочки.

Как и следовало ожидать, эффекта – ноль, только битое стекло и лужи на полу. Мерзкий младенец пер на меня с упорством вепря. Я в истерике пятилась назад.

О нет. Я же Ловчая. Я должна быть умной и смелой. Уничтожить преступников и нежить с одного щелчка. Как быть, если это не так?

Я продолжала кидаться в шеву всеми подручными средствами. Дух легко отбрасывал их или же игнорировал удары.

Наконец, моему позорному отступлению пришел конец: спина уперлась в стену.

Красноглазый младенец с голодным взглядом облизнулся. Его лицо не шевелилось, но я все равно слышала жуткий смех и крики, один в один те, что издают больные трясухой. Вернее, как я знаю теперь, – захваченные шейвой.

Тварь оскалила зубы и потянулась к моей ноге. Не-е-ет. Пожалуйста. Я не хочу, чтобы ОНО сгрызло мою щиколотку!

Кидаться было нечем. Я приготовилась отбиваться от нежити голыми руками. Как вдруг...

Все, что было в комнате, взмыло ввысь.

Взлетела койка с Авериком, облюбованный мною стул, торшер. Набрав высоту, начали вращаться склянки с микстурами – некоторые вокруг себя, остальные вокруг друг дружки. Тумбочка вертелась юлой. Блокноты и канцелярские принадлежности устроили хоровод вокруг разбитой сферы с осомой.

Взлетевший стул силился подняться выше, к самому потолку. Но в этом гравитация никак не хотела уступать магии: стул то и дело «спотыкался» и грозил упасть обратно.

Жуткий младенец, отвлеченный, как и я, представлением, пришел в себя. Он зарычал и кинулся на меня.

И в ту же секунду взмыл в воздух, беспомощно барахтаясь и суча ножками. Шева издал безумный, на грани слышимости, визг. Я с трудом отвела от него взгляд и посмотрела направо – в тот угол, куда забился Карл.

Мальчик больше не пытался слиться со стеной. Он сидел на полу. Глаза закрыты, ноги скрещены, а руки сцеплены замком на затылке. Вопреки происходящему, Карл казался спокойным и умиротворенным. А вокруг него не было ничего.

Ни-че-го.

Межзвездная тьма поглощала, сантиметр за сантиметром, пространство палаты. Если взглядеться, в этой тотальной черноте мелькали какие-то искры. Такие неуверенные и чуждые, будто были далеко-далеко, за миллионы километров от Шолоха... Они завораживали.

Я стояла, оглушенная, и, кажется, еще чуть-чуть, и сама взлетела бы над полом, хотя каждому ребенку известно, что летать не могут даже самые сильные маги нашего мира...

Карл щелкнул пальцами и протянул руку по направлению к шеве. Сам он, не меняя позы, начал взмывать вверх: будто специально для того, чтобы опровергнуть мою предыдущую сентенцию.

Красноглазый младенец снова завизжал и поплыл по воздуху к дыре в ничто. Чем дальше его утягивало, чем страшнее искажались черты твари.

Наконец, космическая пустота поглотила шеву.

В то же мгновение все взлетевшие вещи рухнули вниз. Окошко во вселенную закрылось. Карл плавно приземлился на пол. Он хлопнул в ладоши перед грудью и открыл глаза.

Я осторожно сползла по стеночке. Господин Аверик продолжал храпеть, как ни в чем не бывало.

– Карл? – спросила я сорвавшимся голосом. – Карл?!

Мальчик, уже вскочивший к тому моменту на ноги, опять бухнулся на пол. Вот только теперь на колени. Слезы заливали его лицо:

– Тинави, пожалуйста, никому не говори, я тебя умоляю, пожалуйста, не говори!

Я ошарашенно смотрела на него. Пухлые щеки... Круглые глаза...

– Что это было вообще?

– Шева. Я не хотел, поверь, я не хотел его убивать, но ты сказала – у тебя нет магии, что мне оставалось?

Я поняла, что допрос пошел не в ту сторону. С кряхтением поднялась с пола и трянула Карла за плечи:

– Кто тебя научил делать *такое*?

Подросток вместо ответа панически оглянулся на дверь.

– Медсестра идет. Тинави, умоляю, никому не говори, что я сделал!

– Как я могу умолчать об этом... А, здравствуйте, здравствуйте! – Медсестра и впрямь вошла.

Карл успел с разбегу броситься под койку Аверика, но в остальной комнате была в жутком разгроме.

– Что у вас тут случилось? – строго спросила знахарка, скрепя руки на груди.

– Приступ, – я серьезно кивнула. – Жуткий приступ трясухи. Пожалуй, э-э, я закончу на этом. Все, что нужно для Башни магов, у меня уже есть. – Напустив на себя максимально суровое выражение лица, я двинулась прочь, провожаемая изумленным взглядом сотрудницы.

Спустившись в лобби, впрочем, я не пошла к выходу, а спросила у секретарши, в какой палате лежит некто Карл, мальчик без памяти.

Я, конечно, решила философски относиться ко всем чудесам на своем пути, но ЭТО уже за гранью.

Левитация невозможна.

Мы в Шолохе любим помечтать о сверхспособностях вроде чтения мыслей и телепортации, но полеты – нет! Даже за Ходящими такого не подозревают.

Так что, умоляй не умоляй, я не оставлю без внимания то, что Карл на моих глазах совершил невероятное.

* * *

Я пришла в его палату, немного подождала, и вот, подросток явился. Он уставился на меня с ужасом и не рискнул переступить порог комнаты.

– Итак, теперь объясни, пожалуйста, что это было, – вздохнула я. – Я всеми руками за волшебство, но... Шева вместо трясухи? Летающие предметы и люди? Целая галактика в отдельно взятой комнате?

Мальчик покачал головой:

– Если бы я не применил силу, шева сожрал бы тебя!

– Я рада, что ты с ним расправился, спасибо, – искренне поблагодарила я. – Нужно понять, как ты это сделал.

– Я не могу объяснить.

– Карл, я не хочу заставить тебя возгордиться, но то, что ты творил – это какое-то заповедное волшебство. Даже глава Башни магов на такое не способен. Даже если бы ты был мускулистым стариком с опытом ворожбы больше двух веков, тебе бы не хватило сил покорить столько унни одним махом! Превратить палату в филиал ночного неба! Закрутить мебель, как спутники планет! Обнаружить и убить шева, будто вышедшего из моих ночных кошмаров! – Я вспомнила красноглазого младенца и передернулась.

Мальчик опустил взгляд и тихо сказал:

– Мне не нужно покорять унни. Она сама хочет играть.

– Глупости. Не бывает такого.

– Бывает... Я ей нравлюсь. Она дружит со мной.

– Тогда тебя нужно доставить чародеям, пусть они исследуют твои способности. Возможно, это приведет к прорыву в магии. И поможет понять нам, откуда ты все-таки взялся.

– Не надо никому говорить об этом, Тинави...

– Не бойся. С тобой не сделают ничего плохого, обещаю. Просто поймут, что это за колдовство такое.

Мальчик ничего не ответил. Он испуганно посмотрел на меня. Между нами была всего пара метров. Неожиданно Карл сделал несколько быстрых движений пальцами, будто бы связал что-то.

На меня полетела, увеличиваясь на ходу, серебристая рыбацкая сеть. Ее полупрозрачная паутина связала меня до того, как я успела хотя бы вскрикнуть.

– Я не хочу, не хочу причинить тебе зла, – рыдал Карл, размазывая слезы. – Но нельзя, чтобы ты отдала меня на опыты!

Дурацкая сеть, хоть и стала абсолютно прозрачной, сковала меня по рукам и ногам. Со стороны я была похожа на соляную статую, и только зрачки двигались туда-сюда, пытаюсь уследить за движениями мальчика.

– Расскажи мне все, – не шевеля губами, невнятно выдавила я.

– Не могу. – Он снова залился слезами. – Воспоминания возвращаются медленно. Но я знаю – мне нельзя в Башню. Там Зверю будет проще выследить меня, а я – о, Тинави, как я не хочу снова встречаться со Зверем!

– Не хочешь – не встретишься... Я помогу... Тебе... С этим... Зверем... – сказать такое в режиме чревовещателя было сложнее, но я справилась.

– Ты не сможешь. – Мальчик сокрушенно покачал головой. – Во всяком случае, не сейчас. – Карл подошел, встал на цыпочки и положил ладонь на мой обездвиженный затылок.

Слегка надавил. Я почувствовала, как тепло разливается по всему телу.

– Лучше просто забудь.

А потом мир начал оседать, будто хлопья пепла на кострище.

Я умиротворенно закрыла глаза...

* * *

Я вышла из Лазарета и нашла Патрициуса. Кентавр обнажил торс и тренировался в стрельбе из лука по плодам ошши, красуясь перед стайкой антилоп. Ох, и рассердятся же крусты! Впрочем, сегодня в роще их не наблюдалось.

– Эй, – окликнула я перевозчика. – Поехали в Башню магов.

– Все нормально, мадам? Вас часа три не было, – добродушно спросил кентавр.

– Да, дело сделано. Я подтвердила наличие трясухи, теперь надо отдать бланк волшебникам. Если свободен, потом докинешь меня в Иноземное ведомство?

– С удовольствием, мадам. Интересная у вас работа, мадам! – Он накинул желтую кожаную жилетку и галантно преклонил колени, чтобы мне было удобнее сесть.

– Да вот пока не очень интересная, если честно... – Я вспомнила долгое ожидание в палате Аверика, последовавший за этим приступ, недолгую встречу в коридоре с Карлом («Ты как, мальчик?» – «Жив. Но завтра в детдом, увы»). Чую, Польша со своим каннибалом время провел повеселее.

– Как скажете, мадам. Молчаливый мастер?

Я задумалась. У меня было какое-то странное ощущение пустоты в голове, непонятно откуда взявшееся – очень хотелось его чем-то заполнить. Похоже на чувство, когда что-то чешется: пока не уступишь своему желанию, не успокоишься.

– Не, – я отрицательно покачала головой. – Не молчаливый. Давай поболтаем.

– Я только рад, мадам! – Кентавр расплылся в улыбке, потрянул волосами и по-лошадинному заржал.

Ох, на что я подписалась!

15

«Черная серия»

*Страницу сладость во мне порождало
Видение Мудры погибшей,
столицы былых времен. Никого уж давно не стало,
Но на улицах слышно
– не скроешься – эхо имен.*

Джихир Лолах, иджикаянский авантюрист, поэт-любитель

«Мыслительный зуд» не покидал меня всю дорогу до Башни магов и все время, проведенное в одной. Будто я хотела сказать нечто важное, а потом отвлеклась и теперь никак не могу вспомнить, что это было. Сплошной дискомфорт!

Тем не менее я успешно передала дело Аверика Кирстена волшебникам и заручилась их обещанием выплачивать иноземцу страховку, пока трясуха не уgomонится.

Выйдя из Магического ведомства, я обернулась.

Люблю Башню магов за ее агрессивную красоту. На нижних ярусах она утыкана острыми шипами, что производит гнетущее впечатление – так задумано специально, чтобы толпы зевак не бродили тут бесцельно.

Тугая спираль башни, цветом напоминающая слоновую кость, настойчиво ввинчивается в высокое майское небо. Столетние шолоховские дубы старательно тянутся вверх, но никак не могут составить ей конкуренцию. Даже до одной трети не дотягивают.

Знаюки говорят, форма башни повторяет форму ракушки под названием «турителла церебра» – это была любимая раковина основателя Магического ведомства, легендарного Гойло из Дома Спящих.

Именно он в 1475 году принял решение покинуть остров Шэрхенмисту, где наши предки жили после уничтожения Срединного государства. Сказал: «Ну, вы тут сидите сколько влезет, а я вернусь на материк и возрожу государство, чтоб вас, лентяев, за трусость расколело. И так всю настоящую магию растеряли, учитесь у шарлатанов! Хранителей на вас нет!»

Скажем честно: он был несправедлив. Народ шэрхен – не шарлатаны. Наоборот, их уникальная магическая традиция очень ценится, до сих пор. Говорят, некоторых «особо важных госслужащих» отправляют к шэрхен на учебу. «Особо важные» – размытое понятие, увы. Подозреваю, имеется в виду что-то семейно-протекционистское... Но я отвлеклась.

Речь господина Гойло достигла гордых ушей соплеменников... Оскорбившись, наследники семнадцати Домов переплыли море и начали великую стройку города вокруг кургана.

И, как мы видим, они преуспели.

Я шла по песчаному плацу, окружавшему башню. Песок плясал, как пустынная буря в миниатюре: дул сильный ветер – то ли погода меняется, то ли отдел Иллюзий дурит.

Вдруг я увидела субличного господина Митраса Голя – преуспевающего лекаря, старшего коллегу Дахху.

Мы были знакомы шапочно, но я знала, что его считают толковым исследователем отдела Маг-Здоровья. У господина Голя была клиновидная темная бородка и умные раскосые глаза. Белое одеяние лекаря выглядело простецки в помпезных экстерьерах Башни.

Знахарь кивнул мне и собирался пройти мимо, но я остановила его вопросом:

– Митрас, а вы все еще работаете в паре с Дахху?

Он снова кивнул, придерживая капюшон и щурясь против ветра. Я смело продолжила:

– Вы знаете, в последние дни Дахху себя плохо чувствует. Но, как настоящий мужчина, не хочет признаваться. Вы не могли бы присмотреть за ним?

Митрас невозмутимо поинтересовался:

– А что именно с ним не так?

– Общая слабость. Рука болит. Сны дурные, хотя ему нравятся. Зеленый весь какой-то.
– Причина?

Я замялась.

Потом вспомнила, как высоко Дахху ценит Митраса (за исключением тех дней, когда проигрывает ему в шахматы). И решилась на признание:

– В полнолуние его коснулся бокки-с-фонарем.

Лицо Митраса окаменело... В голосе зазвенел металл:

– Почему же сам Дахху не сообщил об этом?

Я запаниковала:

– Ну... ведь контакт с призраками незаконен. Вот Дахху и боится потерять стипендию и вообще попасть в неприятности...

– Отчего тогда не боитесь вы, Тинави?

– Наша встреча с бокки была случайностью. Мы этого не хотели, отнюдь! Да, я знаю о принципе «наказание неизбежно» – мой куратор от него в восторге – но... Там, где нельзя закрыть глаза на сознательное правонарушение, можно сделать скидку случайности. И, прах побери, я действительно волнуюсь за друга!

Митрас снял очки-полулуны и задумчиво протер их.

– А где вы работаете?

– Теперь – в Иноземном ведомстве!

Знахарь внимательно посмотрел на грудку ястребиных папок в моих руках. Пожевал губами.

– Что ж, поздравляю с назначением. Хорошо, Тинави. Я прослежу за Дахху.

Я едва слышно выдохнула. Пронесло!

Ну, совесть моя чиста. Пообещала Кадии что-то сделать – и сделала.

– Спасибо, Митрас. Но вы уж ему не рассказывайте о моем... доносе, так сказать. Вы сейчас в Лазарет, да?

– Нет. На другую, неофициальную работу. Не расскажу, конечно.

Потом, решив, что на этом его социальная роль сыграна, знахарь поклонился на прощание и упорхнул. Вскоре его силуэт растворился в пыльной и солнечной дымке. Песок коброй скакал вокруг Голя.

М-да. А белую тогу придется постирать!

* * *

Патрициус, кажется, решил отказаться от остальных клиентов и кататься только со мной.

– Хей, а ведь ты, пока меня ждешь, мог уже несколько коротких поездок с кем-то еще совершить, денег подзаработать, – прагматично отметила я, забираясь в седло.

– А все же со знакомыми приятнее! Да и ждать вас одно удовольствие – по таким красивым местам ездите, мадам! – Он козырьком приставил ладонь ко лбу и с восхищением посмотрел наверх, где на фоне постепенно сереющего неба высилась Башня магов.

– Сейчас будет еще красивее, – пообещала я кентавру. – Заедем в Архив, а потом – во дворец.

– О-о-о, мадам, да сегодня просто праздник!

* * *

Я обрадовалась, увидев у Трекованого моста новых, незнакомых гвардейцев. Видимо, плюмажные парни работают сменами два через два. Те, предыдущие, могли запомнить, что я

уже была во дворце в качестве Ловчей. А сейчас я проходила на остров-курган как частное лицо.

В сумрачной аркаде, ведущей в некрополь, я не сразу нашла дверь в покои Лиссая.

Дверь пряталась в плюще, и сама им заросла по полной программе. Небо сегодня хмурилось, солнце не проникало на эту полуподвальную территорию, поэтому я тыкалась в поисках входа, как слепой котенок.

По ошибке я ушла слишком далеко в глубь холма: за арками уже сплошняком выростали глиняные стены, было сыро и холодно, впереди – темно. Я испуганно ойкнула, и эхо ответило мне точь-в-точь. Развернувшись, я быстро пошла обратно. Эхо шагов вело себя причудливо: то чуть обгоняло, то, наоборот, запаздывало. Наконец я увидела искомую дверь и остановилась. А вот шаги сзади продолжились...

– Кто здесь? – Я резко обернулась. – Отзовись!

Тишина. Я поежилась и вновь посмотрела на дверь, уже занеся руку для стука. Топ-топ. Сердце ухнуло вниз. Я помедлила, прислушиваясь. Топ. Топ...

Тут уж мне показалось бессмысленным окликать пустоту. Я сорвалась с места и побежала на звук шагов, снова в глубь кургана. В темноте кто-то стоял. Поняв, что я стремительно приближаюсь, фигура вздрогнула и сиганула прочь.

Судя по скорости, это был человек, а не восставший мертвец, как я испугалась сначала. Фигуру окончательно поглотил мрак туннеля, и я не решилась продолжить преследование. Хотя в голове, конечно, набатом бил принцип: «Бежит – значит, виноват!»

Зато на сырой земле лежал какой-то предмет. Я наклонилась и прочитала на обложке маленького блокнота: «График дежурств».

– Это еще что? – пробормотала я.

Внутри, впрочем, не нашлось никакого графика, никаких дней недели, расписания и так далее. Только фамилии, одна за другой, построчно. С редкими пропусками. Я еще немного полистала блокнот, но имен было слишком много, и с первого взгляда я не увидела ничего примечательного. Пожав плечами, я убрала находку в карман летяги.

Говорят, все настоящие Ловчие – жуткие барахольщики. Еще одно свидетельство в пользу того, что эта работа просто создана для меня!

Я постучалась и вошла к Лиссаю.

* * *

Принц стоял за мольбертом, спиной ко мне, и рисовал.

Набрасывая краску в некоем, как мне показалось, хаотичном порядке, он что-то тихо мурлыкал себе под нос.

Лиссай не услышал стук. Зато, стоило мне закрыть за собой дверь, как он вдруг сделал несколько шумных резких вдохов носом, издал радостный вопль и повернулся:

– Тинави! Вот это да! К-какой мощный аромат! К-как, неужели вы самостоятельно успели добраться до Святылища? Еще раз?!

Я исподволь принялась: весь день на потном кентавре гоняю, может, в этом проблема «мощного аромата»? Патрициус, конечно, хороший парень, но все-таки перевозчик, а они лихо пренебрегают гигиеной!

Все было в порядке. Я покачала головой:

– Нет, я не была в Святылище. Увы!

Принц заговорщицки подмигнул мне – мое бедное сердце слабо, сладко трепыхнулось.

– Что ж, возможно, оно захочет увидеть нас в паре. – Лиссай вытер испачканные в краске руки об атласные штаны. – Подождем... А пока я с удовольствием угощу вас чаем и приятной беседой.

Я засмеялась.

В Лиссае было что-то, напоминающее веселящий газ, столь популярный во время шолоховских ярмарок: рядом с ним на душе становилось легко и беззаботно. Ощущения сродни этим иногда возникают рядом со смешливыми детьми, увлеченными игрой.

И, конечно, все эти мысли: дойдут ли когда-нибудь наши отношения до той степени откровенности, чтобы я могла спросить – почему при всей легкости у него такие грустные глаза?

Впрочем, план на сегодняшний вечер тоже был весьма смелым: допросить принца про маньяка и сделать все возможное, чтобы не влюбиться – в случае с психами голубых кровей это дурная, очень дурная затея.

«Но такая привлекательная», – возразила самой себе я, снова упершись взглядом в харизматично вздернутый веснушчатый нос Лиссаея.

Я зарделась:

– Приятная беседа – это то, что надо! Но скажу вам честно – я по работе. Вас не утомит ответить на несколько вопросов? Они касаются черной краски, которую вы используете для картин, и убийцы, орудующего на острове, – выпалила я.

У Лиссаея (все-таки буду называть его так!) удивленно расширились глаза.

– К-какого убийцы?

А, вот оно что. Он даже не в курсе. Ох уж эти творческие личности!

Не вдаваясь в детали, я обрисовала общую идею: во дворце найдено восемь трупов, объединяющий фактор – черная краска. Поскольку официально в Шолохе такую покупает только Лиссаея, хочу узнать о ней подробнее.

Я намеренно подчеркнула слово «официально», чтобы у него не возникло ощущения, будто мы его подозреваем. Хотя, согласно данным от пронырливых Ищеек, он действительно один-единственный во всем Лесном королевстве приобретает эту краску. Официально, неофициально, как угодно.

Его Высочество был отнюдь не против поболтать:

– Да, я заказываю обсидиановую к-краску у иджикаянских к-купцов. Они привозят мне ее раз в месяц. Сначала меня привлекала ее редкость, но потом понял, к-как применить ее для работы. Так родилась моя «Черная серия» – три десятка к-картин, выполненных только этой к-краской и больше ничем.

– А почему, вы говорите, эта краска редкая?

Лиссаея обрадовался вопросу и, приготавливаясь к рассказу, уселся поудобнее. Сегодня он снова уступил мне кресло, но сам не стал забираться на кровать. Предпочел сесть на пол со скрещенными ногами.

Эта поза пробудила во мне какую-то смутную идею, но я так и не поняла, какую.

– Дело в том, милая Тинави, что эту к-краску можно добыть только в одном месте в мире – в городе Мудра. Вы ведь знаете, что из себя сейчас представляет бывшая столица Срединного государства?

– Ну... примерно. Я знаю, что, после того как ее сожгли драконы, Мудру сочли проклятой, как и все Срединное государство, и поэтому оставили как есть. Постепенно город захватила пустыня. Наверное, сегодня там только остовы древних зданий и пески.

– Все верно. Пустыня Тысячи Бед, как ее называют. Но и на этой, к-казалось бы, мертвой территории есть жизнь. Там обитает пустынное зверье, духи и нечисть, к-кочует несколько племен. А также там раздолье для иджикаянских авантюристов: они добывают в Мудре вещи на продажу. Вещи редкие, старинные, за которые часто приходится заплатить головой. Дело в том, что драконье пламя, уничтожая города, к-консервирует их: город не сгорает и не рушится, как при обычном пожаре, а тает и превращается в собственную стеклянную к-копию, оплывшую

по бокам. Когда я был ребенком, Сайнор показывал нам с братьями Мудру. Поучительное и грустное зрелище.

От моего внимания не ускользнуло, что Лиссай называет своего папу, короля, по имени. Суровые нравы власть имущих, однако!

Принц продолжил:

– Черную к-краску добывают в развалинах Запретного Квартала. Там, где нек-когда жили сами хранители. Если к-купцы не солгали мне, то краска – из личных запасов хранителя Теннета.

– Вот как, – удивилась я. – У краски есть волшебные свойства?

Лиссай пожал плечами:

– Иджикаянские к-купцы приписывают ей столько чудесных свойств, что даже самый доверчивый человек призадумается, не слишком ли это. Я же ценю черную к-краску за выдающиеся художественные к-качества.

– Какие именно?

– От картин, написанных ею, невозможно оторвать взгляд! Пойдемте, я покажу. – Лиссай робко улыбнулся.

Я с удовольствием проследовала за ним к узкой белой дверце, расположенной в дальнем конце комнаты.

– Здесь подсобные помещения, где я храню уже завершенные к-картины, – пояснил принц.

Мы зашли в кладовку. Принцевы шедевры стояли вдоль стен, отвернутые рисунком к стене. Ждали своего часа.

– Например, вот эта. – Лиссай с улыбкой подошел к одной картине, развернул ее... И очевидно растерялся.

Растерялась и я: ведь с картины кто-то срезал холст, осталась только голая рама.

– К-как такое может быть! – опомнился принц. – Где же моя работа?

Я бросилась проверять остальные картины. То же самое. Только рамы и подрамники. Даже у самых дальних, уже пропылившихся произведений.

Все холсты пропали.

– А вы часто сюда заходите, Лиссай?

– Отнюдь нет, – задумчиво протянул он. – К-когда я заканчиваю работы, я прошу слуг отнести их сюда. Меня готовые работы не интересуют. – В его голосе не было особой грусти, только бесконечное удивление. Это хорошо. Утешать я не умею.

Я цокнула языком:

– Думаю, мне стоит записать имена и должности всех, кто имеет доступ к вашим покоям... Вашу «Черную серию» украли. Точнее, крали по чуть-чуть в течение долгого времени. Видимо, каждый раз, вынув холст, вор отворачивал раму к стене, так что слуги, принося новые картины, не видели подвоха. Наверное, они думали, что это вы на досуге приходите и переставляете тут все...

– Вполне вероятно. Слуги не ждут от меня логичных действий с тех пор, как Сайнор заговорил о моем «сумасшествии». – Лиссай печально покачал головой.

Мы вернулись в спальню.

Следующие полчаса принц силился вспомнить всех, кто бывал у него в покоях за последние два месяца – я навскидку взяла этот срок, как соответствующий пропажам и убийствам.

К счастью, у такого отшельника, как Лиссай, был небольшой штат прислуги, а гости сюда и вовсе не заглядывали. Когда я закончила, в блокноте у меня было записано всего одиннадцать имен. Это напомнило мне кое о чем.

– Кстати, Лиссай. До того, как я пришла, вы не почувствовали в аркаде ничьих эмоций?

Принц задумался. Потом неуверенно сказал:

– Кажется, за стеной промелькнула растерянность, но далеко, почти у некрополя. Туда мое «зрение» не дотягивается, простите. – Он улыбнулся.

Потом подумал еще:

– И, пожалуй, было немного жестокости, насилия... Но это про колдовство, не про убийства, не подумайте плохого!

– Про колдовство? – разочарованно уточнила я. Ибо подумала как раз хорошее: что сейчас напрягусь и самолично отловлю маньяка, ха!

– Да. Все думают – унни следует принуждать. Но лучше бы ее чувствовать, дружить с ней. – Лиссай улыбнулся.

Я помотала головой. Концепция про дружбу? Где-то я это слышала. Наверное, очередное модное течение: у нас в Шолохе очень любят «находить истину» в тех или иных – обычно не сразу доказуемых – вещах.

Например, все вдруг начинают есть только сырую пищу, потому что у них от этого якобы лучше варят мозги. Или решают, что эманации кургана ядовиты – и поэтому надо спать, привязав коровьи котлеты к щекам, чтобы мясо «высосало зло».

Короче, шолоховцы падки на моду и мистические теории.

Дай им волю – люди поверят в любую историю, лишь бы она сопровождалась красивой картинкой и девизом. Учитывайте это, когда захотите с ходу, не проверив факты, взять на вооружение очередную популярную чушь.

Из окон донесся переливчатый звон: часы при Храме Белого Огня пробили четыре часа пополудни. Нужно было возвращаться к Польшине.

Я присела в реверансе, прощаясь:

– Лиссай, большое спасибо, что рассказали мне о черной краске. И мне очень жаль, что ваши картины украли. Мы постараемся найти их, но не могу обещать, что полотна вернутся к вам в сохранности...

– Да бросьте, Тинави! – Он отмахнулся. – Мне они не нужны. Цель художника – творить, а не почивать на лаврах. Я рисую потому, что не могу не рисовать – в этом мое счастье. Самому любоваться собственными творениями не интересно, семья не любила «Черную серию» за монохромность. А продавать... Ну я же принц, в конце концов. – Лиссай обаятельно улыбнулся и пожал плечами, потом двумя руками заботливо сжал мою ладонь. Секунду или две не выпускал. Я замерла, как испуганная белка.

Принц будто к чему-то прислушивался. Я поняла: он снова ждет Святилище.

«Но мне же на работу надо!» – расстроилась я, почувствовав, как пол под ногами начинает опасно уползать вбок, будто корабельная палуба во время качки.

Мир послушно стабилизировался.

– Ах, сегодня мое Святилище не в настроении для гостей! – вздохнул принц и отпустил мою руку, сначала старомодно поцеловав ее на прощанье. – Жаль, я надеялся, мы с вами устроим там чудесный пик-кничок. Ну, в следующий раз. Вы ведь ск-коро вернетесь?

– Как же иначе, Лиссай! – искренне ответила я.

Скоро вернусь. За продолжением.

Впрочем, и сегодняшнего общения мне хватило для того, чтобы, уже за дверью, восторженно пропищать что-то невразумительное и сплясать победный танец.

16

Миссия выполнена

*Чтобы спокойно заснуть, нужно принять расслабляющую ванну,
взбить чая и кинуть гранату в гномью нору.
Правило фей из Зубастых Равнин*

Уже перейдя Трекованый мост, я вспомнила: в ведомстве субботник, и Польша там нет. Нужно было как-то выяснить, где сейчас куратор.

Вообще, в Шолохе есть несколько голубятен, но, чтобы добраться до них, нужно потратить уйму драгоценного времени. Не вариант. Время – наш единственный по-настоящему не возобновляемый ресурс, и относиться к нему надо со всей серьезностью.

Задумавшись над альтернативой, я облокотилась о парапет набережной Рейнича. От воды тянуло запахом тины и... грушами.

Ибо на ступеньках, спиной ко мне, сидела девушка, задорно хрустевшая фруктом. Она потянулась к своей холщовой сумке, лежащей рядом, и достала металлическую головоломку: «Пять минут спорта для вашего мозга», как гласят рекламные проспекты.

Девушка начала шустро, чрезвычайно шустро вертеть игрушку. Я залюбовалась. И углядела две вещи: блеснувшие на солнце железные очки и татуировку Ищейки на левой руке: почти тот же символ, что и у нас, но вместо ястреба – волчья морда.

– Андрис? – окликнула я, перегибаясь через перила.

Ищейка одолела головоломку (на все про все – меньше минуты) и обернулась:

– Йоу, Тинави! Снова во дворце?

– Ага. Слушай, а можно я опять попрошу тебя отправить ташени? Или у тебя обеденный перерыв?

Андрис Йоукли похлопала по ступеньке рядом с собой:

– Перерыв не перерыв, а уж на птичку время найдется! Присаживайся. Хочешь фруктов?

У меня с собой много.

– Да нет, спасибо. Ташени для Польша.

Андрис закатила глаза, после чего смачно вгрызлась в грушу:

– Совсем он тебя загонял, изверг?

– Да вроде нет... – честно призналась я, но она лишь «понимающе» покачала головой, мол, не рассказывай.

Я не стала возражать.

– Смотри, текст нужен такой: «Я освободилась. Где тебя найти? Ответ отправляй Андрис Йоукли».

Ищейка записала, вырвала страницу из чернично-синего блокнота и быстро сложила пташку. Шепнула заклинание, в конец которого поместила имя Польша. Поочередно коснулась клюва, крыльев, хвоста птицы и дунула на нее.

Мгновенно письмо ожило, превратившись в угловатую, но весьма симпатичную птицу. Ташени с чириканьем рванула прочь.

Андрис одним огромным куском добила грушу.

– Что, подождем ответ? – спросила она, размахиваясь и закидывая огрызок далеко в Рейнич.

Тотчас над поверхностью воды появилась зубастая морда ливьятана. Челюсти с клещами схлопнулись, проглотив остатки груши. Подводный змей выгнулся дугой и с плеском нырнул на глубину.

– Подождем, если тебя не затруднит, – ответила я.

– Тинави, а почему ты сама ташени не отправляешь?
Вот прах! Этого вопроса я и боялась.

Глядя в открытое, румяное лицо Андрис с медово-карими глазами, я не могла придумать подходящую ложь, поэтому просто замерла, прикусив губу.

Ищейка закивала:

– Оки-доки, лучше не говори! Нельзя выдавать секреты своего куратора. Особенно если ты работаешь с Польшью из Дома Внемяющих! – Она, дурачась, погрозила кулаком кому-то невидимому.

Я едва заметно выдохнула. По сути, Андрис попала в точку. Я вся – один большой секрет Польши.

– Хорошо, что ты понимаешь.

– Ой, за пять лет в ведомстве такого насмотришься! Это хорошо еще, Польшья сейчас один пытается звание Генерала урвать. Как-то раз на моем веку двое Ловчих за него боролись – и, скажу тебе, это полный финиш. Они вырывали друг у друга дела, как голодные собаки. Я думала – поубиваются.

– Ого. И чем все закончилось?

– Поубивались... – Андрис вздохнула.

Она прикончила уже вторую грушу, и на сей раз, покосившись на обманчиво тихие воды Рейнича, метким броском отправила огрызок в мусорку. Потом продолжила:

– Это было два года назад, когда разразился бунт Ходящих. Около двухсот служащих погибли, пока пытались утихомирить Теневую департамент. И один из тех Ловчих тоже. А вторая закончила инвалидом – тоже уже не до звания стало. Оба сунулись в самое пекло, потому что надеялись добавить «решенных дел» в свои перечни. Это сейчас работу выдает администрация, а раньше можно было самому набирать, сколько влезет.

– Какие дела они надеялись обнаружить во время бунта? – удивилась я. – Ведь все Ходящие испокон веку были коренными шолоховцами. Это один из немногих точно известных фактов о них.

– Это да, – кивнула Андрис. – Но в процессе мятежа Ходящие громили все вокруг, пытались заставить Сайнора выйти из дворца и пересмотреть положения реформы. И каждая разгромленная лавочка иноземца, если ты как следует описал ущерб и передал документ в Ратушу, шла Ловчим в «плюс один». Там за день можно было дел двадцать набить. Вот только никто не ожидал, что сказки глаголят правду: любой отдельно взятый Ходящий и впрямь – зверь, которого фиг остановишь, если он зол. Хорошо все-таки, что теперь нет Теневого департамента в его прежнем воплощении, – подытожила она. – Это была дикость: по городу свободно расхаживают железнолицые, могут требовать у тебя любую информацию на свой вкус, а если сочтут тебя врагом – убьют на месте. Средневековье!

– Ну, сейчас они могут все то же самое, – я пожала плечами. – Только командует король.

– Зато их двенадцать, а не сотня с гаком. Все же посвободнее.

Мы повздыхали.

Я не помнила бунта Ходящих: два года назад мы с Кадией и Дахху еще жили отшельниками у нашего наставника.

Говорят, центр Шолоха превратился в кровавую баню на те пару дней, что пытались утихомирить восставших. Потом еще и пожар начался – настоящее горе в лесу, еле потушили... Самых активных мятежников покидали в тюрьмы и частично повесили, других пожизненно изгнали. Оставшуюся дюжину Ходящих реорганизовали. Насколько я знаю, вся эта реформа нужна была для того, чтобы Лесное королевство смогло заключить союз с Асерином и Иджикаяном. Более крупные и современные, чем мы, государства Лайонассы не хотели партнерствовать с державой, в которой имели место такие пережитки прошлого, как Ходящие.

Не поймите меня неправильно, Теневые департаменты есть во всех странах. Но, видимо, устроены они как-то иначе.

Андрис на плечо приземлилась черная птичка-крохотулька. Ее аж разрывало от громогласного чирикания.

– Красавица, красавица. – Ищейка пригладила перышки ташени, и та, насладившись лаской, с довольным свистом превратилась обратно в письмо.

Андрис прочитала вслух:

– «Дом Искристой Пляски. Жду». А для меня ни привета, вот зараза! – Она цокнула языком. – Знаешь, где этот «Дом» находится?

– Знаю. Спасибо за помощь, Андрис.

– Да на здоровье.

Помахав мне на прощанье, Ищейка достала новую головоломку. И новую грушу.

Удивительно, сколь миролюбивой выглядела эта девушка, учитывая, что большую часть рабочего дня Ищейки добывают улики и доказательства, обычно грязные («чистыми» делами и сами Ловчие заняться не прочь), подписывают тюремные листы и иногда бьют лица распоясавшимся чужестранцам.

* * *

«Дом Искристой Пляски» был, на самом деле, не домом, а кафе. Его держали сестры-феи, переехавшие к нам из далеких Зубастых Равнин.

Зубастые равнины – то еще местечко!

Там живет два народа: гномы (под землей) и феи (в колючих кустарниках). Ненавидя друг друга, и те, и другие непрерывно придумывают пакости соседям. Те немногочисленные особи, которые понимают, что строить здоровую жизнь на базе козней нельзя, стремятся из Равнин сбежать. Как можно дальше. И как можно скорее.

Так две острозубые крылатые сестрички – Лейла и Лойла – оказались в Шолохе. Не мудрствуя лукаво, они взяли кредит и открыли сначала магазин всякой всячины, а потом кафе внутри оного.

Сегодня «Дом Искристой Пляски» привлекает клиентов огромными, нет, ОГРОМНЫМИ креслами, в которых так приятно свернуться калачиком. Мягкий бордовый бархат, подушки, расшитые золотыми нитками, живой огонь в керосинках – идеальное решение для уютных вечеров.

Я отодвинула занавеску из перышек и зашла в кафе. Защебетали попугаи в клетках – яркие, южные, в два раза больше фей-хозяек.

– Да не будет на твоём пути гномов, кроме как мертвых! – ритуально приветствовала меня Лейла. Прозрачные голубые крылышки с жужжаньем вибрировали за ее спиной. – Минчай?

– Минчай, – безропотно согласилась я.

– На миндальном? – Фея подлетела и синим коготком ткнула мне в переносицу.

– На каком еще?! – завопила я намеренно возмущенно.

Удовлетворенная, Лейла погрозила мне пальцем и со стрекотом умчалась в барную зону.

Минчай – пузырящийся напиток зеленого цвета – был визитной карточкой «Дома». Обжигающе горячий, он очень хорош по вечерам, поэтому в закатные часы к феям повадилась набегать половина Шолоха.

Это много. И теперь феи с порога отсеивают «неподходящих клиентов»: безжалостно разворачивают всех, кто пришел не за минчаем. Или просто не разбирается в молоке.

Повесив плащ-летягу на бронзовый крючок в виде чертополоха, я потопала к Польши. Куратор сидел за дальним столиком, поджав колени, и сосредоточенно строчил ташени за ташени.

Я обогнула круговой шкаф с книгами, помешавшийся в центре «Дома» (и, возможно, играющий роль несущей стены... кто их, фей, знает), по-свойски плюхнулась напротив и, взглянув на Внемлющего, отшатнулась:

– Ого! Это кто тебя так?

Все лицо Польши было расцарапано, а хламида помята и кое-где порвана. Под глазом налился фингал, по цвету приближавшийся к черной радужной оболочке Ловчего.

– Кто-кто... Каннибал-рабовладелец, – буркнул куратор, недовольно ощупывая веко. – И его свита... Гаденыш был из народа айлов, а им неким «божественным законом» разрешено содержать невольников. Причем последние считают это за великую честь. Он и в Шолохе рабов завел. Они помогали ему выбирать жертв, а потом дружно напали на меня, пока хозяин пытался сбежать через задний двор.

– Ужас какой. Ну ты его поймал?

– Естественно. Сидит в камере предварительного заключения вместе со всеми своими невольниками. Теперь, кажется, они уже не так горячо его любят. Что у тебя?

Я пересказала события дня. Сначала успешно закрытое дело о трясухе (тут у меня снова что-то странно засвербило в мозгу), потом – новости о «Черной серии». Отдала список посетителей Лисса. А под конец вынула из кармана и вручила куратору «График дежурств».

– Понятия не имею, кем был тот человек, но я решила, что не многие ходят по аркаде. А боятся быть замеченными – тем более. Особенно учитывая тот факт, что озеро с трупами – в паре шагов от этого места.

– Молодец, так и надо. – Польшь кивнул, с любопытством пролистывая страницы «Графика». – А информация о похищенных картинах – вообще прекрасно! Чую, завтра у нас будет первый допрос.

– Кого допрашиваем?

– Пока не знаю, – покачал головой куратор. – Но одного вечера в этом прекрасном кресле мне хватит для того, чтобы найти решение.

Он потянулся, как после долгого сна, и с кошачьей улыбкой поерзал, устраиваясь поудобнее.

Я произнесла с укором:

– А остальные Ловчие сейчас пашут, убираются в своих кабинетах!

– Остальные Ловчие тысячи дел за всю свою жизнь не раскроют, а я за два года сделаю, – самодовольно зевнул Польшь.

«Так-так, так-так!» – подтвердили его чудные нагрудные часы.

– Кстати, ты обещал рассказать, что у вас за проблемы с Селией, – напомнила я.

К нам, с трудом удерживая керамический чайник, подлетели сразу две феи-официантки с моим заказом.

– Еще минчай? – строго спросили они у Польши после того, как с третьей попытки припарковали чайник на столе.

– Ага, – зевнул куратор, хрустнул пальцами и закинул руки за голову.

Все его амулеты и бубенчики дружно тренькнули, повергнув официанток в секундный астрал. Точно, феи же фанатеют от всяческого звона! Небось Польшь у них любимый клиент. Приходит, сворачивается насуспенным клубком в кресле, пыхтит, позвякивает всеми частями тела, пьет минчай да нахваливает, чаевые оставляет щедрые – за счет ведомства, ну же. Мужчина феиной мечты просто.

– Селия и я... – протянул куратор, рисуя пальцем какие-то закорючки в растекшейся по столе лужице от минчая. – Да. Долгая и бессмысленная история ненависти, построенная на отнюдь не благородном чувстве – на зависти.

Выдержав паузу, Польша пояснил:

– Когда-то Селия была лучшей Ловчей ведомства. И, конечно, хотела увидеть свой портрет в Галерее Генералов. Все мы рано или поздно этого хотим. Под «все мы» я имею в виду нормальных, честолюбивых людей. – Он приподнял бровь.

Я фыркнула и салфеткой промокнула лужу, служившую ему «холстом». Нечего тут нос задирать.

Польша принял мой ребяческий «протест» совершенно спокойно. Молча отдернул палец от стола и продолжил:

– Так вот, Селия была близка к победе, но попала в заварушку. Очень неприятную, из которой было мало шансов выйти живой. А все-таки выжила, молодец. Но долго приходила в себя в Лазарете – все сроки игры вышли. К тому же она не смогла до конца оклематься – хромает, ну ты видела, и магия ее почти покинула.

На этих словах я вздрогнула:

– Так что же, мы с Селией сестры по несчастью?

– Получается, что так.

Надо же. А я думала – я такая уникальная.

Этого я, конечно, не стала говорить вслух.

– И все-таки она законно и полноправно работает в ведомстве.

– Да. Но, во-первых, она хоть немного может колдовать. А во-вторых, она работает не Ловчей, а администратором. – Польша посмотрел на меня со значением. – Поэтому я бы на твоём месте все равно не спешил раскрываться. Та же Селия тебя первая и утопит. Чтоб неповадно было.

Я замешкалась:

– Ну, ты ее как-то совсем демонизируешь, господин куратор! То есть, по-твоему, Селия не хочет, чтобы ты стал Генералом, потому что ей это не удалось?

– Да. Ей кажется, что, если она не заслужила этот ранг – никто не заслуживает. Особенно сразу последовавший за ней претендент. Потому что после попытки Селии и Лойда – они еще и друг с другом состязались за звание – никто больше не дерзал.

– погоди-погоди! Она случайно не во время бунта Ходящих пыталась Генералом стать? И Лойд погиб, а Селия в больницу загремела?

– Именно так. Пятеро Ходящих против двух Ловчих. Заведомо проигрышная ситуация. А ты откуда знаешь? – Глаза у куратора блеснули.

– Осваиваю мастерство. – Я показала язык. – Слушай, Польша, а ты не мог бы мне помочь, пожалуйста? У меня один друг... Нет, знакомый... Нет. Прах, как объяснить-то. Короче, в Лазарете лежит мальчишка, иноземец, и никто не знает, откуда он взялся. А сам он не помнит. У меня нет допуска к Архиву Личных Данных, а у тебя есть. Ты не мог бы попробовать найти его файл там? А то его завтра в детдом переведут.

Брови у Польша поползли вверх.

– А почему из Лазарета никто не направил запрос?

– Да кто ж их знает. Вроде как они с Лесным ведомством на эту тему общаются, какие-то внутренние правила.

– Понятно. Я сегодня не смогу. И завтра, боюсь, тоже. В четверг подойдет?

– Но будет уже поздно... – разочарованно протянула я.

Польша с сомнением посмотрел на меня, потом на высокую стопку документов у себя на столе, потом снова на меня. Развел руками.

– Слушай, Тинави, а попроси об этом... Прах, ты же никого из Ловчих больше не знаешь... А попроси об этом прямо мастера Улиуса.

– Главу департамента, что?!

– Да ладно, он же добрый, как пастушья собака. И дела у него все больше скучные, управленческие. Любая, даже маленькая тайна его порадует, – продолжил уговаривать Польшень.

– И как ты себе это представляешь? Прихожу я, значит, такая в ведомство. Там все в мыльной пене, швабры летают, Ловчие дирижируют метелками, Селия смотрит мрачно, как сказочная злодейка, и Улиус радостно кивает, мол, молодцы, молодцы! А я пробиваюсь к нему сквозь весь этот праздник чистоты и прошу проверить для меня пацаненка в Архиве?

– Да. И тогда Улиус кивает: «Помочь молодежи – порадовать предков! Давай сюда все, что у тебя есть на этого мальчика, пойду разомну старые поисковые инстинкты!» – на свой манер подхватил Польшень. – Короче, я напишу ему, чтобы помог тебе.

И, не слушая дальнейших возражений, Польшень отправил очередную ташени. Я залпом выпила минчай и понуро поплелась в ведомство.

– Только не позволяй втянуть себя в уборку! – крикнул вслед куратор. – Пришла – и сразу убегай!

Ага, конечно. Так все и будет.

* * *

Как и следовало ожидать, все прошло не так уж и гладко.

Польшень получил новые сведения о маньяке – от меня – и ему резко стало неважно все остальное. Куратор хотел бросить силы на поиск дворцового убийцы. Я же, добыв нужную информацию, перестала играть существенную роль в расследовании.

Миссия выполнена, добро пожаловать в расход. Так что да, с точки зрения Польшени меня уже можно было отправить навстречу потенциальному разоблачению и увольнению...

Не уверена, что у себя в голове куратор мыслил именно таким образом, но вы же знаете, как девушки любят накручивать.

Короче, возле ведомства меня встретил не мастер Улиус, а Селия. Как иначе!

– Господин Польшень написал, что вам нужна помощь с Архивом? – холодно осведомилась она.

– Да. Я так поняла, мне должен был помочь мастер Улиус...

– Мастер Улиус вам ничего не должен. Мастер Улиус – глава департамента, и ближайšie два дня он укрепляет боевой дух сотрудников, наводя вместе с ними чистоту в здании, – вздохнула ассистентка.

– Может, тогда кто-то из старших Ловчих найдет в Архиве документы на этого мальчика? – Я передала ей папочку, где собрала максимально много информации о Карле (на поллисточка хватило, я молодец!).

– Это личная просьба? – Селия без интереса открыла мою писанину.

– Да.

Услышав это, она смягчилась.

Видимо, личная просьба точно никоим боком не поспособствует Польшени в его битве за генеральство, а значит, ей не так противно помочь.

– Ладно, кто-нибудь с допуском этим займется. У меня для вас тоже есть дело, Тинави.

– Для меня? – Я была безмерно удивлена.

– Да. Вчера вы болтали на лекции, и Улиус пообещал вам дополнительное задание. Вот оно. – Она протянула мне очередную папку.

Боги-хранители, я за эти четыре дня увидела больше папок, чем за всю свою предыдущую жизнь! Да производители папок просто озолотились на государственном делопроизводстве! Чую, вскоре папки, набитые папками, будут сниться мне в ночных кошмарах.

– Если вы помните, – продолжила Селия, – раскрытие преступлений и документирование несчастных случаев – это лишь один аспект деятельности Ловчих. Также мы занимаемся слежкой за некоторыми гостями столицы. Господин, информацию о котором я передала вам, прибыл в Шолох из Саусборна. Его зовут Мелисандр Кес, он – историк и планирует поработать в библиотеках дворца и Башни магов, что привлекло к нему внимание ведомства. Ваша задача – следить за его перемещениями. Также узнайте про его интересы – как научные, так и бытовые. Раз в неделю будете предоставлять отчет о столичном пребывании господина Кеса. Вам все понятно?

– А насколько «плотно» я должна за ним следить?

– В общих чертах. Проверяйте его местоположение каждый день, этого достаточно. Приступить можете завтра.

– Каждый день?! – взвыла я.

– Каждый. Уверена, вам понравится: говорят, господин Кес – весьма интересный мужчина. – Селия отвернулась и, опираясь на мышиную трость, поковыляла к зданию.

Я хотела бы еще что-то добавить, но, прикинув, что она может, не дай небо, вспомнить о моем неучастии в субботнике, рванула в противоположном направлении.

Прах побери, не хочу я следить за каким-то занудным мужиком! Начинаю скучать по временам без работы...

17

Набережная Доро, дом один

По-настоящему успешный человек шагает от неудачи к неудаче, даже и не думая сдаваться. Энтузиазм и терпение – вот что берет города.

Инри из Дома Страждущих

Вечером меня ждал светский раут: бал господина Анте Давьера. Сбор гостей назначили на восемь.

Первыми, в соответствии с негласными правилами, прибегут купцы и журналисты. Потом появятся близкие друзья хозяина, выходцы из Домов средней руки, министерские управленцы. Ну и под конец уже сливки Лесного королевства – Ищущие, Мчашиеся, Внемлющие.

Короче, Кад и ее «плюс один», то есть мне, раньше девяти на набережную Доро соваться не стоит – этикет, знаете ли! Штука серьезная. Хотя и бессмысленная.

Прикинув, что у меня осталась пара свободных часов, я решила не заниматься решительно ничем, кроме подготовки к балу.

Важную роль в этой подготовке играла такая роскошь, как чтение на диване. Попой кверху. Нам, девушкам, нужно убийственно прихорашиваться не только снаружи. Вот наберусь красивых литературных оборотов и стану хотя бы на один вечер очаровательной собеседницей. Спорим, эффект не хуже, чем от декольте?

Хотя, думаю, гостям Анте Давьера моя предполагаемая харизма будет до фонаря – на балах люди собираются, чтобы обсуждать бизнес и политику, а не для флирта.

Так или иначе, судьба в лице Кадии не позволила мне как следует увлечься. Подруга явилась на час раньше: о ее прибытии меня оповестило бешеное ржание Суслика, от которого земля тряслась, а зубы клацали. Суслик – спонсор дорогущих шолоховских стоматологов!

Я возмущенно вышла на порог и набрала в легкие побольше воздуха, дабы мой праведный гнев разнесся на всю округу: мол, какого праха так рано?! Кад, я до сих пор больше похожа на болотного упыря, чем на эльфийскую принцессу, я не поеду в таком виде никуда, так что садись на кухню и жди, и не смей сожрать мое печенье!

Но на спине Суслика восседал, помимо Кадии, юный Карл. Черная кобыла даже не заметила двойной ноши.

Я подавилась своей тирадой и лишь удивилась:

– Привет!

Незваные гости лучились от радости, что было привычно в исполнении Кадии, но странно для Карла: ведь его должны забрать в детдом, а это не самая веселая новость.

– Что, еще не готова к балу? – осклабилась подружка.

– Как видишь.

– Вот и ладненько. А я хочу познакомить Карла с Марахом.

– Э-э, зачем?

– Как зачем? Мальчик любит животных. Причем живых, а не на тарелке, как мои изверги-братишки. И, учитывая, что ты теперь дома почти не бываешь, птичке будет приятно, если некий подросток с избытком свободного времени станет его выгуливать дважды в день. Или как это называется у пернатых? Вылетывать? Выпархивать?

Я помогла привязать Суслика к забору, молясь, чтобы тварюга мне его не снесла в каком-нибудь неожиданном приступе конского веселья. Затем провела ребят в дом.

Я спросила:

– А как Карл планирует заниматься выгулом... вылетом Мараха, если шолоховский детдом находится далеко на востоке? – При этих словах я бросила быстрый взгляд на мальчика.

Он все так же лыбился, до неприличия счастливо.

– О, с детдомом вопрос закрыт. Дахху выкинул прекрасный фортель. – Кадия плюхнулась за кухонный стол и деловито подтянула к себе банку с бисквитами. – Он официально стал временным опекуном Карла, до того момента, пока к тому не вернется память. А от дома Смеющегося до твоего – минут пятнадцать пешком.

Я так и села:

– Дахху что?!

Наш прибабахнутый философ и о себе толком не умел позаботиться, а уж взять ответственность за другого...

– Я сама удивилась! А уж Карл как прибалдел от таких новостей, не правда ли? – Кадия жеманно оттопырила мизинец. И неважно ей: бисквит ли, чашка.

Подросток кивнул. Мне показалось, что за чистой радостью он прячет еще какую-то эмоцию... Кажется, страх. Причем в отношении меня. Боится, что я заставлю Дахху передумать?

– Но и это не все новости! – Кадия подняла указательный палец и медленно поводила им туда-сюда перед моим носом.

Это был отвлекающий маневр, ведь в этот момент другой рукой она тянула из банки мою последнюю печенюшку.

– Вдобавок к опекунству многоуважаемый Дахху из Дома Смеющихся, ни много ни мало, забрал свои документы из Лазарета. Все! – Печенька с драматическим хрустом погибла в зубах подруги. – Он больше не будет лекарем. Теперь он – энциклопедист, и точка.

– Как та-а-ак?! – застонала я. – Что за корова его укусила?

– Бешеная какая-то. – Кад развела руками. Потом обернулась к Карлу: – Так, дружок, давай-ка, дуй в спальню, там найдешь злобную птичку в клетке. Это Марах. Попробуй с ним поиграть, но смотри, чтобы он глаза тебе не выклевал. Все животные похожи на хозяев, а Тинави у нас та еще штучка.

Когда Карл ушел, Кадия резко поставила локти на стол и, перегнувшись ко мне, быстро зашептала:

– Вообще, мне это не нравится. Дахху всегда был благоразумным парнем, даже слишком благоразумным, я бы сказала. Но после той ночи с бокки он сам не свой. Постоянно бубнит про сны, строчит что-то круглые сутки... Вчера опять меня в ресторане опозорил. Второй раз за неделю, а! Представь, подходит официант с жарким, а Дахху у него из нагрудного кармана выхватывает перо и давай писать прямо на льняной салфетке. Да еще и приборматывает. Я ему: «Дахху, ты сбрендил, дорогуша?», а он только глазами зыркает из-под шапочки и пишет, пишет. Официант пытается примостить на столике блюдо с бокалами, а Дахху его локтем отодвигает, типа, не мешайте. Я теперь опять с ним разговаривать не хочу. Именно из-за позора, а не из-за романтики, как ты подумала. – Кадия обвиняюще ткнула пальцем мне в грудь.

Она вообще очень смело управляет своими указательными. Типично военная привычка, противопоказанная светским львицам – чую, сегодня на балу повеселимся.

Подруга продолжила:

– Короче, Дахху сбрендил, и ладно бы. Если это как-то оживит его отморозенный характер – я только за. Но эти приколы с опекунством и уходом из Лазарета... Что-то неладно.

Из соседней комнаты донеслось уханье Мараха. Удовлетворенное, насколько я знаю своего филина.

Я побарабанила пальцами по столу:

– М-да... Вообще, когда мы говорили с Дахху у водопадов Иштвани, я прониклась ощущением, что его сны – это акт принятия себя, который привел к таким вот картинкам от под-

сознания и чувству эйфории. Ну, ведь всякому видно, что Дахху создан для науки! Может, он наконец-то «дозрел» и теперь изо всех сил пытается наверстать упущенные из-за сомнений годы, поэтому пишет без перерыва? А опекунство... Знаешь, бывает такое: ты делаешь какой-то важный шаг в жизни и сразу же начинаешь бацать перемены в других, смежных сферах. Есть идиотское выражение – «беда не приходит одна». Я в него не верю, зато верю, что «решение не приходит одно», «смелость не приходит одна», «удача не приходит одна». Мир вообще лучше, чем о нем принято думать. Может, дело в этом? Дахху просто осмелел, а мы привыкли к его дохленькому варианту, вот и паникуем?

Кадия пожала плечами:

– Не знаю... Но ты посмотри внимательнее в его глаза. На мой взгляд, они какие-то ненормальные. Учитывая, как я отношусь к Дахху... – Она замялась. – Короче, Тинави, я волнуюсь. Боюсь, это реальные сны. Бокки что-то хотят от него.

– Я тебя поняла. – Я снова прислушалась к соседней комнате.

Уханье Мараха сменилось неожиданным, но очень довольным клекотом. Чешут его там, что ли?

– Обещаю, я не допущу, чтобы Дахху обидели. Я даже его коллегу попросила за ним приглядеть, вот только после увольнения это уже неактуально, – я раздосадовано крикнула. – Но я могу следить за ним сама все свое свободное время, если хочешь.

– Ой, к праху эту слезку, – отмахнулась Кад. – Мне тут, ура, наконец-то доверили несколько стражей в подчинение. Так что слезку я сама могу организовать, причем круглосуточную. Даже во дворце – мы там теперь дежуриим, прикинь? Правда, эти гаденыши не сильно верят в мой авторитет, ну да ничего, еще пара драк, и разберемся... – Она хрустнула пальцами. – Так вот, с Дахху ты лучше побольше разговаривай. Он тебя всегда слушал. Это я для него – буйный клоун с замашками солдафона, а ты, скорее, мозговитая баба-ребус. Если кто-то на него и повлияет, то ты.

– Ого, ничего себе откровения! – Я расхохоталась. – Буйный клоун? Баба-ребус? Это так ты себе представляешь нашу компанию? А Дахху тогда кто, прости, пожалуйста?

– А Дахху – трусишка – зайка серенький, вместо морковки пожирающий мои нервы, – огрызнулась Кад. – Короче, иди, одевайся. И чтоб выглядела прилично! Я-то погляди какая! – Кадия подмигнула, вскочила, незаметно отряхнула крошки с платья и демонстративно покрутилась туда-сюда.

Она нарядилась наядой. Я была буквально раздавлена ее красотой.

Кадия и так – ходячий генератор комплекса неполноценности. А в шумящей юбке морского шелка, отороченной жемчугом, да с прибранными золотыми локонами, да с ювелирным трезубцем и с лифом в виде морских ежей – ну все, пиши пропало.

Не зря говорят, чем более мужественная у дамы профессия, тем более женственной она старается быть во внерабочее время.

– Ты не боишься порвать такую красоту во время поездки на Суслике? – завистливо спросила я.

– Я почти ничего не боюсь. Давай, поторопись-ка!

* * *

Когда я зашла в спальню, Карл и Марах сидели друг напротив друга. На полу. Марах что-то там бурчал на своем птичьем, будто монолог толкал, Карл – сосредоточенно поддакивал.

– Хей, я вам не мешаю?

Оба вздрогнули.

– Ты что, с моим филином разговариваешь? – Я подняла брови.

– Нет, – Карл покраснел. – Но я с удовольствием буду навещать его, если вы не против!

– Не против.

Мальчик вышел из комнаты, а я еще с полминуты смотрела ему вслед. Скользнуло смутное воспоминание: кажется, мы уже перешли на «ты». Но когда? Где? При каких обстоятельствах?

– Ничего не знаю насчет Дахху, но с мальчонкой точно не все в порядке, – пожаловалась я птице.

– Ух-ух, – со всей серьезностью ответил Марах и повернул голову на сто восемьдесят градусов, заинтересовавшись собственной спинкой.

* * *

Пришло время выдвигаться на бал, и Кадия наотрез отказалась пускать мальчика пешком.

– Доедем до Давьера, а там я посажу тебя в кеб. Вдруг приступ амнезии повторится? Кто будет спасать тебя на сей раз? – здраво рассудила она.

На город опускалась темнота.

В распахнутые окна домов вдоль набережной волнами вливался майский воздух, принося с собой запах меда, лесных мхов и далекого моря. Вечерняя прохлада загоралась волшебными, узнаваемыми красками столичной ночи: зеленая осома, белые маг-огоньки, горячий свет от факелов и изредка встречающиеся красновато-оранжевые плоды деревьев ошши. Все утопало в зелени и холодном, маслянисто-черном блеске рек.

Особняк господина Давьера светил нам, как маяк – издалека.

Мириады крохотных фонариков обвивали здание из голубого камня. На широкой подъездной аллее было тесно от карет. Изнутри доносились музыка и смех, нарядные люди с бокалами в руках прохаживались вдоль резных балкончиков, окаймлявших второй этаж.

Мы с Кадией и Карлом подъехали к самому крыльцу.

Подруга подозвала конюха и попросила его присмотреть за Сусликом. Конюх скривил недовольную физиономию, но Суслик так ощерилась в ответ, что слуга быстро передумал быть невежливым.

Затем мы поймали кеб, один из тех, что вечно толкуются перед богатыми домами в надежде на клиентов, и стали прощаться с Карлом.

– Ну, сейчас опробуешь поездку в карете, – Кадия хлопнула Карла по плечу, – а то мы все в седле да в седле.

– Вроде я уже когда-то ездил на такси... – нахмурился Карл. – Только там были не лошади...

– Что такое такси? – удивилась я.

– Ну, это... – Мальчик замешкался.

Вдруг раздался низкий бархатный голос:

– Такси – это разновидность иноземных перевозчиков.

Обладатель голоса – изысканно одетый мужчина лет сорока, прямой, как яшень, – поклонился нам, не сводя глаз с Карла:

– Что же, молодой господин покидает бал, не успев заглянуть внутрь?

– Спасибо, я не хожу на балы. Просто провожал... своих дам, – «по-взрослому» пропихнул Карл.

Незнакомец пригладил короткостриженные черные волосы – и без того идеально уложенные.

– У вас действительно очаровательные спутницы, сэр... Как вас зовут? – Господин коснулся своей аккуратной бородки, потом быстро перевел руку на туго завязанный шелковый галстук.

– Карл, а вас?

Льдисто-серые глаза мужчины расширились. Он кашлянул, прочищая горло, а потом дважды кивнул, будто ему сказали нечто поразительное.

Мы с Кадией переглянулись. Что за прах? Мы уже не в средних веках, почему этот незнакомец вообще говорит не с кем-то из нас, а с мальчиком?

– Анте. Я предпочитаю это имя. Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет. Да, Карл? – испытующе сощурился незнакомец.

– Н-не знаю... – проблеял мальчик и одним аккуратным шажком отступил мне за спину. Зато Кадия жадно подалась вперед:

– Так это вы Анте Давьер? Это ваш бал?

Она рефлекторно начала прихорашиваться: поправила волосы, воланы, подол и даже ущипнула себя за яблочки щек – прием безотказный, ибо нет ничего привлекательнее румяности, но очень уж заметный. Ох ты ж моя Кадия, охотница за мужиками!

– Да, это я. – Хозяин дома с сожалением, как мне показалось, отвернулся от Карла.

Кадия и Анте начали пустую светскую беседу. Во время оной господин Давьер бросил на мальчика еще пару взглядов, но больше ничего не сказал.

Я посадила Карла в киб, пожала ему руку на прощанье и тихо спросила:

– Ты его знаешь?

– Нет, наверное... – Бедняжка чуть не плакал. – Он как-то странно на меня смотрел, да?

– Вот-вот. Ладно, езжай домой.

Карета уехала. Анте галантно пригласил нас проследовать внутрь особняка, а сам остался встречать припозднившихся гостей.

Для нас бал начался.

* * *

В круговерти шелка, музыки и смеха мы с Кадией быстро потеряли друг друга. Обычно на масштабных вечеринках я держусь возле тех, с кем пришла – но не сегодня.

И у Кадии, и у меня были свои планы на вечер. Подруга искала неопределенного идеального мужчину, а я – определенного: где-то там, в ложбинке меж ключицами, жила надежда на новую встречу с Лиссаем.

Я понимала – вряд ли он придет, в своей-то пижаме... А все же хотелось украсить вечер розовым флером. Чисто для интереса.

Вообще, я не из романтических. Но завидую им невероятно. Как хорошо: влюбился, поцеловался, детей родил – и план на жизнь выполнен, ура! Другое дело – эта неутвержденная программа в моем жанре: то ли чудеса надобно совершать, то ли науку вперед двигать... Прах его знает, но одно ясно: удачно выбранной пассией не обойдешься.

– За счастье, каким бы оно ни было! – буркнула себе под нос я, взяв бокал у мелькнувшего мимо официанта. После чего отправилась в вольное плаванье по анфиладам залов.

Десятки гостей сновали вокруг, как яркие рыбки, то одной, то другой деталькой праздничной чешуи шибая мне в нос. Я никого не знала.

Я бродила туда-сюда, рассеянно улыбаясь и стараясь не слишком налегать на вездесущие канапе, когда убедилась: рыжего принца на балу нет.

Торжество мгновенно потеряло для меня большую часть обаяния. Сами знаете, как это бывает с вечеринками. Если нет – советую пойти и узнать, ни одна книга не заменит чудесного опыта игры под названием «влюби в себя выбранный объект».

Я вышла на балкон. Ночь была чудо как хороша. Вихрящиеся звезды красочными потоками низвергались с хрустального купола небес. От нагретого за день камня волнами поднималось тепло. Внизу, под балконом, тихо фыркали лошади, впряженные в щеголеватые кебы.

Я глубоко вдохнула майский, уже по-летнему травянистый воздух.

За спиной, в зале, было весело и шумно. Мимо окна в танце проскользнула абсолютно счастливая Кад. Ее кудри были убраны в высокую прическу, и многочисленные драгоценные камни в волосах сверкали так ярко, что хотелось прищуриться. Подруга смеялась, закинув голову, но не теряла равновесия в быстром ритме танца. Партнером Кадии был Анте Давьер, строгий и красивый, с отчетливо проглядывающими венами на бледной шее. Они вдвоем неплохо смотрелись вместе, и, зуб даю, та кучка перешептывающихся старлеток у зеркала тоже это заметила.

Насладившись одиночеством, я вернулась в зал. И, поддавшись атмосфере излишеств, снова и снова брала с подносов игристое, пока не врезалась в хозяина дома, уже активно болтающего с каким-то белобрысым гостем. Хмельной воздух вокруг них насыщал беседу тем философским запахом, что становится так мил после полуночи.

– Вы явно переоцениваете многовариантность хороших исходов, – нахмурился Анте Давьер, с достоинством проигнорировав прилетевший от меня толчок. – Безусловно, это неплохо – идти до конца, какой бы ни была дорога, но я все же рекомендую уделять большее внимание первому ходу. Великие дела не начинаются «на авось». Во всем нужна стратегия.

Собеседник хозяина был далеко не так изыскан, как Анте.

Взамен сюртука он надел льняные штаны и белую рубашу, а его пшеничные волосы спадали почти до плеч, перехваченные на лбу спортивной лентой. На боксерском лице, доминантой которого служили огромный сломанный нос и квадратный подбородок, выделялись очки – удивительно неуместные при такой внешности

– Упорство и уголь превратит в бриллиант, Анте! – самоуверенно отозвался незнакомец. – Бери любой предмет – приложи все силы – получишь конфетку. Даже грязь под единственным человеческим ногтем можно изучать неделю – и выводы не оставят тебя обделенным! Поверь моему опыту!

– Грязь под ногтем? – Неожиданно для самой себя я вмешалась. Очень нагло. Ох уж эти пузырьки на запотевших стеклах бокала – прахов катализатор смелости... – Это насколько же вы не уважаете саму жизнь, чтобы, игнорируя прекрасное, сосредотачиваться на столь мелком и глупом предмете?

Мужчины посмотрели на меня: хозяин вечера – почтительно, с той услужливой полуулыбкой, которая всегда готова ликвидировать назревающий скандал. Незнакомец – с откровенной насмешкой, присущей скорее дворовому люду, нежели интеллигенции.

– Это насколько же вы не уважаете жизнь, что считаете, что грязь под ногтем не имеет места в мозаике бытия? – парировал он.

– Имеет, отчего же. Место клея. Знаете, такого серого, комковатого, меж кусочками смальты. Но смотреть-то лучше издали – на всю картину...

– Кажется, у нас тут кто-то любит играть по правилам, – хохотнул белобрысый. – А по мне, так вы все самое интересное в жизни упустите. Любой предмет куда честней с изнанки. И, как я доказывал нашему другу Анте, даже самая хилая вещь, изучи ее до конца, даст тебе больше, чем поверхностный взгляд на шедевр.

– Вы считаете себя глубоким знатоком истины, да? – фыркнула я и отхлебнула еще вина.

Гость улыбнулся:

– Я считаю, что люди слишком много думают, перед тем как начать что-то делать. Иногда всю жизнь тратят на размышления и сомнения. Весь этот жалкий скулеж приводит к тому, что якобы светлые умы так и сидят на месте, не шелохнувшись. А мир приветствует таких, как я.

– Таких, как вы, значит. Это, позвольте спросить, каких?

Мужчина задрал квадратный подбородок выше и поправил на носу очки в тонкой оправе – слишком тонкой для его мужественного лица.

– Дерзких, быстрых, смелых на подъем. Тех, кто не боится действовать. Меня зовут Мелисандр Кес, красавица, и я буду счастлив пригласить вас на прогулку по ночному городу. Прямо сейчас. Вы ведь не откажете? – Он подмигнул, и я с неудовольствием почувствовала, что краснею.

В этот момент к нашему кружку подкатила Кадия. Она взяла меня за руку, но потом, удивительное дело, перекочевала поближе к Анте Давьеру – и вот уже хозяин бала держит ее под локоть и уводит, смеясь, куда-то в центр звенящей залы.

А я одна с этим наглым, небритым Мелисандром.

Стоп!

– Мелисандр Кес. – Я моргнула. – Мелисандр, значит, Кес, – повторила я еще раз, уставившись ему в глаза своими куда более синими глазами, а потом сделала очередной глоток. – Ха! А мне приказано за вами следить, знали?

– Простите? – Он нахмурился.

– Позвольте представиться – Тинави из Дома Страждущих, Ловчая на службе Иноземного ведомства. Моя задача на ближайшие дни – следить, чтобы вы, историк, саусбериец, гость столицы, не учудили у нас чего-либо сверхъестественно-незаконного. Так что, господин Мелисандр, не тратьтесь на приглашения: я и так буду ходить за вами след в след!

Мелисандр Кес взъерошил свои крестьянские волосы, поправил странную беспуговичную рубаху, надул нижнюю губу и провозгласил:

– Что ж, следить так следить! Предложение остается в силе. Эй, официант! – Мелисандр выхватил у лакея целую бутылку и целенаправленно потащил меня на веранду.

«Я неплохо справляюсь», – удовлетворенно подумала я.

А потом все пошло кувырком в прямом смысле этого слова, потому что я споткнулась о порог панорамного окна и с треском вылетела на террасу, располагавшуюся на несколько ступенек ниже уровня зала.

За собой я увлекла белые занавески, Мелисандра, еще одни белые занавески, ведро со льдом (красиво он разлетался, я вам скажу!) и какого-то важного старичка в сюртуке. Все это масштабно, но недолго летело вперед и вниз. Занавески развевались за моей спиной, как волшебный плащ. Плащ этот, впрочем, оказался бессилен против гравитации. Я была лидером нашего полета, и первая столкнулась с мраморным полом. Последовательно на мою спину рухнули все остальные.

В зале воцарилась тишина.

Секунду спустя я вытянула из-под «обломков» руку с оттопыренным большим пальцем, показывая, что все участники «экспедиции» живы.

Тишину сразу же разорвал громовой хохот хозяина дома. Анте сидел за роялем неподалеку от случившейся катастрофы и смеялся так, что у него аж слезы выступили.

Стоявшая подле него с нотной тетрадью Кадия не разделяла его восторга. Она напонила рыбку: вытаращила в ужасе глаза и беззвучно открывала-закрывала рот, будто задышавшись. Остальные гости, заслышав «одобрение» Давьера, поддержали инициативу и тоже начали хихикать.

От такого провала я мигом протрезвела.

Вскочила, содрала с себя шторы, отвесила всем наблюдающим поклон до пояса, извинилась перед валявшимся на полу старичком и, рывком подняв Мелисандра, обалдевшего от такой неожиданной силищи, рявкнула ему:

– Виновата я, но втянуты и вы. Идемте отсюда.

* * *

Когда мы с историком покинули особняк и вышли на набережную Доро, я схватилась за голову и так и шла.

– Ой-ой-ой, ой-ой, ой-ой-ой, – траурно приговаривала я. Мелисандр молча шагал рядом, пиная камешек, вывалившийся из мостовой.

Историк глянул на меня с иронией:

– Что это, какой-то код? Специальная ой-ой-азбука?

– Если бы, – я вздохнула. – К сожалению, это гимн моей полнейшей некомпетентности.

В этот момент, так сказать, «до кучи», ко мне прилетела ярко-лиловая ташени. Врезалась в меня, пискнула, рухнула.

«Я ТЕБЯ УБЬЮ!» – гласила записка. Хей-хей, надеюсь, ты хотела сказать «я тебя люблю», Кад!

Господин Кес откровенно заржал:

– Да ладно вам. Ну, подумаешь, сообщили объекту тайной слежки об этой самой слежке. Разгромили террасу богатейшего мужчины в городе. Стали поводом для насмешек двух сотен гостей. С кем не бывает, – веселился он. А потом резко сменил тон: – Почему вы вообще за мной следите, позвольте спросить?

– Да мы за всеми приезжими наблюдаем, – пожалала я плечами. – В этом плане слежка не такая уж секретная, кстати. Странно, что вы, исследователь шолоховской истории, о ней не знаете.

Он смутился и почесал внутренний уголок глаза. Получилось это не сразу: сначала палец господина Мелисандра наткнулся на стекло очков. Я приподняла брови:

– Вы первый раз в жизни очки надели, да?

– Ну, не первый...

– Если они вам не нужны – не носите. Поверьте, вашему типу они не идут.

– Я же историк, в конце концов. Почти все историки носят очки.

– М-да? Что-то ни одного не припомню.

– Видимо, в Шолохе это не принято. А вот в Саусборне – да.

– Но раньше вы отлично обходились без очков, а теперь вдруг решили их приобрести?

Мелисандр с досадой переплел руки на груди:

– Да что вам дались эти очки?!

– Я должна предоставить своему начальству максимально много данных о вас. Раз уж секретности не бывает, буду откровенно допрашивать. – Я зубасто ухмыльнулась.

– А как, прошу прощения, ваше начальство вообще узнало обо мне? Я никого не предупредил о командировке. Приехал – и все, – подозрительно нахмурился Мелисандр.

Его светлые, широкие брови строго собрались на переносице.

– Вы ведь зарегистрировались, пересекая границу Лесного королевства. Стражи сразу прислали информацию в столицу, и вам выделили Ловчего для контроля. Меня.

– То есть в вашей папочке написано только то, что я сам сказал? – Мелисандр кивнул на бумаги у меня в руках.

Даже на бал я взяла с собой крупную сумку на цепочке, такую, чтоб уместились подшитые ведомственные дела. Кажется, эта болезнь под названием «я всегда с собой ношу рабочие документы» неминуемо настигает всех госслужащих.

– Судя по этому вопросу, вам есть что скрывать?

Саусбериец шутливо поднял руки:

– Я просто любопытный ученый, стремящийся понять, как устроен мир. Не хочу загреметь в тюрьму из-за любознательности, так что прекращаю свой допрос.

– Вот и здорово. Кстати, какова область ваших научных интересов?

– А в папочке не сказано? – Мел вытянул шею, пытаясь заглянуть в мои документы, в которые я сама подглядывала, что называется, одним глазком.

– Так! Мы же договорились – вопросы задаю я.

– Ну да, ну да. Я занимаюсь Срединным государством.

– Ага! Значит, как речь зашла о важном, так вы не стали выбирать какую-то мелочь, так-то! Замахнулись сразу на золотой век. Сами себе противоречите с вашей грязью под ногтями!

Мелисандр расхохотался, закинув голову:

– Простите, дорогая. Я не привык вдаваться в детали, но для вас – так и быть – уточню. Я изучаю ремесленное производство Срединного государства. Если еще конкретнее: историю шести амулетов, посвященных богам-хранителям. Крохотных, отнюдь не знаменитых, никому другому не интересных амулетов. – Последнюю фразу историк смаковал с особым наслаждением.

Я передернула плечами:

– Что ж, жаль! Такой видный мужчина – такой малый предмет.

Он ухмыльнулся, взъерошил и без того растрепанные волосы и пожал плечами:

– А в жизни все самое интересное – в мелочах. И вся радость – в повседневности. В том, чего мы вообще не замечаем, пока не станет слишком поздно. Улыбка близкого человека, легкий ветерок, красивая песня и яичница с беконом – из этого складывается счастливая человеческая жизнь.

– Глупости, – я категорично покачала головой. – Мелочи не дают счастья. Вон, и вы в своем списке на первое место все-таки не оملت, а близкого человека поставили.

Мелисандр не ответил. Как-то ссутулился, убрал руки в карманы и резко пнул камешек в подвернувшийся овраг.

Что-то не то я ляпнула.

Но историк уже взбодрился, выковырял себе из брусчатки новый камень (ох, Шептунов на него нету!), встряхнулся, как охотничий пес, и резким виражом сменил тему разговора:

– Тинави, а вы, вообще, любите историю?

– Да. Но не эпоху Срединного государства.

– Почему? – Мелисандр удивился. – Колоритные местные жители, солянка из богов с драконами, чудеса на ежедневной основе... А вам не нравится?

– Дело в том, как все это закончилось, – пояснила я. – Стоило богам уйти, как срединники начали стремительно деградировать. Они лишь кичились своим прошлым и требовали к себе безмерного уважения. Монотонно подтачивали чужое терпение. Это же надо – умудриться всех так взбесить, чтобы они от вас камня на камне не оставили! Невероятное, магическое государство превратилось в мертвые пустоши! По мне так лучше вообще вырвать эту страницу из истории.

Я тяжело вздохнула.

Мы остановились у лодочной станции. Внизу маслянистые воды реки перекачивались в свете уличных фонарей. Мне было неохота тащиться домой пешком, поэтому я планировала сесть на круглобкое магретто, круглосуточно курсирующее по Нейрис.

Мелисандр не стал прощаться, как я ожидала, а остался стоять рядом и продолжил дискуссию:

– Но ведь некоторые срединники выжили – те, кто был на островах шэрхен. Более того, потом они вернулись на свою исконную землю. – Историк пожал плечами. – В определенном смысле слова вы воссоединились с предками, магии у вас полно, отношения с другими странами – нормальные. Счастливый конец, разве нет?

– Лично я все равно чувствую, какие мы ущербные по сравнению с тем, какими были бы, не окажись наши предки столь невыносимыми, что остальным народам стало проще уничто-

жить их, чем терпеть... – Я с ненавистью посмотрела на подол своего длинного платья, испачкавшийся за время нашей вынужденной прогулки.

– Может, еще и по богам-хранителям пройдется? Ушли, гады такие, всех бросили, наслаждаются где-то, пока мы прозябаем?

– По богам не буду, я ж не кнаска.

Мелисандр подмигнул:

– Да и себе дороже – вдруг они подслушивают, да?

– Это вряд ли. В отличие от своего лучшего друга, я не верю в то, что боги до сих пор живы. И тем более следят за нами...

– Почему?

– Потому что если живы и следят, то гады они последние, а не боги. Столько грязи в мире – а они даже и не думают вмешаться.

– А вдруг они не могут вмешаться? Изучая историю амулетов, я нередко встречаю мотив о том, что боги могут лишиться силы. Вдруг это случилось и теперь они просто наблюдают?

– Тем более печально.

– Тинави, ну вы и пессимистка. – Кес с хрустом поскреб затылок. – Никогда не пробовали порадоваться тому, что есть? Сместить, так сказать, фокус внимания?

– Вы точно историк, а не мозгоправ?

– Историк, историк. Просто сердце мое болит, когда я вижу, что у таких симпатичных девушек такой затравленный взгляд. Что с вами?

– Все со мной в порядке. Это вы меня раньше не видели. Лучше расскажите ваши планы на завтра. – Я вспомнила о том, зачем вообще нахожусь рядом с этим странным чужестранцем.

Он пожал плечами и перечислил мне несколько библиотек, в которых собирался поработать.

– Я проверю, – предупредила я.

– Всегда пожалуйста. – Мелисандр шуточно поклонился. – Может, даже присоединитесь? Я с удовольствием попробую перетянуть вас на свою сторону.

– Какую сторону?

– Сторону тех, кто любит жизнь такой, какая она есть. И рад ее загадкам, даже если рождены они через боль.

Я еще раз с сомнением окинула его взглядом. Куда уместнее Мелисандр смотрелся бы в кабаке, дерущимся «розочками» от бутылок, нежели вот так вот рассуждающим.

– Смириться с болью – слабость, Мелисандр.

– Да неужели? – Он улыбнулся мне, впервые без насмешки.

В горле ни с того ни с сего что-то сдавило. Не ответив, я кивнула чужеземцу и ловко запрыгнула на борт вовремя подплывшего магретто¹. Кинула монетку извозчику и уселась на боковую лавку.

Когда мы отчалили, я не удержалась от того, чтобы не обернуться.

Мелисандр так и стоял на набережной, расставив ноги на ширину плеч и спрятав руки в карманы брюк. Его монументальная фигура светлела, как парус, в бликующем море смазанных ночных огней.

---

¹ Речной общественный транспорт в Шолохе.

18

Полевые работы по маньяку начинаются!

*Правила игры нужно знать, но лучшие устанавливать их самому.
Приписывается хранителю Рэндому*

– Этот кулон защитит владельца от сглаза, очень сильная вещь, – осклабился ювелир, низенький толстый дядька с бегающими пальцами и неестественно блестящими глазами. Как крыска, право слово.

Я отложила безделушку и двинулась дальше вдоль витрины.

Чего на ней только не было! Серьги из лунного камня, повышающие шансы на встречу с истинной любовью; агатовые кольца, которые облегчают горечь потери; браслеты-хохотунчики – фавориты студентов; и, конечно, всевозможные защитные амулеты.

Лавка господина Бундруми пользовалась бешеным успехом у шолоховцев.

Причем, учитывая, что товары тут были на любой кошелек, в магазин с одинаковым проворством навевались как знатные горожане, так и прислуга из Метелочного квартала.

Бундруми знал, как себя подать: убранство лавки, выполненное в южном стиле, притягивало взор тысячью и одной любопытной деталью. Благодаря мягкому полумраку украшения, разложенные тут и там, сияли особенно проникновенно.

– А эта вещица – лучший вариант, если вам предстоит трудное дело: успокаивает нервы и концентрирует внимание... – Хозяин заливался соловьем, следуя за мной по пятам.

Небеса великие, как же я не люблю этих навязчивых торгашей! Если б тут имелась диадема-невидимка, то ее я купила бы, не задумываясь.

Но, как водится, самые полезные вещи попадают под графу запрещенных. И нигде, кроме Рокочущих рядов, не продаются.

Между тем, судя по говорливости ювелира, его совсем не волновал тот факт, что за конторкой уже полчаса кряду сидел Полынь.

Куратор, сегодня замотанный в фиолетовые «майки» (по ходу, у него все наряды выполнены в этом странном стиле – только цвета меняются день ото дня), удобно устроился со скрепченными ногами. Вокруг него стопками были разложены счетоводные книги.

Полынь дотошно, медленно-премедленно изучал каждую страницу журнала доходов и расходов. Заинтересованная физиономия Ловчего не предвещала Бундруми ничего хорошего. Но толстяк держался бодрячком.

Это было смело, учитывая, что Полынь не объяснил ему цель нашего визита, только ограничился показом татуировки и внушающей печаткой, дающей право на обыск. На печатке была изображена традиционная эмблема, выглядящая как доска для игры в крестики-нолики с гербами основных госучреждений.

Мы явились к господину Бундруми благодаря мне.

Точнее, благодаря написанному мной списку с именами людей, побывавших в покоях Лиссая. Пока я зажигала на балу, Полынь продолжал бессменную вахту в «Доме Искристой Пляски»: попивал минчай, завораживал фей перезвоном своих финтифлюшек и анализировал данные.

В итоге куратор пришел к выводу, что допросить нам нужно именно Бундруми.

Чем мы и занялись, после того как встретились перед ведомством (внутри все еще кипела уборка, но из некоторых окон уже свисали белые флаги – символы того, что эти кабинеты вычищены до блеска: пыль и грязь сдались!).

Итак, Полюнь читал бухгалтерские книги и задумчиво щелкал крышкой своих огромных нагрудных часов. Мы с Бундруми нет-нет да кидали на них жадные взгляды. Если в день знакомства с Полюнью меня бесило их громчайшее «тик-так», но теперь я начала тайно обожать часы куратора.

Циферблат был трехслойным. На нижнем уровне по кругу располагались изображения каждого часа: пять утра в виде крыльца, час дня в виде суповой тарелки, семь вечера в виде кленового листа и так далее.

Второй слой часов был покрыт темной эмалью с нанесенными на нее золотыми звездами. Этот уровень медленно вращался вокруг своей оси, и специальное круглое окошечко сбоку открывало только один определенный час. А по мере прохождения времени окошечко смещалось дальше – и появлялась уже следующая картинка. В этом была своеобразная мудрость – тебе известно только настоящее, а прошлое и будущее скрыто звездной пеленой.

На третьем уровне располагались две отдельные сферы, одна из которых изображала фазы Луны, а вторая – положение Солнца на небосводе.

В общем и целом, часы Полюни были абсолютно колдовскими, хотя он клялся, что они не имеют никакого отношения к Башне магов.

– Ну а зачем ты их носишь тогда? – резонно усомнилась я. – Вон у тебя на руке другие есть, куда удобнее, с цифрами.

– Интересничаю, – вскинул брови куратор.

На этом дискуссия была исчерпана.

Итак, возвращаемся к настоящему моменту... Часы тикали, крышка щелкала, Полюнь насивистывал. А я исполняла роль отвлекающей потенциального злодея девицы.

В какой-то момент мне это надоело.

– Минутку. – Я назидательно приподняла палец, жестом останавливая словоохотливого (может, как раз от нервов?) торгаша. И потопала к Полюни в темный угол.

– Может, я могу тебе как-то помочь? Что мне делать-то? – в отчаянии прошептала я.

– М-м-м, ничего. – Куратор с азартом вчитывался в унылые бухгалтерские столбики. – Лучше купи себе какую-нибудь безделушку, пока эта лавочка еще работает.

Его интонация меня расстроила.

Мало того, что я чувствовала себя глупо из-за того, что не знала, что именно ищет куратор – его объяснения в кебе слабо проясняли ситуацию, – так еще и высказывание про покупки заставило меня подумать, что Полюнь – сексист. Тем не менее, раз уж гуляем на ведомственные деньги, то почему бы и нет?

– У вас есть что-нибудь, что работает без применения магии? – решительно обратилась я к Бундруми.

– Конечно, – осклабился тот. – Из новинок могу посоветовать амулет Дружеского Ободрения.

Мы проследовали к нежно мерцавшей в глубине зала витрине с украшениями, выполненными из морских материалов – кораллы, жемчуга, раковины, чешуя и так далее.

– Жемчужина закреплена на клипсе. Когда вам захочется, чтобы ваш друг узнал, что происходит с вами прямо сейчас, вы несколько раз сжимаете клипсу, думая о человеке, и тогда он видит происходящее с вами, будто сон наяву. Только человек должен обязательно знать вас лично. Юные девушки берут такие талисманы на всякий случай, чтобы было не страшно ходить вечерами.

– Он одноразовый?

– Да, но очень мощный, достучится до адресата где угодно.

– Магия для использования точно не нужна?

– Нет, ни капельки унни не потратите.

– Хорошо. – Я полезла за кошельком. – Беру.

Тем временем Польша наконец-то выбрался из-за конторки. Увидев мою покупку, он осуждающе поцокал языком. Наверное, куратор считал, что, если ты работаешь Ловчей, то не стоит покупать амулеты безопасности «для юных девушек».

Но, учитывая, что мы вроде как ловим опасного убийцу, штучка лишней не будет. Я зацепила клипсу на ворот летяги и полюбовалась в зеркало. Жемчужинка неплохо смотрелась на бирюзовом плаще. Я бы даже сказала, изысканно.

Польша кашлянул и жестом пригласил ювелира присесть:

– Господин Бундруми, я хочу задать вам пару вопросов...

В этом было нечто поистине угрожающее. Толстячок глянул на меня в поисках поддержки, но увы: после реплики куратора я моментально натянула на лицо «профессиональную» каменную маску.

В течение следующих пятнадцати минут Польша занудно расспрашивал ювелира про те или иные оплаты. Я поглаживала пальцами свежеприобретенную жемчужину и старалась предугадать, к чему ведет куратор.

– Давайте подытожим... – Польша неприятно хрустнул пальцами.

Ювелир тяжело сглотнул.

– Обычно наценка на ваши товары составляет сто пятьдесят процентов. В случае особенно дорогих изделий вы берете сверху только семьдесят процентов, так как иначе они были бы по карману слишком редким посетителям. Впрочем, есть у вас и несколько товаров, на которые наценка составляет более пятисот процентов. Их себестоимость смехотворна. Например, кольца с угольками храбрости из Узких Щелей или вот браслет из желудей: это товары, рассчитанные на дурашку-туриста, который не успел ознакомиться с городскими ценами и скупает все подряд. Даже откровенный шлак. Ни один шолоховец не возьмет браслет с желудями в ювелирной лавке, если может пойти и сам набрать их за углом. Да хоть в вашем же двореке! Но вот что странно. Два месяца назад вам удалось сбыть некоей госпоже Айрин триста двадцать таких браслетов, причем с отложенной доставкой. Триста двадцать! Эта недалевидная дамочка сделала вам половину месячной выручки. А неделю спустя другая женщина – некая Мелисса с невнятной подписью – купила у вас еще триста браслетов. Еще примерно через неделю за желудями возвращается Айрин. И потом – как по расписанию – Мелисса. Судя по всему, у дам началось самое идиотское соревнование в мире – кто скупит больше желудей? Наконец, несколько дней назад Айрин купила еще одну партию, снова триста штук с гаком. И, что самое интересное, никто даже не узнает о том, сделали вы в итоге столько браслетов или нет – материалов-то вокруг прорва, не отследишь... Так вот, объясните мне, господин Бундруми, зачем двум столичным господам столько мусора?

Побледневший Бундруми дернул кадыком:

– Я не спрашиваю клиентов, зачем им те или иные товары.

– Понимаю вашу позицию. Но знаете, что меня поразило сильнее всего? Каждый раз покупка желудей происходила на следующий день после ваших визитов во дворец, где вы служите Мастером Оберегающим и занимаетесь тем, что обвешиваете покои принцев защитными амулетами. В том числе покои принца Лисая.

Я мысленно поаплодировала. Про «следующий день» Польша блефовал – в моем списке не было дат, только имена и должности.

Но куратор попал в яблочко: ювелир нервно облизал дрожащие губы и вытер потные ладони о штаны. Его глазки засуетились, но в конце концов торговец уперся взглядом в противоположный угол лавки.

– Я не помню, что в какие дни происходит. У меня очень много клиентов, – буркнул он.

– Хорошо... – протянул Польша и начал быстро перелистывать страницы какого-то журнала в кожаной обложке.

На обложке было выведено красивой золотой краской: «Условия работы».

Полынь ткнул пальцем в нижний абзац и возвестил:

– Вот тут сказано, что, когда клиенты покупают абонемент на ваши услуги Мастера Оберегающего, вы обязуетесь проверять защитное поле один раз в месяц. Именно с такой частотой вы это всегда и делаете. Вы вообще педант, Бундруми, хвалю! И единственный человек, к которому вы ходили чаще – за ту же плату, – это принц Лиссай.

Бундруми плотно сжал губы и молчал. Полынь закатил глаза:

– Вот только не говорите мне про альтруизм! Не поверю. Так почему же вы согласились на лишние бесплатные выезды? Я жду ответа.

Внезапно лицо ювелира как будто прояснилось.

Прокашлявшись, он мягко заговорил:

– Это внутреннее дело королевской семьи, которое мне бы не хотелось разглашать по этическим нормам, но раз вы настаиваете, то... Дело в том, что у Его Высочества Лиссая есть психические проблемы, поэтому его отец, многоуважаемый король Сайнор, просил меня усилить защиту принца на некоторое время и проверять его покои чаще...

Полынь рывком перегнулся через конторку и схватил Бундруми за грудки. Ювелир засипел.

Прах побери, куратору бы в этот момент трубку в зубы, и чтобы выдохнул дым прямо в лицо Бундруми! Вот это было бы круто! Я сидела как на матче по тринану – болела за свою команду и чуть ли в ладоши не хлопала при удачных выпадах.

– Ни о чем таком король вас не просил, – холодно отчеканил Полынь. – А если вы хотели удивить меня информацией про сумасшествие Лиссая – нет, не удивили. Это мне известно. Как и то, что состояние принца в эти пару месяцев ухудшается день ото дня. Вы уверены, Бундруми, что, если Сайнору подбросить мысль о том, что это именно ваши амулеты провоцируют ухудшение, он останется тем же милым королем, каким вы его знаете?

– Он не поверит! У меня лучшая лавка, это поклеп! – Ювелир разозлился. Он повысил голос и намеренно выплевывал слова, одно за другим.

Полынь погладил подбородок:

– Да, но вы уже много лет не проходили магических проверок, а ваши сертификаты – подделка.

– Как это?! Вот все документы! – Торговец выхватил из стопки какие-то журналы и швырнул их куратору.

Ловчий нарочито неспешно открыл бумаги и в течение секунд пяти листал их. Бундруми медленно покрывался пятнами.

Наконец, Полынь фыркнул и посмотрел на ювелира с жалостью:

– Бундруми, кого вы пытаетесь обмануть? Подпись, стоящая на этих документах, мне прекрасно известна. Лавка гнома Шлюпки обслуживает процентов семьдесят торговцев в столице, за небольшие деньги предоставляя им все необходимые документы, которые так сложно получить официальным путем... За это, кстати, сажают. Причем торговцев. Шлюпку-то не прижмешь, поверьте моему опыту. Вы хотите в тюрьму? Хотите увидеть гнев в глазах Сайнора? Или просто расскажете мне о вывозимых вами из покоев принца вещах, и разойдемся с миром? А, Бундруми?

Ювелир тяжело вздохнул и грузно опустился на стул. А потом равнодушным голосом, под запись, признался в том, что тайно вырезал холсты из картин Лиссая – примерно раз в неделю, небольшими партиями.

Из лавки картины забирали по очереди госпожи Айрин и Мелисса. Нет, Бундруми не знал их фамилий, но именно Айрин появилась в начале апреля и подбила на воровство: Бундруми пообещали много денег и открытие второй лавки в Шолохе, когда все закончится.

В дальнейшем ювелиру приходили анонимные послания с голубями, сообщавшие день, когда нужно добывать картины.

Полынь удовлетворенно потер руки:

– Отличненько. Спасибо за сотрудничество, господин Бундруми. Я прошу вас не покидать здание ближайшие двое суток – у вас ведь квартира прямо над лавкой, никакого дискомфорта, верно? За вами вскоре придут Ишейки. Можете пока тут все прибрать и запереть – ближайшие пару месяцев вы проведете в тюрьме.

Мы церемонно откланялись. Ювелир не стал отвечать.

Уже на пороге Полынь эффектно повернулся, звеня всеми своими бубенчиками сразу, и добавил:

– Ах да... Я забыл сказать, к чему именно все эти неприятности. Подумаешь, какие-то картинки королевского отпрыска, да? Так вот, дело в том, что благодаря осуществленным вами кражам стали возможны восемь убийств во дворце. Восемь, вероятно, ритуальных убийств в самом сердце нашей столицы, в пятистах метрах от тронного зала, – холодно улыбнулся он. – Но, если вы решите обсудить эту новость хоть с одной живой душой, пеняйте на себя.

Из глубины лавки раздался сдавленный хрип.

* * *

Магазин Бундруми, из которого мы вышли, находится в восточной части Шолоха.

Здесь раскинулся торговый район, густо набитый всевозможными лавками, ресторанными, гостиницами и кабаками. Он особенно популярен среди студентов, ведь тут дешевое жилье и куча укромных местечек для пакостей и сорванных поцелуев.

Официально у района нет названия, но, сколько я себя помню, все величают его «Стариками». Имя произошло от широкого бульвара Старых королей, который соединяет дворцовый остров и Башню магов.

Атмосфера Стариков располагает к романтическим прогулкам по пестрым улочкам, знаменитым потайным дворикам и по набережным каналов, проведенных от основных шолоховских рек. Эти каналы паутинкой опутывают весь район, из-за чего тут видимо-невидимо ундин. А также их питомцев келпи.

Иногда даже встречаются аванки – мерзкие, жирные твари, похожие на огромных хищных бобров. Если вы их ни разу не видели – поздравляю. Моя мама три месяца лечилась у мозгоправа после того, как одним осенним вечером мокрый аванк выпрыгнул на нее из омута Тихого Канала.

Зверушка хотела есть, но вместо ожидаемой человечинки получила порцию свинца – мама, как любой служащий дворца, привыкла носить с собой ядовитый стилет. Не знаю, использует ли она его в Тилирии, но в Шолохе пару раз пускала в дело.

Я ждала Полынь, опершись на перила очередного горбатого моста.

Куратор наматывал круги вокруг лавки Бундруми. Он нашептывал заклинания и делал хитрые движения пальцами. За ним послушно летали ярко-бирюзовые светлячки-ушастики.

Куратор зачаровывал дом, который отныне будет следить за всеми разговорами, что происходят внутри него. Если ювелир упомянет про наше дело – светлячки немедленно доложат.

– Куда теперь? – спросила я. – Ищем Айрин и Мелиссу?

– Да, – подтвердил Полынь.

Он закончил с заклинаниями и ласково шепнул что-то ушастикам на прощанье. Те с тихим жужжанием растворились в цветочном воздухе.

– Точнее, этим займутся Ишейки, но нам надо сделать соответствующий запрос. Пойдем сядем где-нибудь, разошлем ташени. – Куратор пропустил меня первой на мостик Праховку.

Мостик был такой узкий, что на нем не могли разойтись два человека.

Меня же буквально разрывала одна, как мне казалось, гениальная мысль. Поэтому я развернулась и пошла задом наперед, пятясь, дабы не прерывать беседу. Польша скептически поглядел на это дело. Возражать не стал.

– Насчет ташени... Польша, ты заметил в признаниях Бундруми кое-что интересное? Он сказал, что инструкции ему присылали с голубями. Голубями! Я думала, я единственный во всем Шолохе человек, кто их использует!

– Ну, не единственный, конечно. Но ты молодец, – кивнул куратор. – Осторожно, мост заканчивается.

– Ага, хорошо. Но все равно. Значит, у нашего преступника нет магии?

– Или он просто боялся, что ташени можно отследить.

– Ну а так мы отследим Айрин и Мелиссу.

– Догадка про голубя и магию – хорошая, но это не единственное возможное объяснение.

Но так держать. Но не рассчитывай на нее слишком сильно.

– Но прекрати уже говорить «но».

– Но я же твой начальник, я должен быть строгим. Что может быть строже союза «но»?

* * *

Не мудрствуя лукаво, мы сели прямо на улице. Вернее, в лесу. Я бы даже сказала – в Лесу. Несмотря на всю энергичность и, так сказать, «тусовость» Стариков, здесь тоже надо держать ухо востро. А то и оглянуться не успеешь, как случайная дорожка выведет тебя в угрюмую лесную чащобу. В этом весь Шолох. Обожаю!

Иногда, правда, бывает неудобно: торопишься куда-нибудь, призадуматься не по-детски, и здрасти приехали – ты уже запутался в зарослях ежевики; из кустов на тебя лезет кабан; зданий не видать.

Впрочем, мы с Польшой намеренно искали уединения. Достаточно было несколько раз свернуть на более тихую улицу, и – та-да! Уютная лесная полянка к нашим услугам.

Дополнительные плюшки локации: поваленное бревно в качестве скамьи и любопытные болотные огоньки вместо ламп. Вдалеке слышны были звуки города, но лес вбирал их в себя и отражал в каком-то совершенно «негородском» ключе.

– Итак, надо, чтобы Ищейки разыскали Айрин и Мелиссу... Плохо, что фамилий нет. Имена уж больно популярные. – Польша побарабанил пальцами по колену. – И знаешь, что меня напрягает больше всего?

– Сроки? – догадалась я.

– Сроки. Но не те, о которых ты подумала, – не конец моей гонки за Генеральством. Я боюсь, что нас может ждать еще один труп. Недельные паузы между кражей картин – это вполне может соответствовать недельной частоте убийств...

– Ужас.

Мы замолчали. Польша стал посылать за птичкой птичку. Я сосредоточенно гоняла у себя в голове немногочисленные факты дела о маньяке и пыталась нащупать какую-нибудь хорошую идею. Увы, получилось плохо.

Наконец, я спросила:

– Слушай, а мы так и не знаем, почему используется именно эта черная краска, да?

– Не знаем. За исключением того, что она из личных запасов хранителя Теннета и вроде как «лечит от ста одной болезни». Что вряд ли играет большую роль для убийцы, – хмыкнул куратор.

– Я сейчас вспомнила, что Лиссай произнес какую-то такую фразу, когда мне о ней рассказывал... Что-то вроде «она приковывает взгляды». Потом мы пошли к картинам – и завертелось.

– Думаешь, это не просто словесный оборот? – Полынь удивился.

– Не уверена, но... Возможно, принц имел в виду вполне конкретный магический эффект краски, просто я не поняла этого, ведь он весьма, хм, эксцентричен...

– Можешь прямо говорить «псих», все свои, – нетерпеливо перебил меня Полынь откуда-то из-под волос: куратор сидел, низко склонившись, и его черные с вкраплением лент и веревок волосы играли роль палатки.

Я взбрыкнула:

– Но Лиссай не псих! Просто у него другое видение мира!

Куратор выпрямился.

Сложил пальцы замком и закинул руки за голову. Посмотрел на меня хитро, прищурился. Бубенчики в волосах звякнули:

– Ты что, влюбилась?

Я с ужасом поняла, что мои щеки стали ощутимо горячее.

– Конечно, нет!

– Да ла-а-а-адно. – Полынь рывком встал и возбужденно заходил туда-сюда по поляне. – Ты его сколько? Два? Три раза в жизни видела? Прах побери, Тинави, да это просто непрофессионально, – расхохотался куратор и развел руками. – Только не говори мне, что теперь будешь придумывать какие-нибудь штуки-дряки, якобы по делу, чтобы вернуться во дворец и поболтать с принцем еще раз! Ну, например, про краску... – подмигнул он.

Я в негодовании вскочила:

– Полынь, прекрати немедленно! Я пытаюсь дать нам еще одну зацепку – притом, что ты не шибко-то старался ввести меня в курс дела. Поди туда, поди сюда, посиди-ка молча, не мешай старшим – я догадываюсь, что ты ни в грош не ставишь мои мозги, куда мне до тебя, великого, но можно быть поуважительнее? Ты сам целыми днями сидишь и строчишь ташени в комфортных условиях, любую работу сваливаешь на Ищеек, а то и на шефа, как вчера – мою просьбу. Будь добр, лучше поактивнее занимайся своим делом, а не паясничай на тему «влюбилась – не влюбилась». Личная жизнь твоих сотрудников тебя вообще не должна касаться!

Полынь мигом стал серьезен.

Он сел обратно на бревно, взмахом руки разогнав нежащихся там ящерок. Посмотрел на меня, полыхающую от гнева, и покачал головой:

– Так, Тинави. А ну-ка убавила страсти. Если я позволил себе лишнего – прости, я думал, мы вроде как друзья. А что касается...

– Друзья? – О-оу, меня понесло.

Я нависла над куратором, уперев руки в боки:

– Ты серьезно? Ты меня незаконно нанял, чтобы использовать в своих амбициозных целях. Когда я пытаюсь помочь, то на любую мою идею ты находишь возражения. Дал мне всего два самостоятельных дела, одно из которых было заведомо провальным – ты ведь ЗНАЛ, что я не смогу надеть наручники на Цфат. А второе было таким тупым, что равнялось трем выкинутым часам жизни в Лазарете. Ты реально думаешь, что так мы станем друзьями?

– Хей. – Полынь схватил меня за плечи и хорошенько потрянул. – Ты всего пятый день в ведомстве. Я был уверен, что тебе нравится быть Ловчей, и что нравится работать со мной. Вот только твою эмоциональность недооценил – жуткая штука-то, оказывается! Впредь буду аккуратнее, пойдет? – Он явно пытался спустить нашу ссору на тормозах.

– Мне нравится быть Ловчей. Но если ты хочешь, чтобы мы стали одной командой – начни воспринимать меня как равную, а не как благодетельствованную тобой калеку...

Полынь схватился за голову и застонал.

– Прах, это ж надо так комплексовать! Да что у тебя вообще в голове происходит? – Он вдруг пристально посмотрел на меня исподлобья.

Зрачки куратора стали быстро расширяться, будто на полянке вырубил свет.

Я неожиданно для себя расчихалась.

Полынь отпрянул, и от него резко пахло тем же самым лекарством от кашля, что и раньше. Серия сокрушительных «чихов» произвела на меня успокаивающий эффект.

– Не бойся, – язвительно сказала я Полыни. Он таращился на меня во все глаза. – Не заражу.

– Что ж ты раньше не сказала, – медленно, с расстановкой произнес Внемлющий. И, достав из сумки бутылочку, глотнул еще мятного сиропа.

– Что я умею так громко чихать? Что у меня свои тараканы в голове? Что у всех нас по-своему непростые отношения с прошлым? – Я пожалала плечами, пока куратор буравил меня напряженным взглядом. – Ладно, прости меня, Полынь. Я действительно нервная, неуравновешенная идиотка с кучей комплексов. И я рада работать с тобой. Просто туплю, что называется.

– И я туплю. – Он слегка расслабился и задумчиво почесал свой по-женски острый подбородок. – Знаешь, ты права, мне нужно относиться к тебе серьезнее. – Еще один косой взгляд.

Совсем я запугала парня, эх.

Полынь продолжил:

– Давай договоримся. Начиная с завтрашнего дня, я буду постепенно увеличивать кредит своего к тебе доверия. Стану поручать работу сложнее. Озабочусь поисками подходящего тебе, не магического, инвентаря, чтобы ты комфортно чувствовала себя в одиночку. Буду посвящать в детали своих дел, пока сама не взвоешь от переизбытка информации. Такое партнерство тебя устроит?

– Устроит, – скупое кивнула я.

Полынь сорвал какой-то стебелек с пушком наверху, как для игры «петух или курица», и задумчиво начал его грызть.

Потом предложил со всей серьезностью:

– Если хочешь, можем начать новый этап наших отношений с права трех вопросов. Ты можешь задать любые три вопроса мне, а я – тебе. Чтобы мы знали, что друг от друга ждать.

Я хихикнула.

Раз, другой, потом в голос рассмеялась и под недоумевающим взглядом куратора пояснила:

– Мы в такую игру с Кадией в детстве играли. Просто чтобы время занять. Тоже выбирали какую-нибудь полянку, срывали цветочки и, значит, делились сокровенным. Забавно.

Полынь скорчил рожу и закатил глаза. Я спасовала:

– Ладно-ладно! Не хотела тебя обидеть. Итак, погнались. Сколько тебе лет?

– На семь больше, чем тебе. Что за глупый вопрос, Тинави?

– Ну, если бы ты вдруг оказался младше, я бы догадалась, что впереди меня ждет еще много подростковых игр. Так. Дальше. Почему у тебя столько амулетов и татуировок?

– Для безопасности.

– Больно короткий ответ. Не соответствует заявленной цели игры, как считаешь?

– Считаю, нормальный ответ. Все, моя очередь.

– Хей! – возмутилась я, но безрезультатно.

Формально он был прав, хотя, конечно, слукавил по-страшному.

Полынь подмигнул, несколько раз хрустнул пальцами, потерев толстые металлические браслеты на запястье и строго, как преступницу, спросил:

– Ты когда-нибудь была в Шэрхенмисте?

– Нет.

– Ты когда-нибудь училась еще где-то, кроме как в общей школе и у наставника Орлина?

– Нет. Это у кого из нас еще глупые вопросы. Мои хотя бы не были «закрытыми»!

Полынь не дал сбить себя с толку:

– Ты когда-нибудь встречала женщину по имени Тишь?

– Нет! Кто это вообще?

Куратор не снизошел до ответа.

Зато он встал с бревна, расправил складки одеяния и подал мне руку. Сухощавая, бледная ладонь Полыни была куда теплее, чем можно было бы ожидать.

– Так, с играми покончено. Смотри, я разослал уже все записки, что собирался. Пока для нас ищут Айрин и Мелиссу, мы разберемся еще с одним делом. И да. Идея по поводу того, что у краски могут быть особые эффекты, которые известны принцу Лиссаю, – хорошая. Сходи к нему завтра, пожалуйста.

Ишь, какие мы! «Пожалуйста» сказал.

– Договорились. Куда едем сейчас?

Полынь раскрыл свою вечную папку с документами, просмотрел несколько бумажек и торжественно провозгласил:

– На ферму «Зеленый путь». И будь готова к неприятному зрелищу.

19

Ферма «Зеленый путь»

Основные вопросы современной теологии: Где боги? Изменились ли они за эти два тысячелетия? Или боги, как люди – не меняются никогда? 2. Каков Непостижимый Отец? 3. Каков Хаос, антипод Вселенной? И есть ли в нем государь?

Из лекции Теннати Триглавы, Заведующего кафедрой Религии в Академии

До фермы было больше двух часов езды. Как ни люблю гулять, а требовался транспорт. – Поедем на кентаврах – обретем врага в лице ведомственного казначея. – Польша отвергнул мое предложение. – Лучше возьмем пару лошадей из конюшен Внемлющих.

– О-о-о! – я вдохновилась. – А твои родственники не будут против?

– Да они и не заметят.

Поместье Дома Внемлющих, как и остальные резиденции знати, раскинулось в Нижнем Закатном Квартале. Мне было интересно взглянуть на него, ведь поместье поместью рознь.

У некоторых Домов территория невелика. Так, моей семье достался обычный участок, засаженный яблонями и вишнями, с маленьким декоративным прудом и всего тремя постройками – особняком, конюшней и флигелем для прислуги.

Другие, например Мчащиеся, располагают колоссальными владениями. Мраморные фонтаны, мощные дорожки, пушистые клумбы и резной фронтон – роскошь роскошная!

А еще есть парочка Домов, на чьих территориях развернулся чудный кавардак. Например, Внемлющие – как я уже говорила, изобретатели и экспериментаторы.

Нынешняя глава Дома – женщина, госпожа со звонким именем Монета. Она взяла и устроила прямо в резиденции пансионат для магических талантов. Монета находит юных гениев, заселяет к себе и пытается взрастить из них великих творцов.

Если заглянуть за забор, то видно, что сад заставлен ожившими скульптурами, пруд бурлит от повышенного градуса магии, крыша заросла светящимися грибами, а по дорожкам скачут лягушки-мутанты. И все время пахнет краской: чинят разрушенное, ибо рушат много... Добавьте к этому эксперименты самих Внемлющих: попытки создать механическую лошадь, запуски воздушных шаров, тестирование новомодных мини-акведуков... В общем, веселье!

Но мне не удалось насладиться пребыванием в волшебной стране Внемлющих. Мы с Польшой прошмыгнули с заднего хода, нырнули в конюшню, прихватили двух лошадей и так же шустро покинули участок.

– А ты точно здесь живешь? – засомневалась я.

– Точно. – Куратор тяжело вздохнул. – Но меня так раздражает этот вечный бардак, что я чаще ночую в кабинете. Или у друзей. А иногда даже в гостинице. – Мрачная тень накрыла лицо Польшы. – Не то что бы я не люблю свой Дом, но Внемлющие – чересчур легкомысленные люди.

Я окинула взглядом неформальный облик своего куратора. Проколота бровь, странная прическа, еще более странный наряд, татуировки, череда толстых железных браслетов на правой руке – аж до локтя...

– Да уж, очень несерьезные, не то что ты! – фыркнула я.

Польша показал мне кукиш и помог оседлать заимствованную коняшку.

* * *

Я ненавижу ездить на лошадах вне Шолоха. В лесу дороги теряют даже намек на ровность, и на кочках подбрасывает так, что мама не горюй! А у меня слабый вестибулярный аппарат. И, в отличие от других, я не могу зачаровать леденцы на антитрясущий эффект.

Когда мы добрались до фермы «Зеленый путь», я как нельзя лучше соответствовала названию по цвету. Но стоило нам пройти сквозь ворота, как всякая тошнота отступила.

Ферма заворожила меня.

– Кажется, ты говорил, что зрелище будет отвратительным? – я восторженно ахнула.

– Ты пока наслаждайся, наслаждайся. Все впереди, – «успокоил» куратор.

На ферме жили травники.

Обычно те, у кого есть дар к природной магии, устраиваются на работу в департамент Шептунов, который отвечает за хорошие отношения со Смаховым лесом. Шептуны договариваются с лесом обо всем: о каждой новой стройке, о демографической политике, о ночном освещении столицы... Если бы не они, нам пришлось бы враждовать с собственным домом, что очень неудобно.

Но некоторые травники не хотят работать на правительство. Они уезжают в глушь и заводят там хозяйства. Так жили и хозяева «Зеленого пути».

Нашему взору открылся очаровательный холм на лесной поляне. Погода была не ахти, все небо затянуто ватой. Кроме – как по заказу – единственного просвета в облаках, сквозь который на землю падал яркий солнечный луч. Его как раз хватало на освещение холма – чудеса, да и только!

На вершине стоял уютный желтенький коттедж, а вокруг росли невозможные, нереальные, невероятные гигантские тыквы. Самая большая из них была больше хозяйского дома. В тени под ее оранжевым боком отдыхало семейство полосатых кошек. Приметив нас издали, они замыкали на все лады. Их тотчас поддержал лохматый пес, сидящий под крыльцом. Пегая кобылка выглянула из-за дома с робким «иго-го?». Две юных изворотливых лисы промчались вдоль забора. Птички-малиновки встрепнулись в кустах и пронзительно зачирикали.

– Нормальная у них сигнализация! – оценила я. Полынь хмыкнул.

Справа от дома примостился старик с кучей плотницких инструментов. Перед ним лежал еще один ненормальный овощ-переросток: кабачок размером с быка. Старик что-то сосредоточенно пилил, игнорируя гомон, производимый обитателями фермы.

– Мне кажется или он делает лодку? – я обалдела.

– Судя по вот тем веслам в цвет – да, – Полынь был впечатлен не меньше моего.

Все пространство фермы занимал фруктовый сад. Деревья казались обычными, но если сощуриться и расфокусировать взгляд, так чтобы мир слегка задрожал, то вокруг яблонь появлялось серебристое сияние. Это значит, хозяева «Зеленой фермы» заботились и о древесных духах тоже.

Полынь направился к старику, а я притормозила у ближайшего дерева – гибкой, стройной яблоньки. Сочный красный плод висел аккуратно на уровне моих глаз – срывай, не хочу. Я полюбовалась его румяным боком и шагнула дальше, чтобы догнать куратора.

– Почему ты не взяла яблоко? – раздался шелестящий голос.

Я обернулась. Яблоневый человек отделился от ствола и с любопытством смотрел на меня. А я, в свою очередь, на него.

Мне всегда нравились эти ребята – тонкие, полупрозрачные, светящиеся духи около полутора метров высотой. У них вытянутые головы, огромные глаза и длинные пальцы на бестелесных руках. Яблоневые люди селятся в садовых деревьях по одному небу известному принципу, но это, бесспорно, хороший знак. Дух помогает хозяевам сада и раз в несколько лет

преподносит им ценный дар – золотое яблоко. Если покатавать волшебный плод на блюде, он покажет «одну полную правду об одном человеке».

Если духу оставлять сладости на тарелке под деревом, то он будет следить не только за богатым урожаем самой яблони, но и за остальными посадками.

– Я не хочу есть, а срывать его ради забавы было бы нечестно. Тем более хозяйева не давали мне на это разрешения, – объяснила я.

– Они бы не были против. Они хорошие. – Яблоневого человека слегка подлетел над землей, чтобы оказаться со мной на одном уровне.

– Зачем вы с тем мужчиной пришли сюда? – Дух замерцал. Ему явно хотелось пообщаться, удивительное дело!

– Говорят, на территории фермы, в роще секвой, погиб иноземец – упал с дерева. Нам нужно подтвердить его смерть от несчастного случая.

– Я люблю секвойи, – выдохнул дух и окрасился в голубой цвет от удовольствия.

Мне сразу вспомнились особенности зрения принца Лисса – он говорил, что после травмы видит эмоции людей, так? Интересно, это похоже на зрелище меняющего ауру яблоневого человека?

Дух облетел вокруг меня и задумчиво возразил сам себе:

– Однако секвойи – деревья-одиночки. Они не друзья живым людям, птицам и зверям.

– Видимо, ты прав, раз тот парень грохнулся... – Краем глаза я отметила, что Польша уже допрашивает свидетеля. – Прости, мне нужно идти. Было приятно пообщаться, Яблоневого человека.

– Возьми яблоко. Мне будет радостно, ведь тут так редко бывают незнакомцы. А хозяйева фермы уже не так сладко от моих плодов.

Я улыбнулась духу. Захотелось дружески похлопать его по плечу в благодарность. Но он все-таки бестелесный, жаль! Я ограничилась кивком и потянулась за яблоком.

Дух исчез. А садовый плод, оказавшись у меня в руке, неожиданно потяжелел, потемнел и секунду спустя превратился в настоящее золотое яблоко.

Ого! Вот это поворот! Я рассмеялась.

Подарки от незнакомцев вызывают самые волшебные эмоции. Моментально возникает ощущение, будто тебе улыбается и приветливо машет сама матушка-природа. Одобряю, человек, получи пирожок просто так, за красивые глаза! Хочется бежать и творить добро. А еще преисполняешься уверенности, что у тебя все будет хорошо, раз уж жизнь щедрится на знаки внимания.

По тому же принципу мне нравятся бесплатные городские радости: дегустации в лавках, сувениры постоянным клиентам, подарочки при открытии новых магазинов и шоколадки на гостиничных подушках. Дахху вечно кривит губы при слове «халява», но я искренне радуюсь и считаю каждый такой эпизод добрым предзнаменованием.

– Спасибо! – Я улыбнулась дереву еще разок. Положила золотое яблоко в карман плаща – оно весомо оттянуло ткань – и вприпрыжку поскакала к Польша.

* * *

Хозяйева «Зеленого пути» оберегали рощу секвой неподалеку от фермы. Именно там нас «ждал» труп: погибший мистер Джи Бастерс, уроженец Тернаса, чье тело нашли на рассвете.

Обещанное Польша жуткое зрелище было наготове... Высота местных секвой составляла около семнадцати метров, и Джи Бастерс, судя по тому, какой лепешкой он стал, летел с самого верха.

Мы с Полынью подтвердили личность погибшего, насколько это было возможно. В процессе я изо всех сил подавляла приступы тошноты. Внемлющий тоже не казался шибко бодрым.

– Боги-хранители, это ужасно. И на кой прах его понесло на эту секвойю... – простонала я.

– В документах сказано, он был орнитологом. Видимо, искал чье-то гнездо.

– Не существует в нашем мире птиц, которые выют гнезда на секвойях, – я категорично покачала головой.

– Откуда ты знаешь?

– Школьная программа, курс фаунистики. А еще Яблоневого человек сейчас напомнил. Фу, ну и пахнет здесь...

Полынь выплюнул изо рта кончик карандаша, который до этого старательно грыз, и уточнил:

– А чем здесь пахнет?

– А ты не чувствуешь?

– Я пью лекарства от простуды и целыми днями чувствую только их запах, – пожаловался куратор.

– Сходи в Лазарет лучше, там тебя быстрее вылечат. Зачем использовать сироп, если знахари справятся с такой ерундой, как насморк, минут за десять?

– Так чем пахнет-то, Тинави? – перебил меня Полынь, сосредоточенно всматриваясь в высокие голые стволы секвой. Они очень напоминали деревья Святилища, кстати.

– Пахнет мокрой землей. И чем-то вроде дождевых червей. – Я передернулась.

Полынь вздрогнул и отошел от меня в сторону секвойи. Внимательно начал осматривать ствол, достав специально для этого лупу.

– И сейчас пахнет?

– И сейчас.

– Знаешь, судя по всему, это убийство, – пожевав губами, признал куратор.

– Почему?!

– Джи Бастерс – не шолоховец и не волшебник, а значит, на деревья он забирается классическим способом. Максимум закливание цепкости себе добавит – но руками и ногами все равно придется поработать. А ствол секвойи не поврежден: ни одной значительной царапины и кора не содрана. Он не залезал на нее.

– Хм, но ведь он явно погиб от падения... Откуда же его сбросили? Неужели труп перенесли?

Теперь Полынь с лупой начал осматривать землю вокруг тела.

– Как ни странно, нет. Где упал, там и лежит. – Куратор задумчиво почесал нос и подытожил: – Пойдем узнаем, кто еще живет в окрестностях фермы. Чую, убийца где-то рядом. И, пожалуйста, скажи мне, если снова почувствуешь запах мокрой земли, – попросил Ловчий.

* * *

Вскоре у нас был список всех местных жителей. Но хозяин «Зеленого пути» не считал, что кто-то из них мог быть врагом замкнутому Джи Бастерсу, чьи интересы ограничивались птицами.

– Этот тернасец был сам по себе. Иногда только заглядывал в гости к Габриэль, – старик пожал плечами и продолжил выдалбливать кабачковую лодку.

– Габриэль? – Полынь пробежался глазами по блокноту. – Из Дома Пляшущих?

– Да. Они, конечно, не дружили в настоящем смысле этого слова – оба отшельники. Но иногда чаевничали то у него, то у нее, – объяснил старик, не отрываясь от работы.

– А она чем занимается? Давно переехала сюда?

– Просто живет... Переехала не очень давно, – покачал головой фермер. – В позапрошлом мае.

– Отлично!

Полынь со скоростью королевского гонца рванул в указанную стариком сторону.

Я за ним едва поспевала.

Куратор пребывал в каком-то лихорадочном возбуждении: глаза сверкают, пальцы трясутся, несется, как на пожар. Интересно, его всегда так крутит, когда на горизонте маячит злодей? Что же будет, когда мы разыщем маньяка – мне придется его валерьянкой поить?

– Полынь, может, помедленнее все-таки? – взмолилась я, спотыкаясь об узловатые корни деревьев.

Удивительно, но куратор в своих тряпках до пола бежал с потрясающим изяществом. Только подхватил подол на манер высокородной девицы.

Наконец, мы домчались до тихой лесной избушки. Пока я переводила дух, думая, что надо возобновить тренировки по тринапу, Ловчий уже стучал в дверь.

Нам открыли. На пороге стояла высокая – нет, высоченная! – женщина с коротким ежиком светлых волос и мощным телосложением. Она была одета в свободную тунику с длинными широкими рукавами. Женщина глянула на нас со сдержанным удивлением.

– Габриэль из Дома Плящущих? – спросил Полынь.

– Да. А вы?

– Что чуешь, Тинави? Пахнет червяками? – Проигнорировав вопрос, куратор резко повернулся ко мне.

– Еще как пахнет, – признала я.

Губы Габриэль дрогнули. Она набрала в грудь воздуха:

– Что вам надо? Кто вы такие?

– Ловчие. По поводу Джи Бастерса.

Хозяйка дома отшатнулась, а потом, как маятник, качнулась обратно, почти врезавшись в Полынь. Причем грудью, так как была выше куратора на голову. Она сощурилась и прижала левую руку к правому запястью. Я вскрикнула, решив, что будет заклинание. Полынь и не дернулся. Только увел взгляд в сторону и, доставая из кармана наручники, холодно сообщил:

– Поздравляю, вы арестованы.

Габриэль отступила и с грохотом захлопнула дверь, чуть не прищемив любопытный нос Полыни.

– Прах! Второй выход! – рявкнул он. – Оббегай дом!

Мы разбежались.

Задняя дверь оказалась ближе ко мне, чем к Полыни. Несмотря на фору беглянки, я планомерно сокращала дистанцию.

Мы с Габриэль неслись сквозь весенний лес. Она бежала молча, руками отталкивая хлесткие кленовые ветки. Я скакала вслед, бранясь, когда те же ветви лупили меня по лицу. Мы перепрыгнули овраг, спустились в дол.

Встал вопрос: как остановить убийцу? Магии нет. Кинжал Ловчей заперт в ножнах – на бегу не достану, да и кидать ножи не умею. С легким сожалением я выхватила из кармана новоприобретенное золотое яблоко и притормозила на ближайшем пригорке.

Так... Представим, что это всего лишь матч про тринапу. Просто вместо вратаря мой удар достанется этой убегающей дылде. Я прицелилась, размахнулась и подала. Яблоко полетело по красивой дуге.

Есть!

Мой тренер, мастер Пнивколени, был бы горд.

Габриэль рухнула, как молодой дубок (еще бы – такой штукой прилетело), и я рванула к ней. Польшень продирался сквозь орешник где-то сзади. Что ж, прыгну на дамочку сверху, думаю, удержу до его «прибытия».

Но когда я была совсем близко, лежащая женщина вдруг пошевелилась и... пропала.

Просто растворилась в воздухе.

– Что за грек? – пробормотала я.

– Сзади! – раздался предупреждающий крик Польшени.

Я обернулась, чтобы увидеть, как целехонькая, стоящая во весь рост Габриэль неумолимо опускает мне на голову средних размеров булыжник. Причем похожа злодейка была на карающего ангела: в лучах закатного солнца ее руки светились багрянцем.

Падая, я заприметила новую сцену: Польшень, оказавшийся тут же, рядышком, тоже алеющий, хватает Габриэль и вырубает красивым хуком.

Ай, молодец – такую огромную бабищу с одного удара...

* * *

Я очнулась оттого, что у меня заложило уши. Точнее, ухо – правое, так как левое после потери магии не слышит. Вместе с дискомфортом пришло осознание – я не в своей постельке.

Я вообще не в постельке, прах побери!

Я открыла глаза.

Мир был перевернут, ибо я бултыхалась, попой кверху, на лошади, привязанная к седлу на манер тюка с травой. Причинные места коня тряслись в опасной близости от меня. Сие не внушало оптимизма: сама жизнь говорила «фиг тебе!». Вернее, показывала.

– Польшень? – спросила я. И, рискуя сохранностью шеи, повернула голову. Рядом шла вторая лошадь, в стремях торчали цветные сандалии куратора. С помпончиками.

– Опомнилась? Момент.

Мы притормозили, после чего меня быстро, но не слишком почтительно развязали и привели в стоячее положение.

Разминая конечности, я огляделась. Мы стояли посреди лесного тракта. Голова болела. Прикоснувшись к макушке, я обнаружила шишку размером с нормальное такое яблоко.

Я сразу же ойкнула:

– Польшень! А ты взял мое золотое яблоко там, возле падшей Габриэли?

Почему-то первая мысль было именно о подарке духа. А там уже приложилось и другое: «а где преступница?», «долго я валялась?», «а мы не должны забрать тело Джи Бастерса?», «а до Шолоха далеко?», «тут нет туалета случайно?» и так далее.

Польшень терпеливо переждал первую волну моего любопытства, а потом стал отвечать: как водится, только на те вопросы, на которые хотел:

– Яблоко забрал, на, лови. Ты была в отключке добрых три часа. Сначала я хотел привести тебя в чувство, но потом решил, что так даже удобнее. Мне с лихвой хватило времени на то, чтобы вызвать и дожидаться Смотрящих: наше дело оказалось в компетенции Лесного ведомства. Вернее, смерть Бастерса относится к Ловчим, но труп забрали Смотрящие – как улику. Ибо наша преступница – бывшая теневишка, дезертировавшая в день бунта два года назад. Пока столица ходила ходуном, она сбежала в глушь, надеясь начать новую жизнь. И ей это удалось. Но, к несчастью, Габриэль расслабилась и заприятельствовала с Джи Бастерсом – чисто по-соседски: то книжку одолжит, то сахар. На днях он увидел у нее на руке татуировку Ходящей – не сведенную, ведь нашу дамочку не изгнали королевским приказом; она ушла в самоволку. Мистер Бастерс решил, что сорвал большой куш – начал ее шантажировать: знатная же дама, столичная. Габриэль разозлилась и убила его. Конец.

– Так Габриэль была Ходящей? Ого! А как ты это понял?

– Как-как. Татуировку увидел. У всех нормальных людей на левой, у Ходящих – на правой руке. Сама ведь знаешь.

– Но... – Я умолкла.

Странно. Мне очень понравилась туника преступницы, поэтому, торчи из-под рукава эмблема Теневого департамента – я бы заметила. Такое сложно не заметить: багровое око с ромбическим зрачком и пять «летающих» в него кинжалов.

Весьма приметная наколка, знаете ли.

Я нахмурилась:

– А почему ты все время спрашивал меня про запах червяков? И каким образом Габриэль исчезла и появилась вновь?

Полынь бросил на меня взгляд искоса, типа, незаметно. Он был очень похож на мокрого, нахохлившегося воробья, только что получившего по клюву.

Потом куратор что-то для себя решил, опустил плечи и сказал:

– Для большинства людей Ходящие – это тайна за семью печатями, страшилка на ночь. Но в силу своего опыта и круга знакомств я знаю о теневиках чуть больше, нежели эту вечную присказку про «право на убийство». И, пусть мне нельзя обсуждать эту тему, я дам тебе маленький совет: чуеть запах мокрой земли – беги. Так пахнут Ходящие после колдовства. И если обстоятельства складываются для теневика удачно, он может... Как бы это сказать? Телепортироваться на небольшое расстояние. Прыгнуть. Так Габриэль убила Бастерса: схватила его, переместилась на верхушку секвойи, скинула, вернулась. Готово.

– Ого. Ты это серьезно?

– Серьезней не бывает.

– Так, получается... Мы не зря демонизируем Ходящих? Они что, нелюди, раз умеют такое?

– Почему сразу нелюди? – поразился куратор.

Вдоль дороги стали появляться деревянные указатели. Гостиницы, трактиры, охотничьи лавки... Верный признак того, что до столицы ехать недолго.

– Просто Ходящие обладают некоторыми специальными знаниями и льготами на их использование.

– Суперспособности-и-и? – Я восторженно выдохнула.

– Ну, можно и так сказать, – фыркнул Полынь.

Я загорелась:

– И что же у тебя за знакомства такие, что ты разбираешься в Ходящих?

Полынь почесал нос:

– Этого я сказать не могу. У тебя свои тайны, у меня – свои.

Я призадумалась: у меня – тайны? А есть ли у меня тайны? От Полыни?

Про магию знает. Про влюбленность в Лиссая (с большой натяжкой, предупреждаю, с большой натяжкой!) тоже знает. Что еще-то? Разве что Святилище... Хотя это и не мой секрет.

Но ладно. Пусть думает, что в моей жизни есть белые пятна, раз сам так хочет. Всем от души рекомендую: имейте хотя бы одну загадку. По возможности – настоящую. И самооценку повышает, и – как это ни парадоксально – добавляет вам авторитета в глазах других. Ну, до тех пор, пока они не поймут, что вы просто лицемер.

– Слушай. – Я никак не могла успокоиться. – Тайны пусть будут тайнами, но ты можешь мне побольше рассказать про Ходящих? Так интересно! Я обожала читать про них в детстве! У меня была целая серия ужастиков, где главным героем был оптимистичный Смотрящий, а его врагом – Ходящий в совершенно жуткой маске с прорезьями для глаз. Смотрящий все время совершал подвиги, но одновременно делал пакости мерзкому Ходящему, а тот снова и снова на эти пакости попадался, и... – Я вдруг поняла, что проколота бровь Полыни уползла куда-то под линию роста волос, так он был язвителен. – Забудь. Проехали.

– Давай так, – предложил куратор. – По возможности я буду тебя учить, как всякий нормальный куратор всякого нормального малька. Другое дело, что про Ходящих мы будем говорить редко. Это просто неактуально – их всего-то дюжина осталась.

Я возразила:

– Но ведь могут же быть еще случаи, как сегодня! Какой-нибудь сбежавший мятежник.

– Это исключение, а не правило. Плюс, как я подчеркнул выше, мне нельзя обсуждать эту тему. Но я принял во внимание твой интерес к теневикам. – Он улыбнулся. – Факты про червяков и телепорт считай наградой. Бонус за ранение. – Польша подмигнула.

– Ух, ранение. Звучит-то как! – Я осторожно, с уважением даже, потрогала свежеприобретенную шишку. – А что будет с Габриэль?

Куратор помрачнел.

С ним – удивительное совпадение – будто бы помрачнел и весь Смаховый лес: день клонился к вечеру, и солнце окончательно скрылось за верхушками деревьев.

– Габриэль повесят. Скорее всего, уже завтра. . . Она нарушила закон трижды: когда покинула Шолох в день бунта (должна была добровольно сдать, если не разделяла позицию восставших), когда не явилась для сведения татуировки, и когда, наконец, убила Джи Бастерса.

– А если б не убила?

– Все равно повешение. Сайнор ненавидит Ходящих.

Польша умолк.

Стало очень грустно. Кажется, для куратора эта история граничила с чем-то личным. . .

– Последний вопрос, Польша. Можешь послать для меня несколько ташени?

– Да. Куда, каких?

Я объяснила.

Ташени улетели в четыре шолоховских библиотеки, чьи названия были аккуратно записаны в моем блокноте.

Господин Мелисандр Кес, мой беспризорный сегодня «клиент», назвал мне их в качестве своего плана на день. Я отправила письма библиотекарям, чтобы те подтвердили, что историк действительно заходил. А также спросила: когда он был, что из книг брал, общался ли с кем-то.

К тому моменту, как мы въехали в Шолох через Южные Врата, на все птички пришли ответы.

Господин Мелисандр не врал: везде побывал, везде почитал о Среднем государстве, ни с кем не говорил, кроме симпатичных буфетчиц, вел себя нормально. Одна из библиотекарей добавила: «Слегка по-гусарски».

Ну что ж. Вот и умничка.

20

Ужин у Дахху

Мы ждем чудес от кого угодно.

Только не от себя.

Парфа, жрица хранительницы Алены

Мы с Польшью распрощались у поместья Внемлющих: возвращали лошадок на законное место. Было шесть вечера – конец трудового дня у всех, кому судьба подарила стабильный график.

Мимо нас валили толпы, буквально толпы людей. Распахивались калитки, раздавались радостные крики жен, дождавшихся своих мужей, и мужей, дождавшихся своих жен. Один такой красавчик в фартуке выскочил встречать благоверную аж к забору, сопровождаемый двумя детишками и огромным котом.

Отовсюду доносились соблазнительные запахи домашней еды. Напомню: мы находились в Нижнем Закатном Квартале, то есть нас окружали сплошь частные поместья. Смех. Объятыя. Изредка раздавались возгласы из серии «мог бы и продукты по дороге купить!». С треском разгорались фонари вдоль дороги: где-то там, в Ратуше, мастер света шепнул заклинание – и по всему Шолоху щелкнули переключатели в голубоватых уличных маг-сферах.

В общем и целом – атмосфера Нового года в миниатюре.

Польшь и я стояли посреди этого торжества семейственности, как две сироты. Нет, даже лучше: как две статичные фигурки в снежном шаре. Ты его трясешь, хлопья сыплются, играет музыка, все бурлит, – а в центре грустит одинокая елка с одиноким зайцем под ней. Так и тут.

Из-за забора Внемлющих донесся протяжный звон гонга: глава рода созывала учеников на вечернюю «линейку». Польшь поморщился.

– Ну что, все на сегодня? – спросила я. – От Ищеек никаких вестей?

– Никаких, – подтвердил он. – Приходи завтра утром в ведомство. Слава богам, там уже закончился этот балаган с уборкой.

– Хорошо. А сколько еще дел тебе надо закрыть?

– Пятнадцать.

– А ты успеешь?

– Попробую. С твоей помощью.

Я почесала нос. Польшь почесал ладонь.

Какое-то странное прощание с начальством. Он явно тоже проникся этим «новогодним духом» и теперь не хочет расставаться. Самое объединяющее чувство в мире: когда вы вдвоем одиноки среди общего праздника жизни.

– Есть не хочешь? – спросил куратор.

За изгородью раздался долгий детский визг, за ним – такой же долгий смех. Судя по тональности, принадлежал смех скорее дегенерату, чем гению, но главе Дома Внемлющих виднее...

– Я иду на ужин к друзьям. Присоединишься?

– Да нет, спасибо. До завтра.

Я кивнула в сторону поместья:

– Постарайся выжить в этом бардаке.

По ту сторону смех и визг уже переросли в групповые рыдания. Вот же люди зажигают!

* * *

Сегодня планировался ужин у Дахху.

Ну как планировался – его назначила я. В последние полгода мне было нечего рассказывать друзьям, зато теперь... Да я могу весь вечер трепаться без остановок! Устрою моноспектакль!

И заодно спасу Дахху, если есть от чего. Спасать – это теперь моя работа.

Вернее, мне бы хотелось так думать. Хотя опыт показывает, что мы с Польшью выходим на сцену, когда уже поздно. Профессиональные тормоза.

До пещеры Дахху я добралась очень быстро.

Да, до пещеры, я не оговорила. Он выбил ее в скале при помощи целой бригады магов – а затем, побегав по инстанциям, приватизировал как частную собственность. Теперь пещера носит гордое имя «Убежище поэта» и служит романтическим пристанищем для хозяина, его смутных мыслей и верных друзей.

В центре пещеры лежит огромный волшебный матрас с живыми рыбками – дорогая игрушка, требующая магии не только в момент создания, но и для поддержания формы. Дахху запрещает мне на него садиться – вдруг чудо-матрас взорвется от моей возмутительной обычности?

По углам высятся книжные полки. Во вместительной корзине сгружены меховые одеяла; рядом покоится сундук с принадлежностями для разведения костра. У дальней стены притаился шахматный стол: друг обожает эту игру и вечно ноет, что мы с Кадией – отвратительные, бездарные шахматистки.

У входа в пещеру лежит подстилка Снежка, волка Дахху.

Это тоже любопытная история. Дахху всю сознательную жизнь ненавидел волков – немудрено, учитывая, что его родителей загрыз волкодлак.

Однажды друг решил, что пришло время завести домашнего питомца. Он рассчитывал на доброго лохматого пса с умными глазами. Но торговец то ли обманул Дахху, то ли перепутал – Смеющемуся достался волчонок. Что, впрочем, обнаружилось не сразу: все звереныши одинаково умилительны. А когда на правду стало сложно закрывать глаза, Дахху уже так полюбил Снежка, что смирился с его «породой».

Дахху и Снежок живут как затворники: друг пускает к себе только самых близких. Не думаю, что, помимо меня и Кадии, кто-то бывал у Дахху в гостях. Но для нас он всегда старается по полной программе: тщательно убирается, придумывает меню, даже программу развлечений готовит. Прямо педант-педант.

Интересно, как он пережил появление Карла? Наверняка вчера весь день дергался: «Мальчик, не стой здесь, сдвинься на пять сантиметров, а то ты не по центру ковра находишься».

По дороге к Дахху я прошла сквозь Плавучий рынок, который расположен в самом широком месте реки Вострой. Со стороны кажется, что рынок просто застрял между популярным мостом Полуденных Утех и толстым, приземистым зданием корпуса Граных. Небольшая деревянная площадка покоится на столбах, уходящих на дно реки. Сквозь широкие щели меж досок видно зеленоватую воду и любопытных ундин, проплывающих в тени. В любое время года сильно пахнет водорослями.

Я прикупила все, что нужно для вкусного ужина, завернула к пещере, пинком распахнула дверь и заорала с порога:

– Хей, кто дома есть?

– Тут я, не кричи. – На морском матрасе зашевелилась куча одеял. Из-под них, позевывая, вылез Дахху – весь какой-то всклокоченный.

Я с удивлением оглядела его, потом пещеру. Обстановка категорически противоречила тем данным о чистоте, которые я предоставила выше: все в пыли, книги раскиданы.

Дахху еще раз зевнул, чуть не вывихнув челюсть. Он наспех натянул войлочные тапки и прошаркал ко мне – помочь с пакетами. На нем был старый джемпер, штаны с вытяннутыми коленками, скособоченные шарф и шапка. Все мягкое. Странно. Обычно перфекционизм сопровождает жертву на протяжении всей жизни.

– Ты что, спал? – опешила я.

– Точно! – невпопад ахнул друг и, с грохотом обрушив покупки на пол (ох, милая бутылочка лимонада, надеюсь, ты там в порядке), рванул к рабочему столу, заваленному бумагами.

Дахху схватил тетрадь, схватил перо, устроился на краешке стула – также погребенном под черновиками – и, высунув от усердия язык, стал что-то писать.

Я подождала с полминуты. Потом спросила Снежка, обнюхивавшего мои ноги и пакеты:

– Мы ему не интересны, да?

Волк утвердительно твякнул и забил хвостом об пол.

Дахху продолжал строчить. Пожав плечами, я отправилась на кухню. Чай, сама разберусь!

Минут через пять – я уже вовсю боролась с помидорками, выскальзывающими из-под ножа, – Дахху скромно, по стеночке, подошел.

– Прости, надо было записать новую статью для «Доронаха», – повiniлся друг.

– Как продвигается работа? – вежливо спросила я.

– Плохо. – Он запнулся. – Сны выцветают. Становятся бледнее. В первые ночи они были такими живыми, а теперь... Бокки-с-фонарями как будто устали.

– Что, больше не показывают веселые будни хранителей?

– Показывают. Но не веселые. Совсем.

– То есть?

– Некоторые вещи, произошедшие с богами, очень печальны... Скажем так: Карлу, любителю сказок, я бы их не рассказал. Думаю, это ошибка.

– Например?

Дахху покачал головой:

– Я бы хотел сначала исследовать этот момент, а потом уже обсуждать. Вдруг окажется, что правы именно сны? – Его глаза на мгновение плеснули восторгом.

Я улыбнулась:

– Все-таки надеешься на сенсацию? Страсти, интриги и расследования от господина Смеющегося, «То, В Чем Вы Были Не правы Касательно Богов» и мягкая обложка, чтоб подешевле?

Дахху фыркнул и отмахнулся.

Потом присел на высокий деревянный табурет и, упершись замшевыми заплатками джемпера о камень столешницы, протяжно вздохнул:

– На самом деле, я не знаю, как буду жить, когда сны кончатся.

– Явно лучше, чем сейчас! – Я еще раз внимательно оглядела Смеющегося.

Выглядел он паршиво. Дахху и так по жизни кажется каким-то больным: темные глаза с опущенными внешними уголками, глубокие синяки под ними, крупный нос, общая закрытость, – а сегодня перещеголял сам себя. Он все еще оставался симпатичным «грустняшкой», эдаким кумиром школьниц, но, казалось, находится на последнем издыхании.

– Ты не смотри на внешность, в сердце я ликую. – Дахху отмахнулся. – Просто все время, пока я бодрствую, я пишу. А когда ложусь отдохнуть – вижу эти «исторические» сны, из-за чего, вскакивая, опять сажусь писать. Сил на нормальную жизнь не остается. И желания тоже.

– Кхм. Может, как-то разорвать порочный круг?

– Нет, не надо. И заодно, пожалуйста, больше не посылай моих коллег за мной «присмотреть», – язвительно добавил он, разбирая принесенные мной продукты.

– А я же просила Митраса ничего не говорить... – Я скорчила гримасу. – Как он меня сдал?

– Когда я подал заявление об увольнении, он погоревал, что не сможет исполнить твою просьбу. И всучил мне свою визитку с просьбой обращаться, если что.

Дахху разложил на деревянной доске листы салата и начал их яростно рубить – якобы профессионально.

Я на всякий случай отодвинулась – очень уж зверски у него получалось. Села на лавку и пожала плечами:

– Но мы с Кадией беспокоимся о тебе. Это нормально. Особенно с учетом того, на какие глобальные перемены ты решился – увольнение, опекунов... Неужели все это из-за снов?

– Да, – отрезал Дахху. На лбу его, казалось, я вижу фразу: «Не Лезь Мне В Душу!».

Я запнулась. Постепенно я перестала думать, что сны – это всего лишь порождения нашего беспокойного ума. Каждый новый день упорно доказывал мне, что мир бесконечен, и чудеса в нем тоже. Поэтому уже вроде как даже неловко не верить...

Дахху повернулся с тесаком в руках и развел руками:

– Благодаря этим снам я впервые в жизни чувствую себя нужным. Теперь мне уже не кажется, что, если я умру, это ничего не изменит.

Я аж подпрыгнула на лавке:

– Хе-е-ей, дружище, ты что такое говоришь? Как это впервые в жизни? Ты хоть представляешь, как ты нужен Кадии? А магистру Орлину? Он, когда нам пишет, всегда в первую очередь о твоих успехах справляется.

Дахху поднял бровь. Орлин его никогда не любил: маленького нечесаного зануду в шапке. То ли дело румяная Кад и безбашенная я.

Поняв, что мои предыдущие слова не возымели должного эффекта, я продолжила перечислять:

– А как ты нужен всем тем больным, которых лечил? Старикам, с которыми работал в Лазарете? Студентам, за которых писал дипломы – хотя это так себе помощь... Снежку? Снежок, а ну подай голос! – Волк с готовностью завыл и вывалил огромный розовый язык.

Я вздохнула:

– В конце концов, ты представляешь, как ты нужен мне?

Дахху насупился и снова набросился на несчастную зелень.

Я вдохновенно продолжила:

– Да мир без Дахху из Дома Смеющихся был бы самым отстойным миром во вселенной! Иногда, в сложной ситуации, мне достаточно представить у себя в голове наш воображаемый диалог – причем тебе всегда достается голос разума – и жить становится легче. Ты невероятный молодец. Такие, как ты, нужны самому бытию – чтобы оно не теряло совесть и душу.

– Это не то, – упрямо помотал головой Дахху. – Хотя твои слова я запомню и буду использовать в будущем, как аргумент...

Он наконец-то отбросил свой тесак (хвала небу), разлил по чашкам травяной сбор, и мы вернулись в основное помещение пещеры.

Смеющийся сел на водяной матрас, предварительно взмахами руки разогнав рыбок. Будто боялся им помешать. Я привычно выхватила из корзины медвежью шкуру, кинула на пол и плюхнулась сверху.

Дахху пожаловался:

– В глубине души я всегда верил, что написать «Доронах» – мое предназначение. Но... Я предпочитаю молчать о своих надеждах. Причина проста: когда ты рассказываешь людям о задуманном, а они хвалят тебя в ответ, ты как бы сразу получаешь свою долю одобрения и радости. Авансом, что расхолаживает. Я не хотел терять запал. А еще я очень боялся, что начну, но мне не хватит знаний и умений, чтобы сделать дело хорошо. Не хватит даже, чтоб

понять: все получилось плохо. Представляешь, что было бы, если бы я написал «Доронах», а люди отвергли бы его? Назвали бы жалкой пародией на энциклопедию, скучной для прочтения? Бессмысленной издевкой над миром книг? Я боялся, Тинави.

Он вздохнул и пожевал губами:

– Я всегда ждал сигнала извне, который бы заставил меня пойти навстречу мечте. Таким фактором оказались эти сны. Они внушают мне уверенность. Они дают мне информацию. Бокки-с-фонарями умоляют меня не прекращать, потому что для них «Доронах» – единственный способ выбраться на свет. Таким образом, я делаю то, о чем мечтал всю жизнь, и притом не чувствую волнения – ведь меня, считай, заставили.

– Разве ж это здорово – когда тебя заставляют?

Дахху задумался:

– По-своему – да... Когда бокки уйдут – я снова останусь один. И вдохновение исчезнет. Пусть лучше я не высыпаясь и страдаю болью – физические неудобства ерунда по сравнению с возможностью творить.

Друг скрестил руки на груди и высоко поднял подбородок. Поза защитная и агрессивная одновременно, мол, не подходи – укушу.

Я покачала головой:

– Дахху, это какой-то бред. То, что ты «ждал сигнала», а теперь рад, потому что с тебя сняли ответственность – идиотизм. Ты совсем с дуба рухнул? Сам всю жизнь говорил: хочешь – делай. Попытайся один раз, второй, десятый и двадцатый. Будешь падать – вставай и иди вперед. Неважно, сколько раз ты терпел крах – значение имеет лишь то, сколько раз ты встал, чтобы двигаться дальше. И вот ты говоришь, что ждал отмашки, чтобы писать «Доронах». Ладно, в итоге все-таки начал, с потусторонней подачи. Неважно. Но теперь ты вцепился в эти сны, как в единственный гарант дальнейшей работы. Что это за ерунда? Ты должен делать то, что любишь, не ради призраков, а ради самого себя.

– Я не хочу ничего делать ради себя самого. Я не такой человек, – напыжился Дахху.

– Ага, отлично, а какой ты человек?

– Я хочу помогать.

– Кому ты помогаешь в данном случае?

– Я же сказал: бокки-с-фонарями. С моей помощью они могут рассказать нечто важное. Думаю, госпожа Пиония имела в виду это, когда сказала, что мир не крутится вокруг меня. Не мне нужны эти сны. Они нужны самим бокки. Если не всему Шолоху...

– Кхм. Зачем?

– Я пока не знаю. И, боюсь, могу так и не узнать. Говорю же – сны блекнут.

Дахху залпом допил чай и со стуком поставил чашку на каменный пол. Отвернулся.

– Не понимаю, – глухо сказал он. – Не понимаю, что я сделал не так? Почему они уходят? Почему решили покинуть меня?

– Наверное, просто эффект от прикосновения бокки выветрился. Но это ерунда, Дахху, – оптимистично заявила я. – Полная ерунда, понимаешь? Ты и без ночных приключений напишешь отличную энциклопедию. И даже лучше.

– Не напишу! – уперся этот баран. – Ты меня совсем не знаешь!

Я покачала головой:

– Это я-то тебя не знаю? Да мы семь лет спали в соседних комнатах и перестукивались по ночам. Я утешала тебя, когда ты рыдал над смертью соседской собаки, а ты получил в глаз за грубость, сказанную мной хамоватому извозчику. Мы ждали, пока заснет Кадия, чтобы залезть на крышу и поговорить о вещах, о которых она не любила говорить – о безответной любви, о смерти, о надрывных стихах, о том, что вкуснее всего пожухшие яблоки, и что самое страшное в жизни – остаться без мечты. Мы, дрожа от ужаса, прыгали в Море Мертвецов с высокой серой скалы и вместе ходили на могилу твоих родителей. Мы придумывали идиотские риту-

алы, чтобы набраться удачи перед важными делами, и отчаянно презирали тех, кто не верил в дружбу «М» и «Ж». А теперь ты утверждаешь, что я тебя не знаю? Да я клянусь, если кто-то мире и может написать хорошую энциклопедию – так это ты, Дахху! Очнись! Что, информации тебе мало? Так подними задницу с матраса и двигай в библиотеку! Что ты со своими снами, как наркоман, право слово!

– Уж не тебе в твоём положении раздавать советы, Тинави! – Дахху неожиданно взбрыкнул.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась я.

– То, что мы с Кадией всю весну тебе говорили – вставай, борись. Но ты предпочитала ныть, что твоя жизнь кончилась вместе с магией.

– Но теперь-то я работаю! – возмутилась я.

– Вот только это не твоя заслуга, – сквозь зубы выдавил Дахху и потуже укутался в полосатый шарф.

Я одним глотком осушила травяной сбор, встала, демонстративно подняла чашку Дахху и понесла посуду в сторону кухни.

– Я не виню тебя, Тинави. – Друг подскочил и перегородил мне путь. – Но ты пойми: то, что тебе кажется диким, меня полностью устраивает. Я про сны. И мне так же не хочется, чтобы они заканчивались, как тебе – чтобы афера твоего куратора вышла наружу.

– Знаешь, что? – разозлилась я. – Если мой секрет выйдет наружу – меня уволят. И в какой-нибудь черный список засунут. А вот если твои сны иссякнут – ты просто продолжишь писать. Сам.

– Да не смогу я сам – в тех же объемах! – Дахху со всей дури саданул кулаком по шершавой стене пещеры.

– Значит, подождешь новолуния и снова пойдешь к егерям обниматься! – рявкнула я. – Вся недолга!

– Перестань обесценивать мои чувства! – взвился Дахху. – Имей хоть капельку почтения!

– К чему? К твоим слабостям? К моим слабостям? К тому, что мы ни разу не те, кем хотим быть и кем должны быть?

Дахху отобрал у меня чашки и со звоном брякнул их в раковину.

– Не только идеалы имеют право на жизнь. Просто ты – прахова максималистка. И это не комплимент.

Я, развернувшись на каблуках, потопала к выходу из пещеры. Однако, не успела я открыть дверь, как она сама распахнулась навстречу.

В проеме стояли абсолютно счастливая Кадия со спальником наперевес и изысканный, с иголки одетый Анте Давьер, вооруженный тонкой, как стилет, улыбкой.

– Их-ха-а! Всем привет! А я сегодня с гостем – пообещала ему самый вкусный ужин во всем Шолохе! Шеф-повара Дахху и Тинави – что может быть лучше? Друзья мои, не подведете? Вы сотворили нечто прекрасное, как всегда, м-м?

Я осторожно водрузила упавшую челюсть на место и сообщила – тоном, уместным в данных обстоятельствах:

– Увы, мы заболтались и ничего не успели! Но теперь у господина Анте есть уникальная возможность самому поучаствовать в приготовлении ужина. Дахху, допустим чужака к священнодействию?

Друг, к счастью, тоже решил поддержать атмосферу праздника, хотя я заметила, как с усилием дернулся у него уголок рта.

– Конечно, допустим! Добро пожаловать в «Уголок поэта», Анте. Приятно познакомиться.

* * *

Готовка слегка остудила пыл нашей с Дахху ссоры.

Минут двадцать спустя по пещере поползли умопомрачительные ароматы. Мы поставили на стол салат из стручковой фасоли и помидоров, приправленный крупной солью. Я сделала свежий лимонад с клубникой и базиликом. Дахху, поколдовав, добился идеально пропеченного пирога с анчоусами; Кадия подобрала цветовые сочетания овощей на тарелке, а господин Давьер разложил приборы по всем правилам высшего света (что, признаем, было не вполне уместно в пещере). Мы уложили в маленькие плоские тарелки зеленые и черные оливки, крупными кусками порезали хлеб с орехами и изюмом. Я почистила апельсины, а посреди стола уже благоухало утиное жаркое. Последним штрихом стала торжественно вынутая из шкафа банка цветочного меда.

– Как говорится, à table! – с удовольствием причмокнул губами Анте.

– Что это значит? – любопытствовала Кадия.

– «За стол» в одном из далеких языков, – объяснил господин Давьер.

– Вы полиглот? – вежливо спросила я, садясь и стараясь не смотреть на Дахху: обида на друга жгла меня изнутри.

– Стараюсь быть таковым. Кстати, госпожа Кадия говорила, что к нам присоединится еще один гость? Юный Карл?

– Сейчас позову его, а то он весь вечер во дворе плотничает, – кивнул Дахху и отправился за своим «питомцем».

Пока он не вернулся, я решила извиниться перед Анте:

– Господин Давьер, пользуясь случаем, хочу попросить у вас прощения за инцидент на балу.

Незванный гость отмахнулся:

– Не извиняйтесь. Кто из нас не мечтает поскорее сбежать с тоскливого приема? Вы просто выбрали весьма экстравагантный способ.

– Тинави – мастер неловких ситуаций, – уже активно что-то жуя, вмешалась в беседу Кад. – У нее столько историй на эту тему – на сборник сказок хватит.

Анте шутливо пожал мне руку, пробормотав «прекрасно вас понимаю». Что-то я сомневаюсь, что этот лощеный миллионер повидал много конфузов на своем веку, но предположим.

В этот момент вернулись Дахху и Карл.

– Здравствуйтесь, – кивнул подросток. Глаза у него были напряженными, взволнованный взгляд так и метался между мной и Анте Давьером.

Мы приступили к ужину.

Сначала щебетала одна только наша красотка. Кадия успела рассказать все свои рабочие новости, обсудить вчерашний бал, пожужжать про то, каким надо обладать потрясающим складом ума, чтобы создавать за бизнесом бизнес – как это делал Анте Давьер. Мы с Дахху поняли, что играем роль «родителей»: Кадия привела кавалера на показ, и наша задача – к концу вечера сформировать мнение о нем. Принудительно-одобрительное.

Между тем Анте Давьер накалывал на вилку помидорки и задумчиво пялился на Карла. Слишком долгое время для того, чтобы я сочла, что мне показалось. Карл тоже это заметил и явно не знал, куда себя деть. Елозил на стуле и при каждом удобном случае отходил: то пустую тарелку унести, то подкинуть Снежку лакомую косточку.

Дахху же, прочувствовав в ходе разговора социальное положение гостя, разволновался и начал бесконечную круговую беготню в погреб и обратно – за новыми припасами. Погреб был во дворе, поэтому процесс появления яств на столе затянулся.

– Кадия рассказала мне про ваш удивительный случай. – Анте Давьер обратился к Карлу. Мальчик замер, не донеся вилки до рта, и тревожно взглянул на нас с ребятами. Ждал поддержки.

Я ему едва заметно кивнула, мол, все нормально, это, конечно, странный дядя, но прорвемся.

– Вы действительно совсем ничего не помните?

– Совсем, – подтвердил Карл.

– Хм. Лекари могут просканировать ваш мозг по зонам с целью изъятия картинок прошлого.

– Что такое просканировать? – любопытствовала Кадия, жуя пирог и поглядывая на предпринимателя влюбленными глазами.

– То же, что просмотреть. С помощью заклинаний. Тоже иностранное слово. – Давьер резко наклонился и подцепил вилкой кусок ветчины с блюда, стоявшего возле подростка.

Карл вздрогнул. Обстановка за столом неумолимо накалялась, но я никак не могла понять, что за отношения связывают мальчика и миллионера.

– Лекари уже проделали это с Карлом, – вмешалась я. – Но ничего не нашли.

– Очень жаль. Карл, я предлагаю вам заглянуть ко мне. – Предприниматель протянул через стол черную бархатную визитку с адресом. – Я в свое время увлекался гипнозом. Я могу попробовать вернуть вам память. Это будет полезно и мне, и вам, – тепло сказал Давьер. – Всем.

– Спасибо, не надо. Пусть оно само.

– А как же вы колдуете? Заклинания вы помните? – любопытствовал Давьер. Карл вспыхнул и тотчас потупил взор:

– Я не колдую...

– Вообще? С вами случилось что-то плохое? Вас никогда не била молния, например? Вот мне однажды досталось, очень больно, – продолжал настаивать Анте.

– Как?! – ахнула Кадия, но предприниматель не ответил.

Карл метнул на меня испуганный взгляд и отрицательно замотал головой. В уголках его глаз появились слезы. Анте, сощурившись, следил за ним. Подросток усилием проглотил последний кусок жаркого на своей тарелке и вскочил:

– Я просто мальчик. Мне нужно идти, простите, приятного аппетита. – И он опрометью бросился к двери.

– Карл! – окликнул его Анте Давьер. – Мы можем помочь друг другу!

И в этом обращении проскользнуло что-то... Что-то очень неофициальное. Что-то на грани потери – и боли от нее.

– Отстаньте! Не буду я вам помогать! – вдруг крикнул Карл, на удивление зло. И, быстро выскочив на улицу, с треском захлопнул за собою дверь.

– Как грубо! – ахнул Дахху. И тотчас извинился за мальчика: – Видимо, посттравматический стресс. Он обычно гораздо вежливее.

– Обычно, ага, все полутора суток вашей совместной жизни! – приснула Кад.

Помрачневший Анте Давьер вскоре расслабился. А вслед за ним и я. Кадия и так была очень даже весела, ну а закончивший со своей беготней Дахху наконец-то остался за столом. Светская беседа потекла своим чередом.

Мы с Дахху, в споре или нет, а неплохо знали свои роли на подобных «родительских» вечерах. Мы вежливо, но активно расспрашивали Анте про его прошлое. Выяснилось, что кавалер Кадии раньше был путешественником. объездил всю Лайонассу, прежде чем несколько лет назад осесть в Шолохе.

Остаток вечера прошел спокойно и, я бы сказала, учтиво.

В какой-то момент разговор коснулся моей работы: Кадия предложила тост за мою карьеру Ловчей. Ребята настояли на том, чтобы я рассказала о делах, которыми занимаемся мы с Полюнью. Я с удовольствием это сделала: поведала им о баргесте, роще секвой (без подробностей о Ходящих), о ловком допросе торговца Бундруми и о том, какое немереное количество Айрин и Мелисс оказалось в Шолохе.

За разговором мы все-таки умудрились схоямчить стоявшую на столе еду. Когда последняя оливка исчезла во рту Кадии, мы все пришли к молчаливому соглашению – пора заканчивать вечеринку.

Все очень мило попрощались.

Перед выходом Анте попросил Дахху сообщить ему, если состояние Карла как-то изменится.

Я все-таки не выдержала:

– Почему вас так интересует Карл?

Давьер объяснил:

– Мне показалось, что когда-то мы были знакомы. Но, думаю, Карл – совсем не тот мальчик, которого я знал. Так что я больше не буду пугать его своим навязчивым вниманием, раз оно ему так претит, – предприниматель хмыкнул, – пусть все идет как идет.

Я встрепенулась:

– А может, у вас есть контакты семьи ребенка, на которого вы подумали? Я проверю, что к чему! На всякий случай.

– Я работаю над этим. – Анте пожал мне руку. Потом шепнул Кадии какой-то комплимент на ушко и, еще раз поблагодарив за гостеприимство, чинно вышел.

– Анте тебе очень нравится, да? – спросила я Кадия, пока мы разыскивали в кладовке Дахху мой спальник, валявшийся где-то тут с незапамятных времен. Подруга пожалала плечами и отвернулась, порозовев.

Мы с ней оставались на ночь. Поиски спальника могли бы затянуться, если бы не умница Снежок, который с вполне человеческим вздохом зубами вытащил его откуда-то оттуда, куда бы мы сами ни в жизни не забрались.

Сам Дахху не помогал. Стоило Анте уйти, как он вновь включил режим ссоры – молча утопал за письменный стол и, не разгибая спины, что-то усердно строчил на трех миллионах пергаментных листочках.

Мы с Кадией ушли в дальнюю часть пещеры. Там были выдолблены три крохотные комнатки, типа монашеских келий, играющие роль гостевых спален. Они всегда казались мне воплощением уюта.

Я с удобством расположилась в одной из келий и сладко заснула.

Даже мысли о том, что действительно будет, если афера моего куратора выйдет наружу, не беспокоили меня в этом «святом» месте.

* * *

Меня разбудил странный звук.

Пещеры – удивительные места в плане акустики. Зачастую совсем непонятно, откуда идет шум и как далеко его источник.

Было похоже на какие-то приглушенные стоны и рыдания. Я сразу вспомнила о больной руке Дахху и решила проверить, как у него дела.

К моему удивлению, в основном зале, где находился матрас с рыбками и сам Дахху, все было спокойно. Друг мирно спал на спине (я всегда завидовала этой привычке; говорят, от такого морщины появляются в сто раз медленнее). Звук не прекращался. Он шел из другой «кели». У порога сидел Снежок и тихо подвывал.

Я повернула туда.

Видимо, Карла мучает кошмар после внимательных взглядов Анте. Мне понравился кавалер Кадии, но его пристальный интерес к мальчику смущал. Не успела я открыть дверцу, как меня ослепило ярким, сбивающим с ног потоком света. Я зашипела от неожиданности и, боясь ослепнуть, закрыла лицо руками.

Секунду спустя все было в норме. На внутренней стороне век перестали отпечатываться огромные световые пятна, и я рискнула открыть глаза.

Комната Карла, «келья», расплзалась во все стороны, искажая пространство, и таяла по углам, будто цветной дым в бутылке. Но самым удивительным было даже не это. Самым удивительным было то, что я неожиданно *вспомнила*.

Лазарет, конечно! Удивительные метаморфозы в палате. Неземной мальчик Карл, который утянул кровавого младенца в черную дыру. Шева вместо трясухи. Горячая рука на моем затылке и тотальное затмение.

Я тихонько охнула от этих внезапно накативших воспоминаний. Ах, он маленький гад! Стер мою память!

Сейчас Карл не сумел засечь чужака в моем лице. Мальчик спал, и ему снились кошмары. Тело Карла парило над матрасом: руки безвольно свисали по бокам, голова была запрокинута, изредка весь он сотрясался и тихо хрипел. Вокруг него носились в воздухе смутные образы. Преимущественно – звездное небо, несколько людских фигур, голые стволы деревьев, яркий свет фонаря и разломы, полные копошащихся жуков...

Все время повторялся один и тот же мотив: маленький мальчик в темноте, а за ним гонится Нечто – неоформленное, бугристое чудовище, созданное будто из десятков тысяч насекомых.

Был там и другой образ, полный, в противовес, спокойствия и достоинства – белая беседка в лесу, подозрительно напоминающая Святилище принца Лиссая.

В первое мгновение я хотела разбудить Карла и выяснить у него, прах побери, происходит. Но потом вспомнила, к чему такая тактика привела в прошлый раз.

В итоге я лишь молча наблюдала за мальчиком минут пять, а затем ушла к себе и попыталась заснуть, приказав скулящему Снежку контролировать ситуацию. Не думаю, правда, что волк смог бы что-то сделать в случае опасности.

Ладно. Поговорим утром, никуда Карл не денется.

21

Покойся с холодом

*Никто и никогда вас так внимательно и душевно не выслушает,
как Ловчий на допросе.*

Шолоховский анекдот

Сначала был настойчивый стук – пока еще на грани сна. Но потом меня разбудили громкие, безжалостно громкие голоса в пещере.

– Вы кто вообще? В такую рань! – возмутился Дахху.

– Тинави из Дома Страждущих здесь? – прозвучал деловитый ответ.

– Да. Вы куда? Туда нельзя! Это мой дом! – отчаянно запротестовал друг.

– Именем закона, йоу! – безапелляционно заявили ему, и секунду спустя дверь в мою келью распахнулась: – Тинави, а ну подъем!

Я жутко не хотела этого делать, но в таких условиях пришлось открыть глаза. Передо мной во весь свой невеликий рост стояла румяная Андрис Йоукли. Брови Ищейки были сосредоточенно нахмурены. Легкомысленный цветок заткнут под резинку очков.

Дахху за спиной у Йоукли воздел руки к небу, будто призывая богов оценить такое святотатство. Домашний оранжевый халат друга напоминал одеяние друидов. Не опуская рук, Смеющийся театрально пошлепал в сторону кухни, что-то негодуяще бормоча под нос.

Спросонья у него не было времени натянуть шарф и шапку. Я в который раз поразилась тому, как можно на постоянной основе прятать столь шикарную кудрявую шевелюру. А вот багровые рубцы на шее – да. Когда они скрыты, то не хочется истерично сглотнуть при взгляде на друга.

– Андрис, что случилось? – прохрипела я. Как всегда по утрам, мой голос не отличался изысканностью.

– Полынь тебя обыскался. Бегом!

Я со стоном выбралась из спальника. Коллега ждала, не давая шанса смалодушничать: Андрис сложила руки на груди и отбивала ногой быстрый ритм – само нетерпение! Обычно добродушная, сейчас она казалась очень взволнованной. Или, может, взбудораженной? Ищейка ведь, не хухры-мухры.

Из кухонного проема на меня осуждающе смотрел Дахху. Наконец он вздохнул, покрутил пальцем у виска и, зевая, поставил кипятиться чайник. Я натянула шаровары, накинула поверх майки лямку и отправилась за Андрис.

У выхода из пещеры лежало несколько черных ташени. О нет! Кажется, птички не пробились сквозь запертые ставни. Подняв записки, я припустила за энергично удаляющейся Йоукли. К счастью, удалялась она недолго – ровно до привязанной на углу лошади.

– Полынь зол. Тебе стоит поторопиться, – сказала она, меняя длину стремян и подтягивая седло.

Я меж тем развернула послания.

Лаконичные тексты подтверждали только что сказанное: «Кажется, новый труп. Просыпайся, жду в ведомстве». «Тинави, где ты? Жду у Позабытого моста». «ТИНАВИ, ПОДЪЕМ, У НАС УБИЙСТВО». «Где тебя носит?!». «Следующим трупом будет твой. Посылаю Андрис и Плюмика. Не встанешь – закопаю».

– Кто такой Плюмик? – спросила я.

– Вон тот красавец, – Андрис кивнула в сторону совушки, сидевшей на ветке.

Это был крохотный шарик, состоящий, казалось, из одних только мягких перьев и круглых глаз. Умилительный в любых других обстоятельствах, сейчас соенок сидел, насупившись, и смотрел на меня недобро. Видимо, тоже не выспался.

– Следуй за Плюмиком на моей лошади, а у меня уже другое задание. Где тут ближайший двор кентавров?

Я указала направление, и Андрис бодро отправилась туда. Кожаный рюкзачок подпрыгивал у нее за спиной при каждом шаге. Так же скакали волосы, стянутые в короткий хвост-обрубок.

Плюмик нетерпеливо заухал и нахохлился.

– Тороплюсь, тороплюсь, – пообещала я, устраиваясь в седле.

Минуту спустя мы во весь опор мчались сквозь город. Небо только-только начинало розоветь на востоке. Я изо всех сил прижалась к шее лошади, потому что мое невыспавшееся тело так и клонило то в одну, то в другую сторону. Плюмик, смешно размахивая крыльями, летел впереди и на ходу умудрялся приветствовать начинающийся день каким-то странным кудахта-нем, неожиданно громким для его миниатюрных размеров.

* * *

Полчаса спустя соенок опустился на ветку сирени. Судя по всему, это был конец нашей скачки. Я остановила лошадь и огляделась. Мы находились в Посольском квартале. Вокруг царили удивительные постройки, соответствующие вкусам тех или иных иноземных дипломатов. Ничто не нарушало рассветную тишину, кроме стрекота одинокой цикады. Я недоуменно посмотрела на совушку.

Плюмик моргнул раз, другой, после чего – клянусь! – вполне по-человечески вздохнул и пролетел еще метров десять. За чьим-то бамбуковым садом виднелись воды рва Рейнича.

– Мне что, вплавь до дворца добираться? Крыльев-то нет, как у тебя, – буркнула я, обходя дипломатический участок.

Купания, впрочем, не потребовалось. Когда я подошла вплотную ко рву, то охнула от неожиданности. От Посольского квартала и почти до противоположного берега вела ледяная тропинка.

И это в конце мая! Правда, тропинка выглядела крайне ненадежно – вся в лужах, частично уже совсем прозрачная. Дырявая по самый не горюй. Зато там, в конце, она внезапно крепла, превращаясь в небольшую льдину ярко-белого цвета. Очень даже реальную льдину, судя по тому, что к ней были приставлены две лодочки, а на самой льдине стоял человек в знакомом сложносочиненном одеянии.

Я боязливо попробовала мыском лед. По ощущениям самый настоящий, но идти по нему не вариант, конечно: вон, даже те люди на лодках плыли, а как же я? За спиной у меня раздался недовольный клекот Плюмика. Я обернулась. Совушка клювом указала мне еще на одну крохотную лодочку, привязанную уже на моем берегу, просто поодаль.

– Да ты умнее меня, зараза! – на свой манер похвалила я птичку. Залезла в плавсредство, подняла с днища весла и погребла к льдине.

На месте преступления были Польнь, незнакомая мне Ищейка и два коронера. Как я узнала, коронеров в Иноземном ведомстве все называли «свидами» – то есть Свидетелями Смерти.

Ищейка и свида сидели в лодочках. Польнь склонился над телом. Льдина опасно трещала при каждом его движении.

– Я тут, – возвестила я, подгребая.

Коллеги кивнули мне в ответ. Объектом их внимания оказалась мертвая женщина. Она лежала на льду, лицом вверх, и все голые участки ее тела были покрыты странными символами и письменами, изображенными черной краской.

– Ох... – выдохнула я. – Девятая жертва?

– Как видишь, – буркнул Польшь.

– Уже известно, кто это? – Я обплыла льдину по кругу, чтобы осмотреть тело со всех сторон.

Залезать туда не стоило – лед стремительно таял, расходясь трещинами под куратором и трупом. Польшь тоже увидел это и поспешил спрыгнуть ко мне в лодочку. Нас жутко зашатало, но обошлось. Не хотелось бы стать завтраком для ливьятанов!

– Достоверно неизвестно, но у меня есть очень веское предположение... Момент.

Куратор достал имаграф и поколдовал немного. Мы все послушно замерли. Когда раздался хлопок и стеклянный шар для «быстрых картинок» заволокло туманом, Польшь раздал указания сотрудникам, а сам погреб вместе со мной прочь. Свиды начали осторожно стаскивать труп в свою лодочку. Судя по ругани и вскрикам за спиной, получалось у них не очень. Надеюсь, не выронят.

– Так что за предположение? – спросила я.

– Думаю, это одна из наших подозреваемых, Айрин. Вчера Ищейкам так и не удалось найти ее среди ста двадцати проживающих в Шолохе женщин с таким именем... Та же ситуация с Мелиссой. Но несколько часов назад произошли два события. Во-первых, городской патрульный обнаружил эту льдину и труп на ней. Поскольку наше дело о маньяке неизвестно общественности, он сначала вызвал Смотрящих. Те вспомнили, что где-то недавно фигурировали трупы в краске, отправили запрос, поняли, что это наше дело, послали за дежурным Ловчим, тот вспомнил обо мне. Все они бесконечно плавали туда-сюда и общались с помощью официальных ташено-бланков, заполненных по всем правилам. Это вечное бюрократическое промедление, чтоб его... Короче, когда я приехал сюда, случилось еще кое-что, что и натолкнуло меня на мысль о личности убитой. Помнишь, я повесил Сеть Знания на дом Бундруми? В общем, за полчаса до рассвета к нему прилетела ташени с текстом: «Господин Бундруми, Айрин у вас? Мелисса». Бундруми ей ответил: «Дорогая Мелисса, этой ташени вы выдали себя Ловчим. Я уже сутки под домашним арестом. Будьте прокляты со своей подругой за то, что испортили мне жизнь. Бундруми».

Я развеселилась:

– Ого! Интересненько.

Под нашей лодочкой меж тем мелькнула черная извивающаяся тень ливьятана: длинное тело, слегка проступающие над поверхностью шипы. Подводный змей начал лениво виться вокруг лодки. Я тяжело сглотнула, а Польшь, не мудрствуя лукаво, шлепнул его по голове веслом: «Сгинь!» Тварюга силло взревела и поплыла прочь. Я выдохнула.

– Вот и я подумал – интересненько, – ответил куратор. – При этом, судя по допросу Бундруми, тексту обеих ташени и тому факту, что подозреваемая не знала о его аресте, ювелир действительно не был близко знаком со своими заказчицами. А значит, то, что Мелисса написала ему – это из ряда вон выходящее поведение. Вероятно, она была взволнована и нигде не могла найти Айрин. В общем, я послал Йоукли к дому Бундруми – пусть отследит ташени. Ну а по дороге она разбудила мою ленивую помощницу, – покосился на меня он, недовольно сузив чернящие глаза. Я гордо проигнорировала этот взгляд.

Он продолжил:

– Тем более, заметь, – в этот раз маньяк не стал прятать труп. Наоборот, он бросил его на виду. Я бы сказал, что это своеобразный вызов.

– Значит, когда Андрис сделает свое дело, мы поедем по адресу и схватим Мелиссу?

– Да. Если она еще жива.

Мы вылезли из лодочки, привязали ее и сели на берегу. Точнее, это я села на скамейку, а Польш начал задумчиво шагать вокруг оной. Мне кажется, если мы пробудем тут достаточно долго, он вытопчет еще один мини-Рейнич, который будет охранять не дворец, а меня.

– Вообще, если избавляться от подельников, то логичнее сразу от двух, – прикинула я. – Точно нигде нет десятого трупа?

Польш остановился и со значением поднял указательный палец:

– Вот-вот. Я тоже подумал об этом и запросил срочный обход территории дворца. Пока все чисто, то есть Мелисса, может, и убита, но точно не по «правилам» нашего маньяка. Если при этом окажется, что на льду у нас Айрин, сложно будет переоценить важность такого открытия.

– Получится, что маньяк не готов убивать сразу двоих по ритуалу с черной краской, – кивнула я.

– Именно. А значит, пауза между убийствами все меньше становится похожа на совпадение: он может совершать лишь одно убийство за раз. Или, другая опция, – не все люди на территории дворца подходят для целей маньяка. Например, Айрин подошла по каким-то параметрам, а Мелисса – нет.

– Что-то легче не становится...

– Становится-становится. Много смутных гипотез лучше, чем ноль аксиом, – не согласился со мной куратор.

Я потеряла большое ухо – есть у меня такая привычка в случае усиленного мысленного процесса.

– Польш, а как ты думаешь, почему Айрин убита не на острове-кургане? Почему здесь вообще была тропинка изо льда?

Он пожал плечами:

– Точно не знаю. Возможно, именно так наш маньяк всегда и проходил на остров: чтобы не светиться в записях охраны. И в этот раз подумал, что магия кургана – если ему все-таки важен этот момент – сработает и на таком расстоянии... – Польш критично окинул взглядом лед, розовеющий в лучах солнца, пробивающихся сквозь деревья.

Неожиданно глаза куратора расширились:

– погоди! – почти крикнул он и снова начал наворачивать круги, куда быстрее, чем до этого. – Это не маньяк сделал ледяную тропку. Это Айрин сделала ее для него. Вероятно, она всегда ходила с ним на убийства, создавая вот такой проход. Создавала и уничтожала, когда они перебирались на другой берег, чтобы никто не заметил. Но, когда маньяк решил избавиться от нее, он сделал это на полпути, не доходя до дворца – по одной простой причине...

Я резво вскочила на ноги, потому что меня тоже осенило. Ох, это же самое прекрасное чувство на свете – когда у вас в голове неожиданно вспыхивает яркая, ясная, наверняка правильная идея!

Я отбарабанила, быстро-быстро, чтобы Польш не смог опередить меня:

– Маньяк убил ее на дорожке, потому что иначе не смог бы вернуться с острова. Дорожка бы растаяла, как сейчас. У него все-таки нет магии! Я не зря сказала тогда про голубей, Польш, юху-у! – Я запрыгала, радуясь, как ребенок.

Куратор поспешил остудить мой пыл:

– Нет, погоди. Может быть, он просто не умеет превращать воду в лед, потому что не шарит в магии преобразования. Но ты молодец.

– «Но сильно не рассчитывай, но так держать, но-но-но-но», – передразнила его я, вспоминая вчерашнюю беседу.

Польш фыркнул:

– Но... Но пищи для размышлений у нас с тобой теперь полно.

Мы умолкли, потому что на фоне рассветного неба в нашу сторону неслась ярко-желтая ташени. Не успела бумажная птичка долететь до адресата, как ее с уханьем перехватил Плюмик. После этого совенок с мгновенно обмякшей ташени сел на плечо Полыни и вручил хозяину послание.

– Ну, ты и ревнивый вырос, – хмыкнул куратор.

Я удивилась:

– Это что, уже взрослая птица? – Плюмик, сидя на плече Ловчего, едва дотягивал по росту до уха человека.

– Ага, карликовая порода... Так. К Мелиссе я поеду один. А ты дуй в Иноземное ведомство и жди меня в кабинете.

Я запротестовала:

– Хей, так нечестно! Зачем я тогда вообще приперлась сюда в такую рань?

– Принятые начальством решения не обсуждаются. Не забудь, кстати, насыпать овса лошади Андрис. – Куратор зевнул. – И, пожалуйста, купи нам кофе по дороге.

– Хорошо, шеф, – буркнула я.

Полынь пошел прочь. Плюмик на его плече повернулся на сто восемьдесят градусов, клювом ко мне, и ехидно надулся, издав какой-то мерзкий звук на мотив чайчьего крика.

Прах побери, почему это сова-недорослик так ко мне относится?!

* * *

Лошадка Андрис оказалась умницей: по дороге я позорно заснула, но она шла так мягко, что я даже не свалилась. Достижение, однако!

Очухалась я аккурат на Министерской площади: пегая кобылка, дойдя до ворот ведомственной конюшни, встала столбом. Жаркий поцелуй с конской гривой – «великое чудо инерции», которым так восхищался магистр Орлин, – сыграл для меня роль будильника.

Кряхтя, я сползла с лошадки и, позевывая, передала ее в бледные руки эльфа-конюшего. Тот, разодетый, как вельможа, с гордым именем Йегерлиблатцен (самая престижная профессия в эльфийском обществе – логопед), мелодично пропел мне витиеватое пожелание хорошего дня. Обожаю эльфов: даже самая злостная бука на свете не собьет этих невысоких среброголовых красавчиков с благостного настроения.

Старательно прочиркав что-то в ответ (далеко не так изысканно), я потопала в сторону кофейни «Радость прерии» – месту паломничества всех министерских кофеманов. Тут былолюдно даже в семь утра – любителей рано вставать, считай, мазохистов, в Шолохе выше крыши.

Я зашла, и распашные дверцы кофейни, похожие на деревянные жалюзи, весело наподдали мне по заднице. Успешно долетев аж до бара, я сделала хорошую мину при плохой игре – уперлась локтями о стойку, поправила скривившуюся шляпу и, внушительно насупив брови, потребовала на мотив тернасских пастухов:

– Два крепких, очень крепких, но сверху – сливочки! И пошустрее, мадам, – бравым воякам надо подкрепиться до встречи с врагом...

Хозяйка «Радости прерии» явно не была ценительницей авантюрных комиксов о западных пастушках. Что странно, учитывая название кафе. Насупив брови пуще моего, тетка молча удалилась к плите.

Зато нашелся другой почитатель жанра.

– Ай, Стражди, а вы уже повеселее! – неожиданно окликнули меня из-за углового столика.

Оглянувшись, я увидела белобрысого Мелисандра Кеса. При свете дня его загорелая бронзовая кожа была на тон темнее волос – признак южанина. Мятая белая рубашка и кожаная

португепя казались совершенно неуместными ранним утром. Волосы саусберийца были всклочены, под глазом алел длинный порез. Очки отсутствовали. Я охнула:

– Мелисандр! Почему вы так выглядите, во что вы ввязались ночью?

Историк захохотал и радостно хлопнул ладонью по столу. Стол вздрогнул. Наше громкое поведение очень не понравилось хозяйке и остальным клиентам. Во избежание конфликта, я подседа к иноземцу, дабы мы стали потише.

Он радостно заявил:

– Отличная формулировка! Нет чтобы спросить, все ли у меня хорошо. В ваших словах с ходу слышно и обвинение, и профессиональное желание поскорее дополнить свой отчет, и намек на то, что про мой день вам все известно.

Я покачала головой:

– Вы анализируете то, что анализировать не надо. Что в голову стукнуло, то и ляпнула. Так все же?..

– Подрался, – пожал он плечами. – Как оказалось, некоторые не умеют достойно проигрывать в карты... Приходится выбивать из них долг голыми руками.

У меня от удивления открылся рот. Кес продолжил:

– Мы, саусберийцы, весьма эмоциональные люди. Как пробьет два часа после полуночи, так я начинаю воспринимать мир слишком серьезно для бесконфликтного поведения. Не волнуйтесь, Стражди. Все живы и здоровы. Ну и выигрыш я свой получил, что приятно.

– А сюда вы почему пришли так рано?

– Рано – потому что решил не возвращаться в отель. Отосплюсь после закрытия библиотек. А пришел, чтобы вам доложить о своих похождениях, конечно же, – во всю ширь улыбнулся Мелисандр Кес.

Зубы у него были крупные и белые, как чищенный миндаль, улыбка – от уха до уха. Очень самоуверенный мужик.

– Раз уж вам так не повезло с объектом слежки – хожу в очках, которые мне не идут, бью людям лица в кабаках, хочу, чтобы вы, шолоховцы, учили историю, мать вашу... Я решил сам обо всем честно рассказывать. К тому же надеюсь продолжить нашу с вами прекрасную дискуссию.

– О Срединном государстве?

– О любви к жизни.

Я со стоном опустила голову на сложенные на столе руки. С недосыпу не рассчитала и стукнулась лбом о собственные кольца с камешками. Ай.

Мелисандр вздохнул:

– Ладно, я пошутил. На самом деле я надеялся, что вы поможете мне с культурно-туристической программой.

– Но для этого есть Улыбаки!

– Кто? – опешил Кес.

– Улыбаки. Сотрудники Лесного ведомства, те, что по внутреннему туризму.

– Нифига себе название! – подивился Мелисандр. – Ну, в любом случае, они не такие симпатичные, как вы. К тому же меня интересует строго ночной, внеурочный Шолох.

– Да уж, я заметила...

К нам подошла хозяйка кафе и, подозрительно глядя на чужестранца, сообщила мне:

– Ваш заказ готов.

Я встала, забрала кофе и, уже не садясь, ответила побитому господину Кесу:

– Мелисандр, мне отчасти приятно ваше внимание, но... Давайте все ж по протоколу. Вы изучайте, что вам нужно. Я буду за вами приглядывать. Конец. Договорились?

– Неужели вы откажете мне всего в одной прогулке?! Вы не подумайте – мы пойдем смотреть на исторические здания! На музеи, Тинави! – возопил Мелисандр, и я почувствовала, как взгляд хозяйки раскаленным железом клеймит мой затылок.

Мелисандр вел себя слишком громко для того, чтобы соблюсти установленные ею рамки приличия. Плюс активно размахивал руками, что в таком кафе, как это – заполненном всякими сувенирчиками и скляночками – чревато.

– Нет, Мелисандр, я пас, – вздохнула я.

Господин Кес разочарованно покачал головой. Потом вытащил из кармана брюк мятую бумажку со следами красного вина. Положил на стол, попробовал разгладить. Сокрушенно цокнул языком и протянул мне как есть:

– Вот это – подробный список всех моих вчерашних перемещений после посещения библиотек. Вы, кажется, не слишком-то серьезно относитесь к заданию, так что буду вам помогать.

– Мне все равно всю эту информацию надо проверять и перепроверять, – пожала плечами я, но про себя порадовалась. Проверка все-таки проще, чем поиск, тем более задним числом!

Кес погрозил мне пальцем:

– Взамен я все-таки надеюсь на то, что наши отношения потеплеют.

Я с удивлением отметила, что, несмотря на общую расхлябанность его облика, руки и ногти историка находятся в безупречном состоянии, неожиданном для мужчины, тем более такого брутального. Хм.

– Если будете честно писать мне такие списки, – я помахала бумажкой, – может, и потеплеют.

– «Забились», как говорят у нас в Саусборне, – подмигнул Мелисандр.

22

Убийственный сквозняк

Будь точным в формулировках, когда дело касается желаний. Невинная мечта об «интересной жизни» может обернуться чем угодно, даже трагедией: ведь унии выполняет людские запросы с минимальной затратой сил, что отнюдь не всегда означает хороший исход. У энергии нет морали.

Папагау Ор, Жрец Карланона

Когда я поднялась на второй этаж ведомства, то увидела незнакомую женщину возле кабинета Польни. Она переминалась с ноги на ногу и то и дело бросала нетерпеливые взгляды на коридорные часы.

Это была худенькая дама ростом едва ли метр шестьдесят, вся какая-то напряженная, бледная. Сквозь внешнюю холодность проступала едва сдерживаемая агрессия.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила я, по-хозяйски отпирая дверь ключом.

– Вы Польнь? – резко спросила женщина.

– Эм, нет. Я его коллега. А Польнь – мужчина, если что.

– Можете меня арестовать. – Женщина вызывающе вскинула голову. – Меня зовут Мелисса Дорьич.

Я поперхнулась кофе, который, к своему несчастью, решила именно в этот момент глотнуть.

– Проходите, пожалуйста, – прокашлявшись, вежливо предложила я.

Главное – завести ее в кабинет и не выпускать. А то вдруг передумает сдаваться? Тетечка-то с характером, вон как ноздри раздувает. Лишь бы Польнь поскорее приехал!

Я кое-как разгребла на полу проход, туда и сюда задвинув вездесущие газетные стопки. Мы с подозреваемой чинно уселись в замшевые кресла напротив друг друга. Я вспомнила, что вчера на ужине мы с Кадией договорились позавтракать вместе. Судя по всему, сие приятное дружеское мероприятие придется отменить.

– Мелисса, кхем. Сейчас вам надо послать ташени, которую я продиктую, женщине по имени Кадия из Дома Мчащихся, – заявила я максимально уверенным и начальственным тоном. Абсолютно идиотская ситуация, но...

Женщина нахмурилась:

– Ташени? Вы продиктуете?

– Да. Пишите. И попрошу побыстрее! – приказала я, барабанив ноготками по вытертой ручке кресла.

Если не дать Мелиссе время на раздумья, авось сработает. Наглость города берет. Надо только как-то по-деловому обыграть содержание.

– «Утренняя встреча отменяется. Веду допрос в 32-м кабинете. Если подозреваемая будет упираться – дам знать особо. А так действуем по плану Б. Ответа не требуется».

Планом Б у нас с Кадией издавна назывался перенос встречи на пять часов вперед. С утра на день, со дня на вечер. Послание я постаралась переиначить так, чтобы Мелисса решила, что это какой-то специальный рабочий момент, а не моя личная просьба.

Судя по тому, что госпожа Дорьич не стала задавать никаких вопросов, я преуспела. Ну, или ей было до фонаря на мои закидоны: человек, в конце концов, пришел сдаваться на милость правосудия.

Я пригляделась к ней повнимательнее: глубоко посаженные серые глаза, холеные руки, аккуратная укладка. Дама умеет за собой следить. Но взгляд бежит из угла в угол, пальцы

трясутся, а волосы Мелисса поправляет так часто, что сразу видно – человек на грани истерики. Хорошо сдерживаемой, но истерики.

Мы сидели в тишине... Минут пятнадцать спустя дверь в кабинет открылась, и зашел куратор.

– Полынь, это Мелисса Дорьич, – представила я гостью, пока он не успел что-либо вставить. Мало ли, ляпнет что-то секретное?

– Ах, вот оно что. – Ловчий с любопытством уставился на гостью.

– Я пришла признаться. – Мелисса задиристо кивнула.

Именно «задиристо», я не ошиблась. Она вся выглядела так, будто мы ее снова и снова пытаемся склонить к неким нехорошим вещам, а она отказывается, ибо знает себе цену, хотя и понимает, что подобное поведение точно приведет к драке.

– Что ж, замечательно. А я уже настроился на долгие поиски по всему Шолоху. Побывал сейчас в вашей квартирке, кстати, – очень приятное место.

Полынь раскопал под горой бумаг табуретку и подсел поближе к подозреваемой. Она неверяще переспросила:

– Вы были у меня в Тихих Далях?

– Да, только что.

Я тоже удивилась: Тихие Дали – это, как видно из названия, район ни разу не центральный. Час с хвостиком от дворца в одну сторону. Как Полынь успел сгонять туда-обратно за какие-то сорок минут? Блефует небось. Хотя...

– Это Айрин? – Куратор достал из кармана имаграф с изображением трупа на льдине и безжалостно протянул Мелиссе.

Губы у той дрогнули и поджались:

– Да. Он убил ее. Я была права.

– Расскажите мне об этом.

– Я прошу вашей защиты.

Полынь поднялся. Он задумчиво почесал кончик носа, потом прошел в дальнюю часть кабинета, где на стене висела пробковая доска с невероятным количеством бумажек – улик, идей, возможных связей, теорий, – и стоял там около минуты, рассеянно поглаживая пальцами подбородок. Прикидывал варианты.

Потом Полынь обернулся к посетительнице и развел руками:

– Увы, Мелисса, могу предложить только хорошо охраняемую камеру в тюрьме.

– Пойдет. – Женщина откинулась в кресле и, собираясь с духом, прохрустела пальцами. – Э-э... Мы с Айрин...

– Как ее фамилия?

– Айрин Петриц. Мы с Айрин – члены королевского Общества по Сохранению Исчезающих Видов. Пару месяцев назад Айрин познакомилась с мужчиной, который разделял нашу общую страсть – интерес к драконам. Он сказал, что хочет отправиться к драконам и увидеть их вживую.

– Каким образом? – прищурился Полынь. – Драконы уже тысячу лет спят за Скалистыми горами, накрытые непробиваемым магическим куполом.

Мелисса прикусила губу, будто стыдясь:

– Этот мужчина поклялся, что он знает, как построить телепорт.

Брови Полыни взлетели вверх. Я наклонила голову вбок, прислушиваясь внимательнее.

– И вы поверили ему? Этим сказкам? – подпустив в голос презрения, спросил Полынь.

– Я – нет, а вот Айрин – да. Она клялась, что он знает, о чем говорит.

– Как его зовут?

– Не знаю. Он просил называть его Часовщиком Тактом.

– В официальных бумагах общества он тоже записан как Часовщик Такт?

Женщина нетерпеливо пожала плечами:

– Нет у нас никаких бумаг. Собrania открыты для всех желающих. И анонимны – мы используем полумаски. Я решила, что Такт какой-то мистик, многие из них любят наводить таинственность. Да и Айрин сама такая... была. Религиозная, немного странная. Она чуть ли не молилась на Часовщика. Мне этого хватало.

– Ладно. Такт хотел к драконам. Что дальше?

– Ему нужна была помощь с материалами для телепорта. В ответ он обещал взять нас с собой.

Неожиданно свет в кабинете мигнул: магические аквариумы с осомой сначала разгорелись ярче положенного, потом резко потемнели и снова зажглись. Мы с Мелиссой никак не среагировали, продолжив сидеть, как было. Мало ли какой скачок в магическом фоне? Такое случается.

Для Польни, однако, подобная перемена освещении что-то значила.

– Минутку, – попросил он у посетительницы. Подошел ко мне, наколдовал вокруг нас звуконепроходимый купол и объяснил: – Мигание – это из-за искорок, егерей Сети Знания. У ювелира Бундруми опять что-то произошло. Давай послушаем.

Я согласно кивнула.

События сегодня развивались куда быстрее, чем можно было ожидать. Причем, судя по всему, они казались скоростными не только мне, салаге Ловчего дела, но и такому асу, как Польнь: у куратора между бровей залегла глубокая вертикальная складка. И кожа у него была какого-то неестественно зеленоватого оттенка, как чешуя у белоснежных ящерок Альзаса после долгой и темной зимы.

Ловчий сделал несколько пассов руками, после чего в воздухе перед нами проявились серебристые искры.

Голос ювелира, возникший из ниоткуда, произнес мрачно:

– Моя лавка сегодня не работает, извините.

Пара секунд тишины. Потом опять голосом Бундруми, взволнованно:

– Что вы делаете?! – Затем звуки борьбы.

– Арггггrrrrxx... – Долгая тишина, хлопок двери.

После столь краткого, но выразительного фонетического концерта искорки погасли.

Польнь посмотрел время на своих волшебных часах, зачем-то выставил таймер на шестьдесят минут и тяжело вздохнул.

Я, с расширившимися от ужаса глазами, шепнула ему (хотя наличие сферы Бубри и делало шепот ненужным – сила привычки, что!):

– Его что, убили?

Куратор мрачно перевел взгляд на пол:

– Похоже на то. Так. Я сейчас отправлю туда Ишеек. Жди здесь. Никуда не выпускай Мелиссу. Она в опасности, мы должны сохранить ее любой ценой. Если что – шарахни ее чем-то тяжелым по голове. И вообще, делай что хочешь, лишь бы она не уходила.

– Есть, сэр, – кивнула я.

Польнь сделал рукой такой жест, будто брызгает водой, – и сфера беззвучно лопнула, как мыльный пузырь. Куратор, не оглядываясь на посетительницу, вышел в коридор, хлопнув дверью. Этот хлопок продемонстрировал, что Ловчий очень и очень не в духе. Я осторожно присела в свое кресло. Мелисса смотрела на меня с логичным ожиданием.

– Посидим, – сказала я как ни в чем не бывало.

Прошло несколько минут.

В кабинет вернулся мрачный Польнь: полы наряда и волосы развиваются, черные брови сведены так сильно, что почти превратились в единую линию. Он тяжело плюхнулся на свою табуретку и сурово уставился на Мелиссу:

– Что ж, дамочка, рассказывайте, в чем именно заключалась помощь с телепортом и кто, прах побери, был тот мужчина. У нас с вами двадцать минут на этот разговор, ваша задача – уложить в них всю свою историю.

Подозреваемая пожала плечами, мол, ваша воля:

– Мы помогали ему искать компоненты для телепорта. Больше ничего.

– Ладно. Вы можете составить портрет Такта?

Мелисса покачала головой:

– Нет. Я общалась с ним только в клубе, в полумасках и полумраке. Я была как бы третьей... Это Айрин подключила меня к их плану – потому что я ее близкая подруга. Такт сначала не обрадовался. Ему это не понравилось.

– Тогда почему он убил Айрин, а не вас? – в лоб спросил Полынь.

Подозреваемая вздрогнула.

– Думаю, меня он тоже собирался убить. Вчера ночью Айрин прислала мне сообщение с просьбой прийти в Посольский квартал. Мужчина позвал нас обоих на встречу, потому что для телепорта было все готово, и он хотел, чтобы мы вместе опробовали его. Но я не пошла.

– Почему?

Мелисса поежилась:

– Мы с Айрин из Лаэнцы. В нашем краю нет такой магии, как в Шолохе, но есть другие типы волшебства. Например, у меня с детства слабый дар предвидения. Ночью я поняла, что мне лучше никуда не идти. И Айрин тоже. Я сказала ей об этом, но она не послушалась и погибла. Ближе к утру кто-то начал стучаться ко мне. Зло, яростно. Думаю, это был Такт. Я испугалась и не стала открывать. Он мог бы вломиться, но соседи вышли и начали ругаться. Он ушел. Я написала всем, кто мог знать, где Айрин, но никто не знал. Получив ответ от господина Бундруми, с которым мы общались по приказу Такта, я поняла, что разумнее мне будет сдать.

Полынь задумчиво почесал нос. Затем сказал:

– Так, ладно. Что за компоненты вы искали для телепорта?

– Черную краску и багровый камень.

– А вы в курсе, вообще-то, что краской ваш Такт разрисовывал тела убитых им людей? А не телепорт делал? – вдруг разозлился Полынь.

Мелисса отвела взгляд:

– Нет. Он говорил, что и краска, и камень служат для накопления энергии... Но под конец я стала понимать, что от этого человека нельзя ждать ничего хорошего. Он был очень разумным и с неподдельным восхищением говорил о драконах, но очень уж отрешенный. И то, что он всегда молчал о подробностях, было плохим знаком.

– Ладно. Что он подразумевал под накоплением энергии? Какой такой энергии? Унни?

– Да, унни. Багровый камень может накапливать унни.

– А краска зачем?

– Краска работает как проводник. Но я не знаю деталей.

– Может, вы хотя бы в курсе, как называется камень?

В коридоре неожиданно зашуршало – тихо, но очень энергично. И мне, и всем в Шолохе знаком этот звук – звук бьющейся о дверь ташени. Обычно бумажки упорствуют так минут пять, а потом валятся без сил и раскрываются в послание.

Мелисса умолкла. Я вопросительно посмотрела на Полынь. Он с досадой ударил ладонью о колено:

– Да что же это за день такой – все как с цепи сорвались! Пусти птицу.

Я подошла к двери и открыла ее на ширину двух ладоней – этого мне показалось достаточным для того, чтобы схватить ташени. Но в кабинете, видимо, образовался какой-то сквозняк, потому что дверь резко распахнулась во всю ширь, с силой ударив меня по плечу. Я пошатнулась и отступила от неожиданности, а потом все-таки поймала птичку.

Позади меня раздался безумный треск. В изумлении я повернулась.

Госпожа Мелисса сидела на прежнем месте и в прежней позе, но уже со свернутой шеей...

– ЧТОООООО?! – возопил Полынь и вскочил с табуретки.

Я в ужасе закрыла рот рукой. Если бы не свежий поток ветра, кое-как охладивший меня в ту же секунду, меня бы, наверное, стошнило. Не знаю, как вы, но я еще ни разу не видела смерть...

– Какого пепла?! – Полынь подскочил к Мелиссе, но ее состояние было очевидным.

Бешеный взгляд куратора в мою сторону – и вот он уже в коридоре, крутит головой туда-обратно. Я, подавив дурноту, во все глаза смотрела на труп в нашем кабинете. Интересно, тут когда-то уже были мертвецы?

Полынь, бледный, вернулся обратно. Он тоже подошел к мертвой посетительнице, потом со злостью врезал кулаком о стену:

– Да будь оно все проклято! Что в твоей долбаной ташени хоть говорится?

Я, конкретно притормаживая из-за шока, развернула бумажную птичку. Прочитала и, еле ворочая языком, пояснила Полыни:

– Это секретарь с первого этажа, говорит, что в холле меня ждет один мой знакомый для разговора.

– Отлично, просто отлично, – язвительно заметил куратор. – Что ж, иди к нему.

– Может, не надо? – испуганно спросила я. – Что мы сейчас делать-то будем?

– Нет уж, спускайся, – убито сказал Полынь. – Твое присутствие, как обычно, мало что меняет.

Я почувствовала укол обиды. На ватных ногах вышла из кабинета и аккуратно пошла по коридору, стараясь не шататься. В голове раз за разом воспроизводился тот жуткий треск.

23

В стиле бедняцких кварталов

*Проблемы нужно решать, а не обдумывать раз за разом.
Тишь из Дома Внемлющих, Глава Теневого ведомства*

Каково бы же было мое удивление, когда, спустившись в холл, я увидела там статную фигуру Анте Давьера.

Шолоховский богач сидел на скамье, которая каменной лентой опоясывала главный холл ведомства, и из-под полуприкрытых век разглядывал алые полотнища гербов. Полотнища эти мерно раскачивались в высоту, перекинутые через горбатые мостики департаментов. Анте следил за ними, как пустынный кот – за караваном, бредущим вдалеке. Будто расслабленно – но только «будто бы».

Завидев меня, Анте чуть дернул уголками рта – улыбается, вестимо. Я подошла к нему не слишком-то радостно:

– Вы хотели меня видеть?

Он жестом пригласил сесть рядом. Это было проделано с таким гонором, будто речь шла не о ведомственной скамейке, а, по меньшей мере, о королевском троне на вершине мира.

Впрочем, еще вчера Анте казался мне достойным малым. Возможно, сейчас я воспринимаю все превратно из-за пережитого шока.

– Я не отвлек вас? – Давьер прижал руку к сердцу и склонил голову набок. Я поморщилась:

– Работы много, но я помогу вам, чем смогу, если дело срочное.

Предприниматель в ответ на это скорчил физиономию: втянул губы и поднял брови, после чего покачал головой, будто бы удивляясь сам себе:

– Вы не поверите, Тинави. Я пришел, чтобы проконсультироваться насчет Кадии... И того, как мне стоит вести себя с ней, чтобы она продолжала считать меня «приятным во всех отношениях мужчиной».

Я на секунду замерла. Потом тряхнула головой и с силой зажмурилась, чтобы прийти в себя – настолько эта фраза не коррелировала с происходящим сейчас в кабинете номер тридцать два.

– Простите, что?

Давьер пожал плечами и, пригладив и без того идеально уложенные волосы, улыбнулся:

– Ваша подруга мне очень импонирует. Сегодня она пригласила меня на совместный завтрак. Спонтанно. Я не успел провести надлежащее исследование и потому решил спросить вас, какие цветы лучше преподнести ей в знак своего внимания.

Во Кадия дает! Не успела получить птичку об отмене наших планов – и сразу же нашла мне замену. Ну, быстра!

– Берите лилии, не ошибетесь, – с ходу ответила я, благо знала ответ.

Вот он, звездный час всех тех самодельных анкет, которые мы без усталости заполняли в школе! «Какой твой любимый цвет», «Любимое имя», «Любимый десерт» и так далее – и ты по кругу передаешь тетрадь с вопросами, и каждый, кто не хочет мгновенно стать твоим врагом, осторожно вписывает ответы, высунув от усердия язык.

– Лилии... Спасибо. Вы мне очень помогли. – Анте с чувством пожал мою руку и встал. – Я могу и в дальнейшем обращаться к вам с вопросами подобного толка? – дипломатично уточнил он.

– Да, но лучше во вне рабочее время, – вежливо ответила я и, дождавшись, пока делец повернется к выходу, рванула обратно в кабинет.

Все это время мысли мои были там.

Впрочем, стрессовая ситуация заставила меня вспомнить еще об одном событии, память о котором до этого была вытеснена из-за чересчур активного утра...

Мальчик по имени Карл и его долбаные ночные полеты за гранью возможного. О-оу. Сегодняшний день календаря грозит быть раскрашенным в багряный цвет! Или, лучше, в фиолетовый: цвет тайн и загадок, отдающих скорее вселенской горечью, нежели развеселой интригой.

Не зря его носят архиепископы и старшие лекари.

* * *

В кабинет я возвращалась по стеночке, чуть ли не на мысочках.

Причиной тому стала громкая ругань, слышимая аж с противоположного конца коридора.

Стены дрожали от всеохватывающего баса мастера Улиуса. Когда я зашла, меня чуть не унесло обратно звуковой волной.

– Всяк сверчок знай свой шесток, Полян! Я не представляю, как начальство среагирует на такое известие – новый труп, да прямо посреди Иноземного ведомства! В «оплоте закона и правопорядка», прахом погребите эту формулировку! А докладываться, между тем, не тебе, а мне! Ты чем вообще думаешь? Ты Генералом Улова хочешь стать, а сам такое допускаешь? Ни дисциплины, ни ума не надо?! – на свой лад переиначил поговорку шеф. Он так частенько делал.

Драма, развернувшаяся передо мной, была достойна пера средневекового трагика.

Две Ищейки суетились вокруг кресла с безвременно почившей Мелиссой, чьи невидящие глаза слепо устремлялись к окну, тогда как тело было повернуто к выходу. Посреди комнаты возвышалась грозная и грузная фигура Улиуса. Глава департамента Ловчих пылал праведным гневом. Его и без того румяные щеки налились апоплексической краснотой, глаза горели. Шеф навис над Полянью и ругал его, как ругают блудных сыновей: без удовольствия, но отчаянно, на грани самобичевания. А потому особенно проникновенно.

Куратор перед лицом разъяренного начальства врубил защитный механизм: напыжился, как воробей, что было непросто при его поджарости. Чтобы казаться больше (а мы все волея-неволей пытаемся казаться больше в пугающих обстоятельствах), Полян растопырил локти и раздул ноздри, волосы его встали дыбом вместе со всеми вплетенными в них лентами и монетками. Бубенчики на амулетах предупреждающе позвякивали. Изредка куратор бросал обеспокоенный взгляд на часовой медальон. Обратный отсчет уже дошел с шестидесяти до сорока минут.

– Да хватит уже своими цацками любоваться! – взревел Улиус, рывком сорвал часы Поляни с цепочки и убрал себе в карман.

В черных глазах куратора полыхнул такой гнев, что у меня аж коленки подкосились. Впрочем, мгновение спустя Полян снова нацепил привычно-спокойное выражение лица. Только локти еще острее стали.

Меж тем, за спиной Улиуса, облокотившись о стену и скрестив на груди руки, стояла Селия. Помощница шефа едва заметно улыбалась, глядя на Полян. Кажется, ей было приятно, что его отчитывают.

Я осторожно подошла и встала подле Внемлющего. Иногда просто замереть рядом (не героически, а с вытаращенными от страха глазами – ненавижу, когда орут) – это уже поддержка.

Улиус набрал в грудь воздуха для нового залпа гнева:

– Ядрыть-колотить, Ловчий! Почему я слышу, что ты разъезжаешь по всему городу, занимаясь мелочовками, если на тебе висит такое, а?! Ты просто набиваешь себе количество выполненных дел? Халтуришь? Где подозреваемые по дворцовым убийствам?! Где свидетели?! Где, ядрена мать, версии? И не тыкай мне пальцем в свои настенные каракули, меня таким не проймешь! И то, что ты сейчас попытался уйти отсюда до разговора со мной – это тоже не есть хорошо, многоуважаемый господин Внемялющий!

Полынь едва заметно поморщился.

Хм, пока я была внизу, он попробовал сбежать? Я тяжело сглотнула. Видимо, получилось слишком громко, потому что начальник развернулся в мою сторону и в трагическом жесте протянул ко мне руку:

– Вот, Полынь, я дал тебе малька! Ты просил – и я дал! Почему она ходит за тобой, как приклеенная? Завали ее работой! Используй, екарный бабай, ее потенциал! У нее испытательный срок или что? Заруби себе на носу: я не хочу, чтобы мыши плакали, кололись, но продолжали есть шиповник! Меня такое не устраивает! С этого момента, Полынь из Дома Внемялющих, ты ни шага в сторону не сделаешь от дворцового дела, пока преступник не окажется у меня в подвалах! И только попробуй заняться чем-то другим – я тебе голову отвинчу лично, вот этими самыми руками, – грозно продемонстрировал он свои ручищи, вызывающие ассоциации с мясницкой лавкой.

Улиус продолжил громыхать:

– Не найдешь мне маньяка до появления нового трупа – никакого Генеральства тебе не будет. Я тебя вообще уволю отсюда без рекомендаций! Все ясно?

– Все ясно, – ровным голосом подтвердил Полынь. – Я заберу часы?

– Завтра заберешь!

Улиус эффектно развернулся на каблуках, вышел из кабинета и хлопнул дверью, едва не прицелив свой плащ. Селия, нарочито неспешно, по-своему грациозно, оперлась на мышиную трость и подошла к моему бедному и бледному куратору.

«Цок, цок, цок», – три шага – и она на месте.

Из переброшенной через плечо сумки для документов Селия достала стопку папок. Помахав ими перед лицом куратора, злыдня небрежно кинула документы мне.

– Я решила помочь тебе с Генеральством, Полынь. В этих папках – тринадцать новых дел, теперь они приписаны к тебе. Равно как и маньяк, равно как и слежка за приезжим саусберийцем. – Высокомерный кивок в мою сторону. – Если успеешь за десять дней все сделать – Генеральство твое. Жаль, правда, что ты не сможешь заняться этими папочками безотлагательно, ведь вещи-то важные – кое-где требуется срочное вмешательство, в том числе силовое... Ну да пошли своего малька. Думаю, ты уже научил ее всему необходимому?

– Не переживай Селия, мы разберемся, – холодно кивнул Полынь.

– Сжимаю за вас кулачки, – язвительно сообщила ассистентка Улиуса. – Пусть вся правда выйдет наружу, да побыстрее. В этом и заключается наша общая цель, не так ли?

И она ушла.

Ищейки что-то замерили, обнюхали, записали и запечатлели у трупа, а потом тоже покинули кабинет.

– Позовем коронеров забрать эту леди, – кивнул один из них на прощание.

Мы остались вдвоем с Полынью.

В Шолохе светило ярчайшее утреннее солнце – конец мая, красота. В кабинете было жарко и светло, зайчики скакали по стенам, как умалишенные. Полынь что-то уныло бормотал себе под нос. Я испуганно смотрела на труп. Труп равнодушно смотрел в окно.

Полминуты спустя я рискнула нарушить тишину:

– Что делать-то будем?

Куратор вздрогнул, как будто я вырвала его из каких-то очень дальних далей, и неожиданно гаркнул:

– Работать, что еще!

Вот она, самая несправедливая на свете цепочка – цепочка гнева! На тебя кричит начальник, потому что не выспался, потому что утром устроила скандал жена. Ты проглатываешь это, но потом срываешься на младшем коллеге. Коллега, вне себя от возмущения, все-таки соблюдает приличия и доносит свой гнев до дома. Там уже можно расслабиться, выпустить накопленное – ведь под рукой у него любимая семья... Обиженная дочь коллеги рыдает два часа в подушку, но находит в себе силы дотащить ненависть до школы, где срывается на однокласснике. И так далее. Негативные эмоции гуляют по миру, снашивая владельцев, как старые башмаки.

Знаем-знаем.

– Хорошо, Польша, будем работать, – миролюбиво согласилась я. – Если ты обрисуешь примерный план наших действий, я сделаю все возможное, чтобы тебе помочь.

Польша уже и сам утихомирился, понял, что плохим настроением делу не поможешь. Он кивнул:

– Если есть какие-то личные дела, уладь их сейчас. В ближайшие дни даже сон будет непозволительной роскошью. Ты ведь понимаешь, что это тебе предстоит добывать мое Генеральство, да? – с напускной веселостью подмигнул он.

– Ты ведь тоже понимаешь, что это дохлый номер, да? – кисло протянула я. – Без ташени и без оружия я мало на что гожусь. Даже нормальные «мальки» вначале работают с кураторами, ну а я вообще без тебя как ноль без палочки.

Польша нахмурился:

– Ну знаешь, Тинави... Если ты рассчитываешь на карьеру в ведомстве при том, что останешься на своем нынешнем уровне знаний и умений, да еще под моей опекой – это зря. Хочешь работать тут – учись, причем в твоём случае – куда усерднее, чем остальные.

– Как? У меня нет магии, забыл?

– Да к праху магию. Нет связи по ташени – таскай с собой двух голубей.

Я отчеканила давно заготовленное возражение:

– Заметят, спросят, выяснят правду, выгонят.

– А ты скажи, что это семейная традиция. Или социальный эксперимент – «месяц без ташени». Или, прах побери, тебе просто не нравятся бездушные бумажки, голуби куда романтичнее. – Польша пожал плечами. – Да и никто тебя не спросит: в ведомстве всех интересуют только они сами. Разве что Селия любопытничает, но она и так не на твоей стороне, поэтому ей просто не отвечай. Заранее волноваться о вещах, которые могут и не произойти – это простейший способ испортить себе жизнь. И вообще, насколько я помню, у тебя есть некто Марах. Это что за зверь?

– Филин.

Польша с чувством покрутил пальцем у виска:

– У тебя есть филин, и ты не посылаешь его с записками? Да у нас половина департамента с совами ходит, просто так, шика ради.

– У Мараха жуткий характер, – покачала я головой. – Он не умеет носить письма.

– Позови Шептуна, мигом перевоспитают твою птичку. – Польша смотрел на меня изумленно. – У тебя что, хобби такое – препятствия придумывать? Ты в курсе, что продуктивность – это умение не делать из мухи слона? Видишь проблему – идешь и устраняешь, конец истории. Если с наскоку не получается, делишь ее на части. Элементарно.

Я поежилась. Странно. Мне всегда казалось, что я нормально живу и последовательно действую. Но случай с филином Марахом действительно был по-своему показательным...

Я вздохнула:

– А что насчет оружия?

– Так, в школе все проходят либо магическую, либо военную подготовку. У тебя какая была?

– Магическая!

Полынь задумчиво поскреб подбородок.

Я повеселела оттого, что это проблему он не может решить с полпинка, как предыдущую.

Как будто куратор не помочь пытается, а насильно выковыривает меня из уютнейшей ракушки навстречу холоду и тьме океана. В свое время я почитывала книжки по психологии, в том числе про «зону комфорта», и самоуверенно думала, что меня подобное не касается. Сейчас же я воистину поразила тому, что моя зона комфорта заключалась в том, чтобы быть беспомощной магической калеккой, помогите мне, пожалейте меня... Иначе почему я так противлюсь? Ой-ой-ой. Нехорошо.

Полынь пожал плечами:

– Ладно, магическая так магическая. Но ведь оружие ты в руках умеешь держать? Меч? Лук? – Я лишь качала головой, и Полынь с внезапно вспыхнувшим азартом ахнул: – Может, троллю секиру?!

– О боги небесные, нет, конечно! Как ты себе это представляешь? – Я рассмеялась. Потом признала: – Зато я круто играю в тринाप.

Куратор воодушевился:

– Прекрасно! Теперь понятно, почему ты так метко швыряешься золотыми яблоками. Советую отныне не стесняться брать с собой пару булыжников на дело. А в твоё обмундирование мы включаем биту и лассо.

Лицо у меня вытянулось. Полынь прыснул:

– Будешь у нас хулиганистая Ловчая в стиле бедняцких кварталов. Нулевой уровень героики, ну да все мы с чего-то начинали. Без шуток, практически любого врага можно сбить, заарканить и потом вырубить битой. Так что ты укомплектована. Что дальше? Наручники? Я выдам тебе обычные, не магические. Еще проблемы есть, напомни?

Я в этот момент все еще представляла себе картину маслом: то, как я хожу по городу с прицепленными на ремень битой и веревкой, камни оттягивают карманы, на плече обделавшийся с непривычки Марах, в глазах – стыд и ужас. Полынь правда думает, что это не вызовет вопросов?

– Наверное, на этом все, – прикинула я. – Правда, если мне опять встретится Ходящая, я ее таким набором не одолею...

Куратор отобрал у меня принесенные Селией папки и поудобнее устроился среди подушек.

Он пролистывал документы, быстро пробегая их глазами:

– Не бойсь. Тут все довольно заурядно, хотя и муторно.

– Когда мы ехали регистрировать смерть Джи Бастерса, то тоже так думали, – проворчала я.

Внемлющий строго покачал головой:

– Все, Тинави, сеанс психотерапии на сегодня закончен. Садись за стол и готовься писать. Нам надо проанализировать новую информацию по маньяку и сформировать список задач на ближайшие два дня.

Я повиновалась. А что было делать?

Я протиснулась мимо трупа (небеса, когда там уже коронеры придут?!) и послушно устроилась за столом. Куратор, сидя на подоконнике, закинул согнутую левую ногу на правую и беззаботно покачивал ступней.

Кажется, маленькая победа над моей неприспособленностью к самостоятельным действиям приободрила его. Так всегда и бывает: если навалилась куча жутких дел, попробуй

решить хотя бы одно, самое простое, и оптимизм вернется. А вместе с ним и силы для грядущих подвигов.

Жизнь на удивление проста и приятна для тех, кто не боится действовать.

Прах побери... Мне кажется, или я только что процитировала Мелисандра Кеса?

* * *

Несколько торжественных ударов гонга раздалось в главном холле Иноземного ведомства и, поблуждав по этажам и коридорам, достигли нашего кабинета.

– Польшень? – негромко окликнула я коллегу. – Это что?

Где-то за высоченными стопками бумаг послышалось недовольное кряхтение.

– Время обеда. Я и забыл, что ты первый раз сидишь в кабинете. Этот гонг каждый день бьет. Давай сделаем перерыв.

Я попробовала встать и чуть не рухнула: ноги совсем онемели.

Последние несколько часов мы работали с документами, сидя на полу. То и дело к нам прибегали архивариусы и приносили все больше бумаг. Периодически куратор отправлял в долгий полет веселеньких ташени. Иногда в качестве ответа они приносили голосовые сообщения отправителей очень разного характера: «Польшень, ты меня достал! Приходи и спроси сам!», «Сэр, все будет сделано в кратчайшие сроки, сэр», «Восемнадцать, четырнадцать, три нуля, беззаботность, тринадцать. Винца перед сном?».

И, конечно, мое любимое: «Да, малышулька моя, обязательно!»

Над этим я громко поржала, но куратор отказался как-либо комментировать записку. Хотя я уговаривала его очень долго. Даже журналисты «Вострушки» могли бы позавидовать моему упорству.

Польшень, кажется, был апологетом хаотического изучения материала. Куратор делал все и сразу, причем, пока он подписывал левой рукой распоряжения, то правой успевал смешивать себе какой-то ядерный порошковый коктейль. Судя по запаху – снова лекарства. Я постепенно перемещалась поближе к открытому окну, чтобы дышать свежим воздухом, а не этой бешеной смесью меда и эвкалипта.

К двум часам пополудни мне начало казаться, что моя голова неминуемо лопнет от обилия информации. Я путалась в делах, уликах, адресах и чужестранных именах. По просьбе куратора прикрепляя на его пробковую доску бумажки и соединяя их ниточками, я в какой-то момент дорудокодельничалась до того, что обвела саму себя как главную подозреваемую по дворцовым убийствам...

В общем, обеденный перерыв был очень кстати.

– Лучший отдых – смена деятельности, – провозгласил Польшень, зевая и потягиваясь. – Поэтому мы с тобой идем гулять к стоянке кентавров. По дороге подводим промежуточные итоги, и дальше ты отправишься в самостоятельное плавание. А я вернусь в эту бумажную преисподнюю.

Перед выходом мы также заглянули в арсенал ведомства, где я от души повеселила дежурного гнома, попросив выдать мне биты и лассо.

– Милочка, твои вкусы пришлись бы по душе моему прадеду! – ощерился гном. – Он был неотесанным горняком и относился к людям, как к скоту.

Я кисло улыбнулась, прицепляя свое «недооружие» к ремню. Польшень ободряюще похлопал меня по плечу и вручил дополнительные радости: наручники, имаграф и две бутылочки с какой-то белесой жижей внутри. Я распихала это по карманам и мгновенно превратилась из цивилизованной горожанки в странного бомжеватого туриста.

– Ты только смотри, не падай с этими бутылочками в кармане, – предупредил Польшень. – А то нехорошо получится.

– А что это?

– Зажигательная смесь. Без магии. Разбивается и взрывается. На тот случай, если бита и аркан все же не помогут.

Гном зловредно захихикал, прикрывая рот волосатым кулачком, а я поперхнулась:

– Ты хочешь, чтобы я таскала в кармане взрывчатку?

– Мое дело предложить, а там сама решай.

Я вынула бутылочки, сняла с шеи шарф и обмотала их тканью. Так надежнее. Но в карман не влезет.

– А у вас есть рюкзаки? – со вздохом обратилась я к арсенальному гному.

И пошло-поехало... Как только у меня появилось дополнительное место, куда можно было класть вещи, этих вещей стало в три раза больше, чем планировалось. В бесформенный холщовый рюкзак веселенького желтого цвета перекочевал выданный Польшью инвентарь, потом кое-что из ранее запихнутого в летягу.

Но место еще оставалось, и добрый куратор не мог позволить ему пропасть даром. Так что вскоре моя переносная коллекция пополнилась перочинным ножом, гербовой бумагой ведомства, печатью с именем Польшы из Дома Внемлющих, лупой, листком с адресами основных информаторов, набором для снятия отпечатков пальцев, пустыми папками с горделивым профилем ястреба и банкой с болотными огоньками на случай, если меня застигнет темная ночь в лесу.

В общем и целом, рюкзак оказался больше меня. Польшь критически его осмотрел и, с тяжким вздохом сняв с шеи амулет из косточек, подвесил к лямке:

– На удачу, – пояснил куратор.

* * *

А сейчас – краткий конспект наших «убийственных» рассуждений – специально для вас. В случае с маньяком оказалось несколько возможных путей расследования.

Во-первых, информация о «багровом камне». Мелисса сказала, что этот камень умеет накапливать энергию. Что ж, надо связаться со специалистами и определить конкретный сорт минерала, а потом отследить его продажи в Шолохе за последние полгода. В кабинете я составила список из пяти самых влиятельных минералогов столицы, и к ним уже полетели легкокрылые ташени.

Во-вторых, тело на льдине Рейнича. Его покрывали символы, выполненные черной краской. В отличие от рисунков на трупе Олафа Сигри, эти читались. Польшь выдал Андрис Йоукли имаграф с изображением трупа и отправил ее в Башню магов: пусть проведут анализ и объяснят нам, что это такое.

– Я бы хотел понять, что это за язык и к какой магической школе относятся формулы, – пояснил Польшь. – Возможно, это даст нам подсказку о личности преступника.

В-третьих, обе наших усопших состояли в королевском Обществе по Сохранению Исчезающих Видов. Нужно было опросить людей – на эту задачу отправилось еще двое Ищеек.

Ну и четвертая зацепка: тайна убийства, произошедшего прямо у нас на глазах.

Я сразу же прицепилась к Польшы с вопросами именно на эту тему и давила на один и тот же аргумент все утро:

– Польшь, только вчера после поимки Габриэль ты рассказал, что у Ходящих есть сверхспособности. В частности, умение телепортироваться. И вот сегодня Мелиссе сворачивают голову в нашем присутствии. Может, наш маньяк – Ходящий? Хлоп туда, хлоп сюда – и готово!

– При телепортации человек становится видимым, Тинави. Ты разве кого-то видела?

– Нет... Но я почувствовала дикий, дичайший сквозняк.

Польшь цокнул языком. Я всполошилась:

– Что? О чем ты недоговариваешь? Еще одна суперспособность Ходящих?

Куратор помедлил, прежде чем неохотно ответить:

– Да. Так называемое Скольжение – быстрое перемещение в пространстве.

– Тогда наш убийца точно железнолицый! – возликовала я.

Однако, к моему разочарованию, Польша отрицательно покачал головой:

– Сомневаюсь. Во-первых, мокрой землей не пахло, а это довольно сильный аромат, как ты и сама поняла на ферме. Во-вторых, по другим параметрам получается, что у нашего маньяка нет вообще никакой магии, не то что сверхспособностей – голуби, строительство ледяного моста...

– Может, их на самом деле двое? Один лошара, второй супергерой?

– Может быть. Но странно тогда, что всех ритуальных жертв убивал «лошара», как ты выразилась, а вот «обычных» людей – супергерой. А еще есть «в-третьих»: если б это был Ходящий, я бы засек, поверь. Натренированный глаз – мой натренированный глаз – уловил бы некий призрак в воздухе. А так... Только сквозняк.

– А где это ты натренировался? – сощурилась я.

– Потом как-нибудь расскажу.

После этого мне так и не удалось ничего вытянуть из Польши.

На стоянке, пока дежурный администратор пытался найти для меня Патрициуса («Да, он где-то тут, дамочка, сейчас найдем. Хорошая новость – у вас теперь скидка на проезд, как у постоянного клиента. На счет ведомства записать?»), Польша вдруг снова решил пообщаться:

– Так. Значит, план такой. Ты сегодня решаешь эти два дела. – Он протянул мне ярко-красную и ярко-фиолетовую папки, чьи цвета означали срочность. – Про фонарщика и забастовку тилирийцев. План действий мы уже обсудили, помнишь его?

– Помню.

– Отлично. Закрой их сегодня. Завтра утром, перед ведомством, загляни к Лиссаю. Пспрашивай про эффект краски, вдруг что интересное расскажет.

Я вскинула руки с воплем «Ура!». Польша фыркнул.

– Дальше. Мы тебя, конечно, снарядили, но я советую тебе взять кого-то с собой сейчас. Хочешь, Андрис тебе пошлю, как она освободится?

– А я могу взять с собой человека из другого ведомства? Или тайна следствия и все такое?

– Кадию, что ли? – угадал прозорливый Польша.

Я кивнула.

– В качестве поддержки можешь. А вот разговаривать со свидетелями она не имеет права.

С противоположного конца двора к нам шагал Патрициус. Кентавр беззаботно насвистывал и плел из ромашек венки. Я помахала ему, в который раз поразившись, что можно работать на такой жуткой должности и быть таким оптимистом.

– Привет, Патрициус, – улыбнулся Ловчий кентавру.

– Добрый день, Польша! Привет, мадам! – осклабился перевозчик. Зубы у него были огромные и белые.

Лошадиные, немудрено.

– Куда сегодня, мадам?

– Для начала в Военное ведомство. Там подберем одну леди, а дальше – за город. Ты угонишься за лошадь, у которой в предках – эх-ушкье?

Патрициус вылупил глаза. Польша с сомнением изогнул бровь.

– Эх-ушкье, мадам? Не очень добрый нрав должен быть у этой кобылки! Но угонюсь. Даже обгоню, если попросите.

Я вспомнила, какую невероятную скорость умеет развивать Суслик Кадии, и решила, что не стоит допускать соревнования. Патрициус, как я успела понять из наших разговоров (ибо эпоха «молчаливого мастера» быстро канула в небытие), был азартным дядечкой, а я меньше

всего на свете хотела пасть смертью храбрых оттого, что мой перевозчик споткнется о какой-нибудь корень или не сможет перепрыгнуть канаву.

Мы попрощались с Полюнью:

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне еще о Ходящих. И держал в курсе дела о маньяке, – заявила я куратору, по-детски ухватив его за рукав.

– А я хочу спать, есть и плавать в бассейне, – пожал плечами он. – У наших желаний есть кое-что общее: они не сбудутся, пока мы не выполним задачи на сегодня. Так что принеси мне два готовых дела, тогда и поговорим. Удачи.

24 Ойка

*Лучшая подруга – это служба новостей, личная армия, винная лавка и персональный лекарь в одном лице.
Приписывается хранительнице Дану*

Официально рабочий день стражей длился до шести вечера, не считая дежурств. Но Кадия обладала уникальным правом на свободный график, ведь она была одним из самых эффективных сотрудников департамента.

Хоть и ненавидела свою работу до глубины души – что, кстати, являлось ее Страшной Тайной номер два. И главнейшим разочарованием взрослой жизни.

Наша блондиночка с малых лет мечтала о том, как она станет бравой воякой, эдакой великолепной девой-защитницей на бронированном коне, героиней волшебных сказок. Будет уничтожать чудовищ и спасать королевство от вселенских опасностей.

Но Кад промахнулась с мечтами. Оказалось, что стражи – это просто грубая сила, призванная содержать повседневный город в относительном порядке. Романтики в этой работе – ноль.

Дополнительной проблемой стали коллеги. В департаменте Стражи Кадия была единственной знатной женщиной. Для большинства шолоховцев нет разницы, Дом у тебя или просто фамилия, но семья Кадии больно уж влиятельна, а сама подруга привыкла щеголять в дорогой одежде и всегда могла похвастаться той степенью глубочайшего самоуважения (не путать с гордыней), которая отличает «принцев крови».

В общем, коллегам Кадия не нравилась, а они не нравились ей. Конфликты вспыхивали каждый день.

– Мужланы, грубияны! – возмущалась Кад. – Я думала, это я – «человек из народа»: люблю сильное слово, ценю решения, элементарные, как кирпич, могу засунуть обидчику голову в задницу и пить абсент из горла. Я гордилась этим, но нет! Это вот эти петухи неоципаные по-настоящему просты. Просты, как амеба, и чтоб мне икалось, если вы в этом услышите комплимент!

Впрочем, Кадия никогда не жаловалась всерьез. Есть люди, которые любят сгущать краски, когда у них все плохо, и кайфовать от того, что им сочувствуют. А есть те, кто стыдится, потому что жалоба – это в первую очередь слабость, знак того, что у тебя не все под контролем. Кадия из таких.

Поэтому вместо того, чтобы попросить папочку Балатона найти ей непыльную должность в другом министерстве, Кадия сжала зубы и стала пахать.

Ее тактика заключалась в том, чтобы изо дня в день, из раз в раз доказывать – она незаменима. Незаменима для этого прахова департамента.

Кадия охотно брала на себя самые жесткие районы для обхода – и в самые неурочные часы. Брала занудную бумажную работу, которую большинство стражей игнорировали. С удовольствием проходила все подряд курсы повышения квалификации: верхушка Военного ведомства требовала, чтобы хотя бы один страж каждый месяц улучшал свой навык по одной из десяти обязательных дисциплин. Рассчитывали, что, таким образом, у стражей появятся «специализации»: кто-то из месяца в месяц станет развивать рукопашный бой, кто-то – владение мечом... И так, потихоньку, весь департамент «подрастет».

Но оптимистичное начальство просчиталось. Часы, потраченные на учебу, засчитывались в стаж, однако... не оплачивались. Соответственно, желающих учиться не было. Кроме Кадии.

Поэтому именно она проходила по десять курсов в месяц. И быстро выяснилось, что учение – свет, школьные учителя не лгали. «Куколка на страже», как дразнили Кадью, однажды вызвала на дуэль лучшего фехтовальщика ведомства (за какое-то очередное оскорбление) – и наголову его разбила, унизив перед всеми.

Теперь Кадью не любили еще больше, но побаивались. Выдали пару стражей в подчинение, выделили дворцовый остров для патрулирования и разрешили строить график, как хочется. Например, внезапно уходить посреди рабочего дня...

На что и был мой расчет.

* * *

Мы с Патрициусом подъехали к приземистому зданию Военного ведомства.

Стражи, хмыкая и переругиваясь, шатались по узким, душным коридорам. У большинства были зверские физиономии людей, к которым еще тысячу раз подумаешь, прежде чем обратиться за помощью. Даже если тебя грабят или убивают. Себе дороже! Видимо, это такая специальная политика, чтобы стражей не дергали по чем зря. Вообще не дергали. Пока поздно не станет.

Привратник объяснил мне, что «эта бабенка» на «очередных обучалках». Потом с протяжным вздохом, предварительно смачно сплюнув на пол, пошел провожать меня на тренировочный плац, спрятанный в подвалах ведомства.

Прежде чем попасть туда, мне пришлось долго ждать, пока привратник, согнувшись в три погибели, сможет отпереть дверь.

Здание военных – очень старое, самое старое в Верхнем Закатном Квартале. Оно низкое, набычившееся, как черепаха, и, если честно, мало подходит для работы, так как его строили горные гномы. Горняки честно сделали высокие потолки, но... додумались расположить все штуки вроде подоконников и дверных замков на подходящем им, карликам, уровне. То есть ниже нормы раза в полтора. Еще и автоматически захлопывающиеся при закрытии – как это почему-то принято у гномов.

Прикинув стоимость ремонта, государство решило, что «и так сойдет».

Теперь по своему департаменту стражи ходят с огромными связками ключей и сторбившись.

– Хей, Кад! – Пригнувшись, я прошла на плац.

Подруга стояла в тридцати шагах от тренировочного чучела и загоняла ему в сердце стрелы с лиловым оперением – одну за другой. Очень технично. Я аж залюбовалась.

«Добив» колчан, Кадия обернулась:

– Хей-хей! Ты же писала, что у тебя аврал?

Я кивнула в сторону шикарного букета белых лилий. Они, погруженные в не подходящее им жестяное ведро, презрительно кривили лепестки.

– Ну да. А потом я возревновала тебя к этому красавчику Давьеру и решила все-таки встретиться. Он занял мое место на завтраке, но я не позволю ему украсть еще и вечер.

– О, лунолика Тинави, хозяйка заблудших иноземцев, ты что, спасаешь меня из этого оплота вони и скудоумия? Я знала, что ожидание мое будет вознаграждено, но не знала, что награда будет столь великолепна! – Придуриваясь, Кадия закатила глаза и молитвенно сжала руки на груди.

– Нет, мне очень жаль, но я беру тебя в рабство. А заодно и Суслика. Заставлю тебя драться со всеми монстрами на моем пути, но не позволю ни с кем разговаривать. Таковы правила хозяйки заблудших иноземцев. Сойдет?

– Не так ты хороша, о великая, как мне показалось в моем минутном ослеплении. – Кадия цокнула языком.

Потом подруга шустро упаковала лук, повыдергивала из чучела стрелы и, зажав многострадальный букет под мышкой, уже нормальным тоном добавила:

– А мороженого купим? Если да, то я согласна. Рабство так рабство. В хорошей компании и не на такое пойдешь.

* * *

Наш путь лежал на запад Шолоха, в поселение под названием Сонные Ивы. Именно в этом глухом, позабытом богами предместье жил персонаж из моей папочки – из «дела о фонарщике», как окрестил его Полынь.

Задача была плевая – задокументировать жалобу ремесленника на ухудшение условий труда. Обычно такими вещами занимаются гильдии, но гильдии осветителей в Шолохе нет. Печально, кстати: уж чего-чего, а всевозможных фонарей у нас выше крыши. Знали бы вы, как темен без них лес! Сплошной слепой кошмар. Но гильдию так и не собрали. Так что все вопросы решают либо Смотрящие, либо Ловчие.

Дорога заняла минут сорок, и все они были чистейшим наслаждением.

Дремучий бор, кишмя кишасий волкодлаками, кабанами и богомолами размером с младенца, в мае кажется очаровательным местечком. Цветущие пролески так и манят свернуть с тракта и устроить привал, утонув в пении птиц и чарующем аромате земляники.

Зимней ночью в этих краях темно и зловеще: люди стараются попусту не путешествовать. Но сейчас – квинтэссенция удовольствия! Так и ждешь, что из-за дуба вырулит прелестная дриада с лесными дарами для избранных, а потом травяные феи пригласят спуститься в подземное царство для вечной праздничной пляски.

Мы не поддались соблазну отдохнуть и продолжали двигаться к цели: Кадия, щебеча и сплетничая, Патрициус – напевая что-то вполголоса, и Суслик – с той невероятной и беспричинной ненавистью в глазах, которая является отличительной чертой этой тварюги.

Патрициус, кстати, как увидел внучку эх-ушкье, так сразу и передумал соревноваться на скорость. Типа «забыл». Ага, конечно. Знаем мы такую технику!

* * *

Фонарщика в Сонных Ивах мы нашли сразу.

Поселение было крохотным, полностью умещалось в излучине реки, и дом ремесленника торчал посередине, как драгоценная шкатулка на пыльной полке.

Во дворе росло два дерева ошши – крепкие оранжевые плоды слегка мерцали даже при дневном свете. Помимо них, на ветках висели разнообразные осветительные приборы: фигурные аквариумы с осомой, невероятной красоты бумажные фонари, голубоватые магические сферы, керосиновые лампы и витиеватые подсвечники. От дома к забору было протянуто несколько гирлянд, на которых крепились банки с болотными огоньками. Участок господина Рили, нашего жалобщика, переливался всеми цветами радуги.

Мы с Кадией восхитились этой красотой, припарковали «транспорт» у ворот и зашли внутрь.

– Господин Рили, здравствуйте. Меня зовут Тинави из Дома Страждущих. Я приехала по поводу заявления об ухудшении условий труда, – представилась я.

– Наконец-то! На-ко-нец-то! – Из-за прилавка выскочил невысокий человек с клочковатой седой бородой.

Насколько мистическим казался его мерцающий магазин, настолько же прозаично выглядел сам Рили. Нос крючком, волос торчком, шишковатые пальцы, привыкшие к труду. Фонарщик злобно сплюнул:

– Сколько можно ждать, а?!

– Прошу прощения, но ваши документы передали только сегодня. Как только появилась возможность, я отправилась к вам, – извинилась я максимально обходительно.

Так уж сложилось, что в нашем обществе не слишком позитивно относятся к любым госслужащим. Я по мере сил стараюсь исправить это улыбкой и вежливостью, но работает не всегда. Наверное, лет через десять надоест – стану злыдней...

Господин Рили посетовал на «вечную нерасторопность чинуш» и наконец-то разъяснил суть проблемы. Мы с Кадией слушали его, и лица наши вытягивались.

– Вот уже долго, очень долго! Гномов крадут. Крадут моих гномов, и все отнекиваются, отмалчиваются, – сурово говорил фонарщик. Тон у него был такой, будто он нас отчитывает, а формулировки требовали особого внимания.

Рили продолжал:

– Ночь тогда была, я спал. Потом – грохот с улицы. Думаю, дай выйду. Вспоминаю – волкодлаки! Нет, не пойду, рассвет, тогда уж да. Проверил – ох, не привиделось! Лейку мою уронили, бельевую веревку сорвали, тюльпаны вытоптали. Ну, бесстыжий ребенок! Ребенок жуткий! И пошло-поехало, как медом намазали. Крусты пришли. Ундины в речке плещутся, от работы отвлекают. Беседочный увалень – как же он мешает. Что учудил, гаденыш! И гномов всего жалче, так я их любил, как детишек малых, радость моя садовая, все почти сгинули. Живые, не живые, все ж свои, да.

Я нахмурилась. Потом взяла пятисекундную паузу, дабы осознать услышанное, и уточнила:

– Я правильно понимаю, что вы обратились в ведомство потому, что кто-то украл у вас садовых гномов?

– Верно все, – с готовностью подтвердил ремесленник.

Мы с Кадией переглянулись. Подруга незаметно для Рили свела глаза к носу и изобразила свист. На ее тайном языке это означает «он свихнулся!».

– Расскажите подробнее об исчезновениях, – вздохнула я. – И о погроме.

Следующие пятнадцать минут Рили разглагольствовал. Основная картина была такова: два месяца назад некий ребенок разгромил участок фонарщика, после чего в Сонных Ивах резко увеличилось количество магических существ. Затем стали исчезать гномы. Рили учинил допрос соседям, но они только крутили пальцем у виска и отнекивались. Одна лишь местная ведунья согласилась с фонарщиком, что магических тварей вокруг стало «шибко много, хозяйскую руку чувят». Но, что касается исчезновения гномов, ведунья заявила, что «вот оно и слава небу, страшны больно были». После чего захлопнула дверь перед длинным носом Рили.

– Вот эти тюльпаны тоже испортил, – пыхтел фонарщик, выведя нас на экскурсию по местам ночного безобразия. – Мерзкий, мерзкий ребенок!

– Что за ребенок-то? Может, он ваших гномов и украл? – безмятежно вклинилась Кад. – Вон вы как про него. А дети чувят нелюбовь...

– Нет, он не мог, он спал, – затряс головой фонарщик. – А потом исчез! И даже не заплатил! Но меня бы устроило, если б заплатил – я б даже вас не вызывал тогда!

Я поняла, что совсем запуталась:

– За что не заплатил?

– За разрушения. Вот, показываю же – тюльпаны вытоптал...

– Он же ребенок, как бы он вам заплатил?

– А как в моем сарае два месяца дрыхнуть, так без проблем?!

– Ребенок проспал в вашем сарае два месяца? – удивилась я. – А как отнеслись к этому его родители?

– Да какие родители, милочка! – вознегодовал фонарщик. – Ребенок не пойми откуда взялся, посреди ночи! Я об него поутру споткнулся! Откуда нашкондыбал, малолетка, хрясько его знает! Но припер же ж! И началось! Ундины плещутся, крусты бесятся...

– Увалень шалит, да, я поняла. А с ребенком что?

– Ничего. Спал без задних ног, гаденьш. Я его когда нашел – он уже спал. На сене. Я все ждал, когда проснется. Ремень на двери на крючок привесил, дай, думаю, уму-разуму научу. А он спит и спит, спит и спит, зараза малолетняя. Два месяца! Неделю назад – оба-на! Исчез. В ночь бокки-с-фонарями то было. Вот я тогда в ведомство и обратился! Думал, так-то он мне гномов возместит!

– Покажите сарай, господин Рили, – попросила я, чуя, как странно пересохло в горле. – И опишите того ребенка.

Мы прошли в сырое, темное помещение, где догнивало – видимо, с прошлого года, – желто-ржавое сено. Я приняухалась – и мне почудился слабый, но все же уловимый запах древесины и перца...

– Ну ребенок такой... Ну ребенок! Башка круглая, глаза голубые.

– Одет во что? – рявкнула Кад.

Кажется, ее мучили те же смутные догадки, что и меня.

– Да грек же ж его помнит... Белое что-то... Комбинезон, что ли, какой-то... Как у строителей...

Я оперлась о деревянный косяк. Кадия ахнула.

– И что, он беспробудно спал два месяца? – уточнила я.

Господину Рили, кажется, сильно не понравилось, что фокус нашего внимания сместился на мальчишку.

– Ау! Гномов искать-то будете, девушки? – Рили упер сухие, как у мумии, руки в боки.

Мы с Кадией переглянулись. «Потом обсудим», – беззвучно произнесла я.

Пожав плечами, подруга вышла из сарая. Я за ней. Потом я посмотрела в сторону реки, чья синяя гладь разливалась прямо за домом, и уточнила:

– У вас садовые гномы маленькие такие, сантиметров сорок в высоту, в ярких одежках, да? С большими глазами и в шапочках?

– Все гномы такие, милочка, – заворчал фонарщик.

– И после той ночи, говорите, в поселке объявилась куча магических существ?

– Да.

– Отлично. Думаю, мы вернем вам фигурки.

Я жестом поманила Кадю за дом. Подруга была заинтригована. Мы подошли к реке.

– Кад, ты помнишь, что такое ойка?

– М-м-м, смутно. Какая-то зверушка?

О да, немудрено! В годы учебы Кадю интересовало только три дисциплины: стрельба из лука, боевые искусства и придворный этикет. Орлин стонал от такой безалаберной послушницы, но терпел. Очень уж добрая всегда была девчушка. Да и чеки от Балатона приятно радовали старого мастера.

Я скороговоркой прочитала лекцию:

– Ойка – проказливый водяной дух. Утаскивает детей под воду и бесконечно играет с ними, шантажируя возможностью дышать. Если ребенок отказывается играть, пиши пропало: ойка отнимет у него пузыри с воздухом. Больше суток это обычно не длится: либо ойка наиграется и отпустит дитяtko, либо он утонет, если оказался слишком упертым и родителями вовремя не наученным. Во втором случае ойка его с удовольствием сожрет. В общем, есть у меня подозрение, что ойка пришла сюда наравне с другими существами. И за неимением детей начала таскать в реку садовых гномов – они ведь похожи на малышню.

– А гномы все не играют и не играют, гады такие, – воодушевилась Кадия. – И на воздух им по барабану, врединам. Представляю себе негодование бедной ойки!

– Вот-вот. Целую компанию уже собрала, а они не игривые и не мертвые, прямо ни рыба, ни мясо. А если ойка попробовала закусить кем-то – зубы небось о деревяшки поломала. Как бы нам проверить эту теорию?

Кадия с хрустом почесала затылок и развела руками:

– Ну, если ты напомним мне заклинание, я могу сделать себе водяной пузырь и спуститься на дно.

– Отлично. Но предлагаю вначале выманить нашего духа наружу обещанием новых жертв. Будет удобнее собрать гномов в отсутствие ойки, нежели отбирать их у нее на глубине. Вдруг она тебя заклюет насмерть, защищая свой импровизированный детский сад?

– Да уж, не хотелось бы! Позорно будет, – крикнула Кад. – Лады. Давай выманивать.

Мы с Кадией долго уговаривали господина Рили дать нам еще двух гномов в качестве приманки. Слово «приманка» категорически не понравилось фонарщику! В итоге, пока я с ним спорила, Кадия исподтишка умыкнула садовые фигурки.

Согласно плану, это были девочки-гномы: ойка предпочитает женский пол. Не то чтобы у гномьей расы существует большое межгендерное различие, но мы обвязали статуэтки платочками и натерли цветами жасмина для аромата. Для ойки – самая мякотка.

Потом выставили фигуры на берег, сами спрятались в кустах и начали разыгрывать детскую беседу, визгливо хихикая и перекликиваясь:

– Люция, сыграем в прятки? – пищала я на пределе голоса.

– Обожаю прятки! Могу играть в прятки целый день! – ультразвуком отвечала Кад.

– Как же хорошо, что мы с тобой одни и никто за нами не следит!

– Да, это лучший день в моей жизни! Родителей нет, и мы можем играть в прятки хоть до посинения!

– Даже до позеленения, в цвет водорослей этой прекрасной реки! Мы так близко подошли к воде, Люция!

– Самые смелые девчужки на деревне! Обожаю прятки! – Кад с чувством прижала руку к груди.

Этот немудреный план, вопреки своей примитивности, сработал. Речная вода заволновалась, пошла кругами, и оттуда, шлепая перепончатыми лапками по песку, выбежала ойка.

Дух был похож на бескрылую птичку. У него имелись любопытные черные глазки, клюв и шерстка с мягким болотным окрасом, вдоль шеи расчерченная полосками жабр.

Высотой с мелкую собачонку, ойка скакала перебежками, будто не до конца уверенная в том, что ей стоит приближаться к намеченной цели. Наконец, эта непростая траектория вывела ойку к гному номер один. Дух раскрыл клюв, в котором мы разглядели длинные ряды мелких острых зубов, цапнул фигурку за деревянную руку и потащил к воде.

Мы с Кадией, спохватившись, выскочили из кустов и с воинственным воплем накинули на зверушку большую рыбацкую сеть.

Вот только слегка промахнулись: ойка вырвалась! Но выскочила она в сторону берега, а не в сторону реки. Нападение дезориентировало духа, из-за чего ойка начала бегать туда-сюда зигзагами, как угорелая, и тоненько верещать. Ее длинные ножки-палочки так и мелькали, шлепанье звучало все истеричнее, а глаза загорелись недобрым огоньком – кажется, дух разозлился и вскоре перейдет от план-программы «побега» к «нападению».

Мы бегали за ойкой, периодически сталкиваясь на ходу. Со стороны все это выглядело не очень-то умно.

Проблема была в том, что ойка казалась мне ну очень симпатичной. Во всяком случае, пока держала рот закрытым. Из-за ее нежной шерстки и смешного круглого тельца мне не хотелось наносить духу вред, хотя мозгом я понимала, что эта лапуля на досуге жрет детей.

В итоге, окончательно запыхавшись и решившись на крайние меры, я размахнулась битой, которую все это время держала наготове, прицелилась и ударила ойку, будто мяч при низкой распасовке. Псевдоптичка с верещанием оторвалась от земли.

– А хорошо летит! – со знанием дела оценила Кад, тоже большая любительница тринапа.

Мы со светлой печалью проводили взглядом ойку, которая, очертив в красивую дугу, исчезла в кустах ежевики. Визг духа превратился в деловитый треск: ойка ломала ветки, стремясь наружу.

– Так, Кадия, быстро! Повторяй за мной. – Я начала творить заклинание Плотного Воздушного Пузыря Кугуала. Вернее, я просто делала необходимые пассы руками и произносила слова наговора. А вот подруга, копируя это, сумела подчинить себе унни и добилась практического результата. Эх.

Сняв доспех, блузку и штаны, шутливо отдав честь, Мчащаяся в одном исподнем потопала в воду. Я стояла на страже, вооружившись рыболовной сетью и битой (начинаю ее любить!), и внимательно следила за кустами ежевики в отдалении. Если ойка выберется, нас с ней ждет второй тайм.

Но водяной дух решил не возвращаться к столь недружелюбным людям. Треск прекратился, сердитое шлепанье и криканье направились в противоположную от нас сторону. Даже жаль.

Вскоре Кадия с успехом вытащила из реки всех гномов господина Рили.

Мы взяли с него расписку о том, что он удовлетворен качеством выполненной работы и благодарит Иноземное ведомство за помощь, а потом, шикая друг на дружку и стараясь быть потише, снова отправились в сарай.

– Думаешь, это был Карл? – рискнула я озвучить вслух наши сомнения.

– Кто ж еще! – запросто согласилась Кадия.

Подруга присела возле стога сена и лениво ворошила его, надеясь, видимо, найти некую знаковую подсказку-иголку.

– Прах, два месяца, Кад! Два месяца! – изумилась я. – Так вообще бывает?

– Все бывает, даже рыба-меч рожает. – Подруга зевнула. – Вон, в корпусе Морфея же дрыхнут. И месяц, и год, если требуется. Ты сама после взрыва две недели глаз не открывала, – напомнила она и сразу испуганно оборвала себя: о больном мы стараемся не упоминать.

Но я лишь отмахнулась.

– Да, но там сон – это контролируемый лекарями процесс: больным вводят витамины в кровь и все такое. – Я задумалась. – Хотя мысль о том, что Карл пытался излечиться, мне определенно нравится. Ты знаешь, в нем есть много странностей, и я не удивлюсь, если...

Дверь сарая со скрипом распахнулась.

– Ах вы шальные хрюндели! – яростно возопил господин Рили, срывая с крючка припасенный загодя ремень. – Обокрасть меня вздумали?! Заодно с мальчишкой, плутовки эдакие?!
Подпрыгнув от неожиданности и дружно решив, что фонарщик невменяем, мы с воплями выскочили в окно и, хохоча и спотыкаясь, пробежали стометровку до лесной опушки.

Не слишком-то спортивный Рили сразу же отстал от двух светил тринапа.

Патрициус и Суслик ждали нас на пестрой прогалине, усеянной звездочками незабудок. Каково же было мое удивление, когда я поняла, что кентавр с недо-эх-ушке сдружились... Патрициус что-то рассказывал, энергично жестикулируя, а Суслик, клянусь, внимательно его слушала, прядая ушами и иногда сочувственно позвякивая уздой.

Когда мы с Кадией, как заправские лихачки, попрыгали в седла, я скомандовала:

– Держим путь на столицу!

– Есть, мадам! – ответили Кадия с Патрициусом, а Суслик заржала.

Надеюсь только, господин Рили поленится вслед за похвалой отправлять жалобу... Хотя как раз таким обычно не бывает лень.

25

Дело о тихом лодочнике

Авена на рыбе, Теннет на часах, у Рэндома – карта и ключ. Селеста в ромашковом и голубом кинжалом срезает плюш. С двуручным мечом в руках Карланон, Лишь Дану с тетрадью не вижу одну. Бегу я скорее, скорее искать! Чтоб никак не успела ловушку вписать Богиня-шутница в мою судьбу! Три-два-один – и уже бегу!

Детская считалка

– Безобразие полнейшее! – Насупившийся тилириец смотрел на нас снизу вверх.

Расплывшаяся фигура мужчины формой напоминала грушу. Руки были загорелыми только до локтя, дальше, вплоть до безрукавки, царила белизна. Пугающий контраст! Впрочем, это частая ситуация у тех, кто целыми днями работает под палящим солнцем.

– Беспредел! – поддержал тилирийца коллега, который пришвартовывал лодку к пристани.

– Я немало лет живу на сффете, деффочки, но такой грехни дотоле не случалось, – уже третий рыбак вступил в беседу. Этот твердо стоял в качающейся на волнах плоскодонке и неспешно разматывал канат. Седые волосы развевались на ветру. Прямо манекенщица какая-то, а не старик!

Мы с Кадией сидели на набережной. Ступеньки перед нами спускались к воде, как на арене. Там, внизу, теснилось штук пятнадцать лодочек, в каждой из которых сидело по бородатому тилирийцу.

Лодочки эти пытались подплыть как можно ближе к нам, создав тем самым серьезный транспортный затор. Движение на реке встало. Многочисленные магретто застряли тут и там, пассажиры возмущались в голос, штурманы давили на клаксоны. Но виновники пробки игнорировали народное негодование.

Вместо этого тилирийцы бубнили и жаловались, призывно вздымали руки к небу. Те, кто был «в первом ряду», вылезали из лодок и стояли на ступеньках, уперев руки в бока. Мы с Кадией возвышались над всеми этими людьми, и, чтобы не показаться слишком суровыми судьями, активно жевали сэндвичи – так сказать, становились «ближе к народу».

Вру, конечно.

Ели мы потому, что были голодны, а сэндвичи – великолепны.

Их нам вручил магистр Орлин, которого мы навестили после разборок с ойкой и гномами – любимый наставник жил аккуратно на середине пути из Сонных Ив в столицу: от соблазна не удержится сильнейший!

Наставник был рад нас видеть и пригласил к чаю, хотя в кабинете его ждали новые послушники. Впрочем, эти олухи, наши преемники, времени зря не теряли. Не успел Магистр Орлин разлить по чашкам липовый сбор, как они обрушили на себя огромный аквариум с ядовитыми варанами.

– Эти даже хуже вас, – проворчал Орлин, заслышав грохот и вопли. – Хотя, ей-небу, не думал, что такое возможно.

Учитель привычным жестом перекинул длинную бороду через плечо (чтоб не мешала при ходьбе) и отправился восстанавливать порядок. Ходил он, сильно шаркая, и загнутые кончики красных туфель победно торчали из-под длинной мантии, расшитой звездами. Настоящий волшебник страны Грез!

Из кабинета уже слышались азартные вопли из серии «Мочи их Гистаграмусом! Вжарь по гадине Пинком Баттергарда! ААА! Беги, просто БЕГИ!!!», но Магистр Орлин не торопился.

Многолетний опыт наставничества придал ему колоссальное спокойствие и веру в то, что нет на свете ничего более живучего, чем послушники. И ничего более склонного к разрушению тоже. Так что все тип-топ.

Взявшись за ручку двери, выполненную в форме лисьей головы (подойдет чужак – лиса очерится и твякнет), наставник обернулся:

– Звезды немилостивы! Наша встреча заканчивается, толком не начавшись. Но успею подарить вам по совету. Кадия, на работе ты молодец, продолжай выдавать максимальный результат во враждебной обстановке. Отключай эмоции. Кавалер у тебя божественный, но обещаю сделать выбор в пользу друзей, девочка. Договорились? Тинави, теперь ты. Ничто не происходит просто так – и потеря магии может обернуться благословением. Держи ушки на макушке и впитывай новый опыт, как губка. Все связано. И, да. Возьмите на кухонном столе сэндвичи в дорогу. С курицей и огурцами, очень вкусные.

Окончив импровизированную речь, Магистр Орлин резким движением распахнул дверь в кабинет (вопли послушников и шипение варанов усилилось) и сразу же захлопнул ее с той стороны, отрезав нас от своего уютного наставнического мирка.

Кадия потерела уши, слегка покрасневшиеся – подруга была смущена:

– А как он так четко советы дал? Мы ведь и рта не успели открыть.

– Это же Орлин, – пожала я плечами. – У него через колпак установлена связь с горным миром.

* * *

И вот теперь мы сидели на набережной, с наслаждением поглощая вышеупомянутые сэндвичи. А жители далекой Тилирии, чьим основным промыслом была рыбная ловля, взволнованно колыхались внизу.

– Я считаю, так нельзя! Мы приезжали сюда не затем, чтобы нам было нечего ловить! – Рыбак с грушеподобной фигурой осмелел так сильно, что поднялся, встал прямо перед нами и обвиняюще ткнул Кадью пальцем в грудь. Ох, зря.

Подруга, не переставая жевать, аккуратно взяла тилирийца за мизинец и отвела его руку в сторону. Мизинец хрустнул. Тилириец зашипел и затряс рукой, набычившись, но и замолчав.

– Так, так! – я встала, чтобы сыграть роль миротворца и, заодно, стряхнуть с одежды крошки.

В бирюзовой летяге и белом платье под ней, возвышающаяся над толпой, со стороны была похожа на Селесту – хранительницу, чьи цвета были «морским» и «ромашковым», а любимым делом – толкать речи на публике. Да-да, вы правильно поняли, я сейчас нескромно сравнила себя с богиней-красоткой. Это все сила белых платьев на загорелой коже. Ну и мелисандровых комплиментов, наверное, которыми он щедро обсыпает меня в каждом отчете.

– Так, – повторила я еще раз, подпустив в голос суровости. – Многоуважаемые господа, мы с коллегой уже поняли, что вы не в восторге от ситуации. Но не могли бы вы объяснить, что именно вас не устраивает? Почему вы объявляете забастовку и просите Иноземное ведомство узаконить ее, м?

– Да потому что у нас нет рыбы! – Грушеподобный, оклемавшийся от цепкого хвата Кад, посмотрел на меня, как на тупицу. – Рыбы в реке нет! Исчезла!

– Эм, но... Вон же она. – Даже со ступенек мне были видны красные спинки раскормленных шолоховских карпов, снующих туда-сюда возле горбатого моста неподалеку. Очень уж туристы их балуют! Совсем приручили.

– Это сейчас она там, – снисходительно начал объяснять другой рыбак. – А как только придет время ловли – вся рыба и исчезнет.

– Видать, поумнела рыба, раз расписание ваша выучила, – философски пожала плечами Кадия. Я шикнула на нее и уточнила:

– И почему же рыба исчезает?

Эффект был ошеломительный! Все рыбаки разом начали ругаться, махать кулаками и хором что-то гневно выкрикивать. Прислушавшись, я с трудом разобрала словосочетание «тихий лодочник».

– Господа!!! – рявкнула я и, призывая ко вниманию, стукнула битой о землю, как посохом. – Кто такой тихий лодочник?

– Гад полнейший!

– Враг!

– Грыхень беззубый!

– Хорошо, хорошо! Вот вы рассказываете. – Я целенаправленно обратилась к седому шамкающему старцу. В любой толпе главное с ходу выбрать одного ответственного, а то порядка не жди.

Старец вытянулся во весь невеликий свой рост и гордо улыбнулся от возложенной на него миссии. На закатном солнце блеснул единственный зуб – зато очень-очень белый, особенно на фоне бронзового лица.

– Тихий лодочник – это бич фашего города. Рыбак, шифущий тут рядом, ф фосьмом доме Платановой аллеи. Как только он фыходит на ловлю, все рыбы исчезают. Они просто плафуют за ним. Огромным косяком плафуют, даже синеплафки-отфельники². Так жить нелься!

– Ты, блин, кого-то с дикцией получше выбрать не могла? – шепотом возмутилась Кадия.

Я же подумала, что сделала идеальную ставку: старец говорил так невнятно, что всем-всем лодочникам пришлось умолкнуть, чтобы суть их жалобы достигла ушей представителя закона. То есть моих.

Я деловито достала блокнот:

– Скажите, почему рыбы плавают за этим рыбаком?

– Потому фто он из Фамблы! – ликующе возвестил старец.

Я недоуменно на него уставилась:

– Фамблы?

– Он имеет ввиду Рамблу, подводную страну, – пояснил другой рыбак. – Этот лодочник, гаденыш недобитый, всю свою грекову жизнь провел среди рыбьеголовых, а теперь вдруг решил переехать в Шолох! Я не знаю, какой закон он нарушает, но какой-то точно нарушает! Нельзя просто взять и забрать себе всю рыбу! Пусть прекратит!

– Да! Пусть прекращает!

– Пусть катится отсюда!

– Долой рыбьеголовых!

Я покачала головой. Ох уж это вечное возмущенное «понаехали»...

– Я вас поняла. Попробуем разобраться. Повторите адрес, пожалуйста.

* * *

До Платановой аллеи было рукой подать. Мы с Кадией дошли за пять минут. Их же нам хватило и на то, чтобы обсудить услышанное.

Я взволнованно ждала встречи с лодочником.

На мой взгляд, Рамбла – одно из самых удивительных государств Лайонассы. Это подводный мир, раскинувшийся на дне Шепчущего моря. Пестрые одежды, лукавые улыбки, серебристый свет и смех. Движения плавные, плавные и мысли – под толщей воды хочешь не хочешь,

---

² То есть синеплавки-отшельники – очень вкусные рыбки, живущие поодиночке, что видно из названия.

а замедлишься, увязнешь в настоящем. Высшее общество, только высшее общество. Фонари освещают метр-два вправо-влево, дальше – холодная синева, изредка разрываема огоньками проплывающих рыб.

Местные жители делятся на два типа: так называемые «рыбьеголовые» (не очень толерантно, но четко отражает действительность) и блесны – с виду обычные люди, которые предпочли жизнь на дне жизни на суше. На лице блесны носят треугольные маски-фильтры, от которых во все стороны разбегаются узкие трубки. Непростая конструкция позволяет блеснам дышать в Рамбле, ведь, в отличие от рыбьеголовых, у них нет жабр. Из-за этих фильтров жители подводного царства похожи на котов: треугольный нос и щупальца-усы.

– Как думаешь, он рыбьеголовый? Или все-таки блесен? – спросила у меня Кад.

– Не знаю. Но они называют его «тихим». Вероятно, он не разговаривает.

– Значит, рыбьеголовый, – сделала вывод Кадия.

– Но как он живет на поверхности? Скорее, просто не хочет общаться с тилирийцами.

– Да уж, они экспрессивные ребята! Но я голосую за рыбу башку. Может, вечно в пузыре ходит.

* * *

Когда мы постучались в дом номер восемь, нам долго никто не открывал.

Потом отодвинулось решетчатое окошко, заскрипели замки, и дверь приоткрылась чуть-чуть, на длину цепочки. В щели показалась фигура, полностью скрытая мантией в пол. Лицо было спрятано под капюшоном. Только бледные ладони торчали из рукавов.

– Добрый день, прошу прощения за беспокойство. Я Тинави из Дома Страждущих, Ловчая. Надо обсудить с вами грядущую забастовку тилирийских рыбаков, так как в ней, если она состоится, обвинять будут вас, – сходу объяснила я.

Капюшон не ответил. Бледные руки слегка вздрогнули, а потом сняли с двери цепочку и жестом пригласили нас внутрь. В помещении стояла кромешная тьма.

Тихий лодочник, если это был он, пошел прочь по коридору, ступая беззвучно. Мы с Кадией переглянулись. Подруга пропустила меня вперед, а сама осторожно положила ладонь на рукоять меча.

Дом внутри оказался большим – и без единого источника света. Окна занавешены. Ни аквариумов с осомой, ни сфер, ни керосинок – ничего. Жутко воняло рыбой.

Впустивший нас чувствовал себя в этой темноте абсолютно уверенно. Мы же с Кадией шли практически на ощупь, хотя я честно применяла моряцкие хитрости: поочередно закрывала глаза, чтобы быстрее привыкнуть к черноте.

Наконец, капюшон открыл еще одну дверь – в кабинет. Там горела всего одна свеча, но мы чуть не ослепли на контрасте... На стене висела большая грифельная доска, на полочке под ней лежали кусочки мела.

Капюшон взял один и начал писать. Раздавшийся мерзкий скрип вызвал у меня неумолимое желание бежать прочь, но пришлось потерпеть.

– «Приветствую вас в своем доме», – прочитала я вслух. Капюшон, не поворачиваясь, кивнул, мол, молодец, так и надо. Постепенно появилась следующая строчка:

– «Что вы хотите узнать?». Для начала ваше имя, пожалуйста.

– «Ол`эн Шлэйла ин Галтерлойл». Отлично. Приятно познакомиться. Как я уже говорила – я Тинави.

– Вы рыбьеголовый? – бестактно встряла Кадия. Я молча закрыла лицо левой рукой. Ну ек-макарек! Три курса дипломатии у Орлина, и такие вопросы! Эх, подруга...

Ол`эн задумался на секунду-другую. Мелок нерешительно завис в паре сантиметров от доски, примериваясь. Потом, что-то для себя решив, чужестранец развернулся и скинул капюшон.

Ох. Хорошо, что в комнате было темно!

Тихий лодочник не был ни блесном, ни рыбаголовым. Истина оказалась посередине. Это было, в общем и целом, человеческое лицо, только вместо рта – длинная, печально изогнутая щель. Челюсть сильно выдавалась вперед, глаза были круглые, а бровей не наблюдалось вовсе. Нос как таковой отсутствовал.

У тихого лодочника не было волос, впрочем, как и чешуи. За ушами виднелись параллельные разрезы жабр.

На затылке, там, где у людей заканчивается линия роста волос, у него, наоборот, началась «растительность»: из хребта вырастали острые плавники, дорожка из которых уводила под мантию.

Во всем его облике сквозило что-то настолько жуткое и противоестественное, что у меня по рукам побежали мурашки. Удивительно. Ведь совершенно ясно, что этот полублесен не желал нам зла.

– Спасибо за наглядный ответ, – прохрипела Кад. Подруга всегда была очень чувствительной ко всяким физическим отклонениям. Меня тоже слегка передернуло, но я взяла себя в руки. Еще не хватало чураться кого-то из-за недостатков внешности! Такое простительно только полным идиотам.

– Господин Ол`эн, тилирийцы жалуются, что, когда вы выходите на промысел, все рыбы в реке плывут за вашей лодкой. Ловить их в таких условиях невозможно. Это правда?

Метис, не меняя позы, накарябал на доске короткое «ДА». Кажется, он хотел испытать нашу выдержку до конца и потому не отводил от нас пристального взгляда ни на секунду.

– Вы можете помешать рыбам следовать за вами?

– «Нет. Они чувствуют во мне покровителя».

– Но ведь, насколько мне известно, у других выходцев из Рамблы никогда не возникало таких проблем?

– «У других. Я особенный. Я – рыбий хозяин».

Я цокнула языком, вспомнив, как на днях крусты у Лазарета исходились шепотами про своего, крустова, хозяина. Что-то у всей шолоховской живности разом начался массовый приступ раболепия...

– Из-за вашей внешности? – снова встряла Кад.

Теперь я трагически прикрыла лицо уже правой ладонью. Будем чередовать! А то руки устанут, с такой-то тактичной спутницей.

– «Из-за моих предков. Начало моему роду положила любимая рыба сиятельной хранительницы, зари Лайонассы, красы мира и т. д., Авены».

Я мысленно усмехнулась этому его «и т. д.» – еще бы, обалдеешь все божественные эпитеты на грифельной доске писать! – но одновременно с тем удивилась.

– Вы хотите сказать, что вы прямой потомок... эээ... рыбы богини?

– «Да. Частица ее силы есть в моей крови. Мой народ пестует эту частицу. Рыбы слушаются меня, окружают меня, не дают мне покоя. Потому я ушел из Рамблы. Быть божеством непросто. Очень легко оступиться».

– Зачем же вы тогда выходите на рыбную ловлю в Шолохе? – Я нахмурилась. – Если вам так не нравится рыбе внимание, почему вы его добиваетесь? И другим мешаете. Нехорошо.

– «Я больше не буду. Клянусь именем своего рода. Мне нужно было найти кое-что на дне».

Дело можно считать закрытым – клятвы блесен и рыбаголовых считаются крепчайшими в мире. Но мне стало любопытно:

– А что вы искали?

– «Ответ на вопрос».

– Какой вопрос? – Я была настойчивой. Тут уж Кадия легонько ткнула меня в бок, мол, не приставай к человеку. К рыбе. К блесну. Короче, не приставай.

– «Я хотел узнать, что случилось и что случится».

– Масштабно мыслите, Ол`эн... И что же?

– «Дно не знает. Вселенная мелко дрожит. Люди не чувствуют этого, но некоторые рыбы, звери, птицы – да. Я тоже чувствую. А те, кто должен – нет. Они отвлечены, рассеяны, привыкли, что их предупредят... Тот, кто допустил ошибку, сбежал, и теперь все медленно рушится... Некому взять на себя его роль, пусть некто и старается. Но не всякой кровью заменишь кровь. Беда, если видишь опасность, но не можешь предупредить сильных. Беда, если уходит сила – сложно сохранить сердце».

– У кого ушла сила? И кто допустил ошибку? Какую кровь? – Мне вдруг стало не по себе.

Возникло ощущение, будто бы по темному помещению поплыли клубы подводного сизого ила, и от господина Шлэйлы ко мне потянулась липкая паутина ужаса и безнадёги.

Метис, считающий себя потомком легендарной рыбы, грустно покачал головой и вывел на доске:

– «Этого мне знать не дано. Дно шепчет смутно. Врата открыты. Границы нарушены – самые разные границы. Все смешалось».

– Какие границы? Территориальные? Моральные? Какие? – Я жадно подалась вперед, но Кадия дернула меня за рукав летяги и, откашлявшись, скороговоркой обратилась к Ол`эну Шлэйле:

– Ол`эн, спасибо большое. Мы пойдем. Вот тут подпишитесь, что мы у вас были и что вы ознакомились с рапортом. Ага. Все. По реке больше не плавайте. Эти тилирийцы тоже могут совершить ошибку, вредную для вашего хрупкого здоровья. Супер. Спасибо. Пока-пока!

И подруга энергично потащила меня прочь из комнаты. Я шла медленно и неуверенно, как загипнотизированная.

«НАЙДИ ПРОРОКА, ТИНАВИ», – обернувшись, я увидела последнюю выведенную лодочником надпись на доске.

– Делать тебе нечего, слушать каких-то сумасшедших, – бурчала Кадия, когда мы вышли на улицу. – У него глаза больные, и фимиам сплошной в комнате, и вообще – он потомок долбаной рыбы! Фанатик! Небо благое, ну кого только в Шолохе не встретишь, бр-р! – поежилась она.

Я только покачала головой – и добавила еще пару фактов в свой мысленный сундучок «Странных Речей и Событий».

26

«Устрица на море»

Хранители никогда не отвечали на наши вопросы о Незримом Боге, Великом и Непостижимом. Жрецы говорят, это страшная тайна, недоступная смертным. Но я боюсь, все проще: просто хранители тоже не знают, кто их Отец.

Записки Мэверика из Дома Созерцающих, X век, Срединное государство

Солнце давно скрылось.

Пусть на улице и май месяц, а все же в лесу темнеет рано. Кругом деревья, и угол «обстрела» для закатного солнца невелик. Сумерки как всегда стремительно падают на Шолох. Устремленные вдаль глаза поэтов и днем-то уже метров через пятьдесят неминуемо наталкиваются на елки, сосны или, в лучшем случае, дубы, а вечером вообще пиши пропало – ни праха на расстоянии вытянутой руки не разберешь.

Хотя, может, оно и к лучшему... Вдруг вдохновенье требует неопределенности черт?

Когда мы с Кадией окончательно перестали различать лица друг друга, то поняли, что самое время поужинать.

– Спасибо, Патрициус, – кивнула я кентавру.

– Хорошего вечера, мадам! – ответил он. – Завтра поездки планируете?

– Да. Если свободен, заезжай за мной утром.

Мы прощались перед выбранной для ужина таверной. Сразу оговорюсь – выбирала Кад, ценительница запредельных рисков.

Патрициус скептически посмотрел на ярко-красные огни в окнах, светящуюся всеми цветами радуги вывеску «Устрица на море» и публику, толкующуюся у входа. Из заведения доносились громкая музыка преимущественно барабанного характера. Все говорит о мирном ужине, ага.

– Что-то мне не кажется, что вы проснетесь утром, мадам. – Кентавр поскреб подбородок, который густо зарос кудрявой щетиной.

– Проснусь. У меня большой опыт издевательств над собственным организмом.

Впрочем, я тоже смотрела на заведение с тревогой. Больно уж взрывная там начинка!

– Ты б лучше не воротил нос и пошел с нами! – с энтузиазмом ввернула Кадия. – В «Устрице» вкусно и дешево. А еще весело!

В этот момент два здоровяка-охранника с грохотом выкинули из заведения некоего мало-подвижного господина. Господин шлепнулся в лужу, лужа чавкнула, охранники захлопнули дверь. Теперь желающие войти и выйти должны были с осторожностью перешагивать отдыхающего.

– Ну-ну... – усмехнулся Патрициус. Поиграв бицепсами, добавил: – Мы, кентавры, ведем здоровый образ жизни. Таков удел спортсменов.

И он, иго-гокнув на прощанье, гордо уцокал прочь. А мы с Кадией крепко привязали Суслика к фонарному столбу (она стонала вслед перевозчику что-то из серии «На кого ж ты меня оставил?!») и пошли в «Устрицу на море».

* * *

– Кад, а что, других вкусных и веселых мест в Шолохе нет?

Кое-как мы с подругой пробрались в дальний конец сумрачного зала, где в углу прятался пустой деревянный стол. Ножки его были разной длины. Стол опасно шатался, но мы смирились с таким неудобством. Выбирать не приходилось: ни чистотой, ни изысканностью публики таверна похвастаться не могла.

Зато этой публики было так много, что, казалось, весь Шолох – здесь.

Зеленоватые феи в обнимку сидели на потолочных балках, попивали из наперстков вино и распевали гимны на древне-пустынном. Гномы у барной стойки переругивались, пытаясь выяснить, что из них круче кует. Нежная дриада ковырялась в тарелке, полной гусениц, а уставший юноша с татуировкой Правого ведомства пытался оттереть с каких-то документов только что посаженное жирное пятно.

На маленькой сцене «отрывались» три горных тролля. У одного был барабан, у второго – тарелки. Третий довольствовался скрипкой. Такая несправедливость его очевидно бесила, поэтому тролль пытался извлечь из несчастного инструмента максимум громкости – звук получался жутким. Банши отдыхают. Баргесты тоже.

– Это самое атмосферное местечко в Шолохе! – перекрикивая троллю музыку, сообщила мне Кад и подняла большие пальцы вверх, подкрепляя слова жестом.

Официант, не говоря ни слова, брякнул перед нами на стол две дымящиеся тарелки с мясом. Сложно определить, кем оно было при жизни, но пахло неплохо. Главное, что не гусеницы! Они в это время как раз расплзались из дриадиной плошки. Неудачливая посетительница пыталась прибить несговорчивую еду, интенсивно хлопая ладонями по столу.

Тролли-музыканты решили, что она так выражает одобрение их творчеству, и налегли на инструменты еще сильнее. Кажется, скрипка была на грани. Я аккуратно зatkнула здоровое ухо, чтобы хоть немного снизить громкость, и одобряюще улыбнулась Кадии.

Подруга, впрочем, в одобрении не нуждалась, полностью сосредоточившись на еде и – о боги! – притоптывая в такт безумию на сцене. Ей и впрямь нравился этот бедлам.

– Ну что, дорогая, я поднимаю эту чарку за прекрасное окончание нашего совместного рабочего дня! – выдала тост Мчащаяся. Я чокнулась с ней, но потом поспешила разочаровать:

– Вообще, работа не окончена. Можешь послать ташени? Я сегодня совсем не интересовалась судьбой своего подопечного.

– Мелисандра-то? Мистера Охмурилово? Конечно! Что напишем?

– «Господин Кес, буду благодарна, если пришлете ваш план перемещений за день, как мы условились».

Кадия вырвала из волшебного блокнота листок и стала писать, сосредоточенно высунув кончик языка.

Когда сложенная в птичку ташени ожила и умчалась прочь, уворачиваясь от буйных посетителей таверны, Кадия откинулась на спинку стула и сообщила, хлопая ресницами:

– Я в конце сделала приписку. Пригласила этого Мелисандра сюда.

– Ты что?! – Я поперхнулась от возмущения. Богатырское постукивание Кадии по спине окончательно выбило из меня дух. Лишь горестный сип донесся из моей груди: – Зачем?!

Мчащаяся обвела зал томным взором и жеманно пожала плечами, мол, кто меня, такую загадочную, знает.

Потом соизволила пояснить:

– Хочу на него посмотреть. Историк, похожий на боксера! Любопытненько! К тому же ты ему вроде как обещала повесить градус отношений, не?

Я закатила глаза, потом молча уткнулась в тарелку. Лучше поесть, пока господин Кес не пришел, а то не здорово сидеть с набитым ртом в присутствии незнакомца. Говорят, совместное поглощение еды сближает. А я, вопреки мнению Кадии, совсем не жажду сближаться с этим болтуном.

Прошло минут двадцать. Мы уже доели, а тролли – доиграли. Всеобщий час ужина прошел, публика в таверне начала меняться: все у меньшего количества на столах стояли тарелки, и все у большего – бутылки.

Я повернулась к Кадии, которая пыталась провести доморощенный сеанс гадания на кофейной гуще:

– Может, он не придет?

– Ага, надейся. Вот он, твой борец в среднем весе. – Подруга сначала показала мне крошкато-башковитую кляксу на блюде, а потом с цирковым «та-да!» перевела палец на входную дверь.

Я обернулась. Действительно, Мелисандр светлой фигурой высился в темном квадрате двора – на улице уже наступила кромешная тьма.

Саусбериец увидел меня, дружелюбно помахал и отправился к нашему столику. Порез под его глазом сочно алел. Спортивная лента перетягивала отросшие пшеничные волосы. Проходя через зал, историк случайно сшиб какую-то зависшую в задумчивости фею, но не заметил этого. Я сочувственно поморщилась.

В глазах Кадии меж тем зажегся азартный огонек. Она обожает знакомиться с новыми людьми. «Это как маленькая битва, – объясняет Кад. – Твоя задача – выиграть с минимальными потерями, узнав о человеке максимально много, но сообщив про себя – максимально мало. Обаять, но не очароваться».

– Ну хоть кто-то в этом городе нормального роста! – воскликнула подруга вместо приветствия. Со своими метр восемьдесят плюс сапоги она привыкла быть выше большинства и частенько из-за этого переживала.

Но голова Мелисандра вообще чуть ли не упиралась в потолочные балки. Кадия была довольна.

– Какие бриллианты, оказывается, скрывают столь невзрачные заведения! – Саусбериец блеснул улыбкой. Он быстрым движением сграбастал стул неподалеку и плавно, как кот, подсел к нам. Кад поправила челку. Я закатила глаза.

У Кадии и Мелисандра завязалась светская беседа. Они вспомнили, что уже видели друг друга на балу Анте Давьера, похихикали над моим грандиозным падением в тот день, а потом перебрали вообще все мои косточки.

– Очень рада, что вы нашли столь чудную тему для обсуждения, – проворчала я. – Мелисандр, давайте разберемся с работой, а потом продолжите свои хиханьки да хаханьки...

На столе у нас будто из воздуха материализовалась бутылка вина, как бы подкрепляя мои слова сладким обещанием. Молчаливый и решительный официант оказался еще и расторопным.

Мелисандр потер ладони:

– Заметано! Как приятно, что в вашем государстве работают столь серьезные чиновники!

Саусбериец под диктовку озвучил свои перемещения по городу. Я только диву давалась: сколько ж у нас библиотек.

Ох, надо на днях собрать волю в кулак и честно проверить всю эту гору информации... А то уже скоро подавать недельный отчет Селии. Не дай небо, в нем окажутся ошибки. Хотя, признаться, вся эта история с «превентивными мерами», сиречь, слежкой, казалась мне полной ерундой. Одно дело какие-нибудь темные личности с края земли, другое – ученый из союзнического Асерина. Пусть даже слегка неформатный.

Мелисандр вдруг указал на меня обвиняющей дланью:

– Вот она записывает-записывает, – пожаловался он Кадии, не переставая аппетитно хрустеть жареной картошкой, – а сама даже город показать мне не хочет!

– Тинави! – возмутилась подруга, чья профилактическая стрельба глазками уже прока- тилась волной по всей таверне, разбив немало ни в чем не повинных сердец. – Ну что за невеж- ливость по отношению к гостю?

Интонации у Кадии стали «маменькины». Я только плечами пожала.

– Мелисандр, прошу ее извинить! Тинави всегда была черства, как сухарь, пока как следует не размочишь в лунном свете, слезах или вине – на выбор. – Кад снова завертела меж пальцев свою и без того идеальную челку. – Но теперь тут есть я – и все меняется. Рота, подъем! Мы идем на экскурсию прямо сейчас!

Мелисандр с энтузиазмом отложил вилку, которой до того почесывал висок (вот деревня!), и пошел к вешалке за нашими плащами.

Я зашипела на стражницу, разомлевшую после бокала вина:

– Ты с ума сошла? Какая экскурсия – уже темно!

– Ничего, – отмахнулась Кадия. – Один раз живем. Завернем в «Метелку», глянем, что творят в «Двадцати ундинах», угощу вас «Цыпкиной дорогой» в «Лалалайке»... Ничего гло- бального.

Я застонала.

Планы Кадии искусством и не пахли.

Судя по перечисленным названиям, экскурсия будет исключительно по значным местам. Хорошую девочку Мчашуюся до сих пор в них тянет, как магнитом – остатки подростковой реверсивной психологии, сладостное совершеннолетнее «дорвалась!».

Бросить ее вдвоем с Мелисандром не представлялось возможным, хотя спать мне хоте- лось дичайше – денек-то выдался не из коротких.

Вернулся Мелисандр, все втроем мы завернулись в свои летяги (историк уже прикупил такую в качестве сувенира) и, разогнавшись перед входной лужей, поочередно выпрыгнули в черничный бархат ночи.

Визг троллей скрипки провожал нас, как в последний путь.

* * *

Полчаса и две таверны спустя мое настроение повысилось до того уровня, что мы с Мели- сандром перешли на «ты» и уже хором хохотали, почти дотягивая до громкости Кад.

Подруга твердо намеревалась осилить еще три кабака. Я сомневалась, что это разумная идея, но... ночь звала. Пестрый водоворот жизни увлекал на глубину, и то, что еще днем каза- лось неблагоприятным, теперь выступало в роли единственно возможной истины.

Сама Мчашаяся разошлась не на шутку, войдя в экскурсоводческий раж и вываливая на суд историка все больше и больше грязного шолоховского белья. Меня слегка корежило от вида и запаха тех переулков, куда с таким восторгом заводила нас Кадия, но... Да. Шолох бывает и таким тоже.

Просто я выбираю другой город. Другой взгляд на город. Что, по сути, одно и то же.

Но и Шолох Кадии был по-своему прекрасен: во все своем танцевальном шике, контра- бандистском угаре и тумане театральных салонов, не имевших ничего общего с законом.

Однако мы не ограничились темной стороной столицы: после долгих блужданий по Чреву Шолоха Кадия вывела нас к куда более пристойным развлечениям... Хотя тоже в ее стиле.

Мы прорывались сквозь живую изгородь, чтобы посмотреть на лабиринты Корпуса Гра- нных, и по-пластунски пролезали под воротами в Сад Акклиматизации. Мы залезали на рас- кидистые платаны Стариков, чтобы беззастенчиво заглянуть в открытые окна Квартала Новых Богачей; под присмотром Кадии учились правильно стучать по ратушным горгульям, чтобы они шевельнулись и выдали отнюдь не льстивый комментарий... Когда мы захотели смотреть

на гнезда карланоновых соколов, Мелисандр, подсаживая меня, жестоко обругал жемчужинку от Бундруми.

– Разве ж это амулет? – фыркнул он пренебрежительно. – Дешевка! Я бы и раньше распознал в нем халтурку, а уж теперь, когда есть с чем сравнивать...

– Раньше – это когда? – Я отчаянно зевнула.

– В моей прежней жизни-и-и-и, – пропел саусбериец и чуть заметно покачнулся – после литра «шаверни» немудрено. – Которая пошла прахом из-за этих долбанных амулето-о-о-ов...

– А что случилось? – любопытствовала я, но тотчас, поскользнувшись, сверзилась с зубчатой стены, окружавшей строго охраняемые дубы с гнездами. Разбуженные соколы недружелюбно заклекотали мне вслед.

И сразу часы по всему городу забили полночь. Кадия встрепенулась:

– Упс, ну, мне пора! – Подруга привычным жестом затормозила удачно подвернувшийся кеб, запрыгнула внутрь и была такова.

– Куда ты? – возмутилась я, потирая ушибленное колено.

– А у меня ночное дежурство, забыла предупредить. Чмоки-чмоки, до встречи! – пропела эта поганка из окошка и задернула шторку.

Кучер хлестнул поводьями. Кеб, подпрыгивая, укатил вниз по мощеной мостовой, над которой кроны высаженных платанов тянулись друг к другу бесконечным зеленым туннелем.

Я проводила его взглядом, а потом растерянно уставилась на Мелисандра.

– У тебя такое лицо, будто тебя оставили наедине с гоблином-вонючкой, – хохотнул историк и, взяв меня под руку, куда-то уверенно потащил. – А я надеялся, ты стала лучше ко мне относиться.

– Да я и так неплохо к тебе относилась. – Я нахмурилась. – С профессиональной точки зрения.

– Мда? А я думал, ты меня все время в чем-то подозреваешь. С профессиональной точки зрения, – подмигнул Кес.

Я быстро глянула на его слишком ухоженные для мужчины ногти и военную выправку. Широко улыбнулась:

– Что ты! Тебе показалось.

Мы вывернули на бульвар Туманных Предзнаменований.

– Тогда у меня есть предложение, – кивнул Мел. – Вон то здание с башенкой, знаешь, что это? – Он указал пальцем на двухэтажный особняк из красного кирпича, до самой крыши увитый плющом. Именно к этому особняку мы столь энергично – неурочно энергично, я бы сказала – и направлялись.

– Ты ничего не перепутал, Мелисандр? Я тут местный житель, а не ты. Это же Исторический музей.

– Вот-вот. А я туда давно собирался. Сходишь со мной? Сейчас?

– Мел. Ночь на дворе, ау. Все закрыто.

Историк вдруг вытащил из кармана брюк связку ключей и весело позвенел ими:

– Это мой вчерашний выигрыш в карты. За который я поплатился порезом. – Он коснулся припухшего века. – Позволит нам немного погулять по полуночному музею, м?

– Ты выклянчил ключи от музея?!

– Выиграл, а не выклянчил. У местного охранника. На пару дней, скоро верну. Ну что, Стражди? Хочешь приключений?

– Предложение необычное, но нет. Прости, Мел, я домой. Я и так уже еле плетусь. И вообще... Это разве законно? Вас бы упечь обоих за такие ставки!

– Неужели тебе настолько не любопытно? – Мелисандр продолжал тащить меня вперед.

– Наоборот – любопытно, но не настолько.

– Зря! Любопытство – лучшая из человеческих черт. Тем более история показывает, что зачастую даже самые не связанные друг с другом на первый взгляд вещи в итоге складываются в великолепную мозаику. Так что никогда не сопротивляйся новому, лучше откройся ему и пропусти сквозь себя. А время все разложит по полочкам, – с пасторской интонацией заявил господин Кес.

– Тебе бы проповеди читать. – Я зевнула.

– Увы, моим мертвецам они ни к чему, – осклабился он.

– В смысле – твоим мертвецам, Мелисандр? – не поняла я.

– Ну... В смысле историческим персонажам, – стушевался саусбериец.

Потом, поймав мой взгляд, расхохотался:

– Ты что, решила, я убийца какой? Аж замерла, как тушканчик, право слово, ну, Стражди!

– Отвали, Кес! – вяло огрызнулась я.

Затем я вырвала у него свою грешную руку и обессиленно упала на удачно попавшуюся скамейку:

– Я устала. Поймай мне кеб, пожалуйста.

– Ну... Ладно. Будет сделано, красавица, – подмигнул он и протянул мне почти пустую бутылку вина, с которой бродил все это время. – Ты допей пока.

Я зачем-то допила.

И, напоследок сладко зевнув, резко отрубилась, бесславно рухнув на скамейке вбок.

* * *

– Выходить-то будете, госпожа Страдущая? – Кто-то не очень вежливо тряхнул меня за плечо.

С воплем «А, что, где?!» я подскочила и головой стукнулась о потолок кареты. Кучер, будивший меня, недовольно покачал головой и отошел от дверцы.

Я выкатилась наружу, испуганная и тщетно пытающаяся сообразить, что происходит. Передо мной, весь в золотистых магических огоньках, уютно светился мой коттедж. Островок света в летней темноте.

– Мшистый квартал, 12, – подтвердил кучер, оказавшийся гномом, и с трудом вскарабкался на козлы. – Ваш друг сказал вас сюда доставить.

– Так, а откуда мы ехали? И сколько сейчас времени? – поспешила уточнить я.

– От Исторического музея. Час пополудни, милочка, – презрительно скривился кучер и, во избежание дальнейших расспросов, стеганул лошадей.

Я потянулась, похлопала себя по щекам и пошла по извилистой садовой дорожке домой. Ну, вляпалась не смертельно – хотя летяга сбоку грязновата, мда.

Если кучер не врет, то Кес, как честный человек, погрузил меня в кеб вскоре после того, как я вырубилась на скамейке. Ха. А мое умное тело, кажется, лучше меня знает, как сваливать от надоевших кавалеров!

Развеселившись от этих мыслей, я, посвистывая, открыла дверной замок и бодренько ввалилась в прихожую.

Там моя песенка резко оборвалась: из-под двери, ведущей в спальню, пробивалась тонкая полоска света, которая не имела ничего общего с декоративными огоньками снаружи. О-оу.

Я отстегнула от пояса биты и крепче ее перехватила.

Пинком ноги отворила дверь и с громким воплем «Ииййя!» впрыгнула в некое подобие боевой стойки.

На кровати в обнимку с моим филином сидел Карл. Мальчик, кормивший птицу лютиками (лютиками, прах побери!), поднял на меня свои огромные сине-бирюзовые глаза:

– Ой, здравствуйте... А я зашел проведать Мараха и что-то задержался...

Я с максимально возможным достоинством выпрямилась после своей раскоряченной позы на полусогнутых и строго сказала:

– Вот и здорово. Нам с тобой пора серьезно поговорить, мальчик.

С улицы раздался бой часов... И впрямь – час ночи. Небеса-хранители, я когда-нибудь посплю?

27

Зазвенел ручеек

Всегда велик соблазн забыть прошлое и налегке пойти вперед. Но для начала нужно извлечь все необходимые уроки.

Ее Величество Аутурни

Карл нехило напрягся, когда я заявила, что пришло время для тяжелого разговора.

Марах почувствовал мой настрой и испуганно заухал. Скосил круглые глаза на мальчика, что-то для себя решил и сделал два аккуратных птичьих шага вбок. Нейтральная территория, что. Уже не с Карлом, но еще не со мной. Хитрец.

Гость тяжело сглотнул. Кадык на его худой ребяческой шее истерически взметнулся вверх. Карл глядел на меня с опаской.

Я, скрестив ноги, плюхнулась перед кроватью на ковер. Буду смотреть на оппонента снизу вверх – зато сижу в любимой позе Полыни из Дома Внемлющих. Считай, на удачу. Если есть для меня на данном этапе жизненного пути пример знающего человека, то это Полынь. Так что стану «зеркалить» куратора по максимуму – пусть это придаст мне сил и важности в чужих глазах!

Я ждала, что Карл что-то скажет или спросит в ответ на мое предложение поговорить, но не тут-то было. Мальчик молчал.

Ох уж эта позиция «ответного удара»! Ты теряешь преимущество инициативы, зато никогда не выдашь лишнего. Сама люблю так делать. Доведи соперника до белого каления, пусть вывалит наболевшее, – и тогда уже будем оправдываться. Возможно, обвинение окажется куда легче, чем могло бы. Ведь кто знает, какую из твоих тайн разворошили?

Помню, была у меня такая ситуация: я разбила дорогуший хрустальный шар магистра Орлина, годами пылившийся на дальней полке шкафа, и весь день ходила на цыпочках, ожидая скорой расправы. Вечером наставник вызвал меня к себе. Велик был соблазн раскаяться в содеянном с самого порога (вдруг за добрую волю уменьшат наказание?), но я сдержалась. И правильно. Оказалось, магистр Орлин просто хотел поругать мой почерк в домашке. А насчет шара он так никогда и не завел разговора. Чую, вообще не заметил пропажи. Королевские подарки – они такие. Дорогие, но бессмысленные.

Что ж... Как вести себя с Карлом?

И у Дахху, и в Лазарете парень творил абсолютно нереальные вещи. Пожалуй, стоит отбросить сантименты и говорить начистоту.

Я глубоко вздохнула:

– Карл, я знаю, что ты не тот, за кого себя выдаешь. Дважды я видела твое волшебство. Ты можешь снова стереть мне память, но ты не можешь избавиться от тех писем, которые я успела состряпать на этот случай. Стирай – не стирай, снова узнаю правду. В общем, выкладывай. Что это за магия, кто ты и откуда взялся.

Карл помедлил. Он посмотрел на Мараха, будто бы ища одобрения, и филин, предатель эдакий, сочувственно ему кивнул. Мальчик поплотнее ухватил собственные колени, сворачиваясь в тугой клубок. Новый красный комбинезончик Карла – подарок Дахху – плохо сочетался с его кислой физиономией.

– Я действительно не помню, откуда я, – наконец, тяжеловесно признался он. – Мое первое воспоминание – о том, как я очнулся здесь и решил сбежать. Потом господин Дахху поймал меня. Я понял, что могу читать его мысли...

Час от часу не легче!

Мальчик продолжил:

– Позже, в Лазарете, то же повторилось со всеми остальными. Мне приходилось себя останавливать. И еще я начал испытывать непреодолимую жажду колдовать. Как будто сам мир умолял меня это сделать.

– Сомнительно, – недовольно буркнула я. – Магия работает не так. Хочешь творить волшебство – борись с унни. А энергия не слишком-то любит подчиняться.

– Нет, со мной все по-другому, я же говорил. – Карл отрицательно покачал головой.

Он встал с кровати, заставив меня дернуться, ибо я ждала от него невероятного, но в итоге просто сел на пол напротив, ставя нас в одинаковые условия.

– Я знаю, что должно быть, как вы описываете. Но чувствую иначе. Стоит мне расслабиться, отвлечься, как волшебство так и хлещет из-под пальцев. Мне все время хочется летать, кружиться, менять погоду и ветер. А еще, если я замру, передо мной как будто открывается бесконечность – темный, бархатный космос и мириады звезд вдали. Однажды я видел книжку под названием «Невыносимая легкость бытия»... Эти три слова... Они обо мне.

Я, прищурившись, наблюдала за своим чудным гостем. Марах, исподтишка на меня поглядывая, начал снова приближаться к Карлу в надежде на сеанс почесывания. Вот зараза. Нашел себе любимчика.

Я пожала плечами:

– Не встречала такую книгу. Но погоди. Как это – летать? Я видела парящего шеву в Лазарете, и тебя ночью, и, да, кажется, я видела и космос тоже... – Я передернулась.

Меня то зрелище ничуть не обрадовало, лишь испугало до ужаса. Особенно когда засосало в себя псевдопадучую!

Я продолжила:

– Но ведь это нарушает все законы магии.

– А я чувствую иначе. – Карл упрямо сложил руки на груди.

– Предположим... Ладно, тогда скажи вот что – в Лазарете ты упомянул какого-то Зверя. Кто это?

Карл вздрогнул. Ветка сирени хлестко стукнула по окну, пав жертвой сильного ветра. Свет в магических сферах мигнул и погас.

– Мой враг, – драматично шепнул Карл в поглотившей нас темноте.

Меня аж передернуло. На мгновение мне стало так страшно, что я натурально не смогла открыть рта. Ох. Как глупо. Марах с шумом расправил крылья и заухал. Это меня слегка отрезвило.

Я протянула руку к ближайшему светильнику и щелчком выключателя снова заставила его загореться.

– То есть как раз о нем ты все помнишь?

Побледневший Карл взволнованно посмотрел на свои руки, но потом отрицательно покачал головой:

– Далеко не все. Только обрывки. Мне было одиноко, и я пытался найти своего папу... Но я пошел не туда, и никто меня не остановил. И я нашел Зверя. Он очень силен, очень зол. И очень голоден. Он ранил меня. Я... Мне пришлось сбежать, позорно, трусливо сбежать. – Мальчик сглотнул подступившие слезы.

Я прикусила губу и сказала как можно бодрее:

– Ну, сбежать – это не худший вариант, учитывая, что так ты выжил! А где ты потерял своего папу?

– Я не помню. Я не уверен, что мы виделись...

– Он живет отдельно?

– Думаю, да. – Карл вздохнул. – Все бледно, все неясно в моем прошлом – кроме Зверя, пришедшего ко мне. Ужасного, невыносимого Зверя... – Последнее слово мальчик шепнул едва слышно.

Признаться, мне очень не нравилось его настроение. Очень.

Но я была самой старшей в этой комнате – а значит, впадать в панику совсем не по рангу. А еще я была Ловчей на службе Его Величества. И поэтому решила продолжить беседу в некоем, как мне показалось, «профессиональном» ключе. Я быстро ощупала карманы летяги, которую так и не сняла (обнаружение чужака в своей спальне волей-неволей вносит коррективы в твоё существование), достала блокнот и перо, напустила строгое лицо и деловито кивнула:

– Хорошо! Будем отталкиваться от того, что есть. Опиши мне, пожалуйста, Зверя.

Магические сферы снова замигали. Мальчик еще туже обхватил себя под коленями.

Я нахмурилась:

– Карл, перестань трястись! Праховы лампы барахлят из-за твоего страха.

– Не факт. – Мальчик испуганно покачал головой. – Возможно, это Зверь подслушивает.

Магические сферы снова мигнули. Мальчик тяжело сглотнул:

– Знаешь, Тинави, ты лучше не произноси его имя.

– Это еще почему? – Перо в моей руке непроизвольно задрожало.

Подросток продолжил:

– Я помню, что у него есть что-то вроде системы мониторинга. Как у спецслужб. Черт, ты же не знаешь, что это...

– Я знаю, что такое спецслужба.

– А кибермониторинг?

– Э-э-э...

– Ну вот. В общем, я не уверен, как именно ведется поиск. Но часто его подвывают на имя. Когда кто-то произносит имя – обладатель имени слышит. И приглядывается внимательнее. Если ты будешь о нем говорить, есть шанс, что через тебя он найдет нас.

– Почему я, а не ты?

– Потому что от моей личности почти ничего не осталось после того, как он ранил меня...

Я просто «не считаюсь». – Карл зажмурился. – Много ли стоит человек, который не помнит себя?

Я на секунду призадумалась. Потом покачала головой:

– Не. Отстойная теория. Плюс, ты ведь понимаешь, что Зверь – это имя нарицательное, да?

Маг-светильники, собиравшиеся было мигнуть, вдруг передумали. Карл открыл один глаз.

– Твоему чудовищу пришлось бы несладко, подвесь он свой... э-э-э... мониторинг на это слово. Так что не бойся, Карл. Зверь. Зверь. Зверь. Тест. Зверь. Видишь? Все нормально.

Мальчик, уже готовый, кажется, пульнуть в меня очередную сеть, после «теста» немного расслабился (как и я, милый Карл, как и я...). Потом мой юный гость вновь нахмурился:

– Значит, поиск идет еще как-то. Черт. Как же плохо, что у меня дуршлаг вместо памяти! – Он весь сжался в комочек. – И золотую рыбку не обскачу в мнемоконкурсе...

– Ничего, зато у меня есть любопытный факт о твоём прошлом! – бодро заявила я. – До встречи с бокки ты проспал два месяца в сарае фонарщика по имени Рили, прикинь?

Карл ошарашенно вылупился на меня.

– Да-да, – я авторитетно закивала. – Два месяца, парень! Ты пришел к бедному дядьке темной ночью, а следом за тобой пришла куча зверья, если он не врет. Потом ты проснулся и утопал – видимо, прямо сюда, к моему саду, в объятия бокки-с-фонарями. Вспоминаешь что-нибудь?

– Нет.

– Видимо, ты лечился так – во сне. Ты ведь говоришь, Зверь тебя ранил. Сильно?

– Не знаю... – Мальчик медленно покачал головой. Потом неравномерно, волнительно дернул плечами. Подбородок у него затрясся. Я испугалась, что Карл сейчас расплечется.

– Так, – сказала я. – Спокуха. Давай мыслить логически.

Я глубоко вздохнула, перед тем как вслух произнести следующую, весьма смелую идею:

– Ты ведь не из Лайонассы, да, Карл? Все твои странные словечки, безумная магия – все из другого мира?

В ответ мальчик, не меняя обхвата рук вокруг коленей, мягко завалился на бок, прямо на ковер, и устался в потолок:

– Наверное. Хотя кое-что в Шолохе кажется мне родным... Но как... Как же я попал сюда, Тинави?

«Ну, учитывая, что ты умеешь делать дыры в космосе... Это могло произойти *как угодно*, и, не дай небо, тебе начать сейчас экспериментировать с вариантами», – подумала я, но вслух лишь сказала:

– Пока не знаю. Скучаешь по дому?

– Сложно сказать. Как скучать по тому, чего совсем не помнишь?

И он умолк, вперив печальный взгляд куда-то в ковер.

– Эй, ну не грусти! – Надеюсь найти утешительную конфетку, я снова полезла в карманы своего любимого плаща.

Там в мою ладонь неожиданно легло нечто большое и холодное. Я с изумлением вынула руку, сжимая свою находку.

Золотой плод от Яблоневого человека! Ого! А я и забыла о нем!

– Знаешь, что это? – спросила я Карла, протягивая к нему добычу. Он отрицательно покачал головой. Я торжествующе улыбнулась:

– А я знаю. Сейчас мы все про тебя выясним. Подожди минутку. – Я ушла на кухню, к серванту.

Как же я раньше не догадалась! Чудесное золотое яблоко показывает правду об одном человеке, если покатаешь его по блюдцу. Это наш шанс выяснить, кто такой Карл.

Пару минут спустя все было готово для ритуала. Подросток, как и я, волновался.

– Так, твоя задача – прокатить это яблоко против часовой стрелки по каемке, – раздавала последние указания я. – Скажи «мирарсовердайойо», и, если чудом не запутаешься в слогах, узнаем твое происхождение.

– Ладно, – сосредоточенно кивнул Карл и с содроганием взял у меня плод.

Марах с опаской ухнул и осторожно отлетел подальше, на книжные полки. Я же говорю, предатель.

Карл покатило яблоко. Я напряженно глядела в самую сердцевину блюдца.

Неожиданно за окнами раздался гром.

Весь дом будто бы вздрогнул. Моя спальня заполнилась призрачными образами, по плотности и тягучести похожими на кольца от дыма. Тут и там возникали и рушились города с диковинными зданиями – глиняными, каменными, стеклянными... Появлялись и исчезали люди в необычных одеждах. Холодные свинцовые волны набрасывались на нас с Карлом, и какой-то мужчина на деревянном кресте тихо плакал перед толпой. Горели костры. Обезображенные трупы гнили на полях военных действий. Мужчина в седом парике задумчиво подкидывал яблочко. Темноволосая женщина улыбалась и в то же время будто бы вовсе не улыбалась. Перед нами взрывались круглые черные ядра. Над нами синело вечернее небо, и по нему летали странные железные птицы.

Мальчик в алом, подбитом мехом плаще одиноко брел по кромке моря, и будто растворялся, становясь бледнее и тоньше, под высоким звездным небом. Из-под ногтей мальчика вылетали маленькие шарики, которые, увеличиваясь, превращались в надписи: «Папа?», «Папа?». Вдруг странная дыра, кишашая насекомыми, разверзлась в иллюзорном небе. Еще больше туманных образов полетело по комнате, будто их выдувал невидимый курильщик.

Бокки-с-фонарем готовился сбросить свой капюшон. Статный мужчина, стоявший у окна спиной к нам, вздрагивал, испуганно прислушиваясь, и быстро уходил, поглядывая на часы. Великий Мастер народа шэрхен преклонял колени перед Шепчущим морем. Женщина в изумительной короне, похожей на оленьи рога, звала на помощь, но ее утягивало, утягивало в шевелящуюся темноту. Еще две женщины продолжали идти куда-то в пустоте, не чувствуя монстров за спиной. Парень в аляповатой одежде в панике выбежал на улицу из кабака. И было много, много других картинок, за которыми я не могла уследить.

Неожиданно из всех углов комнаты на нас погнали мириады черных отвратительных насекомых – мухи, слепни, саранча... Они все нацелились на дымный призрак Карла, бегущий прочь в туманном лесу, и кровожадный гул становился все громче. Остальные образы начали стремительно таять. Я заворожено смотрела на приближающееся полчище.

Карл резким ударом сбил яблоко с блюда. Все мгновенно стихло.

– Ты чего творишь, малой?! – Я задохнулась от возмущения.

Карл горестно покачал головой:

– Иногда вся правда – это слишком. Не знаю, как тебе, а мне хватило. Дай мне время.

И прости.

– Э, нет, погоди! Так не пойдет. Давай еще разок попробуем. Глаза прикроешь, я за тебя досмотрю.

– Нет! Я передумал! Я не хочу вспоминать! – Карла слегка потряхивало.

– Парень! Пока не досмотрим, не пойдем, как вернуть тебя домой!

– Тинави! Не надо меня никуда возвращать!

Он все-таки разрыдался.

Я с ужасом осознала, что детские слезы пугают меня даже больше, чем безумные видения другого мира.

Я растерянно кашлянула, не представляя, что мне делать, а затем трусливо пробормотала:

– Ну-ну, будет! Ладно, посмотрели, и хватит. Ты мне вот чем помоги, чудо-ребенок. Ты можешь при помощи своей магии уговорить Мараха, кхм, носить мои письма? Ну, как бы голубем работать?

Карл явно опешил от столь резкой перемены темы.

Он послушно смахнул остатки слез и издал странный чирикающий звук. Марах тут же слетел с книжного шкафа и сел мальчику на предплечье.

– Могу. Но почему ты сама этого не сделаешь, Тинави?

– Потому что у меня нет магии, Карл. – Я пожала плечами. – Я потеряла ее.

– Здесь ты ошибаешься, – твердо сказал мальчик. – Колдовать ты точно можешь. Это видно. Унни так и льнет к тебе.

Я даже рассмеялась от неожиданности:

– Ну да, возможно. Потому что я ничего не могу с ней сделать, и энергия это знает, – улыбнулась я.

Мальчик нахмурился:

– Нет, не поэтому! В тебе есть та же легкость, что и во мне, Тинави. Помнишь, при нашей первой встрече я спросил тебя, сильная ли ты волшебница? Я чувствую энергию вокруг тебя. Кроме того, твои мысли закрыты для меня. У тебя стоит блок – ты просто чихаешь, если я пробую подступиться... Неужели ты не знала?

– Не знала, – с удивлением подтвердила я.

– Пожалуйста, попробуй хоть раз поколдовать, – произнес Карл с такой интонацией, будто просил меня соль передать.

Я фыркнула:

– Пф! Дитя мое, ты хоть представляешь, сколько раз я пробовала? Каждый раз, небо его разорви, с надеждой и полной благих намерений головой. Каждый раз попусту. Падение, падение, падение, падение. Ноль успеха.

Карл покачал головой:

– Если я правильно понимаю, ты делаешь одно и то же, надеясь на разный результат. Это очень глупо. Никакой логики. Пожалуйста, попробуй по-другому.

– Как именно?

– Я покажу.

И знаете, что самое удивительное? Он показал.

Наверное, мне стоило предварить этот факт объяснениями и дальнейшим пересказом нашего долгого спора, сводящегося к двумя противоположным тезисам: «я не смогу» и «ты сможешь», но... Он выиграл. Карл выиграл, и от этого выиграла и я.

Рискну даже заявить, что само мироздание выиграло, если мы примем за данность, что оно заботится обо всех нас и любит нас.

Пробило три ночи... Время с Карлом пролетело в мгновение ока. Мальчик долго вдалбливал мне свою точку зрения – то, что против унни не нужно бороться, унни – друг, унни сама хочет играть, расслабься, попробуй почувствовать унни и все такое.

И, в конце концов, у меня это получилось. Когда я отпустила весь свой гнет проблем, сомнений, отчаяния и обид, в душе как будто зазвенел едва слышимый тоненький ручеек.

– Чувствуешь, да? – радостно шепнул Карл, все это время державший меня за руку. – Представляешь, а для меня этот ручей – как море. Он сбивает с ног, и приходится собирать всю свою волю в кулак, чтобы противостоять ему.

Я не слушала его бормотание. Этот серебристый поток глубоко внутри заморозил меня. Мне хотелось плакать от счастья. Это ни на что не было похоже. Та магия, которую мы все применяем, – она совсем другая. В ней мы – борцы, соперники, герои, мчащиеся вперед и сносящие преграды. Упоительно и утомительно одновременно. А этот ручеек... В нем была тишина и покой, радость и грусть, хрупкость и глубина. Мне казалось, что он соединяет меня со всем огромным миром вокруг, как невидимая нить, обнявшая само бытие.

– Попробуй сделать что-то. Попробуй позволить унни сделать то, что ей хочется.

Вот с этим пассажем нам пришлось хорошенько поработать. Нащупать ручеек было сложно, но возможно, а вот дальше – ступор.

– Оставим на следующий раз. – Карл наконец-то сдался. – Ты молодец.

– Как получилось, что я могу... такое? – с волнением спросила я. Меня легонько трясло.

– Унни тебя любит. Не боится тебя. Она готова играть с тобой. Готова прятать твои мысли и дарить тебе свободу волшебства.

– Почему она меня любит?

– Не знаю. Разве это важно?

– Вообще-то да.

– Тогда придумай любую версию, какая тебе по душе. А я пойду, хорошо? Марах готов.

Я кивнула:

– Спасибо.

– Лучше пообещай, что не расскажешь обо мне Кадии и Дахху. Не надо, пожалуйста, – попросил мальчик. – Я не хочу, чтобы кто-либо знал.

На его лицо снова набежала горестная тень, совсем было пропавшая во время «урока».

– Я не расскажу. Но ты будешь и дальше учить меня своей... странной магии.

– Договорились.

Я с бьющимся сердцем закрыла за ним дверь и пошла умываться и готовиться ко сну. Когда я вернулась, Марах тихо, но довольно ухал в своей клетке.

Я легла в кровать и выключила свет. Старательно подоткнула одеяло со всех сторон, чтобы было тепло и уютно, как в гнездышке. Глубоко вздохнула, еще раз попытавшись нащупать внутри себя волшебную тишину, разрываемую лишь переливами текущей воды времени... Пусто. Я была слишком взбудоражена для этой таинственной магии.

Карловой магии.

Зато перед внутренним взором услужливо вставали невиданные картины, порождения золотого яблока... Больше всего меня поразили стеклянные многоэтажные здания. Как они вообще держатся?

...И почему все такое злое? Что случилось? Отчего силуэт уходящего, испуганного мужчины кажется мне смутно знакомым?

Во что, прах его побери, Карл вляпался?

Хотя, возможно, золотое яблоко просто склонно к драматизации...

В темноте я нашарила на прикроватной тумбочке пустырник. Закинула в себя три таблетки, морщась от их горечи, и наконец-то вырубилась.

28

Когда угасает искра

По всем важным вопросам принимать решения нужно самостоятельно. Вы можете проконсультироваться со всеми, с кем считаете нужным. Но окончательная ответственность – ваша. Никто не знает всю ту информацию, которая есть у вас. Никто не заинтересован в успешном исходе так, как вы.

Открытая лекция «Как избавиться от стресса» в таверне «Устрица на море»

Будильники, будьте вы прокляты!

Механическая садомазохистская игрушка (патент Дома Внемлющих) отчаянно трещала на дальней от моей кровати тумбочке.

Я обреченно встала, сомнабулически дошла до цели, вырубилла эту жуткую штуку и уныло поперлась в ванную. Там, за умиротворяющим процессом чистки зубов, мир постепенно обрел прежние краски.

Я вдруг поняла, что мне ужасно страшно... Из-за мысли о том, что мне доступна магия, как ни странно.

Ведь надежда – это великая ответственность. Начиная на что-то исподволь надеяться, ты всегда рискуешь получить разбитое сердце. Жить без чаяний куда безопаснее для души. И вреднее... Черствеет нутро без надежд.

Одна часть меня уже цвела буйным цветом при мысли о том, что Карл откроет мне некую истину. А вот другая часть заранее начала ныть и оплакивать провал, а заодно глобальное унижение: мол, ну ты и даешь, дура, поверила в историю про «ручеек» под авторством неизвестного малолетки!

Пожалуй, я буду браво изображать, что мне глубоко по барабану на едва приоткрывшиеся волшебные возможности... Авось закон подлости отвернется, заскучав, и тут-то я и проверну свою операцию по возвращению магии.

За такими путаными рассуждениями я потихоньку собиралась во дворец.

Нацепила свое лучшее платье из повседневных: шифоновое, желтое, с юбкой-солнцем, перехваченное лентой у груди – в сочетании с бирюзовой летягой смотрится обалденно! Потом я распутала вечно торчащие по сторонам каштановые пряди и с удовольствием убедилась, что они отросли аж до нижних ребер. Лепота. Затем я немного подумала, покривлялась перед зеркалом и подкрасила губы.

А потом с тяжким вздохом каторжницы прицепила ко всей этой девичьей красе битую, лассо и рюкзак-тяжеловес с амулетом Польни.

– Лучше штаны надеть, да? – тоскливо спросила я Мараха, оценив свой облик целиком.

Филин тоже сосредоточенно прихорашивался: чистил крылышки и что-то тихо гудел себе под клюв. Но из вежливости он все-таки глянул на меня:

– Ухху.

– Вот и я так думаю. Гармония общего важнее красоты частного. – Я вздохнула и начала переодеваться. – Кстати, Марах. Ты сегодня со мной. Сегодня и отныне, хей-хей.

– Ухху?

– Уху-уху. Зря я тебя Карлу показывала, что ли? Все, теперь ты ученый птыц. А ну-ка, полезай! – Я приглашающе похлопала по плечу.

Филин с недовольным клекотом подлетел и тяжело опустился мне на руку. Тяжелый! Да уж, со всеми эти нововведениями в плане обмундирования я рискую нехило так накачать ноги... Ну, оно и к лучшему.

* * *

Покои Лиссая сегодня буквально дышали счастьем.

Войдя, я даже замешкалась – то ли это место? До нездоровости радостное ощущение! Будто ты объелся ягод-хохотунчиков и теперь валяешься на зеленой лужайке, посмеиваясь над схожестью солнца и яичного желтка.

– Лиссай? – обратилась я к принцу, спиной ко мне малюющему нечто восхитительное. Он обернулся. Младший сын Дома Ищущих засиял, как медный таз:

– Тинави! К-как здорово! О, да вы с питомцем! К-как же зовут эту гордую птицу?

– Марах, – чинно представила я филина.

Тот самоуверенно раздулся и резко перестал помещаться у меня на плече. Я шикнула. Марах недовольно повернулся в профиль, быстро потеряв в объеме и пушистости.

Я продолжила:

– Лиссай, прошу прощения, а здесь что-то изменилось?

Принц, снова одетый в свободную шелковую пижаму с вышивкой – правда, на сей раз кораллового цвета, – вдохновенно подошел ко мне и сграбастал мои влажные от волнения ладошки.

– Здесь? Нет! Это все вы! Стоило вам зайти – к-к-как Святилище встрепенулось. Что-то изменилось в вас, Тинави. – В глазах молодого человека скакал безумный огонек, и я бы напряглась из-за этого, но...

Мир закружился и завертелся безумным хороводом. Ох уж эти принцы. Один взгляд – и пиши пропало. Ладно бы в романтическом смысле, ан нет, сразу почву из-под ног норвят выбить, причем в прямом смысле этого слова.

* * *

Изумленное «У-У-УХХ!» было первым, что я услышала, когда внизу снова появилась твердая поверхность в виде потусторонней изумрудной травы. Звук этот, как ни странно, исходил от Мараха.

Эм, филина тоже перенесло в Святилище? Интересно...

Питомец, не склонный к рефлексии, тотчас рванул куда-то в таинственные туманные дали. Ни сомнений, ни жалости, ни последнего «прощай». Только быстрый взгляд оранжевых глаз и прижатые от стыда уши. Я тут, типа, сваливаю, пока-пока, хозяйюшка, бывай.

Я встала (перемещение снова подло уронило меня на землю), огляделась и обнаружила Лиссая сидящим на перилах белой беседки.

– Вы очухиваетесь быстрее, чем я, или умудряетесь сразу оказаться в этой позиции? – уточнила я, отряхивая штаны от налипшей травы.

Принц легко спрыгнул вниз, подошел и заботливо присоединился к глобальной чистке:

– Сразу. Раньше оказывался на земле, но теперь научился.

Я глубоко вздохнула. Местный воздух можно пить, как мед, чувствуя, что тебя уволакивает в пучину сладостного спокойствия. Толстые стволы неведомых деревьев – нет, не секвой, для этого они слишком синие и мшистые, – упорядочивали расплзающееся во все стороны пространство. Я легонько коснулась пальцами проплывающего мимо облачка тумана – косматое и клочковатое, оно было похоже на дворового пуделя. Облачко зазвенело, как колокольчик в волосах моего куратора, и с негодованием помчалось прочь. Сила моей воли слабела перед

жизнерадостностью Святилища, и с облегчением от самого этого осознания я радостно позволила себе упасть обратно в траву.

Да еще и покаталась с боку на бок, испытывая ни с чем не сравнимый детский восторг.

Лиссай замешкался от этого моего жеста. Как так? Чистил-чистил прекрасную даму от зелени, а она опять во все тяжкие... Принц задумчиво поскреб свои светло-рыжие вихры, потом широко улыбнулся, заставив веснушки на лице занять наступательные позиции, и плюхнулся рядом.

Я заставила себя строго произнести, хотя это было непросто:

– Лиссай, вообще-то я к вам по делу. Мне нужно расспросить вас о черной краске.

Ищущий повернулся ко мне с искренним удивлением на лице:

– О краске? Здесь?..

– Где угодно. Это моя работа. – Я сурово свела брови.

Мысль о том, что на моем лбу в этот момент появилось две вертикальные складки, показалась мне смешной. Но я сдержалась и продолжила хмуриться. Все-таки что-то тут не так с воздухом.

– Ладно. – Лиссай перекатился на живот и подпер ладонями подбородок. – Что именно ты хочешь знать?

Он продолжил упорно общаться на «ты». Я же максимально деловым тоном спросила:

– Что вы имели в виду, когда говорили, что от «черной краски не отвести взгляд»?

Лиссай почесал нос, потом протянул руку к растущим рядом ромашкам, сорвал одну и начал гадать. Хм, на что могут гадать мужчины? Неужели тоже на любовь?

Принц пожал плечами:

– Я имел в виду, что краска Теннета – это магический проводник. Она улавливает энергию унни, как клейкая лента – мух. Побочным эффектом является то, что краска тем самым захватывает человеческое внимание.

Я поперхнулась:

– Простите. Вы знали, что краска – магический проводник? – Перед глазами у меня мелькнуло неприятное видение: мертвое лицо госпожи Мелиссы.

Информация о проводнике была последним, что она успела нам сказать.

– Да. А что? – удивился Лиссай.

– Может быть, то, что о существовании таких проводников никто не знает? А вы не сообщили мне о них сразу, как только я заинтересовалась краской? – дерзко заявила я.

В Святилище поднялся неприятный холодный ветер. Лиссай поморщился:

– Тинави, при всем моем уважении, я тебе ничем не обязан. Какие вопросы задаешь – такие ответы и получаешь.

– Вам не кажется, что в случае преступлений умничать – это не лучшая затея?

– Тинави, ты все-таки разговариваешь с принцем крови, пожалуйста, потише.

Я аж захлебнулась от негодования.

Что?

Эта рыжая каланча кичится своим происхождением?

Тотчас Лиссаю на нос упала огромная холодная капля дождя. А мимо пролетавшая птичка – не Марах, какая-то разноцветная пичуга – сделала свое черно-белое дело прямо на шелковую пижаму Ищущего. В Святилище стало еще неуютнее: разгулявшийся ветер стал уносить клубы тумана, и оказалось, что земля меж деревьев абсолютно голая, даже без травы. На небе, и без того низком, стремительно стягивались тучи.

Принц растерялся:

– Тинави, боюсь, Святилище подстраивается под твоё настроение.

Я резко придержала коней:

– Такое может быть?

– В теории, да.

Лиссай поднялся с земли, с отвращением стер листом папоротника кляксу на шелке, и мы поспешили скрыться в беседке от начавшегося дождя. Там художник задумчиво облокотился о перила, глядя на унылую серость, которой быстро заволокло его волшебный потусторонний мирок.

– Если что, я уже передумала на вас злиться, – осторожно пробормотала я. – Хотя не ожидала комментариев про принца крови...

– Прости. Меня так воспитали. Ударили – бей в ответ. Это вырывается машинально, – повiniлся он. – Смотри, небо очищается. Удивительно!

Я подняла взгляд. И впрямь. Тучи разошли так же быстро, как и появились. Аккуратная радуга, мерцающая, аркой повисла в небе.

– Ничего себе, – подивилась я. – И что же, Святилище под всех так подстраивается?

– Не знаю. Ведь здесь не было никого, кроме нас. – Он наморщил нос. – Но я не помню, чтобы местная погода ориентировалась на меня.

– Новичкам везет. Как и дуракам, – я отмахнулась. – Позвольте, продолжу о работе?

– Да, конечно.

– Расскажите, как именно черная краска взаимодействует с унни.

Принц легонько улыбнулся, заставив ямочки на щеках проявиться еле-еле. Скорее обещание, чем ямочки. Но уже неплохо.

– Как я уже сказал, черная краска улавливает свободные частички унни, которых полно в мире, и стягивает их к одному месту. Такими свободными частичками наполнены, в том числе, наши мысли, если мы специально не сосредотачиваемся на чем-то одном. Поэтому я и говорю, что «от краски нельзя оторвать глаз». Большинство людей не думает. Почти никогда не думает, представляешь? Они делают все по привычке, механически, по накатанной. Живут на рефлексах, упуская суть. Унни гуляет в их головах, как перекасти поле. Искра не контролирует эту унни, светясь еле-еле. Конечно, краска заставит таких людей увлечься картиной. Поэтому я и любил свою «Черную серию». Она помогает сразу определить тех, кто не живет по-настоящему: они начинают пускать слюни перед полотнами, никакого сопротивления, никакой собственной оценки... Это очень грустно.

– И действительно, – цокнула я языком.

Что же, получается, наш маньяк выбирал для своих жертв наиболее... хм... не думающих людей? Как-то странно.

Я спросила:

– Лиссай, а есть места в нашем мире, где унни отсутствует? Напрочь?

– Конечно, нет! Как ты себе это представляешь? Тогда это будет уже не наш мир. И не наша Вселенная. Скорее – Хаос... – Принц поразился моему вопросу, и, глядя в его распахнутые глаза, я чистосердечно призналась:

– Я не очень разбираюсь в теории магии.

– Как и большинство людей. – Лиссай вздохнул. – Что очень печально, потому что использовать волшебство, не понимая, как что устроено, – крайне опасно. Унни, вместе с бромой и искрами – это основа нашей Вселенной, ее наполнение и суть. Унни вечно течет и меняется, благодаря ей мы в состоянии познать время. Брома, напротив, придает энергии форму, отвечает за стабильность. Драконы ведают бромой. А вот боги-хранители – ты когда-нибудь задумывалась, что они хранят? Они хранят унни. Вернее, ее свободный поток. Они следят за тем, чтобы все развивалось, двигалось. Они – главные апологеты перемен во Вселенной. Вперед или назад все движется – это уже наш, обладателей искры, выбор, главное, чтобы ничто не стояло на месте. Не будет унни – не будет ничего. Искра, помещенная в мертвую бромю, не даст жизни, сразу потухнет, как потухнет огонь без воздуха.

У меня потихоньку начала пухнуть голова, но я не сдавалась.

Сосредоточилась и уточнила:

– А наоборот? Если потухнет искра, что случится?

– В момент смерти унни покидает владельца. И, пока она не найдет себе новое пристанище – живое или нет – она свободна. А еще растерянна. Унни только что умершего человека можно просто забрать. Для этого даже не придется вступать в классический поединок с энергией – она слишком слаба, сама идет в руки. Просто забираешь и все.

Я аж подпрыгнула:

– Вы хотите сказать, что, если у меня нет магии, я могу кого-то угрожать и после этого использовать всю его унни, как захочу? Прямо колдовать?

Лиссай ошутимо забеспокоился от подобных высказываний.

Святылище начало наполняться цветными клочками тумана. Они хаотично метались по полянке туда и сюда, звеня при столкновениях. Настоящее воплощение моей взбудораженности. Но мне было не до этого. Я чувствовала, что дело о маньяке обрастает новыми потрясающими гипотезами.

Принц понизил голос:

– В теории, да. Если успеть поймать унни ровно в тот момент, когда тухнет искра. Это называется чистой магией, хотя чистоты в ней немного... Но она позволяет делать почти что угодно – даже запредельное – ведь с чистой унни не нужно бороться. Однако я от всего сердца не советую тебе пробовать, Тинави.

Я махнула рукой:

– Я и не собираюсь, не бойтесь. А вот кое-кто другой, видимо, позарился на подобную добычу. И, получается, чем больше человек ты убьешь, тем больше унни, готовой к сотрудничеству, у тебя будет... Чистая магия, ишь ты! А черная краска... Хм. Я правильно понимаю, что, если разрисовать человека черной краской, потом его убить, то на какое-то время унни останется в теле, как в клетке? А если это будут не просто рисунки, но специальные формулы... – Я начала лихорадочно ходить по беседке. – То унни сразу отправится в нужное маньяку место. Верно?

– Да, – осторожно подтвердил Лиссай.

Его зеленые глаза наполнились печалью.

Я же вспомнила о смерти торговца Бундруми, предшествовавшей магическому нападению на Мелиссу. Стало ясно, где убийца взял необходимую для колдовства энергию: это была унни почившего ювелира.

А когда маньяк убивал по ритуалу, с краской, то всю унни отправлял в некое место и не мог мгновенно потратить.

Поэтому и Айрин убита на середине моста – в тот момент у него и впрямь не было магии, так как унни пошла «впрок»... У меня ноль доказательств, но теоретические выкладки подтверждают: у маньяка нет своей магии!

Кажется, только что я нехило сузила список подозреваемых.

– С ума сойти. Почему о чистой магии никто не знает? Эта же настоящий клад для всяких психопатов! – изумилась я.

– Именно поэтому Дом Ищущих со времен хранителей держит эту информацию в секрете, вовремя беря обет молчания с тех, кто додумался сам и жаждет обнародовать открытие, – пробурчал Лиссай. – Вот только я такой балабол в Святылище...

– Так это же просто прекрасно, что балабол, Лиссай! Вы сегодня мне очень помогли! – Неожиданно для себя я звонко чмокнула принца в щечку.

Он мгновенно запунцовел, как это бывает только со светлокожими рыжиками.

И я с удовольствием почувствовала, как в душе снова звенит, перекачивается вчерашний магический «ручеек». А ведь настроение у карловой магии и Святылища – одно и то же. Хм. Интересно.

Когда я мысленно «потянулась» к этому теплу в груди, погодные метаморфозы резко увеличили темп. Яркое солнце воссияло над Святилищем. Из леса вокруг нас вышли, как из древних легенд, диковинные животные и наострили уши, всматриваясь в меня со смесью любопытства и тревоги. Цветные птицы распушили хвосты и запели.

Лиссай покачал головой:

– Никогда Святилище не устраивало таких зрелищ для меня. Никогда. Только для тебя. Даже обидно.

– Вот вам подарок, чтобы грустно не было! – Я вдруг поняла, что моя жемчужинка от Бундруми будет куда лучше смотреться на Лиссае.

Принц весь такой же светло-прозрачно-перламутровый, как и она. Я сняла клипсу с воротника и прицепила ее на лацкан принцессы пижамы.

Есть у меня такая привычка: когда мне хорошо, начинаю всех одаривать, как какой-то сумасшедший новогодний эльф. Думаю, мое подсознание так пытается сразу расплатиться с судьбой за доставленные радости.

– А вот что по-настоящему обидно, так это то, что мне пора бежать, – вздохнула я, прикинув, сколько уже прошло времени.

Святилище поспешило попрощаться.

Какое-то время безумных разноцветных спиралей по и против часовой стрелки – и вот я в покоях младшего принца. Лис ошарашенно сидит на кровати, а в углу на подоконнике приломился Марах, виновато сжимающий в когтях какую-то потустороннюю мышку. Наткнувшись на мой суровый взгляд, филин совсем по-человечески потупил взор. Да ладно. Пусть себе охотится.

– Лиссай. Еще раз – благодарю! Вы очень сильно помогли расследованию, правда.

Принц, кажется, даже не услышал этой реплики. Он ошарашенно смотрел в никуда. Наконец произнес, еле размыкая губы:

– И все же, Святилище слушается вас больше, чем меня. Подчиняется... Впуск-кает и выпуск-кает без моего одобрения. Но вы узнали о нем столь недавно... К-как так? Почему? В чем ваш секрет, Тинави? – Он поднял на меня свои огромные глаза, и я искренне поразились, увидев в них боль.

Ой-ой.

Лис что, по-настоящему ревнует меня к этому странному месту? Только этого не хватало.

Он и в Святилище упоминал о том, что беседка предпочитает ему меня, но там, видимо из-за опьяняющего местного воздуха, это звучало далеко не так грустно. А вот после укола реальностью Лиссай – было видно – обиделся не на шутку. Причем на меня.

Я открыла рот, надеясь, что честный утешительный ответ найдется сам собой. Но нет. Вместо этого пришлось с распахнутой пастью наблюдать за тем, как побледневший Лиссай спрыгивает с кровати по направлению ко мне, сжимая в тонких пальцах шелковую подушку.

Он хочет меня удушить, что?!

Принц приземлился аккуратно у моих ног, прижав подушку к полу. Я замерла. Секунду спустя Лиссай поднял свое шелковое оружие и с омерзением скривил губы. Я так и вовсе отскочила на метр назад. У моих ног, размазанные в грязь благодаря лисову нападению, валялись трупы нескольких мохнатых пауков.

– Сколько же здесь пауков... – пробормотала я, пятясь.

– Тут нет пауков, – странно посмотрел на меня Лиссай. – Ник-когда раньше не было.

– Я пойду, – промямлила я.

– Приходите еще, – выдавил он.

Мне показалось, что прощаемся мы на не очень хорошей ноте.

Ничего глупее, чем размолвка по поводу того, кому отдает предпочтение Святилище, и случиться не могло. Но что я сейчас сказала бы Лиссае, чтобы исправить ситуацию? Хей,

прости, пожалуйста, мне вообще по барабану на твою беседку, забирай на здоровье? Это только еще сильнее задело бы его чувства. Никогда – я знаю это точно – никогда нельзя выказывать пренебрежение к тому, что важно и дорого другому человеку.

Наверное, можно было бы остаться и поговорить обо всем по душам... Порассуждать, почему Святилище так мною прониклось, откуда принц столько знает про унни и все такое. Снова найти общий язык и потом разойтись довольными друг другом, все с тем же приятным мандражом внутри, который предшествует каждой моей встрече с Лиссаем.

Но как-то я так по-дурацки устроена, что ни одна романтическая перспектива для меня не сравнится с тайнами и загадками. С возможностью где-то и как-то победить. Насладиться чьим-то одобрением.

Поэтому, хоть я и была раздосадована, кровь бурлила от предвкушения: мне хотелось скорее сообщить Полюни добытые новости. Иноземное ведомство притягивало меня, как та черная краска – свободную унни. Сопротивляться невозможно. Я, ничего не говоря, вышла из покоев принца.

29

Полынь доволен

Всегда выбирай более простую гипотезу из двух. Ту, которая не требует привлечения дополнительных условий. Выбирай всегда... Но помни: исключения случаются.

Оллен из Окана, Срединное государство

В Иноземное ведомство я зашла под звук ударов обеденного гонга. С ума сойти! Всего сутки назад в это время мы разбирались с гибелью Мелиссы от таинственного сквозняка... Сколько же всего успело произойти.

Говоруны и Ловчие, Ищейки и Указующие, Архивариусы и почтовые мальчишки, дружно, как в мюзикле, захлопали дверьми и застучали о мраморные полы подбитыми каблукками: все спешили на обед. Радостное возбуждение накрыло ведомство: свобода, долгожданный перерыв! Все стремились на улицу, к солнцу и свету, набережным и верандам, плеску воды и шелесту древесных крон. Даже главная администраторша, больше похожая на манекен, нежели на человека, с удовольствием повертела головой, разминая шею.

Мой путь лежал против движения толпы. Уклоняясь от столкновений с чужими папками и перьями, я лавировала среди чиновников так успешно, что настроение взлетело до небес.

Как мало надо для счастья! Всего лишь почувствовать себя юркой ящеркой, движущейся к цели, вопреки преградам. Всего лишь заслышать музыкальный смех незнакомца и улыбнуться солнечному зайчику, спрыгнувшему тебе на нос с огромного маятника Иноземного ведомства.

Поднявшись на второй этаж, я постучалась в кабинет Полыни. Оттуда донесся какой-то невнятный, но вроде как положительный ответ. Я открыла дверь и увидела еще больший бардак, чем обычно.

Полынь стоял у пробковой доски, густо завешанной десятками, нет, сотнями разноцветных бумажек. Куратор водил по ним пальцем, что-то тихо бормоча. Он выглядел абсолютно изможденным. Его и без того специфические волосы с лентами и кольцами казались грязными и будто бы пыльными. Кожа отливала зеленым, в цвет очередной шелковой хламиды.

– Эй, все в порядке? – тихо обронила я, подходя.

Куратор резко обернулся. Синяки под глазами напоминали черные дыры, на лбу залегли глубокие морщины. Запах лекарств от кашля был просто невыносим.

– Тебя что, били? – поразилась я и пошла к окну, чтобы впустить свежий воздух. Ветер тотчас принес в наш кабинет ароматы сирени и жасмина.

– Били. Судьба била, – буркнул Полынь. – Я ношусь по всему этому прахову городу, как белка в колесе, и не могу сказать, что очень многое выяснил. Порадуй хоть ты меня. Что там со вчерашними делами?

Я достала из рюкзака и выложила на стол две «решенные» папочки. Задрав нос, гордо заявила:

– Сэр, все сделано в лучшем виде!

– Молодец, – он без особого интереса пролистал документы, убедился, что канцелярия поставила на них отметку «ПРИНЯТО», и кивнул уже с куда большим воодушевлением: – Правда молодец. А что по поводу Лиссая? Сказал что-то любопытное про краску?

– О да-а-а, – я ликующе закивала и, почувствовав себя хозяйкой положения, заняла доминирующую позицию в нашем кабинете: плюхнулась на любимый Полыню подоконник.

Куратор приподнял брови, мол, это что за самоуправство, но благоразумно не стал возмущаться: чья инфа, того и подоконник.

Следующие несколько минут я пересказывала Внемлющему свою теорию относительно маньяка. Она чрезвычайно заинтересовала куратора.

– Ты знаешь, похоже на правду, – протянул он. – Во всяком случае, картинка вырисовывается логичная. Не люблю подтасовывать факты под теорию, но тут соблазн слишком велик. Предположим, наш маньяк по тем или иным причинам лишен магии...

Полынь взял со стола алую бумажку, нарисовал на ней зверскую рожу и прилепил в центр свободного места на доске.

Я подхватила:

– Он не умеет навязывать свою волю обычной унни. Но маньяк знает про чистую магию: про то, что в момент смерти человека вся его энергия высвобождается разом. И даже не-маг может направить ее в нужное русло. Особенно если раздобыл подходящий артефакт. Например, черную краску.

На сей раз я стала украшать доску. Прилепила туда «трупик» с глазами-крестиками и связала ниточкой с маньяком. Над ниточкой прибила бумажку с надписью «краска» и стрелочкой.

– Хорошо, что об этом не рассказывают в школах, – покачал головой Полынь. – А то мир превратился бы в ужасное место: извращенцев много...

– Поэтому и не рассказывают, – кивнула я, вспомнив ремарку принца про Дом Ищущих и времена хранителей.

В этот момент в кабинет, постучавшись, зашла сотрудница ведомственной столовой с подносом, уставленным всякой снедью на двоих. Эта розовощекая симпатяжка на секунду растерялась, увидев меня, а потом нахмурилась, метнула в сторону Полыни обвиняющий взгляд, с грохотом шлепнула принесенный поднос на стол и ушла, хлопнув дверью.

Я хмыкнула:

– Полынь, у тебя, кажется, были свои планы на обеденный перерыв?

– Не дай небо, – поморщился куратор. – Это все моя новая болезненная слава из-за Генеральства. Ведомство раскололось на два лагеря – тех, кто верит в мою победу, и тех, кто нет. Сотрудники начали делать ставки. Появились эдакие «агенты», которые пытаются из надежных источников узнать, насколько же я на самом деле близок к завершению своего вызова...

– Это не было похоже на приход «агента». – Я похлопала его по плечу. – Скорее, реакция типичной девушки на то, что ею пренебрегли.

Полынь досадливо отмахнулся:

– Мы отвлеклись. Итак, маньяк убивает людей и с помощью черной краски куда-то отправляет их энергию. В Башне провели анализ символов. Это прото-заклинания, представляешь? Они были в ходу еще до нашей эры, до ухода богов.

– Что-то наш убийца свихнут на старине! – удивилась я. – Краска у него теннетова. Письмена со времен хранителей. Драконами увлекается.

– Все маньяки – психопаты, – Полынь кивнул. – Поехали дальше. Согласно свидетельству Мелиссы, маньяк направляет энергию в накопительный камень. Вчера я выяснил, что это за камень. Называется гематит, он же кровавик. – Полынь прицепил на доску еще одну наклейку и продолжил стрелочку туда.

– Увы, – вздохнул куратор, – этих гематитов, в противовес краске, просто завались. Пробуем отследить.

– Мелисса сказала, что энергия нужна маньяку для телепорта к драконам, – почесала репу я. – Но зачем ему к ящерам?

Мы задумались.

Разбудить драконов... К чему разбудить драконов... Мне вспомнился бодрый голосок Кадии, размахивающей комиксом – старое доброе видение времен учебы...

– Полынь! – ахнула я. – А что, если маньяк хочет с помощью драконов вызвать богов-хранителей?!

– Зачем? – опешил куратор.

– Этого я еще не придумала... Просто так?

– Я не верю в «просто так», Тинави, – куратор категорично покачал головой. – Нужен мотив.

Я насупилась от его делового тона.

– Придумай мотив – тогда рассмотрим гипотезу, – чуть миролюбивее, но все еще строго сказал Полынь.

И продолжил задумчиво грызть карандаш, вытащенный из-за уха.

Не успела я по-настоящему обидеться («Хей, ну а где восторг хотя бы от смелости моей идеи?!»), как куратор расширил глаза, подскочил на месте и охрипшим голосом проорал:

– А вот в моей гипотезе ЕСТЬ мотив!

Сердце мое в ответ на это забилося, но лицо осталось намеренно непроницаемым. Так-то. Пусть знает, каково оно – когда твою теорию не поддерживают...

Но Полынь, кажется, был самостоятельным парнем. И в одобрении не нуждался, чтоб продолжать.

Куратор забегал по комнате, размахивая руками. Мало-помалу его энтузиазм передался мне.

– Чистая унни, Тинави! Подумай! Боги-хранители отвечают за унни, ее свободный поток. Драконы – за брону и стабильность. Уничтожь драконов – и вся унни во вселенной высвободится, лишённая формы. А ведь именно с такой унни, едва покинувшей тело, умеет работать наш маньяк!

Я ойкнула:

– Ты что, думаешь, он конец света задумал? Уничтожить всю материю разом?

– Не знаю. – Полынь осторожно покачал головой. – Ведь тогда и он погибнет. Но вот смерть одного ящера... Или двух... Это куча энергии. Несравнимо с человеческой гибелью. Если маньяк «всосет» ее в свой гематит или еще куда – сможет долгое время жить припеваючи.

– Это какая-то совершенно наглая идея, – поразила я.

– Наглая – не то слово. – Полынь наклонил голову вбок. – Либо маньяк совсем спятил, либо у него мания величия размером с Шэрхенмисту.

Мы немного помолчали, дивясь на убийцу.

Я протянула:

– Слушай, Полынь. А если даже только парочка драконов умрет, в мироздании ничего важного... ну... не сместится? Вдруг с бромой повсеместно произойдут какие-то изменения? Например, все люди лишатся тел? Будем как призраки? – наконец спросила куратора я.

Но Полынь только отмахнулся:

– Не знаю. Вопросы вне моей компетенции. Но мы всегда должны стараться так, будто мироздание на кону. Этот маньяк меня уже порядком достал. Давай уже его поймаем!

Он азартно прищелкнул пальцами:

– Пробежимся по основным вопросам. Почему убийства во дворце?

– Курган усиливает магию всех, находящихся там. В людях тупо больше унни. И после убийства больше унни освобождается. Выгодно.

– Согласен, принято. Почему нужна была помощь Айрин и Мелиссы?

– Айрин помогала маньяку проходить во дворец незаметным, по ледяной дорожке. Мелисса затесалась случайно.

– Зачем Айрин вообще вступила в сговор с убийцей? Я проверил – она была очень приличной дамой. От таких не ждешь потребности в мясорубке.

– Ну... Деньги?

– Вряд ли. На доходы она не жаловалась, наоборот. Всегда отдавала много золота в храм, а после встречи с Тактом – еще больше... Так что тут у нас белое пятно, – Полынь нарисовал огромный вопросительный знак и прицепил его на доску.

– Нужен мотив для Айрин, – подтвердила я. Полынь с улыбкой обернулся и подмигнул мне: мол, молодец, запоминаешь.

Потом он отступил от доски, полюбовался делом рук своих и спросил:

– А зачем маньяк убил своих подельниц?

Я зависла на секунду. Затем предположила:

– Может, они перестали быть ему нужны?

– Нет, – Полынь покачал головой. – Это бы значило, что маньяк закончил с убийствами. А я не хочу в это верить, потому что тогда мы проиграли, и он уже у драконов. Так что давай считать, что дамочки были скомпрометированы – и Часовщик Такт узнал об этом.

– Значит, маньяк в курсе нашего расследования? – напряглась я.

– Ага. И поэтому тем утром мы получили сразу три трупа. Ты кому-то рассказывала об этом деле, признайся?

Я покраснела и уткнулась взглядом в пол. Потом проямлила:

– Д-да-а...

Полынь, вопреки моим опасениям, не стал рвать на себе волосы и обвинять меня во всех грехах:

– Я тоже говорил. И еще десяток Ищеек в курсе. Которые тоже любят потреться с близкими о работе. И пол-Архива. И все те люди, к которым я обращался за консультациями. Короче, скомпрометировать наше расследование было проще пареной репы. Журналисты молчат о нем только из-за страха перед королем. Так что двигаемся дальше. По какому принципу выбираются жертвы?

– Я не знаю. Понятия не имею. А ты, Полынь?

– У меня появилась идея, – куратор задумчиво поцокал проколотым языком. – Ни одной формальной общей черты между всеми нашими убитыми нет. Я всю официальщину проверил. Ни-че-го. Но меня натолкнул на мысль вот этот блокнотик...

Куратор вытащил из ящика «График дежурств», который я нашла во дворцовой аркаде:

– Изучив его, я понял, что с приведенными тут именами творится какая-то ерунда. Почитал их так и эдак и обнаружил, что они написаны шифром – простейшим, но шифром. Просто слоги в именах переставлены местами. К сожалению, учитывая, что большая часть имен в Шолохе уникальна, восстановить получается далеко не все. Но многое. И знаешь, что прекрасно? После расшифровки я получил список совершенно никак не связанных друг с другом граждан Лесного королевства и мигрантов. Тут есть знатные. Есть маги. Есть стражи. И есть прислуга.

– А наши убитые там есть?

Полынь с сожалением цокнул языком:

– Нет. Но! – Он назидательно поднял указательный палец. – Тут есть пропуски в одну строчку. Восемь хаотичных пропусков.

– Ох... – Я расширила глаза. – Столько же, сколько было трупов в краске на тот момент, когда я нашла блокнот?

– Именно. Есть, конечно, еще куча гипотез, которые могут объяснять подобные пропуски в таком количестве, но на безрыбье и рак рыба. К тому же, блокнот ты нашла в зоне действия преступника. К тому же, человек, выронивший его, сбежал.

– Согласна, будем оптимистами. Итак, если «график» связан с убийствами, то все, чьи имена упоминаются на его страницах – в опасности? Маньяк убивает людей из этого списка?

– Да, но вряд ли всех. Есть широкая выборка – те, кто попадают в «График». И есть какая-то более узкая – те, кого пропускают. И убивают.

– А кто попадает в «График»?

Польнь мне хитро подмигнул.

Потом жестом попросил подвинуться и тоже уместился на подоконнике. Эта операция, что логично, сопровождалась громким перезвоном, перестуком и шорохами многослойного одеяния. Сопя, куратор принял свою любимую позу со скрещенными ногами, задвинув меня куда-то в самый угол, к апельсиновому дереву, и с заговорщицким видом шепнул:

– Те, кого мы с тобой прекрасно понимаем. Те, кто связан постыдной тайной.

– Не такая уж моя тайна и постыдная, – буркнула я обиженно. – Просто незаконная.

Польнь фыркнул:

– А ты, я так погляжу, стала проще ко всему относиться!

Я скривилась.

Не объяснять же ему, что волшебство готово ко мне вернуться. В несколько модифицированной форме, правда. Так Дом Внемлющих выпускает на рынок какую-нибудь технологичную игрушку, а потом улучшает ее и выпускает снова – «игрушка 2.0». Вот и у меня будет «магия 2.0». От Карла.

«От кутюр», – как пошутил вчера сам мальчик, но не смог объяснить, что за «кутюры» такие. Только вспомнил, что «от» – это, на самом деле, «высокий». А вот на каком языке – прах его знает.

– В общем, да, я предполагаю, что все эти столь разные люди могут быть связаны постыдной тайной, – улыбнулся куратор. – Или постыдным увлечением. Чем-то таким, о чем не говорят и не пишут почему зря. Разве что вот в таких странных книжечках без имени и без адреса. Да еще и шифром.

– А какая постыдная тайна может быть у наших убитых?

Польнь раздраженно дернул костлявым плечом:

– Вот этого не знаю. Но я готов предположить, что это магический ритуал, увеличивающий объем их унии. Маньяку это было бы на руку.

– Логично.

– Итак, набросаем план дальнейших действий, – Польнь достал из-за уха карандаш и стал деловито записывать в блокнотик, жестом фокусника изъятый откуда-то из складок хламиды.

Я заметила, что куратор – левша и очень забавно выворачивает руку, когда пишет. Ого. А я ведь тоже левша. Это правда так странно выглядит со стороны?

– Что смотришь? – буркнул Польнь, почувствовав мой взгляд.

– Все-таки у тебя на правой руке должна быть татуировка.

Куратор поднял на меня изумленные глаза и машинально коснулся своего правого запястья, полностью закрытого браслетами:

– Это еще почему?

– Ну, не на левой, а на правой. Чтобы, когда ты пишешь одной рукой, можно было вторую положить знаком вверх, и все видели, что ты Ловчий. Ну не знаю. Почему она у правшей на левой? Левшам наоборот можно тогда. Ой, ладно, не обращай внимания.

«Че?» – скривил губы Польнь и, покрутив пальцем у виска, вернулся к написанию. Его шок можно понять: меня с недосыпу еще и не так заносит.

Польнь писал долго. обстоятельно расписывал цели и задачи, просчитывал, кого из специалистов к какому делу можно приписать. Я мирно ждала, поглядывая на нашу доску с гипотезами.

– Может, наш маньяк – бывший Ходящий? – предположила я, когда, благодаря рукодельнику-Польни, воочию увидела размах злодейства.

Куратор нахмурился.

– Мотив понятен – в рамках твоей гипотезы. – Я вернула куратору недавнее подмигивание: мол, да, учусь! – Если во время бунта Ходящих нашего маньяка сильно ранило и он

лишился магии, то теперь мстит. Убивает рядовых шолоховцев без жалости, а силу драконов потом использует, чтобы одним махом уничтожить весь мир – в отместку. А главное: мания величия размером с Шэрхенмисту, ты сам сказал! Разве есть кто-то самоувереннее и равнодушнее, чем теневики?

Полынь грустно хмыкнул и покачал головой:

– Я смотрю, Тинави, у тебя все всегда сводится либо к Ходящим, либо к богам-хранителям. По-другому неинтересно, да?

– Неинтересно, – честно призналась я.

Полынь задумчиво грыз костяшки пальцев. Наконец, он сполз с подоконника и пошел в дальний конец кабинета, к шкафу, где у него хранились, скажем так, боеприпасы: разнообразные ножи, кастеты, свитки с одноразовыми заклинаниями, имаграфы, наручники и прочий реквизит для Увлекательных Событий.

Распихивая по карманам своего одеяния эти штучки, Полынь вздохнул:

– Все возможно. В любом случае, сегодняшнее открытие про чистую магию переписало правила игры... Мне ужасно не хочется признавать, что маньяк знает «секрет тухнувшей искры». Но от этого уже не отмахнуться.

– Почему не хочется признавать?

Куратор запустил пятерню в волосы и вздохнул:

– Получается, что изначально я недооценил нашего врага. И потому, боюсь, выкладывался не на сто процентов. Отвлекался на другие дела, например. А теперь... Если маньяк не ограничен в использовании унни... И знает о нашем расследовании... И разбирается в вещах, о которых я даже не слышал – в прото-заклинаниях и магических проводниках, например... Я начинаю не на шутку бояться за драконов и мироздание. – На этих словах Полынь со знанием обернулся.

Темные глаза куратора были серьезны, как никогда.

Я поежилась:

– То есть речь уже не о маньяке, а о суперманьяке с суперцелью, суперподготовкой и суперспособностями?

– Вот-вот, – кивнул Полынь. – Зато еще и с суперрасписанием. Как ни крути, чаще раза в неделю он не убивает. И все тут. Как я понимаю, это связано с тем, что камню гематиту нужно время, чтобы «всосать» энергию. Так что я поймаю нашего психопата до нового убийства, пусть даже мне придется перелопатить дома всех жителей Шолоха в поисках кровавика, допросить каждого из «графика дежурств», принять участие во всех постыдных магических ритуалах и перетрясти всех не-магов... и всех Ходящих заодно, раз ты настаиваешь.

Пока я представляла, какими последствиями может быть чревата последняя угроза, Полынь подхватил со стола гору ведомственных папок и запулил в меня:

– Чего зеваешь? У тебя, между прочим, еще куча нераскрытых дел.

– Я думала, с маньяком помогу?

– Не-не-не. Маньяк мой. – Куратор азартно потер ладони.

Я со вздохом стала запихивать папки в рюкзак.

30

Теневые блики

*Наслаждайтесь жизнью сейчас, малышки.
Чистовика не будет.*
Улиус Чобчек, Глава департамента Ловчих

Не стану утомлять вас унылыми подробностями моих сегодняшних дел в качестве Ловчей.

Они были весьма тоскливыми: одна регистрация мигранта, одно подтверждение психического здоровья (у чужестранца сгорел дом, я помогала добиться страховой выплаты), один украденный на рынке глиняный кувшин с молоком (Андрис Йоукли в ответ на мое паническое письмо: «А с этой ерундой что делать?!» флегматично сказала: «Ничего, просто закрывай дело. Твое время дороже кувшина, и время этого мужика – тоже. Посоветуй ему не париться по мелочам»).

На сей раз я везде ездила одна. Ни бита, ни лассо негодились. Взрывные бутылки тоже лежали в тишине и покое. Присутствие Мараха скрашивало мое одиночество, но филин, как и раньше, был немногословен (мягко говоря), а письма туда-сюда таскал с неохотой.

К вечеру я поняла, что скучаю по людям, и непрощенной гостьей поехала к Дахху. Во-первых, авось, помирился после той размолвки из-за снов. Во-вторых, хочу продолжить учебу с Карлом.

Просто с ума сойти, как хочу.

* * *

С погодой мне не повезло. Точнее, не мне, а всей нашей несчастной столице.

Обычно Шолох свеж, зелен и полон солнечных лучей (насколько это позволяют вездесущие елки). Но сегодня небесная канцелярия сошла с ума и зачем-то устроила на улицах беспредел: ливень, грозу и холод.

Семь шолоховских рек чуть не вышли из берегов, а мостовые оказались покрыты толстым слоем жидкой грязи. Ундины, ликуя, шлепали хвостами по воде, да так оголтело, что забрызгивали даже тех немногочисленных прохожих, кто оставался сухим при помощи зонта.

Выживают в такую погоду лишь чародеи, умеющие накрываться атмосферным куполом. Увы, я не из их числа: поэтому ноги мокрые, а настроение ниже нуля...

К дому Дахху я пришлепала раздраженная, как пустынный демон. Скукожилась у входной двери, обреченно поскреблась и замерла, попытавшись стать невидимкой для дождевых капель. Мне открыли.

– Какая ты мокрая! – ужаснулся Дахху с эдакой «бабушкиной интонацией», его визитной карточкой.

– Очень мокрая, – я застучала зубами. – Можно чаю?

– Проходи, – друг заботливо помог мне снять потяжелевшую от влаги летягу и засуетился с целью обеспечить гостье максимальный комфорт.

Кстати, про «бабушкины» черты. Подозреваю, вы уже заметили, что Дахху очень любит вот это все – всплескивать руками, носить свитера и шапочки крупной вязки, сидеть в тепле и читать книжки перед сном. А еще занудничает по делу и без дела. Идеальный внук.

Все верно.

До того, как поступить на обучение к магистру Орлину, Дахху жил с бабушкой. У них был свой дом в северном уголке поместья Смеющихся, старый, скрипящий на ветру, скособо-ченый и вообще настолько непрезентабельный, что родственники предпочли развести вокруг него пышный яблоневый сад. Так, чтоб с улицы не видно.

На кухне у бабушки – госпожи Эльши, – сервант ломился от огромного количества чашек. Все они были разные и принадлежали некогда тем или иным родственникам. Когда родственник умирал, переезжал или просто переставал заходить в гости, чашка оставалась закрепленной за ним по некоей священной традиции.

В детстве Дахху постоянно играл с бабушкой в эти чашки.

Не очень достойное занятие для молодого человека, конечно, но что поделаешь! Старая Эльша с удовольствием рассказывала внуку о всех ветвях и поколениях Дома Смеющихся, кто чем был знаменит, чем грешен. Наверное, оттуда растут корни у друговой любви к истории.

Когда после завершения обучения Дахху переехал в пещеру, он забрал фарфоровое богатство с собой. Но, чтя историю, пьет только из одной чашки – своей. Остальные пылятся за стеклом серванта и периодически вынимаются, чтобы скрасить Дахху его нередкие часы ностальгии.

Я испытываю к его чашке какое-то дружеское сочувствие. Иногда я вспоминаю, вспоминаю и никак не могу вспомнить – а случилось ли мне хоть разок видеть Дахху, но не видеть с ним чашки? Мы с Кадией даже придумали ей имя – Майор Трещинка, потому что непрекращающаяся война чашки со временем оставила на ней свои следы...

Утром Майор Трещинка браво сторожит черный медовый кофе. Днем наполняется чаем или нектаром. Вечерами в ней зачастую можно увидеть вино, а в промежутках на дне весело плещется родниковая вода.

Однажды мое любопытство пересилило воспитанность, и я втихомолку попробовала попить из Майора Трещинки. Мне было интересно, что случится? Вдруг меня пронзят гром и молния или же я почувствую в себе невероятные силы? Или просто превращусь в Дахху?

Но ничего не произошло, кроме того, что до конца вечера я чувствовала волшебное покалывание тайны пополам со стыдом. Мне кажется, Майор Трещинка все-таки очень сильный талисман.

Наверняка в ней что-то есть. Как и во всем, что мы – по тем или иным причинам – наделяем историей...

Сейчас, проводив меня на кухню, друг, конечно же, залез в сервант – надо же меня из чего-то поить. Привычным жестом обогнул стройные ряды «семейных» чашек и достал мою, личную, – темно-фиолетовую, из тонкого фарфора, с золотыми звездами по ободку.

Дахху заварил травяной сбор и осторожно протянул мне:

– Не обожгись, – в ответ я промолчала.

Друг потерял ушные мочки, а потом скрыл их под шапкой, натянув ее плотнее:

– Ты просто так заглянула?

– Да.

Очень хотелось добавить «а что, нельзя?», но я сдержалась. Дахху явно хотел примирения, как и я. Иначе бы вообще не открыл дверь. Продолжайся наш конфликт, все было бы иначе.

Между рвякающим пассажем про то, что я «прахова максималистка», на котором остановился наш диалог в тот раз, и нынешней кротостью была настоящая бездна. Друг пересек ее, как канатоходец, и теперь не хочет оборачиваться. Поэтому я тоже поддерживу его и тоже сделаю вид, что все в порядке:

– Как продвигаются дела с «Доронахом»?

Дахху заметно оживился. Искренне, не наигранно. Сел напротив, отодвинул в сторону шахматную доску (он их коллекционирует, как минимум раз в день играет партию сам с собой) и деловито поставил локти на стол:

– Шикарно. Замечательно. Пре-вос-ход-но.

Я улыбнулась:

– Дашь почитать?

– Я был бы счастлив сделать это, – признался Смеющийся и бросил осторожный взгляд в сторону письменного стола, заваленного бумагами. – Но, как и всякий молодой автор, я жажду отзывов. Если я дам тебе «Доронах», то потом буду бесконечно требовать комментариев. И тоскливо заглядывать в глаза при каждом удобном случае. А еще мне очень нужна будет похвала. И когда ты совершь – а ты совершь, – похвалив мое сырое сочинение, я все пойму. И это разобьет мне сердце. Так что я очень, очень, очень хочу дать его тебе. Но не могу, прости.

– Ух, – выдохнула я, – вот это накал.

Помолчала. Повозила мизинцем по чайной ручке и, наконец, предположила:

– Мы... больше не в ссоре?

Дахху глянул на меня искоса. Уютно обхватил Майора Трешинку руками, предварительно натянув на ладони рукава, чтобы не обжечься, подул на темный травяной сбор. Потом медленно покачал головой:

– Нет, Тинави. Конечно же, нет.

– А сны?..

– Со снами все схвачено. – Он подмигнул.

Жест, настолько легкомысленный, что никак не вяжется со Смеющимся. Ну разве что в наиболее счастливой его ипостаси.

Я с облегчением выдохнула:

– Поздравляю! А я поняла, что погорячилась на ужине. Как всегда.

– О да, это ты умеешь, – засмеялся Дахху.

Несмотря на имя своего Дома, он мало смеялся – так что это было непривычное зрелище.

Я предложила:

– Может, позовем Кадию и отпразднуем установившийся между нами мир?

– А давай.

Друг достал из кармана блокнотик с ташени. Я жестом остановила его и ссадила с плеча задремавшего было Мараха.

– Ну, птичка, покажи класс, – шепнула я филину. Тот встрепенулся, нахохлился и с глубочайшим сомнением воззрился на свеженаписанное мной письмо. Потом совсем по-человечески вздохнул и вылетел в открытое окно с ним в клюве.

– Надо же, – оценил Дахху. – Воспитала его?

– Обратилась к специалисту. Где Карл, кстати?

– Во дворе, что-то мастерит.

– Пойду, проведу его. Если хочешь, можешь пока заняться «Доронахом». Я же вижу, что тебе не терпится, – покривила душой я.

На самом деле, не терпелось мне – увидеться с волшебным подростком. Но Дахху обрадовался и с готовностью отправился за письменный стол.

* * *

Дождь кончился. Моя летяга суше не стала, ну да ладно.

Карл сидел в дальней части двора в окружении птичек, оленят и крустов. Не мальчик, а сказочная принцесса – из тех, на чье утреннее пение ежедневно слетается вся окрестная фауна.

– А Дахху не видит ничего странного в том, что животные столь равнодушны к тебе? – полюбопытствовала я, подходя.

При моем появлении кусты, недовольно шипя и поскрипывая, разбежались, оленята попрятались за поваленным бревном. Смелые птицы остались на местах.

– Дахху не видит ничего, кроме «Доронаха», – возразил Карл, поглаживая какую-то малиновую пичужку. Птаха чуть ли не урчала (птицы так умеют, надо же!), сам мальчик тоже сиял.

Я пожала плечами:

– Некоторые люди так рьяно отдаются любимому делу, что со стороны кажутся его узниками. Но главное-то – что внутри. Насколько я поняла, у Дахху все отлично. Не знаешь, что это он вдруг перестал переживать из-за снов?

– Он не говорил мне. – Карл поднялся с бревна и предложил мне прогуляться прочь с участка, в глубину леса.

– Я думала, может, ты прочитал его мысли? – невинно предположила я.

Мальчик отрицательно покачал головой:

– Я очень уважаю господина Дахху и не хочу лезть к нему в голову без крайней необходимости.

– Тоже верно, – вздохнула я. – Ладно. Ты наверняка догадываешься, с какой целью я к тебе пришла.

– Конечно, – серьезно кивнул Карл. – Поэтому мы и уходим подальше. Настоящая магия не терпит чужих глаз.

Он ловко перескакивал с кочки на кочку, между которыми до сих пор блестели лужи дождевой воды, не успевшей впитаться в землю.

Длинный серый плащ мальчика испачкался грязью по подолу, треугольный капюшон полностью скрывал лицо. Когда полы плаща подлетали при прыжках, был виден красный комбинезон под ним. Карл смешно размахивал руками для того, чтобы удержать равновесие на скользких кочках, и я, бредя вслед за ним прямо по лужам (мокрее не стану), в который раз подумала: боги-хранители, меня учит магии ребенок с амнезией.

Ну что за бред.

* * *

Тренировка вышла короткой, но эмоциональной.

Учитель из Карла был так себе, прямо скажем. Кажется, ни я, ни он не представляли себе весь объем его пугающих возможностей, но при этом подросток не умел объяснять что-либо внятно. Мы еще раз обсудили тему «ручейка и моря», я снова успешно погрузилась в некий медитативный транс, позволяющий открыться навстречу унни и почувствовать ее благорасположение, но дальше дело не шло... То, что вчера казалось мне прорывом, по факту не было даже предбанником «нового волшебства».

– Сделай сейчас точь-в-точь как я, и у тебя получится, – заверил меня Карл, в сотый раз проделывая одну и ту же штуку: он вставал очень прямо, скрестив ступни, вытягивал руки вдоль корпуса, а потом резким, мощным движением вскидывал их вверх.

Сразу же в воздух взлетали предметы вокруг него – шишки, камешки и выложенные из карманов моей летяги прибабасы. Карл опускал руки – вещи падали.

– Ты издеваешься, да? – процедила сквозь зубы я. – Это элементарное движение. Я скопировала его уже двести раз. Фишка в чем-то другом. Может, ты что-то мысленно говоришь или там язык в трубочку сворачиваешь, а мне не видно?

Мальчик раздраженно замотал головой:

– Нет, ничего больше нет. Просто сосредоточение на унни и этот жест. Попробуй. Это самое простое, что я могу придумать. Не отвлекайся.

Я ворчала, бурчала, ругалась и пробовала снова. Даже ветер не поднимался. Птицы и оленята, вечная свита Карла, сидели по бокам выбранной нами лесной полянки и с любопытством глядели на мои потуги.

– Не получается, – полчаса спустя резюмировала я.

В моем голосе сквозило отчаянье. Нам пора было возвращаться. Да и в Смаховом лесу уже совсем стемнело, и я думала, как бы нам собрать все разложенные для тренировки вещицы, ничего не забыв в высокой сорной траве. Может, Карл заставит их левитировать, а я, как бес-талантный королевский паж, буду подцеплять прямо в воздухе?

– Ладно. – Мальчик почесал нос, посмотрел вдаль, что-то для себя прикидывая, и признал: – Есть еще один способ. Попробуем его.

– О нет, – запаниковала я. – Только не говори мне, что мы сейчас вернемся к классической магии и я должна буду сражаться с энергией силой воли! Это заведомо дохлый номер!

– Нет-нет, – успокоил меня Карл. – Ваша «классическая магия» ущербна и жестока. Я не буду учить тебя ей. Принуждение никогда не приводит ни к чему хорошему – это одна из тех вещей, которые я помню очень хорошо, – вздохнул он. – К тому же, думаю, твоя проблема именно в этом. Ты все равно подспудно пытаешься бороться.

На секундочку лицо мальчика будто бы поплыло, размываясь, как акварель на мокрой бумаге. Я охнула. Карл дернулся, и все вернулось на свои места.

– Я исчезаю, да? – Он с беспокойством схватился за нос.

– Надеюсь, что нет, – протянула я испуганно. – Если ты пропадешь, так ничему меня и не научив, мне придется искать тебя неведомо где, чтобы отомстить за свои разбитые надежды. Неловко получится! – Бессмысленные угрозы всегда помогали мне справиться со страхом.

Карл улыбнулся и подошел поближе:

– Итак, другой способ, – предупредил он, дотянулся руками до моих висков и сильно сжал. Я улыбнулась.

Но улыбка эта быстро съехала с моих губ.

Меня поглотила тьма.

Я не упала в обморок. Я просто перестала видеть, продолжая чувствовать все остальное, включая холодные детские ладони. Я несколько раз моргнула, но ничего не изменилось. Коснулась пальцами глаз – они были на месте, но от этого не легче.

– Что ты делаешь? – запаниковала я, пытаюсь освободиться. – Я ничего не вижу!

Руки мальчика исчезли. Карл тихо проронил:

– И не увидишь, пока не поднимешь эти предметы в воздух.

Я захлебнулась от негодования:

– Что-о-о!?! Ты решил поставить мне ультиматум? Это что, и есть твой способ?! А еще говорил, что принуждение – это плохо! Карл! КАРЛ! КАРЛ, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ С МОИМИ ГЛАЗАМИ?!

Ответа не последовало: звуки тоже пропали.

Пуховая тишина поглотила мир.

Ни шороха, ни скрипа, ни шелеста листьев на ветру. Я судорожно втянула носом воздух, чтобы убедиться – обоняния теперь тоже нет. Наверное, со вкусом дела обстояли так же. И, да, когда я села на землю и начала шарить пальцами вокруг себя, я смутно понимала, что натываюсь на некие предметы, но будь я проклята, если могла бы сказать, какие они – гладкие или шероховатые, холодные или горячие, твердые или мягкие.

Все это произошло очень быстро и вдарило по нервам очень сильно.

Потеря чувств, впрочем, совсем не была похожа на небытие. Мой внутренний голос продолжал жить, и очень активно, активней, чем обычно. Голос это ощутимо дрожал и повторял преимущественно одну и ту же фразу: «Что мне делать, что мне делать, что мне делать».

Несмотря на то что Карл дал мне ответ на этот немудреный вопрос в самом начале испытания – поднять в воздух предметы, что ж еще! – я отчаянно паниковала.

Наконец, перепуганная до смерти, с сильно бьющимся сердцем, я решила попробовать выполнить условия задачи.

Если вы сейчас не можете понять, с какого праха я вообще боялась, попробуйте поставить себя на мое место: какой-то неведомый пацан с темным прошлым отключает все то, что связывает тебя с реальным миром, и ты не можешь быть уверен в том, что он это дело вернет.

И вообще начинают возникать сомнения в его доброй воле. Может, он садист-психопат и сейчас сидит улыбается неподалеку, а ты – калека (реальная калека, а не как я раньше думала) на всю оставшуюся жизнь? Ох.

Я попробовала встать. Это оказалась сложно, так как мне не на что было ориентироваться в процессе. Но вроде в итоге удалось. Расслабиться в таких условиях не представлялось возможным, мысли бешено скакали.

Я в который раз почувствовала, что мне ужасно, чуть ли не до остановки сердца, страшно.

И вдруг в сердцевине этого страха появился некий стержень. Сначала – едва заметно... Потом – набухая, разрастаясь вширь и вглубь.

Это было принятие.

Принятие текущего положения дел, принятие самого страха, принятие того, что однажды меня не станет по-настоящему, а не «частично» из-за колдовства.

Да, однажды я умру целиком, умрет сознание, которое и является мной в строгом смысле этого слова, – идея, которая умеет довести меня до истерики и в хорошие дни, без какого-то либо вмешательства со стороны.

Но, как ни странно, сейчас мысль о неминуемой кончине не вызвала у меня привычной животной паники. Мне не хотелось загонять себе под ногти иглы и бежать по лесу прочь, пока не задохнусь, чтобы отвлечься. Я неожиданно почувствовала, что мое сознание никогда не исчезнет без следа – оно просто начнет существовать немного иначе и называться по-другому.

И это скорее грустно, чем страшно, – как прощание со старым другом при его переезде в другую страну.

Я заплакала. Тихо, спокойно, признавая, что я – частица мироздания, и мне в нем уготовано куда больше ролей, чем быть только Тинави из Дома Страждущих. Я люблю эту роль всем сердцем, но это всего лишь роль. Однажды пьеса кончится. Занавес может опуститься в любой момент.

Есть только настоящее – и никаких гарантий впереди.

После того, как все мое сердце наполнилось до краев этим осознанием, после того, как принятие вместе с кровью попало в каждую частичку моего тела, я поняла, что задание Карла и гроша ломаного не стоит.

Все, что меня окружает – это тоже я.

Вездесущие частицы унни – это я. Вернее, это мои братья и сестры, мои полные близнецы, которым сегодня достались другие роли в спектакле. На самом деле, той меня, которой я привыкла быть, не существует. Это иллюзия, даруемая крохотной, недолговечной искрой в глубине грудной клетки. Искрой, которая может потухнуть за долю секунды, и тогда моя унни, мое истинное наполнение, обретет свободу и ринется вовне.

Неожиданно темнота вокруг озарилась мягкими переливами – так бывает, когда ты долго жмуришься на солнце, а потом закрываешь глаза.

Эти странные пятна, одновременно черные и цветные, скакали вокруг, как блики на лунной дорожке. Унни, садистка, радовалась моему прозрению. Ручеек в душе окреп, превращаясь в горную реку с порогами, уступами, резкими поворотами.

Я позволила теневым бликам поглотить себя и резким движением вскинула вверх руки и подбородок.

Тотчас раздался тихий, шелестящий голос Карла:

– Ты молодец.

Я открыла глаза. Вокруг меня беззвучно парили над землей, крутясь вокруг своей оси, камешки и щепки, сорванные цветы и снятые с запястий браслеты, яблоки и блокнот, перо и зеркальце, случайные находки из карманов летяги – все, что мы разложили на поляне для экспериментов. Я безразлично опустила руки, позволив им упасть. Предметы, словно обессилив, рухнули на траву.

– У тебя получилось. – Подросток подошел и осторожно, одним пальцем, коснулся моего плеча. Живая, нет?

Я посмотрела на него в упор. Глаза были сухими после высохших слез.

– Это не стоило того, – прохрипела я и, шатаясь, пошла прочь.

– Тинави!

Я не стала отвечать.

Выйдя к пещере Дахху, я поняла, что Кадия уже приехала – к стволу криптомерии была привязана Суслик.

Лошадь приветственно заржала, увидев меня, но я молча проковыляла мимо. В ушах пульсировала кровь. Когда я моргала – видела эти праховы блики, скачущие на внутренней стороне век. Они приветствовали меня, звали меня на свой праздник всеобщего единения, но мне было тошно от их танца, хотелось стереть.

Теневые блики напоминали о смерти. Я не хотела быть безликой частичкой мироздания. Я хотела быть собой и только собой, быть Тинави из Дома Страждущих, сегодня, завтра, всегда, до скончания веков.

С магией или без нее. Я хотела быть собой.

Плевать на волшебство. Главное – сохранить свое я. Такое недолгое... Такое вечное.

Выйдя за калитку, я оказалась на набережной Вострой. Дошла до кованой решетки, не глядя, перемахнула ее и прыгнула, как была, в смоляного цвета реку.

Потрявоженные воды с плеском сомкнулась над моей головой.

31

Возвращение домой

Исключить из жизни дружбу – все равно что лишить мир солнечного света.

Цицерон Иномирный

– Не, я, конечно, знала, что ты у нас легка на подъем и любишь новый опыт, но топиться?! Это выходит за любые рамки! – Кадия возмущенно хлестала меня по щекам.

Лицо подруги горело, глаза лихорадочно блестели. Она была по-настоящему испугана, но бодрилась, поэтому тараторила преувеличенно весело.

– Я не топилась.

Мне надоело лежать пластом на набережной: я привстала на локтях и закашлялась. Выплюнула кусочек водорослей себе на грудь и поморщилась от сильного запаха речной гнили.

– А как, блин, это называется?! Полуночное купание? Экскурсия в подводный мир ундин? – Кадия ударила меня меж лопаток (еще водоросли полетели...) и обвиняюще ткнула пальцем в сторону Вострой, чьи черные воды плескались у нас под ногами. – Эти рыбины с огро-о-о-омным удовольствием потащили тебя ко дну! И, чтоб ты знала, у них было очень непросто отобрать добычу!

После этих слов я заметила, что Кадия не только вымокла, но и страшно исцарапана. Руки до локтя, скулы, шея – везде кровоточили длинные красные полосы, оставленные острыми ногтями ундин.

– Прости... – со стыдом застонала я.

– Нет, правда, какого праха?! – снова взорвалась подруга.

– Я должна была переключиться. Это невозможно объяснить.

Мчась покрутила пальцем у виска, встала и рывком дернула меня наверх, за собой.

– Скажи спасибо Карлу, – прошипела она. – Если б он не заметил со двора твоих приколов, объяснять было бы некому.

Я вздрогнула. О Карле мне думать хотелось в последнюю очередь. Ох. Только не моргать. Не моргать, не моргать. Стоит на долю секунды закрыть глаза – и опять эти блики.

– Ты похожа на восставшую из мертвых, – бушевала Кадия, таща меня в пещеру за руку, как маленькую.

Она не представляла, насколько попала в цель этим высказыванием.

– Что мне теперь, тебя из-под присмотра не выпускать? Это, типа, регрессия? Опять болеем головой? Снова будешь депрессовать из-за потери магии? Лежать дома, глядя в потолок, вспоминать инцидент в лаборатории, не есть, не пить и мочить подушки слезами?

– Это не из-за инцидента, – просипела я, пытаюсь поспеть за ней.

Какая ирония! Кажется, теперь причиной моего нервного срыва стало возвращение магии.

Мы пришли в пещеру.

Дахху не встретил нас у порога, как можно было ожидать, а продолжал что-то интенсивно строчить за рабочим столом. Услышав, что мы вошли, он подскочил на метр и стыдливо засеменял к нам. На кухне все это время пронзительно верещал чайник. У бельевого комода были хаотично выдвинуты несколько ящиков.

– Разложи для нее спальник, – приказала Кадия, кивнув в мою сторону. – И я же просила приготовить одеяла! И чай! Какого грека ты тут делал, пока я ее вылавливала?! – возмутилась она, глядя в ошарашенные глаза Дахху.

– Я отвлекся, – прошептал он и бросился к растерзанному комоду, распахивать остальные ящики в поисках одеял. На середине пути передумал и галопом поскакал на кухню, спасать чайник от сердечного приступа.

– Вы меня с ума сведете, – бурчала Кад, с трудом стаскивая с ног промокшие сапоги. – Одна самоубивается, другой окончательно сбрендил со своей книжкой. Уйду от вас к Анте Давьеру, небось сразу же оба откинетесь.

* * *

Десять минут спустя я лежала в спальнике, укутанная несколькими слоями пледов, с горячей чашкой в руках. Попытка объяснить Кадии, что на дворе почти лето, а потому нет смысла превращать меня в кокон, не принесла успеха. Подруга верила в целительную силу тепла. Чай тоже был бессмысленным – пить лежа его не получилось, а сесть друзья мне запрещали.

Кад устроилась по правую сторону от меня, на полу, опершись спиной на шероховатую каменную стену. Она выпрямила и скрестила в щиколотках свои безумно длинные ноги, которые рубашка, взятая у Дахху, прикрывала лишь до середины бедра. Мокрые волосы подруги пушились сильнее обычного. Свою кружку – ярко-желтую в белую крапинку, – подруга сжимала воинственно, будто меч.

Что характерно, себе Кадия ни одного одеяла не взяла, хотя, как и я, провела незабываемое время в ночной реке Вострой.

Дахху примостился слева. Он тоже спиной прижался к стене, но, в отличие от Кадии, сильно сутулился и носом тянулся к полу. Точнее, к блокноту, лежащему на согнутых коленях, в котором друг что-то писал. Темные кудри, торчащие из-под шапки на добрый пяток сантиметров, скрывали выражение его лица.

– Надеюсь, ты там описываешь мои подвиги по спасению этой дуры, – процедила сквозь зубы Кадия. – Иначе нет тебе прощения, – она все еще злилась.

Дахху быстро захлопнул блокнот и уставился на меня. В правый глаз он вставил монокль, из-за чего больше, чем обычно, походил на сумасшедшего ученого.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – Дахху заботливо положил руку мне на лоб, игнорируя пристальный взгляд Мчащейся.

– Да. А ты? – переспросила я. Потом перевела взгляд на Кадю: – А ты?

Они не успели даже рта открыть, как меня прорвало:

– Ребята, вам не кажется, что что-то в нас непоправимо изменилось? Раньше мы могли сидеть втроем где угодно, ночью или днем, с новостями или без, в любом настроении и с любым уровнем усталости... Что бы там ни было, мы болтали без умолку, захлебывались болтовней. А если думали, что другой не прав, то жарко спорили, пока не находили истину или же не решали, что проблема яйца выеденного не стоит. Нам не надо было спрашивать, «как дела». Когда мы были вместе, дела априори оказывались замечательно. А что теперь? Последние дни нагрузили каждого из нас очень важными вещами. Каждого – своими. И где она, бывшая сплоченность? Мы молчим об этом, или упоминаем вскользь, или отшучиваемся, отмалчиваемся, огрызаемся, по двое перешептываемся о третьем... Мы воротим носы друг от друга, увязнув в своих новых мирах. Догадайтесь сами, что там у меня происходит, а лучше не догадывайтесь. Говорить неохота, и зачем все это перетирать. Мало ли что скажут, лучше сам разберусь. Давайте устроим светский треп, не требующий умственного напряжения, а я пока подумаю о своем.

Я перевела дыхание, перехватила чашку с чаем и продолжила под их удивленными взглядами:

– Дахху, до тебя дотронулся бокки, и ты превратился в одержимого энциклопедиста, ушел из Лазарета, поселил к себе незнакомца, видишь какие-то бешеные сны – или уже не видишь – я так и не поняла... Комментариев от тебя – ноль. Только если вытягивать раскаленными щипцами. Кадия. Давно не секрет, что твоя работа в Военном ведомстве – не сахар. Можешь перестать изображать, что все пучком. А ведь еще существует твоя, судя по всему, серьезная история с Анте Давьером, о которой я могу только догадываться по случайным фразам и его просьбе посоветовать цветы! Где же наши девичьи обсуждения, а?

Под моим яростным взглядом Кад выпыхнула и отвернулась. Выпавший у Дахху монокль укатился куда-то в угол.

Я прикусила губу:

– Да я и сама хороша! Случилась уйма вещей, но я никак не могу не то что обсудить их с вами, но и просто обдумать, прочувствовать самой. Мне как будто все время чуть-чуть неохота, чуть-чуть лениво. Душа пропылилась и, о ужас, начинает считать это тупое восприятие нормальным положением дел! Я со скукой всасываю в себя информацию, но потом ничего, ничего с этим не делаю. Черная дыра какая-то. А ведь человек, в первую очередь, – творец. Узнав что-то, почувствовав что-то, мы обязаны вынести из этого урок и вернуть это миру в новом, обогащенном виде, – словом или делом. Глупо, но для меня подобным актом творения всегда были наши посиделки. Наши мысли, встречаясь в беседе, создавали нечто новое, и жизнь становилась куда богаче. Мы дарили друг другу идеи, и от этого наши души росли. Мы были настоящими демиургами. Мне этого не хватает, – скомканно закончила я и густо покраснела.

Где-то ближе к финалу монолога у меня появилось ощущение, что все это было одной большой ошибкой.

Позорище! Долгое молчание стоит нарушать, только если тебе действительно есть что сказать. И если ты знаешь, как это сказать. Я же запуталась, замешкалась и теперь не была уверена, что моя речь найдет отклик в чужих сердцах.

Кадия сидела, прикрыв глаза и сцепив руки на затылке. Дахху, забив на монокль, смотрел на меня искоса, наклонив голову и странно вытянув шею, почти не мигая.

– Ты права, – тихо проронила Кад. – Мы действительно разобщены. Причем я не знаю, почему – вроде бы нам и делить-то нечего. Видимо, прахова взрослая жизнь – сама по себе яд. В общем, мне тоже плохо. Хочу, как прежде.

Дахху задумчиво почесал ладонь правой руки и заговорил, не поднимая глаз:

– Однажды, еще на первом курсе, магистр Орлин сказал, что всем людям для сохранения душевного здоровья обязательно надо хотя бы изредка возвращаться домой. Я тогда спросил, что же в таком случае делать сиротам и мигрантам? Он пояснил, что наш «дом» – не обязательно то место, где мы родились. Это вообще не место. Это состояние, в котором мы полностью раскрываемся, становимся теми, кем хотим и кем предназначены быть. «Дома» мы находимся в полной гармонии со вселенной...

Дахху вздохнул и продолжил:

– Раньше я думал, что мой «дом» – это «Доронах», и корил себя, что не пишу задуманную энциклопедию. Сейчас я понял, что моим «домом» всегда были вы. Именно с вами я становлюсь лучше, я иду вперед, я чувствую силу. Возможно, однажды я найду себе новый «дом». Но пока что я хочу возвращаться к вам.

Я медленно, с облегчением закрыла глаза. Теневые блики больше не скакали на изнанке век. Я была спокойна и счастлива.

В пещере царила тишина, и только на кухне звонко капала вода из умывальника. Мы втроем замерли на своих местах, не шевелясь, боясь спугнуть волшебный момент единения. Я осторожно нашарила руки друзей и вцепилась в их ладони, как маленький ребенок цепляется за родителей.

Наконец, Кадия судорожно вздохнула и сказала, будто нырнула со скалы в зимнее море:

– Кажется, я люблю Анте Давьера и хочу обсудить это.

* * *

Время до утра промчалось незаметно. Мы говорили непрерывно, как в старые добрые. Иногда я проваливалась в дрему, но потом просыпалась и продолжала вещать – то волнительно, в полный голос, то шепотом, едва ворочая языком. С ребятами творилось то же самое. Это была прекрасная ночь, хотя мы не нашли многие разгадки и так и не нарушили всех своих тайн. Но мы говорили: сказками, намеками, эмоциями и страхами, словами и жестами, интонацией и взглядами. Я не рассказала ни о магии Карла, ни о Святилище – двух секретах, которые делила с другими. Но я говорила о чувствах, которые вызывают у меня эти секреты, и к утру мне стало гораздо легче.

Потом Дахху и Кадия уснули – все там же, возле моего спальника, утянув себе по одеялу. Как всегда: Кад в позе звезды и Смеющийся в позе эмбриона.

Входная дверь с легким скрипом приоткрылась.

Мальчик Карл зашел в пещеру и неслышно приблизился, глядя на меня с опаской, как на дикое животное.

Увидев, что я спокойна, он протянул мне холщовый мешочек:

– Я собрал твои вещи на поляне. Они тут. Прости меня.

– Спасибо. И ничего страшного. Вернее, страшно, конечно, ужас, как страшно... Но теперь все хорошо. – Я улыбнулась уголком рта. – Может, даже выдержу еще одно занятие. Или парочку.

Карл тихо, чтобы не потревожить сон друзей, присел рядом:

– Тинави, я вспомнил, как попал сюда. Верни мой фонарь, пожалуйста.

– Твой фонарь? – удивилась я шепотом. – У меня нет твоего фонаря.

– Есть. Тот металлический цилиндр, который я уронил в ночь с бокки, – так же тихо возразил Карл.

– Возьми в левом верхнем внутреннем кармане летяги³.

Скоро Карл вернулся со своей находкой. Я с любопытством наблюдала, как он нажал на мягкую кнопку артефакта. Как и прежде, ничего не случилось.

Тогда Карл цокнул языком, развинтил цилиндр, будто алхимическую колбу, и вынул из него две маленькие железные штучки, черно-оранжевые, с диковинными надписями. После чего... засунул их в подмышки.

Я изумленно раскрыла рот, но не стала комментировать. Скоро мальчик перестал изображать из себя курицу-наседку и снова положил штучки в фонарь.

На сей раз нажатие кнопки привело к неожиданному эффекту: белое матовое стекло, перекрывающее боковую часть цилиндра, засветилось. На стену пещеры упал широкий луч света.

– И впрямь фонарь, – обалдела я.

– Черт, а фича батареек в подмышках работает! – возликовал Карл, чуть ли не в ладоши хлопая.

Я не стала уточнять, что он имел в виду под этими загадочными словами. Мое внимание поглотила освещенная стена. На ней начало проступать изображение двери.

Картинка слегка рябила, будто озерная вода на ветру, но с каждой секундой становилась все четче и четче.

---

³ Вообще, надо было искать в левом средне-верхнем внутреннем, потайном... Ведь даже я путаюсь во всех тридцати карманах летяги. Но Карл справился, умничка.

Стали видны плотно подогнанные друг к другу доски, составляющие дверь, и узкие щели между ними. Буроватый мох карабкался по двери снизу вверх, разжижаясь на уровне груди. У двери была ручка, закручивающаяся мягкой бронзовой лентой, и подвесной замок в виде львиной головы.

А самое главное – дверь была приоткрыта.

В щель толчками пробивался белесый туман – будто поршнем накачивали. Слабое птичье пение, тихий шорох листвы, лисье повизгивание доносились из-за двери. Я невольно потянулась туда, замороженная. Колени у меня стали мягкими, пол начал неумолимо уезжать вбок. Кадия и Дахху в одеялах обеспокоенно засопели, но не проснулись.

Краем глаза я уловила, как безмятежная улыбка съехала с лица Карла. Мальчик вскочил, босыми ногами прошлепал к кругу света и рывком захлопнул дверь.

Горизонталь пола мигом вернулась на предназначенное ей место. Карл выключил фонарик.

– Так-то лучше... – выдохнул мальчик с облегчением и утер пот со лба.

Потом Карл плотно поджал губы, с опаской посмотрел на артефакт и хотел было протянуть его мне, как вдруг наткнулся на мой восхищенный, любопытный, взбудораженный взгляд.

Карл тотчас передумал давать мне фонарь. Даже за спину спрятал – на всякий случай.

Я восторженно шепнула:

– Карл! Там, за дверью, там что, – твой мир?

– Не совсем, но... Пришел я оттуда, да, – уклончиво ответил мальчишка.

– Так побежали тогда! – когда я предложила это, сердце мое сладостно ухнуло куда-то в сторону пяток.

Мальчик попятился и замотал головой:

– Нет, Тинави! Меня же там Зверь поджидает!

– Думаю, ты ошибаешься. – Я разулыбалась. – От двери совсем не пахнет проблемами. И... Если честно, мне кажется, я знаю, что это за мир, – призналась я. – Я была там. Он называется Святилище, и, Карл, поверь – там нет никакого Зверя. Там безопасно.

– Это для тебя «Святилище», и для тебя – безопасно, – мальчик пристально посмотрел на меня исподлобья. – И то не факт. Может, тебе просто повезло, – буркнул он.

Потом вдоль стеночки опустился на пол, прижал колени к груди и уткнулся в них подбородком. Я постаралась слегка умерить свой восторг от близости к тайне.

– Ты совсем не хочешь открывать эту дверь, да? – спросила я.

Он помотал головой.

– Хочешь, я одна туда схожу?

– Зачем? – горько спросил Карл. – Ты же говоришь – ты там уже была...

– Попробую найти твоего отца, например.

– Нет! – встrepенулcя мальчик. – Не надо!

Я наклонила голову вбок:

– Это еще почему? Ты же сам хотел с ним повидаться?

– Просто... – Карл весь как-то сжался. – Я не знаю, как он среагирует на то, что я выпустил Зверя... Это же я виноват...

– Я думаю, твой папа простит тебя. Папы обычно добрые, – произнесла я максимально мягко, стараясь изобразить из себя Дахху в его самые нежные дни.

Мальчик стрельнул в меня горьким взглядом.

– Только не мой, – выдохнул Карл, закрыв лицо руками. – Я боюсь, что он разгневется. Ведь он никогда не позволял нам общаться с ним... Никогда не являлся, как бы я его ни умоляла. Мне кажется, он не знает, что нам тоже нужна любовь. Или знает, но презирает желание любви, считает слабостью. Ему нельзя перечить. Он страшен в гневе. Я помню о нем лишь одно: однажды он ужасно наказал моего брата. Чуть не убил его. Хотя тот даже не был виноват.

Я моргнула.

– Эм. Интересные методы воспитания.

– Да... Но я все равно захотел найти отца: я очень долгое время был один, я запутался и не понимал, зачем живу. Мой страх отступил перед надеждой на смысл. И я пошел искать. И пришел к Зверю, выпустив его... Я должен исправить свою вину. Но я не готов. Мне так стыдно, Тинави, небо всемогущее, знала бы ты – как мне стыдно... – К концу фразы голос Карла стал едва слышим.

Я осторожно подошла и присела рядом с подростком.

– Эй. Не грусти, Карл. Я с тобой. Мы все совершаем ошибки. Ничего страшного. Все поправимо.

– Пожалуйста, не ходи за эту дверь. Я тебя очень прошу.

Сине-бирюзовые глаза мальчика были до неловкости мокрыми. Я поспешила обнять его.

– Я уверена, однажды ты наберешься сил и смелости. И тогда я провожу тебя в мир Святилища. И помогу тебе со Зверем. И папе твоему все выскажу, если хочешь – я ненавижу, когда детей пугают, а он тебя смотри как запугал. Мы с ним так поговорим, что он будет потом как шелковый ходить, конфетками тебя задаривать по делу и без дела. Или Мараха на него в ответ натравлю, хочешь? Будет летать за твоим папой кругами и ухать безостановочно – та еще пытка! А, Карл? Подойдет такой план? – я молола чушь, надеясь немножко приободрить своего совсем скисшего юного друга.

Он слабо улыбнулся.

– Тинави, мне всегда было так чертовски одиноко, знаешь. Всегда. Помню, в семье меня за это ругали – «слабак». Я очень рад, что нашел вас – тебя и мастера Дахху. Вы прекрасны. Я вас всей душой люблю.

Я страшно смутилась, покраснела, уставившись на собственные ноги:

– Спасибо, Карл. Я тебя тоже люблю.

– Правда? – спросил он, чуть ли не задыхаясь. Сколько восторга!

Я сглотнула:

– Ну... Да.

– Тогда ты разрешишь мне просто остаться в Шолохе? – пробормотал он. – Навсегда?

Я прикусила губу. М-да... И это я еще Полынь манипулятором называла!

Мальчик подкупающе улыбнулся:

– В конце концов, кто, если не я, сможет научить тебя новой, прекрасной, экологичной магии?

Я потрепала его по вихрастому затылку:

– Посмотрим. Только пусть фонарик у меня будет.

– Зачем это? – Карл напрягся.

– А мне он нравится, красивый. – Я широко улыбнулась, в стиле Мелисандра Кеса.

Карл подозрительно сощурился... Потом лицо его просветлело. Он развинтил цилиндр, вытащил оттуда диковинные «батарейки» и радостно протянул мне пустой фонарь обратно:

– Дарю, – сказал этот хитрый поганец.

Я разочарованно покачала головой.

Потом пожелала Карлу доброй ночи, или, вернее, доброго утра, и вернулась на кровать, чтобы успеть хоть немного поспать перед работой.

Последнее, что я видела, засыпая, была довольная рожа посапывающей рядом Кадии.

32

На живца

Если человек убьет муху – это убийство? А если бог убьет человека? А если Отец – бога?

Газета «Философия с Привкусом Боли»

Прошло около недели.

Очень насыщенной недели, из тех, что идут за год.

Раньше я думала, что только путешествия обладают свойством растягивать время и удлинять жизнь. Вы знаете это чувство: приезжаешь в незнакомое место и уже вечером не веришь, что утром ты был дома, в своей постели. А назавтра повседневность и вовсе кажется мифом из древних сказаний. И в голове жуткий диссонанс, когда по возвращении обнимаешь друга: «Хей, ну что нового, рассказывай скорее!», а он лишь жмет плечами: «Да я только раз из дома вышел».

Но, как оказалось, жесткий рабочий график, приправленный загадками, действует не хуже.

Как-то утром я заглянула в зеркало и не узнала себя. Нет, формально все осталось прежнему – та же встрепанная прическа, та же бирюзовая летяга, тот же холодный взгляд синих глаз, за которой, помню, меня всегда так ругали ухажеры. Но уголки губ невольно стремились вверх, и, кажется, я стала еще прямее. А нос определенно задрался, если вы понимаете, о чем я.

Особым предметом моей гордости было то, что я успешно раскрыла кучу дел для Польшы. Большинство на пару с Андрис Йоукли – пухлощекая Ищейка стала для меня незаменимой помощницей, особенно когда нужно было кого-то разыскать или уболтать. Она, казалось, знала всех в Шолохе. Не успевала я сказать: «Эх, нам бы специалиста по асеринскому праву», как она уже заводила меня в кабинет distinguished юриста с головой, набитой знаниями по самое темечко.

Я вздыхала: «Вот бы поговорить с кем-то еще из кучук-маходжи...» – и она притаскивала, откуда не возьмись, дряхлого старика, чуть ли не последнего представителя этой исчезающей народности.

В придачу к тому, с Андрис было очень приятно общаться. Говорливая, улыбчивая оптимистка, она, по сути, обладала только одним недостатком: регулярно курила трубку. Пыхтела, как степной носорог по весне, и, как ей казалось, таинственно исчезала в клубах вонючего дыма. Андрис думала, что это ужас как привлекательно, на одном уровне с железными очками. Окружающие же кашляли, тихонько качали головами и с грустью смотрели на ее пока еще розовую кожу.

– Слушай, Йоукли, – спросила я, когда мы с ней тащили в камеру предварительного заключения тролля-карманника. Это было непросто, ибо размеры тролля в четыре раза превосходили наш с Андрис суммарный объем. – А почему ты не стала Ловчей?

– А зачем? – философски пожала плечами девушка и профилактически ткнула тролля шипастой дубинкой в бок. Собиравшийся было предпринять очередную попытку к бегству, он покорно умолк.

Я озадаченно протянула:

– Ну... Более престижная должность. Возможности карьерного роста. Интересные дела.

– Страждущая, ну ты что! Престиж меня не парит, вашими делами – минуточку! – все равно занимаюсь я, а что касается карьеры... Я ж девочка. Зачем мне карьера? А платят Ищейкам куда больше, чем вам, выпендренникам, – подмигнула она.

Что ж, тоже верно.

Еще в парочке дел мне помог Патрициус. Мы так сдружились с белозубым кентавром, что я даже побывала у него в гостях. Перевозчик фактически стал моим личным водителем. Иноземное ведомство честно покрывало расходы Ловчих на дорогу, поэтому ситуация получилась выгодной для обеих сторон: Патрициусу «капало» достаточно денег, а я всегда и всюду успевала. Приезжала даже быстрее, чем если бы имела собственную лошадь. Ее пока отпавишь в стойло, пока покормишь, погладишь на прощанье... С кентавра же в экстренных случаях можно спрыгивать на скаку.

Мелисандр Кес тоже приблизился к работе Ловчих. После того, как я уснула на скамье, он называл меня не иначе как «госпожа Сонная». И при этом резко перестал требовать прогулок, встреч и прочих сомнительных мероприятий. Так резко, что меня это задело. Как водится, сработала реверсивная психология: теперь уже я добивалась внимания от своего «подозреваемого».

Не выдержав пренебрежения, один раз я просто взяла его с собой под каким-то случайным предлогом. Мелисандр верно все понял, громко поржал на тему моей уязвленной гордости, но с удовольствием принял приглашение. Мои рабочие дела привели историка в восторг. Особенно господина Кеса впечатлил один-единственный за всю неделю труп, выпавший как раз на день нашего с ним «сотрудничества». Мелисандр, увидев тело, не стал отворачиваться и зеленеть, как я предполагала (и как среагировала сама), а деловито подошел и попросил разрешения изучить жертву.

«Конечно же, тебе нельзя его трогать!» – я обалдела от такой просьбы.

Мел скривился и отошел, но издали с ба-а-а-альшим любопытством следил за работой вызванных мною коронеров. Я уточнила, всех ли асеринских историков так тянет на мертвечину. Мел усмехнулся:

– Только таких, как я.

– Я думала, ты по амuletикам! – фыркнула я.

– Не понять вам, обывателям, широты моих познаний, – Мелисандр выпятил грудь колесом, после чего был отправлен в канаву.

Мое лассо очуметь как хорошо в подсечках!

Кто у нас там дальше... Дахху.

Дахху успешно исчеркал несколько пачек бумаги. Я знаю точно – ведь все эти дни я ночевала у него. Моя гостевая келья быстро обрастала уютом. Марах облюбовал себе в качестве жердочки книжную полку и ночами, не мигая, смотрел на рыбок в надувном магическом матрасе. Страсть в его желтых глазах доводила рыбок до исступления. К счастью, охота так и не перешла в активную фазу.

Дахху был настолько увлечен работой, что, кажется, вообще не заметил двух новых жильцов. Я внимательно следила за ним:

– Ну как твои сны? Продолжаются?

– Потухли, – вздыхал друг в ответ. – Я редактирую то, что успел записать. Конца истории у меня нет...

Но почему-то вздыхал он без прежней грусти. Скорее, с мечтательной надеждой. Я удивилась перемене его настроений. Но приставать не стала – ремиссия? Что ж! Будь благословенна ремиссия.

Как вы догадываетесь, мой импровизированный переезд произошел из-за Карла.

По утрам, до работы, мы с мальчиком гуляли по Шолоху, и я показывала ему город, рассказывала всякие веселые глупости, бесконечно кормила сладкой ватой и засахаренным миндалем.

«Я счастлив!» – иногда восклицал Карл с таким придыханием, будто кого-то о чем-то умолял. Мне жутко льстило это его «я счастлив» – и я с удвоенной энергией пыталась наполнить жизнь чудо-мальчишки повседневными радостями.

А по вечерам мы с Карлом продолжали тренироваться, уходя в чащу Смахового леса. Еще дважды уроки заканчивались моими слезами и бесконечным ощущением тщетности, несправедливости бытия, что не на шутку озадачивало Карла.

Потом вдруг произошел прорыв – когда я поняла, что унни точно также можно прима-нить сильными эмоциями. Очень сильными эмоциями.

Так, один раз я показала неожиданно хороший результат на волне внезапно вспыхнув-шей ненависти к себе («Да что ж я за убожество такое, что у меня ничего не получается!»). Я разозлилась не на шутку – и тотчас смогла расколоть целое дерево не пойми откуда взявшейся молнией.

– Нет! Перестань так делать! – Карл раскричался и чуть ли не по носу меня шлепнул, как нашкодившую собаку.

– Да почему? Работает же! И не страшно, – возмутилась я.

– Как минимум потому, что так ты теряешь контроль над собой и над ситуацией, – объяс-нил мальчик. – Поначалу может быть приятно, когда тебе так сносит голову, но в перспективе это ведет к деградации. А еще к тому, что унни вообще откажется иметь с тобой дело. Для энергии это как завести друга-тусовщика. По молодости прикольно зависать в ночном клубе, но потом понимаешь, что у тебя другие приоритеты. И, если сам тусовщик не меняет поведе-ние, ты прекращаешь с ним общаться. Понимаешь?

– Не понимаю. Какие еще ночные клубы? О какой такой молодости рассуждаешь ты, дитя? – Я развела руками.

Карл тяжело, совсем по-взрослому вздохнул:

– В общем, Тинави. Лови вселенский секрет. При желании, основу для магии можно найти *в чем угодно*. Бери *любую* точку опоры – и колдуй. Хоть силу воли, хоть месть, хоть любовь. Но помни: у каждого выбора есть последствия. И раз уж тебя учу я, давай сразу делать все правильно, хорошо? А то, если ты будешь привлекать унни тем, что тебе сносит крышу – долго магом не останешься. Либо учишься принятию, либо не учишься у меня.

Диктатор прахов...

Принятие мне не давалось. Поэтому процесс обучения слегка застопорился. Но мне и так хватало. Впервые в жизни меня почти не волновала магия. Мне и без того было хорошо. До пепла хорошо.

За одним маленьким исключением, которым стали наши отношения с принцем Лиссаем.

Я заглядывала к нему дважды. Мы милейше беседовали о том и о сем, но... Что-то было не так. Сначала я решила, что принц продолжает ревновать меня к Святилищу, как во время нашей последней встречи.

На деле все оказалось хуже.

– Святилище перестало приходить к-ко мне, – вдруг, в середине совсем другого разго-вора, признался принц. А потом блеснул на меня своими зеленеющими глазами так яростно, будто ждал немедленного признания в краже. Меня поразила его интуиция.

– Еще вернется, Лиссай. Святилище к вам обязательно вернется, – пробормотала я, хоть и боялась, что лукавлю.

Но Его Высочество лишь отвернулся к холсту, плеснул на него желтой темперой с кисти и даже ничего не сказал мне на прощанье, когда я уходила. Не пригласил, как обычно, «загля-дывать на чай».

В тот же день, придя домой, я долго вертела в руках фонарик Карла – такой пустой и бессмысленный без батареек. Сам мальчик, увы, наотрез отказывался обсуждать со мной дверь, путешествия между мирами и свое прошлое.

Стоило мне подступиться, как он замыкался:

– Прекрати, пожалуйста! Мы же договорились. Мой мир – Лайонасса. – И Карл, закинув в себя очередную сладкую миндалинку из вошеного кулька, сводил светлые брови так хмуро, что я невольно смирела, будто на ковре у магистра Орлина.

Безумный, безумный мальчишка.

В один момент я даже попыталась выкрасть у него волшебные батарейки. Думала – приоткрою опять дверь – слегка! – только чтобы принца порадовать. Но Карл поймал меня с поличным и так расстроился, что я не решилась больше подрывать его доверие.

В конце концов, рассудила я, может, оно и хорошо, что в условиях гонки за Генеральством моя личная жизнь полетела прахом, даже и не разгоревшись.

Зато у Кадии все складывалось замечательно. Я ее почти не видела. Ее мрачная угроза в день нашего с друзьями примирения – «уйду от вас к Анте Давьеру» – обернулась явью. Признавшись нам в чувствах к денди-предпринимателю, Кадия с чистой совестью упорхнула в его объятия. Я была немного озадачена, но и рада. Еще один раз мы ужинали всей компанией. Ужин был в особняке Давьера, все прошло по высшему разряду.

Когда хозяин «Вострушки» ушел курить на балкон, я нагло нарушила там его уединение.

– Господин Давьер! – окликнула я его, и он едва заметно вздрогнул. – А вам удалось выйти на связь с семьей мальчика, похожего на Карла?

Предприниматель обернулся, фигурно выдохнул дым и покачал головой:

– Пока нет. А что? Он что-то вспомнил?

– Не-а. Я на всякий случай спрашиваю, – улыбнулась я. – Так-то мы с ним отлично живем, знаете.

– Ну, хоть кто-то счастлив.

Анте бросил окурок прямо на мраморный пол, яростно затушил каблуком и направился к дому. Образ его удаляющейся спины показался мне смутно знакомым.

В Иноземном ведомстве про Карла тоже ничего не нашли. Об этом мне сообщили напрямую работники Архива, а не Польша.

Польша-то со мной вообще почти не разговаривал. Он замкнулся в себе и напрочь отказывался обсуждать дело о маньяке. Про личные разговоры я уж молчу.

По утрам я приходила к нему за партией новых папок, выслушивала краткие наставления и уходила. Вечером возвращалась, докладывала о выполнении, ставила подписи и отправлялась восвояси.

Куратор не реагировал больше предписанного: кивал, качал головой, делал замечания – и все. Польша стал похож на призрак самого себя: бледный, осунувшийся, воняющий лекарствами, ночующий в кабинете и забывающий переодеться. Разок во мне разыграл материнский инстинкт, из-за чего я попробовала коснуться его лба – замерить температуру, – но Польша рывкнул на меня столь злобно, что я поскорее вышла в коридор, чтобы не расплакаться.

Там мы столкнулись с Андрисом.

– Наорал? – сочувственно кивнула она в сторону двери.

– Наорал...

– Йоу, не расстраивайся. На меня тоже наорал. Трижды. Причем один раз за ужином. При всем ресторане, жуть.

Так я узнала, что Польша и Андрис ужинают вместе. Любопытно.

Однако куда более горячее любопытство разрывало в эти дни кулуары Иноземного ведомства. Воздух был сгущен от подвешенного в нем ожидания. Сотрудники шушукались по углам и в открытую делали ставки на Польша из Дома Внемлющих или против него. Станет он Генералом Улова или нет?

Двое «мальков» из моего набора, близнецы Гамор и Викибандер, оказались профессиональными букмекерами. Ставки принимались в главном холле, у портретной галереи. Каждый день кто-нибудь проверял – не готовят ли место для нового портрета?

Многие сотрудники верили, что «наверху» уже приняли решение, и от реальной работы Полыни ничего не зависит, а потому особо старательно вглядывались в лица руководителей ведомства. Но главы департаментов, напротив, ни в чем не были уверены, а потому и сами с удовольствием участвовали в общественной дискуссии «справится Полюнь или нет?».

* * *

Однажды утром я поняла, что завтра грядет новое убийство – если, конечно, наш маньяк все еще не у драконов и продолжает действовать по расписанию.

Вдобавок оставалось всего три дня до конца битвы Полыни за Генеральство. Мне, окончательно взявшей на себя его дела, нужно было решить еще две штуки. «Всего-то? – удивитесь вы. А куда остальной десяток дел?» А вот! Сказать спасибо нужно мастеру Улиусу.

Ибо на следующий день после убийства Мелиссы шеф заглянул к нам в кабинет. Полыни не было. Улиус властно потребовал показать ему неразобранные папки. Я безропотно повиновалась.

– Так, это ты не успеешь... С этим не справишься... Это вообще дохлый номер, надо сразу Говорунам отдавать, дело политическое... А вот это очень даже, да... На всякого рыбака найдется рыбака, да-с... – Глава Ловчих перебирал документы, бормоча себе под нос.

Потом вытащил половину папок из моей стопки и заменил на другие.

Проделав эту операцию, он исподлобья заглянул мне в глаза.

– Селия не любит Полюнь, – тихо проговорил Улиус, задумчиво поглаживая кучерявую рыжую бороду. – А я люблю. Нашла коса на камень. Там, где она старается подсунуть ему самые мертвые, самые долгие дела, я дам простые и ясные. Этот Ловчий уже достаточно сделал на своем посту. В его глазах свечка горит. Полюнь отлично проявил себя в эти два года, и я готов, насколько это возможно, пойти ему навстречу. Но, как говорится, от старика – слово, от молодого – помощь. Я даю тебе хорошие дела, Тинави. – Он помахал стопкой из новых папок. – А ты уж изволь с ними разобраться для своего куратора, девочка.

– А как же дело о маньяке? – Я решила расставить все точки над «ё». – Вы так ругались на Полюнь.

– Еще бы. Дело о маньяке, как ты его называешь, вещь показательная. Одно из немногих громких преступлений этого года – в определенных кругах, естественно. Если Ловчий не разберется с ним сам, то, боюсь, я ошибся в оценке его способностей. Заварил кашу, так не жалей масла.

Вот и получилось, что всю неделю я занималась весьма очевидной, за редким исключением, мелочовкой.

Селия, кажется, поняла, что выданные ей изначально папки подменили, да не кто-нибудь, а сам Улиус, и обозлилась еще больше.

– И приятно вам так на него пахать, – бросила она мне поздним вечером в коридоре, когда я «закрывала» у секретаря очередную папочку. – Ведь все похвалы ему достанутся, – брезгливо добавила Селия и стукнула мышинной тростью об пол.

– Да мне просто нравится работать здесь. – Я улыбнулась и пожала плечами. – Отчего ж не «попахать»?

– Визитку верните, – буркнула Селия. – Мою.

Я не сразу вспомнила, о чем она говорит. Но потом, покопавшись поочередно в памяти и карманах летяги, отдала ассистентке Улиуса бархатную карточку с ее адресом. Слегка помявшуюся в суматохе рабочих дней.

Селия молча забрала визитку и убрела прочь.

Мне даже стыдно стало, что из меня не вышло доносчицы на куратора – как, видимо, она надеялась в мой первый день в ведомстве.

Ну и ладно. Нельзя же угодить всем и сразу, да?

* * *

Не пробило и восьми утра, а я уже пришла в ведомство. Сердце волнительно билось. Может, хоть сегодня Польша согласится поговорить со мной о своей работе? Ведь, если завтра произойдет убийство, нас обоих уволят.

Я бочком пролезла в кабинет – полутемный даже в столь ранний час, заваленный под потолок, с застывшей фигурой куратора на подоконнике.

– Польша, привет, – осторожно окликнула я его и медленно приблизилась. Вдруг он опять злой и наорет на меня? Не хотелось бы.

Польша вздрогнул. Он сидел против света, поэтому мне было сложно разобрать черты его лица. Но когда Внемяющий мягко спрыгнул с окна на пол и с удовольствием потянулся, прохрустев позвоночником, я увидела, что он улыбается.

Бледный, аж зеленый, больше похожий на бродягу из подворотни, нежели на преуспевающего госслужащего, с невымытыми волосами и потускневшими в них колокольчиками, Польша был очень, очень доволен.

Огромная, как у лягушонка, улыбка резко омолодила его. С такой радостной рожей Польша не дашь и двадцати, хотя, помнится, я выяснила его реальный возраст.

– Привет-привет, Тинави, – откликнулся он, понизив голос и в предвкушении потерев руки. – Тебе много дел осталось?

– Две штуки. И продолжать слежку за Кесом, но добрая тетенька из администрации уже поставила мне за него галочку.

– Отлично! Тогда, думаю, завтра нас ждет триумф.

У меня так заколотилось сердце, что, кажется, было слышно во всем ведомстве. Идиотская улыбка уползла куда-то за уши.

Польша, обрадовавшись такой реакции, улыбнулся еще шире:

– О да, именно так. Наконец-то я знаю, как поймать маньяка, – на живца!

33

«Ночная пляска»

*И это тоже пройдет.
Соломон Иномирный*

Утонув в своем любимом бархатном кресле, с трудом раскопанном под несколькими коробками с надписью «Улики», я приготовилась слушать план Польшы.

Куратор взгромоздился прямо на письменный стол. Планировал сесть за него, как все нормальные люди, но для этого пришлось бы разгрести еще и стул. Столкнувшись с таким препятствием, Внемяющий махнул рукой и пошел по пути наименьшего сопротивления.

– Ты бы сапоги снял, – с укоризной отметила я.

Польшы в сомнении посмотрел на свои ноги. Обычно он ходит в сандалиях, но всю эту неделю предпочитал тяжелую, по-осеннему закрытую обувь.

– Да нет, не стоит, – что-то прикинул в уме он. – Итак. Завтра я поймаю маньяка.

Польшы выдержал эффектную паузу.

– И знаешь, что стало для меня ключевой подсказкой? – Его голос набирал все большую театральность. – «График дежурств!» Помнишь, я решил разобраться в стыдных магических ритуалах? Получалось плохо. Народ не хотел откровенничать ни с Ищейками, ни со мной. Что и понятно. А прижать их было нечем – только догадки. С гематитом тоже не складывалось – его столько оказалось в Шолохе, просто ужас. Продается везде в качестве сувенира. Ну и с королевским Обществом мы влипли по-страшному: в нем состоят сплошь медленные и при том словоохотливые люди. В итоге я плюнул на все это. И отправился, памятуя твою находку, прогуляться по дворцовой аркаде. Задумался, замечтался... И так увлекся, что ушел под самый курган.

Я выдохнула:

– Ты что, спустился в некрополь?

– Я ж говорю, по ошибке.

У Польшы была такая довольная и хитрая рожа, что в случайность произошедшего ну никак не верилось. Я только головой покачала.

Он продолжил:

– Никаких запечатанных дверей я не распаивал и духов не будил, не волнуйся. Знаешь, почему?

– Потому что жить охота? – развея руками, предположила я.

Польшы усмехнулся и тоже развея руками, зеркала мой жест. И бросил как бы невзначай:

– Не-а. Просто двери вскрыли еще до меня.

Я изумленно на него воззрилась. Польшы протянул мне наскоро написанный мужской портрет.

У изображенного господина была черная бородка и широко поставленные миндалевидные глаза. Узкое лицо и белое знахарское одеяние. Я моргнула раз, другой, поражаясь тому, как тесен мир.

– Это Митрас Голь? – наконец спросила я. Польшы вскинул брови:

– Он самый. Знакомы?

– Шапочно. Сталкивались в Лазарете. И в Башне магов на той неделе.

– В Башне болтала с ним?

– Парой слов перекинулись.

– Он видел твое тату?

– Папки с делами видел.

Полынь почесал карандашом за ухом и удовлетворенно пробормотал: «Тогда понятно, почему он сбежал в аркаде...» Потом продолжил в полный голос:

– Ну, вот тебе новый факт о господине Голе: он знаменит тем, что придумал ритуал «Ночной пляски». Долго же мне пришлось с ним возиться, чтобы он выдал свои секреты... – Полынь вздохнул и отвернулся. – Но все-таки выдал. И даже согласился сотрудничать.

Я сгорала от нетерпения.

– Что за ритуал такой?

– Пойдем по порядку. Митрас Голь посвятил свою карьеру изучению разнообразных способов увеличения магического потенциала. В частности, его очень интересовало влияние дворцового кургана на объемы человеческой унии. Так интересовало, что однажды господин Митрас взял да сам интереса ради полез в некрополь – надеялся раздобыть себе пару косточек для опытов – вдруг бы получилось сделать какую полезную сыворотку? Он господин смелый, не суеверный, как и все лекари. Зашел глубоко-глубоко. И во тьме... Наткнулся на бокки-с-фонарями.

– Ты серьезно? – Сердце мое ухнуло, и я стала слушать еще внимательнее.

– Абсолютно серьезно. Как оказалось, именно там егеря кукуют в паузах между новолунием и полнолунием. Видимо, охраняют входы в курган. В общем, лучше бы их «стражами», а не «егерями» называли, ну да ладно... Встретив духов, Митрас разогнал их огнем. Но один из разъяренных бокки дотянулся до Митраса и поранил его. И что бы ты думала? Господин Голь в тот же день почувствовал колоссальное усиление магии. Он был очень доволен! Бокки-с-фонарями тоже подходили для его работы! Ему не пришлось лезть вглубь некрополя – и так появилось огромное поле для опытов. Тогда Митрас решил отловить несколько духов. Для этого он набрал команду молодых знахарей. Лекари заточили духов в кованые клетки, там же, под курганом, и стали экспериментировать. Через пару месяцев их команда придумала жуткий ритуал, который сейчас называют «Ночной пляской».

Полынь взял паузу, чтобы смешать себе в чашке средство от кашля. Куратор старательно растолок травки и корешки. Запах эвкалипта наполнил кабинет.

Полынь заговорил вновь:

– В чем суть ритуала. Клиент выкладывает кругленькую сумму, после чего его, с завязанными глазами и накачанного морфием, отводят к некрополю и запихивают в клетку с бокки. Духи нападают на него, ранят его, а лекари в то же время стоят за решеткой и дружно лечат бедолагу.

– Что за бред? – я округлила глаза.

– Не бред, а очень эффективное средство для увеличения магии. Когда человек получает ранения от духа, он становится куда сильнее в плане работы с унии. Грубо говоря, происходит смешение двух энергий – людской и потусторонней, что в итоге благотворно сказывается на способностях клиента... Прах знает, как именно это работает. Короче, в итоге прошедшие «Ночную пляску» на пару недель оказываются заполнены унии под завязку.

Внемлющий залил лекарственную смесь водой. Прищелкнул пальцами, пробормотал заклинание – и вода закипела. Полынь сел, закинув стопу одной ноги на колено другой. Балансируя чашкой на лодыжке, он выжидательно уставился на меня. Моя очередь спрашивать.

Я встрепенулась:

– То есть мы были правы. Маньяк интересуется людьми с максимальным объемом энергии. В «Графике дежурств» Митрас и его команда записывали имена клиентов, да?

– Да.

– Но некоторых они стирали, и вскоре эти люди оказывались мертвы. Митрас рассказал, по какому принципу?

Полынь прихлебнул лекарство, обжегся, сморщился, пробормотал заклинания против волдырей. А потом еще одно – на сей раз, чтобы остудить напиток. Как-то слишком лихо он колдует. И так похож на труп от усталости.

Я прислушалась к ощущениям и поняла, что от Полыни исходит очень сильная аура. Она у него и так всегда большая: если сильно приблизиться, будто отталкивает назад. А сегодня совсем уж мощная.

– Ты бы поменьше колдовал, – посоветовала я, пока он проделывал все свои магические махинации. – Рядом с тобой уже неуютно находиться. Ну, или оберегиними с шеи. Хотя бы частично.

– Не-не, все нормально, – помотал головой он. – А что касается наших жертв – да, Митрас все объяснял. Два месяца назад к лекарю прилетел почтовый голубь с крайне привлекательным предложением. В предложении было обещание еженедельных шестизначных выплат и всего одно условие. Заключалось оно в том, чтобы Митрас ежедневно работал в королевской библиотеке и, уходя, раз за разом забывал на столе несколько листов бумаги. На листах – имена людей, записавшихся на определенные дни. В общий список эти люди не вносились, хотя ритуал проходили на стандартных условиях. Вместо того Митрас пропускал одну строчку каждый раз, чтобы самому помнить, что там у него день X. Всего таких дней X было восемь, пока он не потерял блокнот в аркаде. Однако на каждый X-день приходилось несколько фамилий. При моей активной помощи Митрас сумел худо-бедно вспомнить и записать их все.

Полынь свернул какой-то листок по форме бесхвостой птички и швырнул в меня. Поймав бумажку, я развернула ее и увидела много имен. Среди них были имена наших жертв.

Я покачала головой:

– Значит, это уже третья выборка... Первый этап – общий список «Графика дежурств». Второй – люди, записавшиеся на определенные даты. И третий – непосредственно жертвы. Как их выбирает маньяк?

– Элементарно. Берет самого сильного волшебника из записавшихся: либо человека с хорошей магической родословной, либо отличного практика. Единственный раз, когда правило было нарушено – это в случае Айрин. Она была второй «по мощности» в своей группе, но тут убийца решил иную задачу – избавлялся от скомпрометированной помощницы.

– Логично, – кивнула я. – И что теперь?

– По окончании допроса мы с Митрасом сформировали новое письмо нашему убийце, которое отнесли в библиотеку. Вообще я планировал, что Ищейки смогут отследить, кто его заберет, но... Там была целая череда газетных мальчишек, сменяющих друг друга в подворотнях, так что агенты в итоге сбились. А когда мы их ловили, они ничего не знали о финальном заказчике. Поэтому мы будем ловить маньяка на живца. Ибо в нашем письме – нескольких реально записавшихся людей плюс подсадная утка: один из наших сотрудников, сильный маг, который милостиво согласился сыграть роль наживки. Так что завтра на него должны будут напасть. А мы, естественно, не выпустим его из-под надзора.

– Ух, как экстремально, – поежилась я. – А что мы будем делать сегодня?

– Давай закроем две оставшиеся папки и, может, немного отпразднуем? – внезапно предложил Полынь.

В ответ на это я невинно поинтересовалась:

– А Йоукли не будет ревновать?

Полынь поперхнулся зельем. Потом закатил глаза и яростно затряс головой.

Отлично. Других причин для отказа я не видела.

* * *

Остаток дня промелькнул в одно мгновение.

За эту неделю я успела напрочь позабыть, каково работать в компании со старшим коллегой. Так хорошо! Знай себе, наблюдай да помалкивай. Сплошная расслабуха.

Полынь, конечно, поразился тому, сколь простыми оказались наши дела – он не был в курсе подмены папок, которую провел мастер Улиус.

Сначала мы с куратором помогли семье свежеиспеченных мигрантов заполнить все необходимые документы. Потом и вовсе отправились к знакомому мне персонажу – госпоже Пионии, владелице чайной лавки: милая старушка хотела продлить разрешение на торговлю.

Мы неторопливо, вольготно шли к Морской площади, когда я неожиданно и огорченно брякнула:

– Неужели наше последнее дело будет таким... обычным?

Полынь удивленно поднял брови:

– Почему последнее? Во-первых, завтра нам еще предстоит разбираться с маньяком, и мне потребуется твоя помощь. Во-вторых, мы и дальше будем работать вместе. В чем проблема?

– А разве Генералы Улова работают с «мальками»? – подозрительно уточнила я.

Полынь усмехнулся, колокольчики в волосах (сегодня их было особенно много) забренчали:

– Понятия не имею. Но я уж тебя не брошу, не волнуйся. Сам привел, сам доразу до полноценной Ловчей. А потом буду приходить в твой кабинет, разводить там бардак и посылать для тебя ташени. Отличный план, как считаешь?

– Главное, чтоб воплотился, – вздохнула я.

Почему-то мне казалось, что грядущему триумфатору Полыни не разрешат возиться со мной. Напротив, закидают важными делами и выдадут лучших Ловчих в помощники. Хорошо хоть, вопрос с колдовством постепенно продвигался благодаря тренировкам с Карлом.

Магия таинственного подростка была совсем не такой, как «нормальная», но, в теории, могла в будущем уравнивать меня с коллегами. Если припечет – так и быть, признаю себя куском Вселенной...

Хо-хо! Вот это Полынь удивится, когда я заколдую! Кто бы мог подумать две недели назад, что моя жизнь так круто изменится? Верьте в чудеса, родные мои, верьте в чудеса!

Когда мы подошли к чайной лавке, госпожа Пиония очень обрадовалась:

– Батюшки! Вьюнок... ой... Шалфей... ой...

– Полынь, – подсказала я.

– Полынь, душечка! Тинави, и ты здесь, деточка! – Старушка засуетилась, заваривая лучший сорт липового сбора.

Полынь лишь улыбнулся в ответ на вольное обращение лавочницы со своим именем.

Я кратко объяснила старушке цель нашего визита и протянула бумаги на подпись.

– Конечно, конечно, сию минуту, – кивала госпожа Пиония.

Ее флегматичный, вечно спящий ослик стоял, свесив голову, и тихонько храпел. От этого вся телега с чаями слегка подрагивала. Впрочем, весьма уютно.

Закончив с формальностями и угостив нас сбором, госпожа Пиония внимательно оглядела куратора.

– Перебарщиваешь, – сухо отметила она, принялась и выдала Внемлющему какой-то диковинный амулет из своей коллекции. – Давай-ка поосторожнее, мальчик, – заботливо добавила старушка.

Полынь без комментариев взял подарок и нацепил на шею. Потом, встретив мой недоумевающий взгляд, все-таки пояснил:

– Мы с Пионией давние знакомые. Она никогда не помнит мое имя, – он лукаво сверкнул глазами, – но исправно волнуется, как бы я не перенапрягся на работе.

Лавочница фыркнула, обмахиваясь полотенцем. Я подумала, что про «перебарщиваешь» – это в точку. А вот дополнительный амулет – странная идея. Магический фон возле Польшы и так слишком плотный. Амулеты ведь его только усиливают. Хотя от подарка Пионии аура куратора не разрослась. Странно. Он не работающий, что ли?

Мы попрощались с Пионией и пошли восвояси.

– Ну что? – спросила я несколько минут спустя. – Где будем праздновать заверенное нами дело номер девятьсот девяносто восемь?

Польша пожал плечами:

– Не знаю. Может, в кабинете?

– Только не в кабинете! – категорически возразила я. – Не то чтобы я слишком часто там бывала, но это совсем не то. Давай устроим пикник?

– М-м-м... – протянул Польша. – Это в твоём понимании хорошая вечеринка?

– Именно! – отрезала я.

* * *

Сначала мы заглянули на Плавающий рынок в поисках провизии, потом – на Сумеречный рынок, где купили смешную пугающую бутылку вина. Затем Польша изъявил желание зайти в поместье Внеплоющих, чтобы раздобыть лишний иероглиф («щелкнем себя на память!»), а я тихонько завернула во владения Страждущих, где взяла теплые пледы.

Столица сегодня была особенно нарядной и многолюдной. Везде бродили толпы людей, и мы с Польшой, лавируя между ними, чувствовали, как наши души становятся легче и звонче.

Мы отправились к месту, которое я называю Камнем Мановений.

Оно расположено на севере Шолоха, и мы с Кадией и Дахху всегда его обожали. Поэтому я и решила привести сюда Польшу. Это была своеобразная инициация, акт приема в друзья.

В середине дня у Камня Мановений особенно хорошо. Природа замирает, на секундочку, мимоходом, делая глубокий медитативный вдох перед чередой новых свершений. Лягушки подсчитывают, сколько уже раз успели проквакать сегодня до условленной нормы. Стрекозы смазывают шариковые подшипники розовым маслом. Камыш перезаряжает стебли для новой порции шорохов.

Однажды, лет шесть назад, мы сидели тут с Дахху и Кадией. Мы были юны и безмятежны, и лето улыбалось нам, как победителям, и отражения в воде принадлежали будто бы молодым богам. А потом я заплакала, потому что мне стало страшно оттого, что скоро мы повзрослеем и станем совсем другими. Кадия выругалась, как сапожник, – она всегда была самой нетерпимой из нас и самой бунтующей, – и умчалась прочь, сказав, что от моих слез не должно остаться ни следа, когда она вернется, а то в дополнение к мокрым глазам у меня обнаружится разбитый нос. Никто не должен портить Кадии лето своими нюнями, никто, даже лучшая подруга.

А Дахху, наоборот, вздохнул тогда с облегчением. «Слишком хорошо» всегда скатывается в «слишком плохо», и Дахху из тех перестраховщиков, кто предпочитает, чтобы неминуемое случилось как можно скорее. Раньше сядешь – раньше встанешь. Быстрее отрешешь свое в погожий июньский денек, быстрее наступит полный неподдельного облегчения вечер.

В тот день мы назвали это место камнем Мановений. Как по мановению руки, все хорошее сменяется «всем плохим», а все плохое – всем хорошим, и если ты готов жить на полную катушку, то непременно оторвешься на обоих берегах.

Именно туда я повела Польшу.

Когда мы прибыли на место – светлую полянку, заросшую клевером и колокольчиками, посреди которой возвышался камень, – куратор, к моей радости, восхищенно выдохнул – мол, красиво! Я расстелила пледы, разложила еду. Рабочий день был в самом разгаре. Это придавало нашей импровизированной вечеринке залихватский характер. Добавляло удовольствия.

Мы чокнулись берестяными стаканчиками, благо разумно взятыми у госпожи Пионии, и радостно накинулись на свежий сыр и разнообразную зелень: благоухающий тимьян, кудрявый кресс-салат, острую руколу и горьковатую петрушку.

– Хей, Польша, – я решила спросить то, что давно меня мучило. – А почему ты так хочешь стать Генералом? Неужели тщеславие?

Куратор старательно прожевал пучок укропа, потом прокашлялся и задумчиво ответил:

– У меня есть родственница. Она в беде, и я хочу ей помочь. Но, кроме короля, никто не может ее спасти. Вот и вся история, – пожал плечами он.

– Ого. Что случилось?

– Сначала – судьба. А потом ее подвел собственный выбор, – горько усмехнулся куратор, нарезая сыр треугольниками.

– Все мы совершаем ошибки.

– Ну, обычно люди действуют не столь масштабно, как моя тетка, – цокнул языком Польша.

В дереве возле нас приоткрылась щель, из которой явилась дриада. Нежная дева сладко потянулась после дневного сна и уже начала мурлыкать какую-то песенку, когда заметила нас. Тотчас умолкла, вспыхнула от смущения, подхватила юбку и спряталась обратно. Щель со скрипом затянулась. Я хихикнула.

Ничего не значащий эпизод, но именно из таких забавных мелочей складываются хорошие дни и теплые воспоминания. Если, конечно, эти мелочи замечать.

– Так что приключилось с твоей теткой? – любопытствовала я у Польша.

– Она вляпалась в одну историю.

– А ты, любящий племянник, хочешь спасти ее из лап преступного мира? – высказала догадку я.

Польша хмыкнул:

– Преступного мира?.. Ну, нет. К тому же я бы не назвал себя любящим племянником. Наоборот, под конец у нас были крайне натянутые отношения. Но она спасла мне жизнь, и теперь – моя очередь.

– Ух ты. Расскажешь подробности?

– Ты сама все узнаешь, как только я стану Генералом, – подмигнул Внеплющий.

Потом перевел тему:

– Спасибо, что работала вместо меня в эти дни. Ты оказалась куда круче, чем я рассчитывал.

– А то! – Я польщенно осклабилась и подняла берестяной стаканчик. – За то, чтобы я и дальше превосходила твои ожидания!

– За то, чтобы твое эго не раздулось слишком сильно, – добродушно фыркнул куратор. Я швырнула в него шишкой.

Время шло. Мы болтали о том о сем. Польша рассказывал о предыдущих двух годах в роли Ловчего, я вспоминала смешные ситуации времен наставничества. Еще мы с упоением сплетничали об общих знакомых. И мечтали о светлом будущем: куратор признался, что надеется однажды возглавить Иноземное ведомство.

Я повинулась, что до сих пор не могу решить, чему посвятить свою жизнь. Но точно хочу, чтобы в ней были тайны и загадки, магия (тут Польша опустил взгляд, решив, что это грустная мечта, ха!), друзья, книги и путешествия. А еще много-много солнечных дней и уютных вечеров. Интересная работа (Ловчей подходит), красивые балы, близкие отношения с семьей. Вкусные ягоды на завтрак и, в идеале, своя собственная лодка, чтобы рассекать по шолоховским рекам, когда вздумается. Любви тоже хотелось бы. И продолжить играть в тринап, заниматься чьягой, рисовать маслом.

А главное – хотелось бы делать что-то такое, что меняло бы в лучшую сторону и меня, и мир вокруг. А может, даже миры. Потому что я начинаю всерьез задумываться о том, сколько секретов от нас прячет Вселенная. И, что, возможно, моя роль – раскрывать их. Один за другим.

Внемлющий дослушал мной растянувшийся список и пробормотал:

– Есть одна вещь в тебе, которую я не совсем могу понять. А спрашивать в лоб не рискую.

– Рискни сейчас, – милостиво разрешила я, умиротворенная.

Куратор вместо ответа сощурился и пристально уставился мне в глаза. Виски заболели, а потом я чихнула.

Прах. Мы ведь это уже проходили, а у меня из головы вылетело. И не только с Польшью...

– Что ты пытаешься сделать в такие моменты, а, Польшья? – сузила глаза я.

– А ты правда не понимаешь? – подозрительно уточнил он.

– Кажется, понимаю.

– Тогда чтоб я знал, где ты этому научилась, если не в Шэрхенмисте. И не у Тишь.

Мы оба замолчали, продолжая смотреть друг на друга. В воздухе повисла тайна, близко-близко, руку протяни – и можно лопнуть, будто мыльный шар. Но я не знала, как именно. А Польшья, видимо, не знал, хочет ли.

Неожиданно мне на плечо села неизвестная ташени. А потом, как это всегда и бывает, безвольно рухнула вниз: Карлова магия с ними не помогает. Я развернула записку:

«Тинави, это Мелисандр. Пишу от архивариуса Фундаментальной Библиотеки Шолоховской Академии. Пожалуйста, найди меня здесь *как можно быстрее*. Спасибо».

Я прикусила язык: тон письма был взволнованным, да и сам факт того, что Мелисандр решил прибегнуть к чужой помощи, чтобы связаться со мной, говорил о срочности. Я бросила взгляд на Польшью. Он продолжал сидеть, не шелохнувшись, как каменный истукан.

– Мне нужно идти, это по поводу Кеса.

– Тогда увидимся завтра в девять.

Я покидала полянку со смешанными чувствами. Вроде хорошо посидели, но этот смазанный финал...

У меня не оставалось сомнений, что Польшья умеет читать мысли, и мой «блок», о котором говорил Карл, не впервые смущает куратора.

Кроме того, уже дважды Польшья упоминал в наших диалогах Шэрхенмисту и некую Тишь. Тогда, когда решил сыграть в «три вопроса», и теперь. Что это за баба, прах побери? Его шэрхен-подружка? Какая-то могущественная чародейка, раздающая направо и налево тайные знания в стиле «Карловой магии»?

Вернее, не направо и налево, а только каким-то отдельным людям... Каким? Почему Польшья скрывает свое умение?

Интересно!

34

Далеко-далеко в Саусборне

*Дорога жизни не похожа на широкий тракт. Тысячи тропинок,
путаясь, создают ее полотно. Иногда мы наступаем на чужую тропу...
Что это? Случайность или судьба?*

Философ Зандудий

Помню, здание Фундаментальной Библиотеки строили с помпой, на деньги какого-то мецената из новой знати.

Меценат, судя по всему, хотел произвести впечатление на короля Сайнора. Поэтому продемонстрировал свою щедрость по полной программе. Библиотека была огромна! Настолько огромна, что почти всегда пустовала. Студенты – народ веселый, учатся постольку-поскольку и вспоминают о книжках лишь накануне сессии. Как следствие, два раза в год тут людно. В остальное время – шаром покати.

Сейчас потихоньку разгорался сезон экзаменов. Поэтому несколько унылых студюзов все же сидели в длинных залах со сводчатыми потолками, многоярусными шкафами и очаровательными приставными лесенками. Студенты сосредоточенно пялились в заумные учебники и монографии. Юные, гибкие умы! Надежды королевства!

Готова поспорить, что у половины мысли блуждали в совсем иных местах.

Я с удовольствием вздохнула традиционный библиотечный запах: смесь пыли и типографской краски. Как хорошо... Вот оно – неизменное чудо ностальгии. Преображает прошлое получше волшебства.

Пройдя вдоль общего стола с зелеными аквариумами осомы, я нашла Мелисандра. Он сидел, тупо уставившись в стрельчатое витражное окно. Перед ним лежал большой рюкзак и туба для свитков. Ни одной книги историк не взял.

– Хей, что случилось? – Я присела напротив.

Саусбериец пожевал губами, энергично почесал себя за ухом, будто бродячий пес после встречи с блохами, и тяжело вздохнул:

– Тинави, у меня проблемы.

– Что, опять подрался? В карты проиграл? Порвал библиотечную книгу? – Я приподняла брови, но внутренне напряглась.

Мелисандр был живчиком, а сейчас сидел как в воду опущенный. Даже здоровый румянец на загорелых щеках куда-то пропал. Льняная рубаха, как обычно, была мятой. Но раньше это не бросалось в глаза, а теперь – да.

Господин Кес сцепил пальцы замком, тряхнул головой и вздохнул:

– На самом деле, я не пишу никакое исследование. Я не историк.

– Та-а-а-ак, – протянула я.

Мел облокотился на стол, перегнулся ко мне и жарко зашептал, оправдываясь:

– Я из Асерина, это правда. И мне важна история Срединного государства – по личному делу. Поэтому я и назвался историком, иначе не видать допуска в ваши архивы. Не думай, я честный человек – почти честный человек – я никому и никогда не причинял зла.

– К чему вдруг такая откровенность?

– Сегодня в Шолох без предупреждения прибыла иджикаянская делегация, – поморщившись, признался Мел. – Боюсь, они приехали за мной.

– Что ты натворил? – ужаснулась я.

Иджикаян – одно из сильнейших государств мира. Хорошие маги и талантливые политики, проживающие на территории огромной пустыни. Иджикаянский шах и наш король уже

два года ведут переговоры о союзничестве. Собственно, ради этого союза тогда и уничтожили департамент Ходящих.

Иджикаянская делегация в Шолохе – это важно. А иджикаянская делегация без предупреждения – это плохо.

– Так что? Ты международный преступник? Аферист? Шпион? Кто? – наехала я на Мелисандра.

Студенты вокруг начали на нас шикать, мол, потише. Саусбериец встал и повел меня прочь из читального зала. Когда мы вышли в коридор, он буркнул:

– Я патологоанатом.

– Что? – непонимающе переспросила я.

– Патологоанатом. Трупы расчленяю.

У меня отвисла челюсть. Я медленно перевела взгляд на ухоженные, идеально подстриженные ногти Мелисандра:

– Вот этими руками ты копаешься в трупах? – ошарашенно пробормотала я.

– Этими. Но в перчатках.

– И на кого ты работаешь?

– На Жандармерию Саусборна. Аналог ваших Смотрящих. Короче, я Свидетель Смерти.

– Но чем ты не угодил иджикаянкам? И откуда знаешь об их приезде?

Мелисандр энергично уводил меня прочь из здания. Он почти бежал, и мне, при моем росте, приходилось скакать за этим верзилой, мелко перебирая ножками.

– О приезде мне сказала Кадия.

Я схватилась за голову:

– Она тут при чем?!

– Ни при чем. Просто я просил ее сообщить, если в Шолохе появятся иджикаянцы, потому что мне якобы нужно было получить комментарий пустынных жителей по поводу одного момента в моем исследовании... Наврал, короче. А насчет «не угодил» – давай присядем, и я все расскажу.

Я молча прошла за ним к скамье, спрятавшейся в тенистой кипарисной аллее позади библиотеки. Мы сели, и Мелисандр начал свой рассказ.

История Мелисандра Кеса

Все называли Мелисандра Кеса асеринцем, но он считал себя саусберийцем. Саусборн был столицей Асерина, то есть отдельным от остальной страны мирком – по мнению Кеса.

Мелисандр служил в жандармерии. Должность Свидетеля Смерти ему нравилась. Звание было высоким, зарплата сладкой, а знакомиться с девушками – легко.

Дамам Мел всегда представлялся патологоанатомом – их волновала некая грубость, прямолинейность этого слова.

У Мелисандра был брат, Балтимор Кес, способный малый лет семнадцати, который уехал на учебу в Иджикаян.

«Пустынные варвары» (как шутил Мелисандр) на деле были людьми высочайшей учености и давали великолепное образование. Для написания диплома приходилось проводить полноценное исследование, за какое в других странах не пожалели бы докторской степени.

А еще учеба была дорогая. Мел почти всю свою зарплату отправлял в Иджикаян, чтобы Балтимор нормально себя чувствовал среди пустынной знати. Не оставалось даже на нормальные свидания: постепенно во всем блестящем Саусборне иссякали девушки, готовые бесконечно гулять с Мелисандром в парках да по побережью...

И, несмотря на недостаток денег, все у братьев было хорошо. Балти готовился стать историком. Мел готовился зажить на широкую ногу, как только кончится учеба брата.

Да. Все было хорошо. Пока однажды, придя по вызову в Университетскую Пинакотеку Саусборна, Мелисандр не наткнулся на два трупа. Два молоденьких мальчика. Один из них при жизни был Балтимором...

Тогда, увидев тело, Мелисандр сначала не поверил своим глазам.

Потом почувствовал, что земля уходит из-под ног и потолок опасно близится к полу. Во рту пересохло, в глазах заплясали огни. До обморока было совсем чуть-чуть, когда свид сам себя пребольно ущипнул за палец и кое-как восстановил пошатнувшееся равновесие.

– Все в порядке, док? – участливо спросил его ассистент.

– Да. Просто споткнулся, – Мел не решился сказать правду.

Ведь произнесенное вслух признание окончательно утвердит произошедшее, переведет его в статус свершившегося. То, что сейчас похоже на злобный и ненатуральный розыгрыш, моментально станет неоспоримым фактом реальности. Пока молчишь, надежда есть. Нелогично. Но работает.

Мел прокашлялся и собрал силу воли в кулак, заставив себя перевести взгляд на лежащий перед ним труп.

– Расскажите, что случилось с этими... – он сверился с информацией в папке, – воришками. Воришками?!

– Воришками, – безжалостно подтвердил ассистент, не подозревая, какую рану наносит Мелисандру.

История оказалась донельзя глупой.

Университетская Пинакотека, вообще-то, ничем особенно интересным не располагала – много старых артефактов, но ничего знаменитого. Так что сам приход воров сюда был странным.

Смотритель, ночевавший в своей комнатке под лестницей, услышал какие-то звуки и, будучи человеком старым и нервным, вызвал охрану. Прибежавшие стражники обнаружили в зале воров. Они окликнули их, и один из воришек начал колдовать.

Страж расценил это как нападение и выстрелил в него сетко-стрелой. Другой воришка – иджикаянец, заметил жест охранника и решил, что тот сейчас убьет друга. Психанул. Метнул в охранника нож. Попал. Второй страж пришел к выводу, что воров опасны, и бросился на них с мечом. Короткая схватка закончилась тем, что тот молодой иджикаянец был убит.

Второй вор выпутался из сетки и побежал прочь. Стражник бросился за ним. Он кричал воришке, чтобы тот остановился, что все должно быть по закону. Мальчишка улепетывал. Охранник решил выстрелить в него сетью, как только они оказались на открытом пространстве – и попал. Мальчишка, запутавшись в сети, не просто упал, но покатился по крутой и высокой лестнице.

Он сломал себе шею и мгновенно умер. Это и был Балтимор.

Услышав это, Мелисандр долго не мог прийти в себя. Он деловито приказал отнести оба трупа в морг и провел там самую-самую ужасную ночь в своей жизни.

– Зачем же ты полез туда... – тупо повторял свид, не в силах прикоснуться к телу брата.

В какой-то момент на груди почившего Балтимора появился амулет – откуда ни возьмись. Заклинание невидимости? Это его творил Балти? Что, он погиб из-за этой тупой побрякушки?

На амулете была музейная бирка «Срединное государство, XII век». Ничего, абсолютно ничего интересного. Тогда Мелисандр полез в рюкзак брата в поисках объяснений.

Из тетрадей выяснилось, что прахов амулет Балтимор и его однокурсник решили украсть в рамках написания дипломной работы. Дипломной, чтоб ее, работы! Идиоты! Исследование было посвящено артефактам времен Срединного государства. Мальчишки поставили себе амбициозную цель – отыскать шесть артефактов, созданных в честь шестерых хранителей, которые, как гласила история, были разбросаны по всей Лайонассе.

Балтимор надеялся, что, если они с другом соберут амулеты, а потом как-нибудь помпезно заявят о них миру, оформив исследование как приключенческий роман, то станут самыми, прах их побери, знаменитыми историками столетия. А то, что амулеты эти хранятся пепел знает где и наиболее доступные из них придется воровать – если хочешь сохранить весь проект в тайне, – это придавало затее сладкий вкус приключений.

Мальчики были в восторге. До самого конца.

Сказать, что Мелисандр был в шоке – ничего не сказать. Когда рассвело, он, закончив работу, ушел из морга с амулетом в кулаке. Исследование брата глухо подпрыгивало в заплечном рюкзаке свиды.

Мелисандр не знал, что это за амулеты, что это за Срединное государство, чем так интересны хранители и почему людям вообще интересно копать в хлам прошлых эпох и визжать от восторга, когда найдешь что-то не слишком покоецанное.

Но Мелисандр знал другое: смерть Балтимора не должна быть такой глупой. Такой бессмысленной. Такой по-детски наивной.

Пепловы артефакты – будь они неладны – нужно собрать хоть кому-нибудь.

А его в Саусборне все равно никто уже не ждет.

* * *

Мелисандр надолго замолчал.

– Прими мои соболезнования... – прошептала я.

Чужеземец угрюмо уставился на землю:

– Спасибо, но я рассказал тебе историю не за этим. Дело в том, что на следующий день меня попробовали арестовать.

– Почему?

– Второй мальчик, убитый друг Балтимора, был из очень знатной иджикаянской семьи. Когда выяснилось, что он умер от руки стражника, иджикаянцы прислали целую делегацию разбираться с этим и сносить повинные головы. А виноватых не было. И милое правительство решило сделать козлом отпущения меня, – цокнул языком он.

Я прикусила губы. О да. Найти крайнего – это в любом государстве любят.

Мел продолжал:

– Поведение мое показалось им до удобного подозрительным. Потому что я не сразу сказал, что знаю убитых. И потому что присвоил улику – то есть амулет.

Он покосился на библиотечные часы, чья минутная стрелка пододвинулась еще чуть-чуть, и затараторил:

– В общем, мне тогда удалось смыться, да еще и прихватив кой-чего из допросной, – он многозначительно потер пальцами, собранными в щепотку. – Оказалось, вором быть проще, чем свидом. Теперь я... Как бы это сказать. Многопрофильный специалист. Но по большей части продолжаю дело Балтимора. Изучаю ваших хреновых срединников и хранителей. Пусть в смерти брата будет хоть какой-то смысл.

Я нахмурилась:

– Неужели нельзя было сделать это законно?

Он отмахнулся:

– Уже не важно. Так, Стражди. Почему я вообще с тобой откровенничаю. В ту ночь – у Исторического музея – я попробовал с твоей помощью украсть второй амулет.

– Что?! – Я подлетела над скамейкой на метр, не меньше, клянусь.

– Тише, тише, яростная ты моя... Я же говорю, только попробовал. Ничего не вышло. – Мел принудительно усадил меня обратно, надавив на плечи, когда я чуть не бросилась на него с

кулаками. – Однако, как ты сама сказала мне на нашей первой встрече: «Виноват я, но втянута и ты...»

– Что именно ты сделал? – я задыхалась от паники.

– Попытался сделать.

– Ближе к делу, Кес! – рявкнула я.

Историк резко схватил мое левое запястье и задрал рукав летяги. Татуировка Ловчей обыденно серела на майском солнышке, и не думая сиять.

Мелисандр ткнул в нее пальцем:

– Дверь в подвал музея открывается, если прижать к ней татуировку госслужащего. Там хранятся всякие неважные артефакты. В постоянную экспозицию их не засунешь, выбросить – святотатство... Поэтому прячут по ящикам. Но ведомственным работникам, в теории, они могут потребоваться. На это и был мой расчет.

– Но я же не захотела пойти к музею, – возразила я.

– Зато согласилась допить вино, в которое я кой-чего подмешал, – Мел невесело усмехнулся. – У тебя достаточно аккуратная фигурка, чтобы дотащить, куда надо, без разрешения.

Мгновение спустя на щеке саусберийца растекалось багровое пятно от пощечины. Лже-историк поморщился, потирая его.

– Заслужил, – вздохнул Кес. – В общем, ничего не вышло. Твоя татуировка не работает. Почему, кстати?

– Ты издеваешься?

– Ладно, понял. Когда я увидел, что ты мне не подмога, я сразу отправил тебя домой в кебе. Честно.

– А потом?

Он замялся. Потом вздохнул:

– Ну, сначала я попробовал сдружиться с Кадией – у нее ведь тоже есть татуировка, – но она была слишком отвлечена своим красавчиком. Потом я попытался найти общий язык с другими госслужащими, но... нет. Вы, шолоховцы, ужас какие закрытые по сравнению с асеринцами! В итоге я решил зря не мучаться и просто выбить дверь. Это чуть грязнее, но... Чем не вариант? Собственно, так я и сделал. Сегодня утром, как только узнал про иджикаянцева. Так что амулет Часовщика Такта теперь у меня.

– Что ты сейчас сказал? – Я выпрямилась, будто палку проглотила.

– Я сломал дверь сегодня.

– Нет, про амулет?

– Амулет Часовщика Такта у меня.

– Кто такой Часовщик Такт?

Мелисандр удивился. Выгнул бровки домиком, даже рот приоткрыл:

– Ну, это одно из прозвищ хранителя Теннета. Тайное – поэтому мне понравилось. Он им представлялся для смертных, если хотел сохранить инкогнито.

– Откуда ты знаешь?!

Мелисандр с ба-а-а-альшим интересом наклонил голову:

– Ну, у Балти это в дневниках сказано. Я же говорю – брат проделал отличную работу с очень редкими источниками... У всех хранителей были прозвища. Считалось, что их хрестоматийные имена слишком тяжелы – их постоянно упоминает в своих чаяньях слишком много людей... Легче выбрать что-то другое, чтобы тебя не «тянула» чужая энергия. Теннету вот нравился вариант с Часовщиком Тактом. Атмосферно, не правда ли? Намекает на его роль хранителя времени и «сигнализации». Что, детка, тебя наконец-то интересуется история? – Мелисандр щебетал, буквально щебетал. Так весело, будто мы действительно собрались тут просто об истории пообщаться.

Как по-разному все мы нервничаем...

У меня же голова шла кругом. Я не понимала, что мне делать в такой абсурдной ситуации и за что хвататься.

«Бом-м-м-м-м» – над поляной разнесся удар колокола, подвешенного над главными воротами библиотечного сада.

– Короче, Тинави, – Мелисандр в беспокойстве вскочил. – Я к чему. Я не знал, что иджикаянци так быстро найдут меня. Клянусь. Я был уверен, что у меня в запасе много времени, и я сделаю все шито-крыто, и... В общем, не вышло. В чем идея. Я советую тебе убрать из твоих отчетов информацию о том, что меня интересовал Исторический музей. Не думаю, что амулета хватятся просто так, но если хватятся... У тебя могут быть проблемы.

– Почему?

– Ну, я очень упорно прикладывал твою татуировку к замку. Раз десять, не меньше. Я же не знал тогда, что она должна светиться. Мне об этом сам замок сказал.

– Как это? – Я застонала.

– Ну, он сделан в виде лягушачьей головы. В конце концов эта долбаная лягуха как распахнет рот да как рывкнет на меня: «Тинави из Дома Страждущих, ваше удостоверение не активировано! Имейте совесть!» Я аж тебя выронил... Просто я сейчас думаю: а вдруг ваши умельцы додумаются замок спросить, кто на днях в хранилище заходил? Вот он тебя и выдаст. Короче, лучше сотри доклад про музей.

Лицо мое, кажется, совсем окаменело.

– Спасибо, Мелисандр. От всей души тебе спасибо, – сказала я, и, кажется, прахов сарказм был слишком тонок, чтоб его прочитали.

Во всяком случае, этот заморский белобрысый гаденыш кивнул в ответ, как ни в чем не бывало.

– Рад, что ты понимаешь. В любом случае, помни: я у тебя в долгу! Думай об этом, если попадешь под пытки иджикаянских псов. Знающие люди говорят, что в таких ситуациях главное – отвлечься на что-то приятное. Например, на мысли обо мне, – он было хохотнул, но тотчас смущенно оборвал себя.

Я же подавилась где-то на середине фразы, не дослушав до конца:

– Пытки иджикаянских псов?! – Коленки мои будто заполнились клубничным желе.

Мелисандр ободряюще похлопал меня по плечу:

– Если не забудешь вычеркнуть музей, вряд ли это продлится долго. С девушками они помягче. Бывай, Тинави.

После этого саусбериец отвернулся и побежал прочь.

– Эй! – заорала я вслед, вспугнув стайку голубей у фонтана. И целующуюся там же парочку студентов заодно. – Стоять!

Лже-историк и не думал замедляться.

Тогда я наконец-то врубилась, что он реально убегает. И, каким бы странным ни был его рассказ, он говорил серьезно. Все это – серьезно. Я влипла по полной программе. И от меня сматывается преступник.

– Стоять, именем закона! – завопила я уже гораздо увереннее и рванула за Мелисандром.

Немногочисленные гуляющие с готовностью замерли. Не остановился только саусбериец.

Он бежал очень быстро, не догнать. А кидаться в него камнями мне не хотелось, увы. Как бы я ни распалила себя мысленными криками «Он использовал тебя! Он подло использовал тебя!».

Вскоре Мелисандр скрылся за очередным поворотом, а я остановилась посреди улицы, оперев руки в колени и тяжело дыша.

Прах.

Кажется, у меня на одно успешно решенное дело меньше.

Так. Нужно поскорее попасть в наш кабинет и порвать отчет про музей. И спросить совета у Польни. Не хочу, чтобы меня пытали иджикаянцы. Был ли сбежавший Мелисандр серьезен на этот счет или нет – я так и не поняла.

35

Монаршья воля

Во всяком вопросе кроется ответ.

Во всякой проблеме – решение.

Его Величество Сайнор

Не успела я зайти в главный холл ведомства, как меня окликнул мастер Улиус. Одетый в бордовый костюм и зеленую мантию, толстяк был виден издали:

– Ловчая! Быстро сюда!

Я, чуя подвох, приблизилась на полусогнутых. И не зря: шеф схватил меня за плечо и яростно зашипел на ухо:

– Объясни, малек, как так случилось, что твой подопечный оказался международным преступником, а? – Начальник взглядом указал на кучку людей в желтых одеяниях, столпившихся в дальнем от нас углу зала.

У людей этих были жесткие черные волосы, оливкового цвета кожа, раскосые глаза и огромные изогнутые сабли на поясах.

Иджикаяны.

– У семи нянек дитя без глазу? А? – Пальцы шефа на моем плече сжались еще крепче.

– Простите, мастер Улиус. Что мне делать? – испуганно заблеяла я, увидев, что иджикаяны двинулись в нашу сторону.

– Умнее быть! – рявкнул он.

Не разжимая руку, Улиус силком потащил меня по коридору.

– Мы сами разберемся со столь вопиющим нарушением, это внутреннее дело, – безапелляционно заявил он чужеземцам, когда мы поравнялись с их делегацией.

Хладнокровные иджикаяны с непроницаемыми лицами ничего не сказали, но их холодные взгляды буравили меня между лопаток. Более того, я чувствовала, как на плече под слоями одежды расплывается синяк. Может, Улиус и похож на добродушного толстячка, но хватка у него железная.

Мой путь позора был долог. Сотрудники ведомства с удивлением оглядывались на нашу пару: расвирепевший глава Ловчих, пересекающий коридоры со скоростью гепарда, и спотыкающаяся о полы собственного плаща крошка-малек с перекошенной рожей.

Наконец мы остановились. Судя по всему, где-то в западном крыле, на территории Ищеек. Улиус распахнул передо мной простую деревянную дверь.

Размер помещения не оставлял шанса на свежий воздух. У параноика легко бы развилась клаустрофобия. Низкий потолок и выкрашенные темной краской стены. Один стол. Три стула. Тусклый свет от маленького аквариума с осомой. Окон нет.

– Садись! – гаркнул Улиус.

Я так и сделала. Шеф расположился напротив и тяжело опустил локти на стол, посмотрел на меня исподлобья.

Я подумала, что его узкие, болотного цвета глаза были такими же неподвижными, как глаза хищников во время долгой ночной засады. Если бы мастер Улиус был худым, он бы всем и каждому казался жутко опасным типом, настоящим психопатом – с таким-то взглядом! А так – пухлые щеки, кудрявая борода, пестрая одежда и необъятные тела отвлекали от главного – от холодной, внимательной сущности, прячущейся за добродушным фасадом.

– Кратко обрисую сложившуюся ситуацию. – Шеф подпер щеку ладонью. – Мелисандр Кес подозревается в убийстве двух человек: Балтимора Кеса из Асерина и Бухтара Наби из Иджикаяна. Последний был наследником иджикаянского Хранителя Подзвездного Шатра, то

есть имел высокую государственную ценность. Мелисандр Кес сбежал до того, как иджикаянская делегация допросила его. Кес отправился напрямик сюда, в Шолох, где успешно выдавал себя за историка в командировке. В итоге иджикайцам удалось выследить Мелисандра самостоятельно. Ровно до границы, где он объявился около двух недель назад. В Шолохе они подали официальный запрос на получение данных о преступнике. Но, как выяснилось, приставленная к нему Ловчая – ты – раз за разом подавала отчеты о том, что «все нормально, ничего подозрительного». Более того, в графе «источник сведений» в 95 % случаев указано «со слов Мелисандра Кеса». Возмутительный непрофессионализм! Сайнор уже два года бьется над тем, чтобы заключить союз с Иджикаяном – сильнейшей империей Лайонассы. А этот инцидент может помешать планам короля.

Улиус умолк. Я не издавала ни звука.

– Короче, ты в заднице, – подытожил шеф.

– Я не знала, что он преступник, – потупила я взор.

– В смысле, не знала?! – заорал Улиус. – Это твоя работа – узнавать то, что скрывают иноземцы!

– Мне сказали, что это стандартное задание – следить за гостем Шолоха. Что это для галочки, – я не теряла надежды оправдаться.

Улиус грохнул кулаком о стол:

– У любой «галочки» есть своя история появления! Как можно так безответственно относиться к работе?! Когда ты последний раз видела Мелисандра?

Я собиралась сказать правду, но вдруг у меня, почти против воли, вырвалось:

– Не помню. На днях. Мы в основном общались по почте.

Улиус издал странный, звериный рык. Другие в моменты разочарования стонут – но не он. С каждой секундой я все сильнее понимала – по-настоящему понимала, на практике, – внешность обманчива. Не стоит безусловно доверять толстякам. И старушкам. И людям в шапках с помпонами. Все они могут задать вам жару, если вы облажаетесь, как я.

Дверь в нашу «допросную» тихонько открылась. На пороге стояла Селия.

– Позволите? – сухо обронила она. Улиус, не оборачиваясь, кивнул. Ассистентка прошла внутрь и села рядом с шефом. Она по-птичьи наклонила голову и, прищурившись, уставилась на меня.

– Селия, разберись с ней ты, – проворчал мастер Улиус, мгновенно успокоившийся. Ух, а я-то боялась, он меня придушит! – У меня терпения не хватает.

Затем, грузно поднявшись, шеф вышел из комнаты. Только ярко-изумрудная пола мантии змейкой мелькнула на прощание. Селия с грохотом пододвинула свой стул так, чтобы сидеть четко напротив меня.

– Что ж. Поговорим, – тонко улыбнулась она.

Мне сделалось жутко.

Следующие минут десять Селия осторожно, как высококлассный хирург, препарировала мое эго.

Перед ней были разложены на манер игральных карт все документы, поданные мною за время работы в ведомстве. Тут были отчеты о перемещениях Мелисандра, подписанные мною дела Польни, формуляры из Архива и Арсенала, запросы данных и помощи.

Селия действовала так: кидала в меня обвинительный тезис, подкрепляла его соответствующим документом, выслушивала контраргумент, а потом притворно вздыхала и приступала к следующему пункту.

Самое ужасное, что все ее упреки были разумны и обоснованны. Например, ей не понравилось, что я не стала проверять, как дела у тилирийских рыбаков после того, как разобралась с «тихим лодочником». А они, между тем, через два дня разгромили дом бедного рыбаголового (он не пострадал).

Или другой случай: как-то мы с Андрис Йоукли ловили эльфа-воришку, и, когда поймали, он очень грязно высказался о нас, наших семьях и нашей работе. Я разозлилась и дала ему в нос, чем долбаный эльф кичился потом во время суда. За это ему скостили срок. Андрис тогда сурово меня отчитала.

В общем, да. Недовольство Селии было понятным. Но меня смущало две вещи.

Во-первых, какого праха никто не обратил на мои косяки внимания, когда я сдавала закрытые дела на подпись архивариуса? В папках всегда были приведены все подробности. Сказали бы сразу! А во-вторых...

– А во-вторых, какое отношение это имеет к моей неудавшейся – признаю – слежке за Кесом? – спросила я максимально спокойным тоном.

Сейчас мне точно не следовало раздражаться, грубить и усугублять собственное положение.

– Вы правы, Селия, я действительно облажалась с Мелисандром. По полной. Я искренне прошу прощения, и я готова понести наказание или помочь все исправить. Насколько это возможно. Но зачем вы перебираете остальные мои дела? – спросила я и густо покраснела.

– О, тут все просто. – Селия зевнула и грациозно потянулась. – Исходя из того, что я вижу, я уверена, что вам вообще не место в нашем ведомстве. Вы отвратительно некомпетентны, Тинави. От-вра-ти-тель-но. Вы позорите звание Ловчей.

Сердце у меня ухнуло. Я положила руки на колени, чтобы ассистентка не увидела, как они дрожат.

– Но... Я же всего две недели в должности. Я не успела научиться всем тонкостям.

– Ваш куратор должен был вас обучить.

– Поверьте, он делает все возможное. Просто для этого нужно время...

– Вы мне, пожалуйста, не говорите, для чего время нужно, а для чего нет, Тинави. Я поопытнее вас в таких делах буду. – Селия ехидно глянула на меня поверх очков.

Я умолкла.

Раздался громкий, злой стук в дверь.

Ощущение, будто толпа разъяренных гномов с топориками явилась к королю-под-Горой требовать новых страховых условий для шахтеров. А тот, зараза, забаррикадировался в тронном зале.

Стук не прекращался до тех пор, пока Селия, опешившая от подобной наглости, не открыла дверь.

– Вы что себе позволяете? – зашипела она.

На пороге стоял Полынь. От него за версту веяло холодом, а взгляд и вовсе был способен обратить человека в камень. Неужели так выглядит мое спасение из допросной комнаты?

– Нет, это вы что себе позволяете, – в тон ответил Полынь из Дома Внемлющих.

Его волосы топорщились во все стороны, а змеи, птицы и кошки на руках-татуировках, казалось, сейчас прыгнут и насмерть загрызут Селию:

– Немедленно отпустите мою помощницу. Она нужна мне для успешного завершения дела о маньяке.

– Ваша помощница подвела все ведомство под международный скандал. Она никуда не пойдет, пока во дворце не скажут обратного.

– Наше дело важнее дурацких претензий иноземцев. Тоже мне, сбежал от них какой-то мутный тип. Не факт даже, что убийца. Какое отношение мы имеем к разборкам Асерина и Иджикаяна? Это не наша проблема. Тем более не наша с Тинави.

– Полынь, вы ни праха не смыслите в политике, – строго покачала головой Селия.

– И слава небу. Предпочитаю быть подальше от этого дерьма. Так вы отпустите мою помощницу или нет?

– Только с разрешения дворца.

– Да? Ну и ладненько.

Полынь развернулся и ушел, хлопнув дверью.

Я подавила разочарованный стон. Как так?! Что за «ну и ладненько» такое?

Селия тоже удивилась. Она задумчиво пожала плечами, будто в ответ на какие-то свои мысли. Потом развернулась ко мне и, улыбнувшись, как крокодил, села обратно за наш «допросный» стол.

– Как видите, в деле ваш куратор не так хорош, как о нем говорят, – протянула она и звонко цокнула языком. Я не стала отвечать.

– Это наводит меня на мысль... – Селия откинулась на стуле и побарабанила пальцами по прохладной столешнице. – Не вы виноваты в том, что так убого выполняете свои обязанности. Ответственность лежит на вашем кураторе, который ослеплен эгоистичной целью и потому не уделяет вашему обучению достаточно сил и внимания. Предлагаю вам сделку, Тинави.

– Какую? – спросила я.

Впрочем, было несложно догадаться об общем характере грядущего предложения.

– Завтра утром состоится заседание. На нем будут присутствовать иджикаянцы, вер-хушка нашего ведомства и представители дворца. Там мы принесем извинения за то, что не смогли помочь в поимке Мелисандра Кеса, а также назначим наказание виновному, дабы... – Селия закатила глаза, – ...порадовать этих пустынных варваров. Я предлагаю вам признать, что вина лежит на Полыни, который завалил вас чрезмерным количеством дел. Мы вас велико-душно простим, а иджикаянцы согласятся, ибо вообще немногого ждут от женщин-служащих.

Бывшая Ловчая умолкла.

– А накажут, значит, Полынь? – уточнила я. Селия кивнула. – И что это будет за нака-зание?

Она развела руками:

– Увольнение, конечно.

– Я не согласна.

– Но, Тинави...

– Я сказала, я не согласна. К праху вашу прахову сделку.

– Тинави, попридержите язык, пожалуйста...

– А нафига? Вы меня все равно завтра уволите.

Я откинулась на стуле, нагло задрала подбородок и скрестила руки на груди. Селия пока-чала головой:

– Советую вам подумать еще. Вы только начали свой карьерный путь. Будет очень некрасиво, если первая же запись в вашей трудовой книжке окажется зачеркнута – мы же вас с поэ-ром выгоним, – подмигнула Селия и улыбнулась, показав белоснежные зубки.

Я ослабилась в ответ:

– Переживу.

– Что ж, тогда я ухожу, а вот вам придется пробыть тут до самого заседания. Загляну к вам еще пару раз, вдруг передумаете. – Она зевнула.

– Не утруждайтесь, – скорчила рожу я.

Селия, постукивая тростью об пол, вышла. Я показала язык закрывшейся двери, а потом горестно бухнулась лбом в стол. Тройной поворот ключа ознаменовал начало моего импрови-зированного заточения.

М-да, нехорошо все складывается.

* * *

Прошло несколько часов. В коридоре за дверью было тихо. От нечего делать я начала заниматься спортом. Прыгала, отжималась, растягивала мышцы и все такое. Перевернула один

стул и тренировалась накидывать лассо на ножку, подтягивая его к себе. Представляла, что я на разминке по тринапу.

Еще я подумывала о том, чтобы потренировать магию. Но испугалась, что кто-нибудь может подглядеть. Не уверена, что стороннему наблюдателю видна разница между классическим волшебством и Карловой ворожкой, но лучше не рисковать. От наших с подростком занятий так и веяло тайной. Нет, ТАЙНОЙ. Есть вещи, о которых лучше молчать.

И хорошо, что нутром мы всегда чуем, какие именно это вещи.

Короче, я развлекалась, как могла, стараясь развеять грусть.

Не хотелось мне уходить из ведомства. Ну как я так напортачила, а? Вся эта история Мелисандра была совершенно некстати. Наверное, в жизни не всегда все должно быть вовремя, но... Как же хочется порядка и логики! Чтобы все дела и поступки укладывались в единый красивый рассказ, чтобы утро было непременно солнечным, закат – романтичным, а дружба крепкой. Чтобы обидные промахи оказывались предисловием к грядущим победам, злодеи оборачивались героями под прикрытием, а череда случайностей превращалась в гармоничное повествование.

В любом случае, хорошо, что эта ерунда с Мелисандром случилась сейчас, а не, скажем, неделю назад. Когда я только пришла в ведомство, оно было для меня единственной спасительной шлюпкой в огромном и сером мире самобичевания и тоски. Теперь же из-за уроков с Карлом границы жизни как бы расширились. Да и вообще много крутого случилось. Что касается работы Ловчей... Было здорово, безусловно. Но самое ценное в ведомстве – это, так сказать, «тусовка». Ощущение причастности к чему-то важному. И люди вокруг.

Утешая себя, я подумала, что Польша наверняка оценит мой самоотверженный шаг (уж я найду способ «нечаянно» рассказать ему о том, как героически отказалась от сделки Селии). Спорим, сам будет заглядывать ко мне на огонек? Я так понимаю, дома он по вечерам не сидит, так пусть сидит у меня! Лучше один. Но можно вдвоем с Андрис, так и быть...

Что же касается азарта, сопровождающего раскрытие ведомственных дел... Ну, ничего. Отправлюсь путешествовать, я ведь давно мечтала, а все не решалась. Плюс дальнейшее постижение магии – что может быть азартнее?

В конце концов, поставлю себе целью найти этого придурка Мелисандра и надрать ему задницу за то, как он со мной поступил, недоделок. А потом за шкуру притащу его в Иджикайян. Заставлю желтолицых признать, что он не виноват (если он не виноват) или же вклеить ему дюжину лет в тюрьме (если таки напортачил).

Заодно посмотрю Пустынные Земли. А потом пешком, как монахиня, вернусь в Лесное королевство, чтобы не пропустить ничего интересного по пути. Буду писать заметки. По приезде торжественно вручу их Дахху. Он точно обрадуется такому дополнению для второй части «Доронаха»! Первая часть как раз станет продаваться во всех книжных магазинах королевства, озаренная ореолом невиданного успеха. А Кадия к этому моменту уже станет женой Анте Давьера и устроит для нас шикарный бал, где Селия и мастер Улиус возрыдают у моих ног и станут умолять меня вернуться в ведомство. Но, конечно, мне уже не будет интересно...

Я так увлеклась, что, когда в двери начал поворачиваться ключ, чуть не заорала «не сейчас, я занята!».

В комнату вошли трое. Мастер Улиус, едва сдерживающий ухмылку, напряженная Селия и... бледный, нервно подрагивающий, будто чихуа-хуа, решительно настроенный Лиссай. Все пристально смотрели на меня, не произнося ни слова. Я замешкалась.

Затем встала и сделала легкий реверанс:

– Ваше Высочество.

Лиссай тяжело вздохнул. Оглянулся затравленно, словно жертва, и ответил, опуская приветствие:

Неожиданно из кустов, бурно растущих по краям Министерской площади, выскочило несколько молодых, обескураживающе квадратных в разрезе гвардейцев. Они подхватили унылого Лисая под руки и бодрым шагом потащили его прочь, что-то злобно шепча друг другу и потирая шишки. Принц покорно обвис между ними.

– Первый, первый, код зеленый! Объект у нас! – безостановочно бубнил в магический кристалл самый квадратный гвардеец.

– Спасибо большое, Лисай! – обескураженно крикнула я вслед процессии. Долговязая фигура Лиса в пижамке уже совсем исчезла за шкафоподобными стражами, плотно сомкнутыми рядами.

– На здоровье. Приходите на чай! – донеслось слабое приглашение из-за жестяных рядов.

Ну хоть так.

Я обернулась.

Огромное, сложносочиненное здание Иноземного ведомства поблескивало витражами в свете заходящего солнца. Зрелище притягательное, но мне совсем не хотелось туда возвращаться.

Получается, Польша сумел исполнить условие Селии: она сказала, что меня не выпустят, пока «во дворце не скажут обратного». И тут куратор вытащил джокера в виде Лисая. Младший принц, не поспоришь. Со слов Лиса мне показалось, что весь инцидент исчерпан как таковой. Но не факт.

Я поежилась. Нет, сейчас идти в ведомство не стоит.

За пять медяков я купила у мальчишки-газетчика вечернюю «Вострушку», оторвала первую страницу, крупно написала на ней «СПАСИБО!» и отправила Польни с Марахом. Во время допроса филин честно ждал меня в коридоре и теперь прилетел на плечо. Умничка.

Марах, одобрительно ухнув, умчался прочь. Я пожевала губами, размышляя, что делать дальше, и в итоге решила пойти домой.

36

План Б

*Раз, два, три, четыре, пять —
Бокки за окном опять.
Шесть, семь, восемь, девять —
Старое, чужое время.
Десять, десять, десять, десять —
Надо спать, не куролесить!*

Ночь прошла на удивление спокойно. После такого-то дня!

Проснувшись с петухами, я поняла, что у меня полно свободного времени. Нежданная радость, однако.

Впервые за две недели я пересеклась с Анхелой, своей кухаркой. Она приходит на заре и уходит спустя час, поэтому видимся редко.

Анхела была добродушной толстушкой средних лет, с косами, завернутыми в крендельки над ушами. Лет сорок назад она переехала в столицу с западных территорий Смахового леса, но харизматичный деревенский говор до сих пор с ней.

Анхела сразу вывалила на меня кучу информации сомнительной важности: где теперь лежит средство для мытья посуды, почему бакалейщик повысил цены, во сколько завтра доставят молоко... Я старательно кивала. Но мысли мои были направлены на две дохленьких ташени, которые торчали из кружевного кармана на ее фартуке. Видимо, Анхела подобрала их на пороге запертого на ночь дома.

– Надесь господин Потравк возмутился, дескать, инфляция энта ваша ускоряется, а зарплату ему не того... Не повышают. Вот и решил самовольничать, ценники на всех овощах, упырь, попереклеивал! Да втайке от хозяина! Но мы-то, покупатели, то бишь, не лыком шиты! Пришли к нему давеча с митингом, все чинно-благородно...

– Анхела, прости, что перебиваю. Сегодня очень важный день на работе. Для меня были какие-то письма?

– А то ж нет!

Кухарка передала мне ташени. Я горячо поблагодарила ее, похвалила за гражданскую активность в случае с митингом и бочком-бочком ускользнула обратно в спальню, пока она не вспомнила еще чего-нибудь важного. Есть люди – добрые, веселые, жизнерадостные, но одна проблема – не заткнешь. Анхела из таких. Слава небесам, что обычно у нас не совпадает расписание!

Ташени от куратора была немногословной: «Пожалуйста». И все, никаких приписок. В принципе все честно, баш на баш. Какое «спасибо», такой и ответ.

Вторая птичка прилетела от Мастера Улиуса.

«Дорогая Тинави, поздравляю: ваше дело о Мелисандре закрыто и зачтено. Иджикаянская делегация довольна. Никаких претензий. Волки сыты, овцы целы. Но буду честен: эта ошибка сильно подпортила впечатление о вас. Возвращайтесь к работе и впредь будьте внимательнее. Хорошего дня».

Я крякнула и сонно потерла глаза в ответ. Просто удивительно, как все обошлось! И даже Исторический музей с амулетом Часовщика Такта не всплыл.

Амулет Такта! Я подпрыгнула. Как я могла забыть об этом? Глупая, глупая Тинави! Написать Полюни еще записку? Или уже при встрече обсудим? Логичнее второе.

Я начала собираться с максимально доступной мне скоростью. Получилось в лучших традициях дешевого шапито: одна нога в штанине, во рту зубная щетка, руки распределены между расческой и блокнотом, вторая нога поскальзывается на оброненном Анхелой яблоке – и у-ля-ля, кто у нас тут акробатка?..

– И все же! – самой себе сурово сказала я, соскребаясь с пола.

Наш маньяк представляется тайным именем Теннета. Использует теннетову черную краску и прото-заклинания времен хранителей. Знает про чистую магию – тоже не самая доступная информация. Сговорился с религиозной госпожой Айрин. Совершенно нагло хочет попасть к драконам, чтобы их убить...

Хотя «убить» – это всего лишь версия Полыни. Я, помнится, считала по-другому. Я думала, что маньяк хочет разбудить драконов, дабы с их помощью вызвать богов-хранителей.

Но зачем? Зачем бы этого хотел сам Теннет, например?

Он бы точно хотел предупредить – он так всегда делал, в абсолютном большинстве сказаний.

Но о чем?..

– Госпожа Тинави! С мальчонкой делать шо-то надо! Он, как за Марахом приходит, ото постоянно в кладовку свой нос сует! Все банки с вареньем мне понаотверчивал – дегустирует, ишь шпана! Вы ему скажите – за эту дверь ему хода нет, наглецу маленькому! Отца Небесного на него нет!

От ее случайных слов меня будто обухом по голове ударили.

«Я пошел не туда, и никто меня не остановил», – Карл. «Врата открыты», – Ол`эн Шлэйла. «Территория Хаоса... спрятана за Вратами, и стоит кому-то из богов приблизиться к Вратам – Теннет их останавливает», – Дахху. «Все связано», – магистр Орлин. «Они отвлечены, рассеянны, привыкли, что их предупредят», – снова Ол`эн.

Прах побери.

И везде эти два месяца...

Два месяца назад случилось что-то, взволновавшее речное дно. Два месяца назад начались убийства. Два месяца назад Лиссаю открылось Святилище. Два месяца назад Карл вывалился «не пойми откуда» на участок фонарщики Рили...

«Нужна очень серьезная причина, чтобы разбудить драконов. Что-то поистине вселенское», – слова Дахху.

«Беда, если видишь опасность, но не можешь предупредить сильных. Беда, если уходит сила – сложно сохранить сердце».

«Некоторые вещи, произошедшие с богами, очень печальны».

«Зверь. Мой враг».

«А вдруг боги не могут вмешаться?.. Боги могут лишиться силы».

Кому еще набожная Айрин могла помогать «по любви», если не падшему хранителю?..

Голос Анхелы вернул меня в нормальное, «человечье» измерение мыслей:

– Госпожа Тинави! А вам еще пташка, смотрите-ка! – И кухарка метко сграбастала черную ташени, в это мгновение влетевшую в дом на крутом вираже.

– Вьяк... – сказала ташени до того, как обмякнуть в моих ладонях.

«Ну где ж ты, душа моя?» – гласила записка острым почерком Полыни. Почерк как-то лихо, весело забирал вбок.

И впрямь. Нахлобучив свою любимую цветочную шляпу, вырвав летягу из цепких лап Анхелы и утяжелившись своим прекрасным рюкзаком, я опрометью бросилась в ведомство.

Вдвоем мы до большего додумаемся.

Скептик Полынь, останови мои мечтанья...

* * *

На Министерской площади мне встретился Патрициус. Кентавр нервно переступал с копыта на копыто под старой яблоней, озадаченно поглядывая вверх.

– Хей, что случилось? – поинтересовалась я.

Перевозчик, тербивший в руках сбрую, повернул ко мне смущенную лошадиную физиономию.

– Привет, мадам. Хотел сбить себе яблочко, кинул в него значком гильдии. Значок застрял в ветвях...

Я подняла голову. И впрямь, бронзовое удостоверение в виде копытца грустно висело по соседству с лакомым яблоком. Патрициус озадаченно запустил пятерню в волосы и пожаловался:

– Будь я человеком, мадам, мигом бы взлетел на дерево. Но с лошадиными ногами не разгуляешься.

Я торопилась, жутко торопилась, но не могла проигнорировать тоскливый взгляд кентавровых глаз. У этих кентавров, знаете, ресницы похлеще, чем у коров. Трепещат так, что аж до самого сердца добираются.

Я вздохнула:

– Помочь тебе?

– Буду рад! – иго-гокнул Патрициус. – С магией вашей всяко полегче!

О-оу. Вообще-то я планировала банально залезть на яблоню, благо чуть ли не все детство провела за этим приятным занятием. Мысль о магии мне и в голову не пришла.

– Не, – я отрицательно покачала головой. – Магия для слабаков. Давай я лучше покажу тебе мастер-класс по управлению лассо. Оно у меня идет в качестве табельного оружия.

Кентавр горячо поддержал инициативу. Но восхищение на лице Патрициуса довольно быстро сменилось унынием. Мое лассо, взмывающее в воздух, будто дикая гадюка, раз за разом цепляло ветки, яблоки, что угодно, но не злосчастный значок-крохотулю.

– Может, все-таки волшебством? – протянул перевозчик минуты две спустя.

Облом был слишком очевиден. Я вздохнула. Как назло, возле нас уже топталось несколько зрителей. Уличные мальчишки, чья основная задача – находить в городе все самое интересное и необычное, лузгали семечки и обменивались отнюдь не лестными комментариями о моих умениях.

– Пожалуй, придется, – нехотя согласилась я.

Лезть на дерево после упражнений с лассо было глупо. Патрициус ободряюще заржал. Я закрыла глаза, пытаясь успокоить биение сердца.

Что ж, опробуем Карлову магию на деле!

Я старательно искала в глубине собственного сознания пресловутые теневые блики. Они бросились ко мне так рьяно, будто только и ждали зова. Я все-таки кое-как научилась выстраивать психологический барьер перед неминуемым осознанием конечности бытия, но сейчас была другая сложность.

Она заключалась в том, что я одновременно пыталась обрести полное спокойствие внутри и сымитировать всякие сложные пассы руками. Ведь жестикуляция обязательна при классическом волшебстве. Иначе я никого не одурочу. Вдобавок пришлось выкрикивать заклинания, как это делает весь мир вокруг.

Три, два, и!..

– Спасибо, мадам! – поблагодарил меня Патрициус. Он поднял «сбитое» удостоверение и протер его заляпанным рукавом кожаной куртки.

– Пожалуйста, – выдохнула я.

Для всего мира вокруг ничего не произошло. Служащие продолжали спешить на работу, лодочники – переругиваться из-за (не) соблюдения правил речного движения, туристы – обалдело глазеть по сторонам. Мальчишки-зеваки, пожав плечами, ушли. За ними тянулась безошибочная дорожка из шелухи. Прямо Гензель и Гретель из старой алламандской сказки!

Я же ликовала. Впервые мне удалось применить Карлову магию на людях. Успешно, не сойдя с ума и не вызвав ничьих подозрений.

– Мадам, а давайте я вам подарок сделаю за вашу помощь? – Голос Патрициуса вырвал меня из эйфорического облачка.

– Ой, спасибо, мне так приятно! – Я улыбнулась и взяла мешочек, протянутый мне кентавром. Там что-то стукнуло.

Я с любопытством развязала тесемки и под сияющим взглядом перевозчика высыпала себе на ладонь две... батарейки. Две Карловых батарейки – черные-оранжевые, очень узнаваемые цилиндрики.

Во рту у меня мгновенно пересохло. Я крепко сжала батарейки в кулак и хрипло ахнула:

– Патрициус! Ты где это взял?!

У кентавра аж хвост трубой поднялся. Потом Патрициус обиженно иго-гокнул:

– Вы чего, мадам?

Я поспешила пояснить:

– Я просто уже очень давно мечтала найти эти штучки – они мне очень, очень нужны были, Патрициус. И то, что ты мне их подарил сейчас – да это просто чудо какое-то!

Искренний восторг в моем голосе успокоил всполошившегося кентавра.

– А, – отмахнулся он. – Не стоит благодарности! Это мне мастер Карл дал на днях вместо денег. Вы не подумайте – я бы мальчика и бесплатно подвез, но он уперся, как баран: за все надо платить, за все надо платить... Ну, я и согласился. А что, – кентавр встревожился, – это ценность какая, что ли? Я случайно не обокрал мастера Карла, приняв подарок? Я-то подумал, наоборот, – глупость какая, игрушка...

– Нет-нет, все отлично, – я улыбнулась перевозчику. – Просто, сам знаешь – я немного со странностями.

– Это есть, мадам, – Патрициус добродушно засмеялся. – Ну, удачного дня вам! Здорово мы с вами друг другу помогли, а?

– Помощь ближнему – гарант хорошего настроения! – согласилась я, запихнула батарейки в самый дальний, потайной карман летяги – к фонарику – и вприпрыжку поскакала к ведомству.

* * *

В главном холле меня поймал дежурный администратор – расторопная девушка с милым личиком.

Она ловко остановила меня на повороте:

– Госпожа Тинави, вас ожидают в Малом Архивном зале.

– Кто меня ожидает?

Но секретарь уже упорхнула прочь, будто маленькая лесная пичуга.

– Да что ж такое! Отвлекают и отвлекают, – буркнула я и, пожав плечами, я отправилась в указанное место.

Самое примечательное в Малом Архивном зале – количество свитков. Тубусы с бумагами занимают большую часть помещения, похожего на винный погреб. Старинные и современные, пергаменты и папирусы, частные и государственные, документы заполняют шкафы, громоздятся на полках и стеллажах, висят на специальных крючках под светильниками. Бесцветные тени архивариусов мягко скользят вдоль стен.

Сегодня, помимо меня, здесь был лишь один посетитель. Он свернулся калачиком в тяжелом кожаном кресле и с осторожностью перелистывал шуршащие листы какого-то древнего манускрипта. У посетителя был миниатюрный рост, каштановые волосы и круглые бирюзовые глаза.

– Карл? Что ты здесь делаешь? – испугалась я.

Что, чудо-мальчишка *настолько* быстро почувствовал, что батарейки переключались ко мне?!

Мальчик отложил манускрипт и очень обеспокоенно шепнул:

– Дахху пропал.

– Как это?

– Не знаю. Вчера после ужина он, как обычно, сел писать «Доронах». Потом сказал, что его ждет важное дело. Ушел и не вернулся до сих пор.

Я нахмурилась и осторожно присела на подлокотник кресла. Тотчас из дальнего конца зала раздалось недовольное шиканье: по мнению архивариуса, такое телодвижение граничит с развратом.

Тихо выругавшись, я просто опустила на корточки рядом с расстроенным Карлом:

– Ладно. Ты уже просил унни отыскать Дахху? Если нет, дерзай.

– Я... – Подросток замялся. – Я не знаю, как это сделать.

– Вот это поворот, – искренне удивилась я, ибо мои новые подозрения о Карле не допускали такого ответа мальчишки. – Хм. Я тоже не знаю. А ташени посылал?

– Да. Без ответа.

– Ну... Слушай, Карл, по закону человек может целых три дня где угодно шлаться, и только потом его близким рекомендуют волноваться. Думаю, с Дахху все в порядке. Смотри. Мне сейчас надо обязательно встретиться со своим куратором по Очень Важному Делу. Тебя оно тоже касается, кстати. Давай сделаем так: побудь где-то рядом, и скоро я тебя позову. Если Смеющийся к этому моменту не найдется, заодно приступим к активным поискам. И Кадию подключим. наших общих ресурсов хватит на то, чтоб весь Шолох на уши поставить. Пойдет?

Мальчик пожевал губами, потом согласно кивнул.

– Не грусти, эй! – я потрепала его за щеку, из-за чего Карл оживился: негодуяще вывернулся и нахохлился.

– Я не грущу. Просто в воздухе пахнет грозой, а мне не нравится запах озона.

– Не выпендривайся. В Шолохе мы называем это просто запахом грозы. Весна, парень. Что поделать.

– Ты знаешь, в моей жизни было много весен, – горестно пробормотал Карл.

В его по-детски пухлых устах это звучало забавно.

Он продолжил:

– Не все они пахли грозами, но все – несли перемены. Если в мире есть что-то, что я ненавижу – это они. Перемены. Даже смешно. Перемены и грозы. Вспышки, которые представляют все в таком искаженном виде, что ты начинаешь сомневаться в собственном разуме. Яркий свет, в котором ты стоишь, будто голый, и нет ничего – ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Твое сознание растворяется в грохоте стихии, а когда собирается вновь – никто не может гарантировать, что это ты, а не кто-то новый с поддельной памятью. Никто не может гарантировать, что то, чем забита твоя черепушка – это действительно твои мысли, твои идеи, твоя вера. Я частенько чувствую себя всеильным, Тинави. Но чаще – уязвимым. Я знаю – я должен быть холодным, спокойным, разумным и смелым. Я пытаюсь. Я, правда, пытаюсь. Но, когда приходит гроза... Когда приходит гроза, мне кажется, что я – песчинка, попавшая в глаз всевидящему богу. И он злится, и хочет выковырять меня поскорее, и от его плохого настроения горы раскальваются, становясь вулканами. всю свою жизнь я ищу правду. Правду о том, кто мы, откуда, зачем и почему. Все говорят – глупость, я не должен задаваться такими вопро-

сами. Кто угодно, но не я. Мне не по рангу. Но, несмотря на то что я знаю и могу куда больше, чем все вы, я чувствую, как раз за разом ступаю на неправильный путь. Мне катастрофически не хватает времени. Грозы и перемены обнуляют все, возвращают меня в начало, раз за разом. И, учитывая, что где-то там меня ждет Зверь... Наверное, я истратил свой последний старт. Так что будь проклят чертов запах озона.

В Малом Архивном зале потемнело. Аквариумы с осомой тихонько зажужжали, начали рябить, затухая и разгораясь вновь. Архивариус подошел к самому крупному и постучал костяшками пальцев по тонкому стеклу, пытаясь разбудить траву. Я оторопела почесала макушку и протянула, глядя в круглые, совиные глаза мальчика:

– Ну у тебя и загоны, Карл...

От его взгляда, последовавшего за этой репликой, мог с легкостью воспламенится Смаховый лес. Целиком. Сухой, мокрый – неважно.

– Я продолбался, Тинави, – мрачно сказал мальчик. – Я продолбался по всем фронтам, и мне так стыдно признать это. Но гроза заставит.

Мне очень хотелось задать Карлу серию непростых вопросов на этот счет, но они звучали бы до оскорбительного безумно в рациональных стенах Малого Архива. Пожалуй, сначала обсуди все с Польшью. А Карл... Карл пусть пока остается просто моим юным учителем-гением.

Поэтому я до фальшивости беззаботно пожалала плечами:

– Да не будет сегодня грозы, успокойся. Я вчера читала прогноз в «Вострушке».

– О, поверь!..

С саркастической усмешкой, искривившей губы, Карл вылез из кресла и, нарочно топая, покинул зал. Сколько на него не шипел архивариус – Карлу было по барабану.

– Во дает, пубертатник, – я покачала головой и пошла искать Польшью.

Несмотря на то что я изо всех сил уговаривала себя не поддаваться панике, было сложно не поверить в Карла. Если у чудо-мальчишки так портится настроение – жди беды.

Чтобы успокоиться, я стала напевать про себя дурацкие детские считалки.

* * *

– Ну здравствуй, синеокая звезда Иджикайяна!

Куратор был в превосходном настроении. Он сидел на своем любимом широком подоконнике, тая от удовольствия. В честь торжественного дня Польшья надел совершенно безумное пятнистое одеяние. Если б я не знала, что он тот еще модник, то решила бы, что Внемлющего просто облили краской: на белом фоне всех его маек расплывались хаотичные черные и красные пятна, принимающие самые дикие формы.

– Да по тебе можно проводить тест Роши-Хаха для умалишенных, – фыркнула я.

Польшья, болтая ногами, поднял мне навстречу бокал с чем-то шипящим:

– Почти угадала, душа моя. Если честно, не стань я тем, кто я есть, я бы точно пошел в мозгоправы. Всегда интересовался человеческой психикой.

– Да? А почему тогда выбрал госслужбу?

– Иногда за нас все решает судьба, – беззаботно пожал плечами куратор.

Потом хохотнул:

– Ну, или родители.

– Злишься на них за это? – Я взяла у Польшьи второй фужер. Стекланный, со сложными гравировками, бликующий в ярком утреннем свете: – Не рановато ли мы празднуем, кстати?

– Отвечая на второй вопрос – нет. Я уже на пределе. Ты даже не представляешь, как я хочу, наконец-то, отвлекаться... Если честно, – он усмехнулся, – для меня это намеренное заигрывание с фатумом. Я так устал в последнее время, что сейчас, на финишной прямой,

хочу назло всему миру и себе самому расслабиться, позволить вселенной решать за меня. А что касается родителей – нет, не злюсь. Так надо было. Одна жертва, да. Зато трое братьев и сестра учатся в Башне бесплатно.

– Да ладно тебе. Многие идут на госслужбу по любви. Не страдай.

– Я и не страдаю, – он подмигнул. – Просто иногда хочется сболтнуть чего-нибудь эдакого. Подкинуть собеседнику головоломку, пусть сидит, хмурится, решает. Точнее, нет. В идеале я бы хотел, чтобы это мне подкидывали маленькие повседневные тайны. Но всем лень этим заниматься, так что приходится самому играть роль ведущего. Жаль, ты никогда не клюешь. Столько красоты развешано у тебя перед носом! Что-то намеренно. Что-то случайно. Но ты так любишь свою уютную конуру, эту вечную роль жертвы, улыбочкой дурочки, знающей свое место, что не стремишься складывать кусочки стекла в мозаику и дерзко вывешивать полотнище правды при свете дня... Была у меня такая подруга. Когда играла в покер – пусть даже все карты у нее на руках – все равно орала «пас!» и убегала прочь от круглого стола. Ни азарта, ни смелости. Как будто, если дерзнешь, если покусишься на большее, накажут. Почему ты вечно тише воды, ниже травы? Почему отказываешься думать? Зачем ведешь себя глупее, чем можешь?

Он качал ногой так сильно, что, казалось, она сейчас оторвется.

– Так, Польша, – мое лицо окаменело. – Кажется, ты пьян, дружок. Я принесу тебе воды.

Куратор поморщился, будто я сказала что-то неприличное. Потом спрыгнул с подоконника. Подошел ко мне, сильно пахнув лекарствами, поднял брови и ехидно проговорил:

– Да если б я и хотел, то не смог бы напиться. Из меня это умение вытравили. Я скорее сдохну, нежели потеряю способность соображать ясно, гори они все синим пламенем!

Горько фыркнув, он отошел к своему рабочему креслу.

– Они? Жители Шэрхенмисты? – полюбопытствовала я.

– О, ты все-таки соображаешь!

Пока я прикидывала, как поглубже ему ответить, Польша уселся поудобнее и начал стягивать сапоги. Я перевела взгляд на ноги куратора и не смогла подавить судорожный вздох.

У Польши почти не было стоп.

Нет, я неправильно выразилась. Не спешите представить себе несчастного инвалида. У Польши не было стоп в том смысле, что они были практически прозрачными.

– Э?... Все нормально? – опешила я. Польша перехватил мой оторопелый взгляд и захохотал, закинув голову назад.

Я продолжала пялиться на его невидимые ноги.

– Издержки профессии, – пожал плечами куратор. – Специальное наказание... или, вернее, предупреждение для тех, кто слишком увлекается работой. Нравится?

– Нет, не нравится. Кончай этот цирк, – поняв, что никакого дискомфорта из-за «пропавших» ног Польша не испытывает, я разозлилась. – Я не буду идти у тебя на поводу и – как ты это назвал? – решать развешанные головоломки. Ты хочешь мне что-то сказать? Говори. Не хочешь? Тогда не морочь голову. Как я понимаю, ты дико прешься от того, что весь из себя такой таинственный, тебе в кайф эти неоконченные разговоры и толстые намеки. А мне – нет. Я не буду играть с тобой, господин Внемлющий, особенно сейчас, когда, поправь меня, если ошибаюсь, мы пытаемся закрыть самое важное в твоей карьере дело. По которому у меня, кстати, есть просто жуть, какие мощные догадки. Так что прекращай пьянствовать. И захлопни варежку.

Куратор откинулся в кресле и скрестил руки на груди. Костлявые ноги тянулись к середине комнаты. Одна полупрозрачная стопа вольготно расположилась на другой. Закрытая поза, зато взгляд такой вызывающий, что я невольно покачала головой – ну да, конечно, заливай, что тебя не берет алкоголь.

Темные пряди Полыни, блестящие от бусин и монеток, полностью скрывали острые скулы куратора. Огромные часы тикали на груди, как гномья бомба. Татуировка Ловчего пульсировала зеленым.

– И вообще, ты какой-то чокнутый, – покачала головой я. – Не лучший куратор для подражания.

– Я не расслышал: ты сказала, «лучший куратор для подражания»? Спасибо, душа моя, я тебя тоже ценю, – снова рассмеялся Ловчий.

В распахнутое окно кабинета влетела ташени. Плюхнувшись в подставленные лодочкой ладони Внемлющего, она нежно чирикнула. А потом раскрылась в послание.

Полынь пробежал его глазами по диагонали. Его лицо потемнело. Куратор мигом собрался: сел ровно, выпрямил спину. Будто детская игрушка с мерзким названием «лизун» – кидаешь его в стену, а он хлюп-хлюп, и из влажной кляксы концентрируется в шар.

– У нашей наживки проблема. Выбранный мною Ищейка не смог завершить ритуал «Ночной пляски». Плохо стало. Прах!

Полынь резво вскочил и в ярости смахнул со стола стопки бумаг. Хаоса в комнате прибавилось. Я побледнела:

– В смысле?

– Оказался слишком нервным, слишком любящим контроль, чтобы безропотно выдержать одно за другим серию нападений бокки. У человека великолепная магическая история, но крепкая привычка к сопротивлению. Начал орать, чтобы его выпустили. Митрас испугался, что это повлияет на остальных участников, и увел его от греха подальше.

Я нарочито спокойно стала собирать документы, разбросанные Полынью:

– Значит, теперь нам надо отследить остальных магов, прошедших ритуал сегодня. В этом нет ничего сложного. Мы догадываемся, когда убьют, мы знаем, кого. Просто потребуется чуть больше сотрудников, вот и все.

Куратор сверкнул глазами:

– Ты не понимаешь. Ритуал закончился еще до рассвета. Просто этот придурок Ищейка очухался только сейчас. Убийство УЖЕ могло произойти.

– Тем более не стоит рассиживаться, – смерила я Внемлющего ледяным взглядом.

Эффект был смазан тем, что я ползала по полу, а он сидел на столе, но все же.

– Давай-ка упаковывай свои прозрачные ножки, и пошли работать, Полынь. Что расселся, как девчонка?

– И впрямь.

Он деловито натянул сапоги, тем самым скрыв предмет моих сомнений, и двинулся к выходу из кабинета. Я поспешила за ним. Полынь крепко запер наш кабинет. Когда мы уже шли прочь по коридору, какое-то отчаянное трепыхание раздалось из покинутой комнаты. Полынь не хотел возвращаться, но я настояла – и не зря.

О внутреннюю сторону двери билась увесистая алая ташени. Алый – цвет Дахху. Ну, если по чесноку, это цвет еще порядка ста тысяч шолоховцев, но в первую очередь – Дахху. Ведь мы меряем мир по себе.

Куратор не дал мне спокойно прочитать письмо. Он уже убежал прочь в сторону департамента Ишеек. Я рванула за ним, сжимая птичку в руках. Цоканье набоек по коридору оживляло тишину кругом. Полынь, как всегда, умудрялся перемещаться абсолютно бесшумно.

В итоге ташени я прочитала только несколько минут спустя.

Она гласила:

«Милая Тинави!

Пишу, чтобы сообщить, что сегодня ночью я снова встретился с бокки.

Спасибо тебе за это. На ужине ты в сердцах послала меня «обниматься с егерями» – и я нашел эту мысль чрезвычайно здоровой. Вот только ждать новолуния я не стал – мне так

хотелось досмотреть историю до конца! Что ж – теперь сны мне большие не нужны. Бокки и так мне все рассказали.

Мы столкнулись с ними лицом к лицу на одном обряде, и, хотя внешне они казались злыми, но на деле вели со мной изысканную беседу мыслей... Знала бы ты, как мне полегчало! Духи рассказали мне ТАКОЕ. Хотя по большей части они пытались меня убить... Неважно.

Но вот сентенция для затравки: боги ближе, чем мы думали. И... человечней. К сожалению, в плохом смысле слова в том числе. Один из них лишился силы – давным-давно.

А в ту ночь бокки-с-фонарями вели Карла к нам. Они хотели, чтобы мы помогли ему. Но я лучше расскажу тебе все лично.

Сейчас лежу, жутко тошнит. Местный лекарь милостиво оставила меня в одиночестве в Храме Белого Огня. Если можешь, заведи меня отсюда – и тогда поведаю сказку шепотом, по секрету, на ушко...

Несколько часов промедления ничего не изменят... А мне нужно прийти в норму.

Митрас сказал, что я был самым сильным из всех участников обряда, и потому терпел дольше всех. Остальные уже отсыплются по домам, а я все еще разбит. Отправляю отложенную ташени, зная, как ты любишь поспать. Так что «заведи меня быстрее, увези, где солнце греет», как поется в глупой песне. Чую, морфий слегка влияет на мое сознание.

И последнее... Я хочу сказать тебе, что я счастлив, Тинави. Я так счастлив сейчас. Теперь ничто не мешает написать мне «Доронах». На душе моей спокойно. Это стоило того.

С нетерпением жду встречи, с любовью, Дахху».

У меня отвисла челюсть.

– Польшыыыыынь, – взвыла я, догоняя куратора, который уже что-то деловито приказывал Ищейкам, выстроившимся по стойке «смирно». Голос мой звучал, как сирена:

– Польшыыыыыыыынь!

Внемлющий почувал в издаваемых мной звук признаки катастрофы. Резко оборвал себя на полуслове, круто развернулся на пятках.

– Ты знал, что мой друг Дахху из Дома Внемлющих проходил сегодня обряд Ночной пляски? – натурально зашипела я, хватая куратора за грудки. Глаза Польшыны сузились.

– Знал.

– А почему не сказал?!

– Чтоб ты не нервничала.

– Да, вот только, судя по его собственным словам, он был там *самым сильным*. – Я в отчаянии начала трясти ташени перед лицом Польшыны. Губы у меня тряслись не меньше.

Куратор сделал шаг назад и оказался в пренеприятнейшем положении: прижатый к стене, с мелкой всклокоченной пигалицей, вцепившейся ему в костюм. То есть со мной.

Ищейки, кажется, даже дышать перестали, став свидетелями ссоры Ловчих. Один из них исподтишка достал имаграф...

Куратор перехватил мое запястье, выдернул из рук ташени. Просмотрел по диагонали. Потом рывкнул сотрудикам:

– Шелли, свяжись с Митрасом, запроси местоположение участников «Ночной Пляски». Инвернесс, подбери персонал для слежки. Лайо, всех, кто участвовал в передаче бумаг из библиотеки, – в пыточную!

После этого куратор сграбастал меня за запястье и бегом потащил прочь по коридору. Потом по следующему. И еще по одному, все быстрее и быстрее, на поворотах со свистом проскальзывая по мраморным плитам.

Как вихрь, промчались мы сквозь ведомство. Мне всегда казалось, что в серьезных государственных учреждениях даже идти быстрым шагом – это неприлично. Что уж говорить про

спринт! Но нет – окружающие отнеслись к нашей эстафете весьма философски. Уже насмотрелись на мою беготню вчера, наверное.

Наконец, мы выскочили из здания, будто пробки из бутылки.

– Садись на Димпл, – приказал Польш. Он уже подбегал к своей лошади, мирно пасущейся в сквере.

– Может... лучше... на Патрициуса? – задыхаясь, предложила я и окинула взглядом Министерскую площадь.

Скучающий перевозчик, кажется, опять умудрился продолбать свой значок. Во всяком случае, выражение лица у кентавра было преозадаченным. И стоял он все под той же яблоней.

– На Димпл, я сказал! – рявкнул Польш.

Я не стала спорить.

– Не шевелись, дыши только носом и постарайся не думать, – проинструктировал куратор. – И, главное, не мечтай оказаться «где-то еще». А то нас просто разорвет.

Вот это классно. Это прямо от души сказано!

«Разорвет?! – хотелось закричать мне. – Где, блин, твои стопы, чувак? Почему мне нельзя думать? В прошлый раз, на выпускном, эта просьба довела меня до потери магии!» Тем не менее, я послушно засопела и сосредоточилась.

Это было очень непросто. По той причине, что все мои чувства врубили режим «ПАНИКА», когда я поняла, что мы втроем – черная кобылка Димпл, Польш и я – начинаем растворяться в воздухе и ускоряться. Я еще не до конца определилась, чего я хочу от жизни, но я точно знала, чего не хочу – умереть или же стать призраком! А именно призраками мы и стали.

Мы с невероятной скоростью пронеслись по Министерской площади, мимо аллеи Страстоцветов, вдоль Луговых проулков, по Жженой площади, по площади Огненных Цветков, наконец – по мосту Ста Зверей, не всколыхнув и пера на плюмаже сонных гвардейцев.

Потом Димпл проскакала сквозь дворцовый лабиринт, проворно уворачиваясь от то и дело выскакивающей перед нами живой изгороди. По широкой дуге мы обогнули пруд, где две недели назад был найден труп Олафа Сигри. Просвистели вдоль покоев Лиссая и, наконец, затормозили у Храма Белого Огня.

Там наша плоть снова стала видимой. Я, дрожа от перевозбуждения, неловко сползла с лошади, которой все было нипочем. Польш со стоном рухнул следом.

– Ты в порядке? – обеспокоенно спросила я.

– А ты как думаешь? Много знаешь людей, которые себя хорошо чувствуют, сотворив запредельное? А я этим уже неделю занимаюсь! Своими силами, безо всякой там чистой магии! – огрызнулся он, потирая виски. – Пойдем. Если Дахху действительно самый стойкий из ночной партии – молись, чтобы он был жив.

Я тяжело сглотнула и потопала вслед за куратором.

«Какого ж фи́га, – хотелось заорать мне, – какого ж фи́га ты, мистер прозрачная нога, не родил плана Б, раз такой умный? Даже у глупых книжных героев они есть, а ты вместо того сидел и праздновал победу! Какого ж фи́га рассчитывал на свою наживку, не потрудившись продумать остальные ходы?»

Стану самостоятельной Ловчей – никогда и ничего не оставлю на волю случая. Клянусь.

37

Проклятие, что ли

Сколь притягателен гнев в своей яростной силе! Помни, однако, что столь же он глуп: Разум включится, как злость обессилит, Но ничто не развеет нашедшую мглу.

Из средневековой поэмы

По контрасту с моими чувствами, майский день был полон неги и истомы.

Клумбы перед Храмом Белого Огня источали удушающе-сладкий аромат роз и жасмина. Толстые шмели жужжали, нависая над бутонами, как Смотрящие нависают над задремавшими бродягами, и пристально изучали их, прежде чем решиться на контакт. Изумрудная трава ходила волнами, бушуя, как море, по вине настырного весеннего ветра.

Вдалеке, на том берегу пруда, мне на мгновение почудилась фигура Лисья в белой пижаме. Никто, кроме этого видения, не потревожил покой этой части острова. Лишь бабочки и кролики, павлины и пчелы, круги на воде и искорки магических разрядов, отскакивающих от пальцев Полыни.

Куратор проскользнул в Храм через низенькую дверь для прислуги. Я сделала последний, самый опьяняющий глоток цветочного воздуха и ринулась за ним.

Мир вокруг тотчас заполнился прохладой и тишиной.

Мы с куратором шли гуськом по белокаменному коридору. В неверном свете редких ритуальных факелов, горящих даже днем (никакой экономии!), куратор иногда «мигал», на долю секунды становясь прозрачным.

Мы дошли до конца коридора и оказались перед тяжелой бархатной портьерой. Давным-давно, в детстве, я была в этом храме. Поэтому я догадывалась, что там начинается основное помещение: огромный вытянутый зал с купольным сводом, круглые розетки окон, резные скамьи и разноцветные свечи. Необычные мраморные шипы, символизирующие постулат «сквозь тернии к звездам», выступали из дальней стены, напоминая пещерные сталактиты. Тяжелые чаши с ритуальной водой были подвешены на длинных цепях вдоль алтарного пространства. Колонны, напоминающие стволы деревьев, под диковинными углами убегали вверх, к своду, где со старинной мозаики на прихожан смотрели непроницаемые лица шести хранителей.

Полынь обернулся ко мне, приложил палец к губам.

– Ни звука, – предостерег он.

– Наш маньяк *очень* опасен, Полынь, – шепнула я, поняв, что так и не рассказала про Теннета.

Куратор смерил меня уничижающим взглядом:

– Естественно, он опасен! Ты только сейчас врубилась? – И он замер, прислушиваясь. Я прикусила губу.

Там, в помещении, раздались шаги – металлическое клацанье набоек по мраморному полу. Где-то задвинули засов, заскрипели ставнями – и вновь шаги. Затем раздалось пение.

Кто-то пел колыбельную на языке древних пределов – о том, как по весне птицы пускаются в пляс и облака расходятся на небе, о том, как поляны радуются каждой новой травинке, а сердце человеческое очищается после признания в грехах. Пел о том, как сладко найти прощение и насколько легче дышится после того, как скажешь правду, как в сердце твоём распускаются цветы. Почки берез набухают светло-зеленым цветом, дубовая кора уплотняется и свежее, корни граба крепнут под землей...

Песня магически действовала на меня. Я засыпала, успокаиваясь и расслабляясь. Голос поющего заполнял пространство храма от пола до потолка, как влитой. Голос казался прекрасным. И знакомым.

– Это поет Дахху? – тихо спросил Польшень, выдергивая меня из сладкого сонного омута.
– Нет, – покачала я головой.

Куратор кивнул, а потом неожиданно рванул портьеру в сторону и бросился в зал. Я – за ним.

В дальнем от нас конце храма, посередине алтарной зоны, сияющей всеми оттенками золота, лежал Смеющийся. Лицо и обнаженный торс Дахху были покрыты порезами. Друг покоился на спине, руки раскинуты по сторонам. Шарф и шапка куда-то запропастились. Крупные шрамы на шее, седые волосы на макушке – все на виду. И тут же – синяки, насыщенные фиолетовые кровоподтеки, свидетельства Ночной пляски.

Рядом с Дахху на корточках сидел мужчина в коричневом балахоне с капюшоном, скрывавшим лицо. Мужчина пел, и звуки его песни снова чуть не пленили меня. В руках у маньяка была малярная кисть, мокрая от черной краски, ведро с которой стояло тут же. Убийца рисовал этой краской странные закорючки на груди Дахху, слегка отстраняясь после нанесения каждой из них – будто бесконечно любовался сделанной работой. Краска маслянисто поблескивала на свету, ластясь и лоснясь, как живая.

Но вот треск отдернутой Польшенью портьеры разорвал тишину, будто летний гром тихую ночь, и маньяк понял, что ему помешали.

Польшень сразу начал творить заклинание, разбегающееся серебристыми сполохами у него между пальцев. Сполохи собирались в черную тучу над головой куратора, которая с неумолимостью шторма поплыла вперед.

Горестная Кара Табахати. Старинное боевое заклятие, о котором я помню лишь одно: мне так и не удалось им овладеть, несмотря на все попытки.

Маньяк лишь мельком взглянул на тучу.

А потом, как ни в чем не бывало, выхватил из рукава мантии длинный узкий кинжал и воткнул его в шею Дахху. И тотчас продолжил рисовать, уже не сильно заботясь о ровности мазков. Заклинание Польшени быстро набирало силу, шипя и треща на весь храм, я, вскрикнув, бросилась бежать к Дахху, но маньяк не дергался.

Быстро, технично делал свое дело. Хладнокровная тварь.

Я увидела фонтанчик крови, забивший из шеи Дахху. Мне показалось, будто меня накрыло волной свинцово-серого моря, нет, океана. Глаза затянуло мутной пленкой, храм поблек, и лишь фигуры Дахху и маньяка выделялись пульсирующими пятнами прямо по курсу. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я остановилась посреди зала, вскинула прямые руки вверх и заорала.

В этом крике было куда больше силы, чем в любых заклинаниях.

Теневые блики водопадом обрушились перед моими глазами, превращая реальность в не более чем отражение другой, истинной жизни.

Здание содрогнулось от мощного толчка. От меня разбежались прозрачные волны, будто круги по воде от брошенного камня. Маньяк и Польшень разлетелись по сторонам, как тряпичные куклы. Куратор ударился затылком об угол скамьи и затих. Его заклинание, тихо булькнув, схлопнулось. Старинные фрески алтарной зоны начали покрываться трещинами.

Не опуская руки, я, чеканя шаг, пошла вперед, к завалившемуся на бок маньяку, и продолжала орать, орать так, будто только что родилась, будто от силы моего крика зависит все будущее мира. Купол храма тихо гудел, как гонг после удара. Факелы в статуарных лакунах гасли один за другим. Со стен начали срываться канделябры, стали падать иконы, разбиваясь об пол. В помещении резко потемнело.

Я приблизилась к скорчившемуся на полу убийце, присела на корточки и сорвала с него капюшон.

На меня смотрело красивое, пропорциональное лицо Анте Давьера.

Совершенно спокойное лицо. Не поднимаясь, предприниматель с силой впечатал мне кулаком в скулу. Тяжелый перстень рассек кожу. Я потеряла равновесие и завалилась на спину. Анте прыгнул сверху, снова занеся руку для удара, но мне удалось откатиться вбок, уворачиваясь.

Перекувыркнувшись и вскочив на ноги, я резко выбросила раскрытые ладони вперед и очертила ими два больших круга, всю свою волю, всю свою ненависть направив вовне. Здание мелко затряслось, паукообразные трещины покрывали уже все стены, пол, потолок. Один из сталактитов композиции «сквозь тернии к звездам» с грохотом обвалился, едва не расколов черепушку Польши.

Давьер кинулся на меня, не выпрямляясь, как борец на ринге. Из ушей и носа у него текла кровь, но он все равно сбил меня с ног, ударив головой в живот, а сам остался стоять. Я захрипела, изловчилась и вцепилась ему в щиколотку, со всех сил дернула. Получи!

Анте не удержался и плашмя упал на спину, хорошенько приложившись о мрамор затылком.

Зарывав, я встала на колени и, будто бешеная собака, на четвереньках рванула к нему. Где-то вдалеке послышался слабый стон куратора.

Храм заволокло пылью из мраморной крошки: от стен откалывались все новые и новые куски, витражи осыпались вокруг нас. Трещина, бежавшая от главного входа к алтарю, все росла. Я схватила полубессознательного Давьера за горло и сдавила изо всех сил, точно зная, что сейчас убью его.

Багровый туман ходил у меня перед глазами. Здание сипело и стонало, оседая по углам.

Я чувствовала, как из меня хлещет раскаленная энергия, похожая на кнут, извивающаяся, как змея, разрушающая все, до чего дотягивается. Я чувствовала себя сильной.

Сильной, как никогда.

Никто и ничто не могло остановить меня. Весь мир лежал у моих ног, и мне было удивительно, что я не понимала этого раньше.

Карл – дурак со своим принятием.

Я еще немного сдавила пальцы на горле Анте. Он, выпучив глаза, пытался отодрать мои руки – но разве способен какой-то маньяк бороться со мной, с той, на чьей стороне сейчас вся унни мира, чья искра полыхает, как Алесиндрайский маяк?

– Так я и знала. Ублюдок, – прошипела я. – Ты убил моего друга!

Анте скосил побагровевшие глаза на Дахху. И тут до меня дошло.

Дахху не мертв. Иначе бы маньяк смог воспользоваться высвободившейся унни Смеющегося: рисунок черной краской не завершен, и энергия вытекла бы свободно, прямо в загребущие руки убийцы.

Меня прошибло холодным потом от осознания того, как я сглупила. Мигом отбросив размякшего Анте, я, спотыкаясь, бросилась к Дахху. Я ни праха не смыслила в лекарском деле, но решила, что нельзя выдергивать кинжал у него из шеи.

Друг меж тем совсем посинел, и из его горла стали слышны булькающие звуки.

– Держись, держись, держись, – в ужасе бормотала я, пытаюсь надавить пальцами на рану так, чтобы затормозить пульсирующую кровь.

Здание Храма начало рушиться по-настоящему. Возле нас с потолка упал и раскололся кусок мрамора размером с арбуз. Потом еще один и еще. С диким, разрывающим уши скрежетом завалилась набок узорная винтовая лестница, перерубая ряды скамей. Где-то вдалеке послышался низкий, спиралью усиливающийся рев дворцовой тревоги.

Я постаралась прикрыть собою Дахху, сцепленными в локтях руками обвив его голову. Слезы ручьями лились вниз, смешиваясь с алой кровью Смеющегося.

Теневые блики, все еще танцующие на изнанке век, уже не слушались, хотя я приказывала им лечить, быстрее лечить его! Унни игнорировала меня. Энергия была слишком возбуждена из-за разворачивающегося кругом хаоса для того. Как только я позабыла свой гнев, она тотчас потеряла интерес ко мне – разрушение явно куда больше привлекало унни. Ей было любопытнее смотреть на то, как складывается наш огромный карточный домик, нежели помогать умирающему парню и его тормознутой, злобной подруге... Карл был прав. Долго на эмоциях не протянешь.

– Прости меня, Дахху, – застонала я, почувствовав, как очередной потолочный камень ударяет меня по спине. Скоро мы будем погребены.

Вдруг кто-то схватил меня за плечи, с силой дернув. Я не успела сообразить, что происходит, как оказалась на зеленой лужайке у пруда. Дахху все так же был внизу, подо мной – я сжимала его с такой силой, что посинели костяшки пальцев.

Я оглянулась.

Животные попрятались, птицы улетели. Дворцовый садовник замер с отвисшей челюстью, не замечая, что секатор выпал у него из рук. Земля раскололась, и глубокие трещины стонали и осыпались краями, убегая вдаль, в сторону дворца. Деревья дрожали и скрипели. Небо заволочило темно-фиолетовой тучей. Нудное нытье сирен шурупам ввинчивалось в мозг.

Передо мной стоял, шатаясь, полупрозрачный Польшень, весь в мраморной крошке. Одежда местами порвана, местами обуглена. Куратор окинул нас бешеным взглядом. Его и без того огромные глаза совсем ввалились. Смерть, и та краше. Польшень повернулся в сторону Храма Белого огня, трясущегося и стонущего в тридцати метрах от нас, помотал головой, сам себя похлопал по щекам и исчез.

– Ты что творишь?! – с опозданием крикнула я в пустоту.

В тот же момент я с ужасом увидела, как храм рушится. Рушится окончательно, обваливаясь внутрь, начиная с купола, будто пыльный театральный занавес знаменует конец спектакля.

Вышеупомянутый садовник тоненько завизжал и бросился прочь.

Я слотнула.

– П-польшень? – обреченно пискнул, казалось, совсем чужой голос.

Огромное пепельное облако поднялась от обломков храма и безнадежной серостью поглощало все вокруг. Я не могла выдать ни звука.

Но вот – куратор снова появился, изо всех сил удерживая очнувшегося Анте Давьера. Я выдохнула.

Предприниматель, владелец «Вострушки», рычал и вырывался. Это было похоже на борьбу человека с ночным кошмаром – ведь Польшень, от секунды к секунде, становился все прозрачнее, будто на картине выцветали пятна. Я в панике смотрела на куратора, до одури боясь, что он сейчас окончательно исчезнет, раз и навсегда.

Вдруг обессилевшего Польшень качнуло. Он тяжело осел на землю.

Давьер, вырвавшись, тотчас метнулся ко мне с искаженным ненавистью лицом, выдергивая из ножен, спрятавшихся под рясой, короткий меч. Я рефлексивно сжалась, закрывая горло рукой, как от бешеного зверя. Вряд ли бы это помогло против полуметрового куска стали, но... Рядом с маньяком снова возник Польшень, взявшись откуда ни возьмись, прямо из воздуха. Телепортация!

Куратор с размаху засветил Анте локтем в скулу, схватил его за пояс и снова исчез, вместе с маньяком. Мгновение спустя их дерущаяся пара появилась в нескольких метрах от нас, на рыбацких мостках пруда. Их было плохо видно из-за затянувшей окрестности мраморной крошки.

Давьер, почувствовал под ногами твердую поверхность, широко размахнулся мечом, но Польш пнул его ногой в колено и отпрыгнул в сторону, уворачиваясь. Маньяк, издав недовольный рык, не позволил себе отвлечься. Он бросился к куратору, опять заноса оружие. Тот снова и снова отскакивал то вправо, то влево, постепенно отдаляясь и концентрируя в левой ладони шар некоего сине-золотого заклинания. Правой рукой Польш размахивал для баланса.

Увидев, что в него вот-вот запустят магией, Анте ускорился и в два прыжка ликвидировал расстояние между собой и куратором, с силой выбрасывая меч в прямом ударе. Я охнула. Польш, которого оружие должно было неминуемо проткнуть, с проклятием растворился в воздухе.

Недораскаченное сине-золотое заклинание схлопнулось. Посреди озера взвились в воздух яркие брызги – что-то достаточно тяжелое, вроде молодого мужчины, с плеском погрузилось в воду. Давьер, обретя упущенное из-за пустого удара равновесие, пожал плечами и развернулся ко мне. Над нами рокотала фиолетовая туча.

– Вы зря вмешались. Все уже было бы хорошо, а так – лишние жертвы, – холодно отметил маньяк, подходя. Меч в руке был отставлен в сторону и, кажется, вот-вот намеревался взмыть для нового удара...

Где-то рядом мелькнула молния. Маньяк дернулся, на мгновение в его глазах мне почувдился страх.

«Вас никогда не била молния, Карл? Вот мне однажды досталось...»

«Кнаски верят, что гроза – это гнев Непостижимого Отца, который наказывает своих детей-хранителей, метая в них молнии, лишая силы...»

Я решила.

– Хорошо, *Теннет*?! Это, по-твоему, *хорошо*?! С каких пор боги стали злодеями?! – отчаянно выкрикнула я.

Давьер удивленно моргнул, но не остановился для пространного комментария. Лишь бросил на ходу:

– Это моя работа. Кто-то должен был предупредить остальных. Раз уж виновник может лишь рыдать, – и он очень недвусмысленно занес меч над нами с Дахху. Но опустить его не успел.

Стрела с пестрым лиловым оперением прилетела, откуда ни возьмись, в живот Давьеру. А потом еще одна. И еще.

Маньяк охнул, согнулся и сделал несколько заплетающихся шагов назад. Упал. Меч выкатился из его руки на траву.

Я обернулась. Маленький отряд стражников появился из плотного слоя мраморной крошки, затянувшей окрестности. Крохотный патруль из трех человек, ощерившийся пиками и мечами. Острием отряда была Кадия. Она шла, туго натянув тетиву лука с замершей на ней четвертой стрелой. Лицо у подруги было непроницаемым.

Дворцовая сирена добилась своего: подмога прибыла. И даже вовремя.

Стуча железными сапогами, стражи подбежали к корчащемуся на земле Давьеру. Начали хором что-то ему орать. Один доставал наручники, другой «докладывал обстановку» в магический кристалл. Кадия возвышалась над ними, как мраморная статуя, и не спускала «с мушки» постанывающего Анте.

Я перевела взгляд на синюшного Дахху под моими пальцами. Меня не на шутку колотило. Что делать?

– ЛЕЧИТЬ, ДУРА! – заорал внутренний голос с интонациями самого Дахху, такой громкий, что меня аж подбросило.

Да... Кажется, тогда, на ужине, я не врала про наши воображаемые диалоги.

Втянув носом воздух – всю эту сумасшедшую, яркую, красочную шолоховскую весну, все это землетрясение, фиолетовые тучи, водоросли пруда, – я постаралась целиком перене-

стись в кончики собственных пальцев, а оттуда – в горло Дахху, представляя, как стягиваются сухожилия, срстаются нервы, восстанавливаются сосуды.

Ничего не происходило.

– Потому что нельзя на ненависти. Тебя предупреждали.

Вот прах... Ну нет. Я так не сдамся!

Ручей. Звонкий ручей. Прохладная вода, успокаивающая твою душу, связывающая тебя со Вселенной, облегчающая боль. Смеющаяся, журчащая унни, всепронизывающая унни, из которой соткана вселенная, энергия, любящая играть. Не в армрестлинг, как я думала всю свою жизнь, а в поддавки. В игру под названием «дай мне достойную идею, и я сама ее воплещу».

Можно по-другому. Точно можно по-другому. Не обязательно бить наотмашь и пробиваться с боем. Можно обнять, приласкать и пройти вместе. Можно улыбнуться и отпустить ненависть. Можно расслабиться и вдохнуть жизнь полной грудью, чтобы твоя душа, твоя Искра разгорелась до согревающего пламени в морозной день. Радушие. Прощение. Гармония. Унни, я не враг тебе. Я не хочу склонять тебя и заставлять повиноваться. Я друг. Твой потерянный и испуганный друг, у которого на руках умирает прекрасный человек с красивым именем Дахху из Дома Смеющихся.

Там, в храме, позволив своей ненависти рушить город, который я люблю – я была не права. И тогда, зимой, позволив боли от утраты магии остановить меня в познании себя и мира – я тоже была не права.

Я была не права всегда, когда боялась сделать шаг вперед. Всегда, когда выбирала бездействие. Когда опускала руки. Когда думала, что меня никто не понимает, и слепла от гордыни. Всегда, когда позволяла победить лени, страху, злобе, безответственности и равнодушию.

Унни. Я плохой игрок, но я в твоей команде. Я исправлюсь. Пожалуйста, помоги.

И тут я почувствовала, как будто легкий смех раздался у меня в мозгу. Легкий и звонкий. Ладони стали тяжелыми и теплыми, в воздухе пронесся аромат сирени.

Я выдернула кинжал из горла Дахху, с восторгом понимая, что у меня получается – кровь перестала идти. Ткани под моими пальцами медленно срстались. Но была и проблема: с каждым победным миллиметром я теряла то чувство глубокой сосредоточенности, которое было нужно для волшебства. Не волноваться. Не ликовать раньше времени. Дело еще не сделано.

– Крови не хватит, – снова отметил мудрый внутренний голос.

Я приняла эту информацию во внимание и все тем же кинжалом, благо не откинула его далеко, полоснула себя по запястью. Прижала к стремительно уменьшающейся ране друга.

– Готово, – я почувствовала, как фальшивый Дахху у меня в голове улыбается, а потом исчезает, будто отрезали.

Я послушно убрала руки. Дахху все еще был жуткого синего цвета. Я огляделась.

Трещина землетрясения добралась до западного флигеля дворца – и он по чуть-чуть сползал вниз, в раскол. Изнутри выбегали толпами люди и бежали прочь, ко рву Рейнич. Их фигурки быстро растворялись в седом пепле вокруг. Рядом со мной стояли стражники, дрожащий садовник, который что-то бурно им растолковывал, Кадия и, слава небу, лекари с носилками. Сирена так не затыкалась.

Один знахарь занимался Давьером. Другой – серая фигура в серой пыли – присел рядом со мной, коснулся груди Смеющегося.

– Будет жить, – кивнул он. – Вы молодец. Превосходное лечение.

– Ага, – сказала я, беспокойным взглядом обшаривая пруд. Ни единого шевеления. Прахов прах, надеюсь, куратор не утонул. Лекарь продолжил:

– Надо уходить. Тут может быть опасно.

– Ага... – я встала и козырьком приложила ладонь к глазам.

Знахарь, недовольно крикнув из-за моей анти-общительности, подозвал одного из стражей, они погрузили Смеющегося на принесенные носилки и потащили прочь. На других носилках так же уносили Давьера...

– Кадия? – окликнула я подругу, находившуюся, казалось, в некотором трансе: она невидящим взглядом провожала уходящих. Тетива так и оставалась натянутой.

– Что? – рывкнула она, вздрогнув. Отпущенная стрела, тренькнув, бесславно впилась в землю.

– Иди за ними. Ты молодец.

Она отрешенно кивнула и поплелась за своими ребятами... Всеми своими ребятами.

– Все будет хорошо! – донелся глупо крикнула я ей вслед.

Кадия обернулась.

– Я знаю, – твердо сказала она и, догнав ушедших, крепко взялась за руку Дахху, безвольно свисавшую с носилок. Один из знахарей что-то спросил у Кадии. Подруга кивнула и слабо улыбнулась.

Я же встала и, кашляя, медленно пошла вокруг пруда.

Меня быстро поглотила тишина: все покидали дворцовый остров, и меня от них отделял толстый слой мраморной крошки. Хорошо, что ливьятаны в пруду уже не водятся. Метров через сорок после начала своего пути я обратила внимание на примятый камыш. Подошла. И впрямь, в прибрежных кустах послышалось слабое шевеление. Я рванула туда – к Полыни, лежавшему плашмя. Куратор окончательно стал невидимым – только его странная одежда да пыль обозначали контуры лица и тела. Он был похож на сломанную куклу. Одна нога неестественно вывернута, руки безвольные, невидимое лицо, судя по всему, обращено к небу. Он шевельнулся, почувствовав мое приближение.

– Где маньяк, Тинави?

– Под стражей.

– Отлично. Тогда помоги мне уйти, – попросила пустота. – Как можно быстрее.

Я кивнула. С трудом подняла его, подлезла ему под руку и, придерживая за талию, мелко зашагала прочь. Куратор еле волочил ноги. При этом от него, будто от магнита, исходила силовая аура. Я чувствовала сильное сопротивление, энергия пыталась оттолкнуть меня, но не тут-то было. Я намертво вцепилась в Ловчего.

Рукав с невидимой рукой внутри зашевелился: Полынь что-то наколдовывал. Пустота полыхнула красным. Я почувствовала, что с моим зрением что-то произошло – мир окрасился в бежевые тона. Я ойкнула.

– Все в порядке. Я сделал нас невидимыми. По-настоящему. Вместе с одеждой. Но как только отпустишь меня – появишься для всех.

– Мы не можем снова ускориться? Как по дороге сюда? – я вспомнила бешеную скачку на Димпл. Сейчас это было бы очень кстати.

– Скользнуть? Требуется слишком много сил, – невидимка нервно засмеялся.

Воздух рывками выходил из его груди, больше похожий на кашель:

– Я и так сотворил невозможное, даже по меркам мастеров шэрхен. Два раза Скользнул и раз пять... шесть? Семь раз Прыгнул за день. Теперь Блекну. И до этого еще все неделю использовал по два-три запредельных заклинания ежедневно. Ты не можешь оценить это, драка с маньяком была халтурой, но, поверь, я очень, очень, очень крут, – сказал он и отрубился.

Я еле устояла.

– Ну, классно, – пробормотала я.

Наш путь по территории дворца и затем через Мост Ста Зверей занял долгое время. Было сложно перебираться сквозь следы землетрясения. Было плохо видно, что происходит вокруг. Периодически рядом появлялись силуэты Смотрящих и магов, наводнивших остров,

пытавшихся понять, что случилось. К счастью, пусть Полынь и выключился, а невидимым быть не перестал.

На нас никто не обращал внимания. Все с тревогой смотрели на следы землетрясения и на тучу над Шолохом. Если это было порождение моей магии, то я могу себя похвалить: такой жуткой тучи мы еще не видывали. Низкая, фиолетово-черная, густая, как смола, она низко нависла над столицей и утробно рычала. Мелькали молнии. Холодный ветер срывал листву с деревьев.

Когда мы покинули дворцовый остров, я поняла, что нам нужен кеб. Заклинание Полыни вызвало определенные неудобства: кучера просто не видели меня, как бы активно я ни махала руками. Пришлось осторожно опустить Ловчего на тротуар, добиться внимания кучера (это тоже было непросто – центральные районы захватила паника из-за разрушений), а затем, под его удивленным взглядом, как будто бы пропасть.

– Это проклятие, что ли, какое-то? – пожевал губами кучер, лишь по косвенным признакам, вроде распахнутой двери кеба и громкого сопения, понимая, что невидимая девушка что-то затаскивает в его карету.

– Именно. Проклятие, – буркнула я, укладывая Полынь на скамью внутри. Потом отпустила куратора и, к радости кебмена, снова стала видимой.

– Бывает же, – сплюнул кучер и спросил, куда нас, бедолаг, отвезти.

Я приказала ехать в Мшистый квартал, дом 12.

38

Багровое око

Департамент Ходящих раньше и тот позор, что сделали сейчас – это две большие разницы, как говорят в Кнасс-граде. Мой департамент был полон смелых, умных, целеустремленных людей, готовых на все ради процветания государства. Да, мы следили за «своими». А как не следить? Доверие – это иллюзия, опасная для власти, опасная для порядка. 70 % шолоховцев – тупая масса. Помани их любой хорошо поданной идеей – пойдут, не думая. Мы же уничтожали вредные идеи на корню. Несмотря на слежку, пытки и преследования, на право на убийство и Умения, которыми нас стыдили, мы всегда стояли на стороне истины и силы. Железные маски – знак нашей уязвимости, а не гордыши. Но то, что сделал Сайнор теперь... Дюжина сверхсильных дураков, лижущих ему пятки, способных на любую подлость, не берегущих ничего, кроме своей должности. Огромный, жуткий шаг назад, поданный народу под соусом арифметики: было 120, стало 12, то есть в десять раз меньше слежки, в десять раз больше свободы... Логика простолюдинов. Мне горько, что никто не смотрит глубже. Не хочет смотреть.

Тюремные записки Госпожи Тишь из Дома Внемлющих

Мокрая тряпка с плеском погрузилась в таз с горячей водой.

Я вынула ее, отжала и снова провела по виску Полыни, смывая кровь. Остальную физиономию куратора мне уже удалось кое-как отчистить от грязи, пыли и неприятных багровых пятен.

Большим облегчением было то, что лицо Внемлющего постепенно проявлялось: снова становилось видимым и даже, я бы сказала, до определенной степени розовело.

Но проблема заключалась в том, что куратор так и не пришел в себя.

Когда мы приехали ко мне, я вывалила Полынь из кеба, щедро заплатила кучеру и с третьей попытки затащила Ловчего в дом по излишне крутому крыльцу. Я замешкалась в коридоре, но в итоге приволокла куратора на кухню и, не мудрствуя лукаво, разложила прямо на полу. Зато все необходимые материалы рядом, что вы на меня так осуждающе смотрите?

Потом я померяла пульс Полыни, послушала дыхание, провела внешний осмотр. По результатам обнаружили: сломанная голень, многочисленные порезы и пробитая в районе виска голова, потенциально опасная сотрясением мозга. Наложив шину на ногу, я начала умывать Полынь. Я надеялась, что не только добавлю лоска своему трупоподобному куратору, но и смогу привести его в чувство, дабы услышать дальнейшие инструкции.

Но пока, раз он никак не очухается...

Я осторожно взяла Полынь за левую руку, поднимая ее и поворачивая ладонью к себе. Раздвинула широкие металлические браслеты, полностью закрывающие предплечье Внемлющего, и, не мигая, уставилась на мерцающие алым линии под многочисленными татуировками.

Да. Есть вещи – не скроешь. Сколько хочешь перебивай их черными изображениями полуголых фей и трехмерными треугольниками, а в один прекрасный день они все равно засветят тебя не с лучшей стороны перед всем честным народом.

С запястья Полыни на меня смотрело миндалевидное око, вписанное в ромб. В него летели пять тонко вычерченных, графичных кинжалов.

Так вот почему куратор так дернулся, когда я на днях ляпнула про то, что «у тебя на левой руке должна быть татуировка» – она действительно там была.

Вот почему его братья и сестра учились в Академии бесплатно – родители тупо продали одного из сыновей за хорошую цену, ведь никто не станет теневином по доброй воле.

И все эти запредельные умения, в которых весь мир подозревает Ходящих – кажется, сегодня я имела честь созерцать чуть ли не полный букет в исполнении Польши. Пять ножей на татуировке... Хм... Как он там сказал? Блекнуть, Прыгать, Скользить? Видимо, читать мысли? И еще что-то, явно связанное с часами на груди?

Глубокий алый цвет татуировки выныривал сквозь слои остальных рисунков, с энергией утопающего стремясь наружу. Я, со смешанным чувством ужаса и предвкушения, коснулась «ока» пальцем.

– Кхе-кхем, – сказал Польша, открыв глаза.

Я вздрогнула, на добрые полметра подлетев над кухонным паркетом.

– Оклемался? – оклемавшись сама, с идиотской улыбкой кивнула я.

Ловчий скосил взгляд на мои ладони, истерично сжимающие его запястье. Я, охнув, отцепилась от него и на всякий случай немножко отползла вбок. В воцарившемся молчании хорошо было слышно жужжание шмеля, заблудившегося среди сервантов.

– Спасибо, – кивнул Польша.

Не знаю, как, но и лежа на спине на голом полу, он проделал это с достоинством.

– Польша, – я набрала воздуха в грудь, чтобы задать мучавший меня вопрос, но в итоге запнулась.

Куратор меж тем резво сел, пощупал шину на ноге, показал мне большой палец с соответствующим радостным выражением лица и встал, опираясь обо все, до чего дотягивался. Покрытый бабушкиным пледом стул немилосердно закрипел, но согласился поддерживать Внемлющего.

– Мне пора идти. Спасибо, Тинави, – сказал куратор.

– Прямо сейчас? – взвела я.

Польша пожал плечами и поморщился от боли. Сверился со своими часами, которые чудом остались целы в сегодняшней заварушке:

– По-хорошему, уходить надо было сразу. Мне повезло, что все в Шолохе были отвлечены теми разрушениями, которые ты умудрилась устроить на дворцовом острове. Ты дала мне фору. Но сейчас наверняка уже разбираются, что случилось в храме... И мои Умения не останутся незамеченными – их засекли охранные имаграфы с детекторами запредельного, наш маньяк – надеюсь, он уже в камере, – садовник и еще прах знает какие свидетели... Нет, времени совсем не осталось, – Ловчий покачал головой.

– Что, так ничего и не объяснишь толком? – кисло протянула я, глядя на то, как резво он скачет по кухне на одной ноге и собирает свои промокшие шмотки, развешанные на бельевых веревках.

– Пусть для тебя будет утешением то, что ты мне тоже ничего не объяснишь, – пожал плечами Польша, лихо обматывая свою хламиду вокруг шеи. – Например, не объяснишь то, откуда у тебя внезапно взялись силы на разрушение целого храма, – продолжил он, осторожно натягивая на поврежденную ногу широкое голенище сапога и легким заклинанием, сброшенными кончиками пальцев, распахивая кухонную дверь: – Или то, почему у тебя на чтении мыслей изначально стоит сильнейший блок...

Он подхватил со стола свою кожаную сумку, резво перекинул через плечо и поковылял, хмурясь, по коридору:

– Ну и, наконец, то, зачем при всем при всех твоих цветущих способностях нужно было ломать комедию про «калеку».

Странная, хромающая, пятнистая фигурка Польши, брэнчащая и звенящая на каждом шагу, стремительно удалялась. На секунду притормозив перед зеркалом, куратор оценивающе цокнул языком на собственное отражение.

– Полынь, какого хрена?! – с негодованием выдохнула я, вскакивая с пола.

Он уже схватился за ручку входной двери.

Затормозил и, поколебавшись, обернулся:

– Я не из вредности молчу, Тинави. Поверь, так будет лучше.

– Лучше для кого?

– Для тебя, глупая. История повторяется: тебя отправят на допрос. Только на сей раз не к Улиусу и Селии, а к теневикам. Чем меньше ты знаешь, тем будет проще. До тех пор, пока ты действительно невиновна, ничего плохого они с тобой не сделают. Наверное. Только сними блок против Чтения. Ходящие не потерпят сопротивления. А еще выпей валерьяночки предварительно, чтоб мысли не скакали. Чем быстрее они тебя раскусят, тем быстрее отпустят. Просто с места в карьер признавайся – да, после разборок в храме почувяла, что твой куратор подлец и сволочь. Да, помогла ему смыться с острова, оплошала. А что вы хотите, растерялась, столько крови, друг вон чуть не умер, не до осмысления было. Дура я, дура грешная, больше так не буду, отпустите, дяденьки. И глазами испуганно хлопай, да, вот так, как сейчас. У тебя отлично получается, молодец.

– Но почему я не могу пойти с тобой?

– Потому что в итоге за тебя вступится Дом Мчашихся, и Лиссай, и, может, мастер Улиус. И тебя оставят в покое. У тебя впереди прекрасная жизнь, Тинави. А мой побег – это навсегда.

– Может, и тебя тогда оставят в покое?

– Не глупи. Я из бывших Ходящих. Мы все – либо за решеткой, либо мертвы, либо – особо удачливые – в бегах. Другого не дано. И – да. Проследи, чтобы Анте Давьер не откупился от тюрьмы. Это ведь он был?

– Он...

– Прекрасно. Я рад, что мы все-таки победили. Жаль, что не узнаю подробностей. Интересно, в «Вострушке» напишут об аресте владельца?

Я прикусила губу.

Полынь шутиливо отдал честь, вышел за дверь и громко хлопнул ею за собой. Воцарившаяся в доме тишина похоронно била по барабанной перепонке.

* * *

Вообще, сказать, что я была в замешательстве – ничего не сказать. А что мне, прошу прощения, делать-то теперь?

Я скинула обувь и босиком – это почему-то успокаивает, – прошлепала обратно на кухню. Там было светло и тихо. Я открыла окно, и струя прохладного воздуха плеснула мне в лицо. Пылинки затанцевали в свете упавших по диагонали солнечных лучей. Я прищурилась и отвернулась, взглядом выцепив на столе две кружки, полные остывшего чая. Я поежилась и зацепила за крючки по бокам от рамы старенькие ситцевые шторы. Села на скрипящую табуретку.

– Ох-ох-ох, – буркнула я, огорченно почесывая нос.

Пожалуй, в первую очередь мне нужно найти Карла.

Неожиданно в открытое окно влетел растрепанный Марах. Я не видела филина с самого утра, когда решила не брать его с собой на работу – мне казалось, охота на маньяка не предполагает наличия уязвимой домашней живности на плече. Думала, мой гордый птиц до сих пор послушно сидит на жердочке в спальне. Ну, видимо, ошибалась.

– Что такое? – удивилась я, заметив на ноге филина капсулу с посланием.

В туго свернутой бумажке корявым острым почерком было написано всего несколько слов:

«ОНИ ЗНАЮТ! БЕГИТЕ! АНДРИС».

– Ух-ух! – захлопал крыльями Марах и, виновато моргнув, вылетел обратно в окно.

Я выругалась и бросилась в коридор, на бегу надевая летягу и хватая мешкообразный рюкзак с рабочими припасами. С ноги я распахнула входную дверь и неловким кульком скаотилась по десяти крылечным ступенькам.

Поздно. Полынь прав – история повторяется.

Как и две недели назад, тени окружили мой участок, неумолимо приближаясь, стягивая невидимую сеть. Вот только на сей раз это были не таинственные, в чем-то, возможно, даже добрые бокки. Как минимум, легендарные бокки. Живые свидетели истории, прах бы их побрал.

На сей раз это были люди в золотых облачениях и гладких железных масках, полностью скрывавших лица. Я остановилась и, пораскинув мозгами, осторожно подняла руки, бросив рюкзак.

– Мудрое решение, – раздался тихий голос у меня за спиной, неуловимо искаженный специальным голосовым аппаратом. – Тинави из Дома Страждущих, вы обвиняетесь в государственной измене и проговариваетесь к смертной казни без суда, согласно поправке 233 кодекса Лесного королевства «О праве на убийство некоторых слоев населения». Ваша экзекуция состоится утром в специально отведенном для этого помещении. Сейчас вы проследуете с нами в камеру. Прошу не оказывать сопротивления – это бессмысленно.

– Какой такой измене? Требую пояснений! – взывала я, разворачиваясь, но рук, заметим, не опуская (мудра и опаслива).

Десяток золотистых теней метнулись ко мне в мгновение ока, не потревожив ни травинки своим сверхъестественным перемещением.

– Вы являетесь пособницей мятежного Ходящего, господина Полыни из Дома Внемлющих. Преступник нашел способ принять вас на работу в Иноземное ведомство, где вы в его угоду совершали поступки, подрывающие международное положение Шолоха, с дальнейшей целью ослабления и завоевания нашей страны враждебными государствами. Также ваша миссия включала в себя сближение с младшим принцем Лиссаем; с разыскиваемым преступником Мелисандром Кесом из Саусборна; с господином Балатоном из Дома Мчашихся, Гласом Короля, посредством его дочери Кадии; с господином Анте Давьером, подозреваемым в серии убийств в черте двора – все это с целью внутренней дестабилизации государства. Ваши права: хранить молчание...

Ходящий еще что-то бубнил, но я его не слушала.

У меня натурально отвисла челюсть. Знаете, я сама люблю сочинять истории и разворачивать факты в свою пользу, но чтобы кто-то делал это настолько нагло, топорно и при том с таким апломбом?! Уж Балатона-то они как привинтили?! Я не знала, что ответить, и потому рассмеялась.

Мою злость, впрочем, этот смех не умерил. Наоборот. Я снова почувствовала, как в душе нарастает ледяная волна.

– Да пошли вы, – ошарашенно покачала головой я и мощным движением раскинула руки по сторонам, будто приковывая себя к деревянному кресту, персонажу наших с Карлом видеий, срежиссированных золотым яблоком.

Но ничего не произошло.

– Тебе же сказали: на эмоциях не работает, – упрямо повторил мой внутренний голос с интонацией Дахху. – Все! Наказана!

Но Ходящие явно остались равнодушными к моим магическим потугам.

Четверо из них, умудрившись как-то на удивление удачно синхронизироваться, швырнули в меня прочную серебряную сеть, накрывшую меня, как коробкой. Шестеро встали вокруг дозором, нагревая в ладонях угловатые формулы заклятий. Предводитель, тот, с идиотскими обвинительными речами, склонился надо мной в моей «камере», и пожал плечами:

– Так вы только подтвердили обвине...

Договорить он не успел, так как ему в затылок прилетел ледяной сгусток энергии. Что-то вроде снежка, но гораздо более твердого.

Мужик в железной маске рухнул. Все те Ходящие, кто не был занят удержанием сети (екарный-бабай, они верили в мое могущество, раз мастерили ее аж вчетвером!), развернулись в сторону пятнистой фигуры, выступившей из кустов. Это был, как вы догадались, Польшень. Эпичность его облика оказалась слегка подпорчена хромотой и потрепанностью в целом.

Я молча опустила лоб на раскрытую ладонь. Куратор даже с одним не-волшебным маньяком сегодня не справился, что уж говорить о шести машинах-убийцах?

Ходящие, как по команде, запустили во Внемлющего заклинания. Он выставил вперед правую руку. Большой палец поочередно коснулся указательного, среднего, безымянного, мизинца, снова указательного, губы искривились в среднепустынном «до» – и заклинания противников, блуждая, словно в лабиринте зеркал, безропотно разлетелись по сторонам.

Тогда двое из шести обнажили мечи, а другие разродились следующей ворожкой. Польшень снова откинул чародейство, но я с ужасом увидела, как из носа у него идет кровь – верный признак магического перенасыщения, в любой традиции, какую ни возьми.

Мои «сетевики-охранники» отвлеклись на воинственное зрелище, и я смогла нашарить в валявшемся рядом рюкзаке бутылку зажигательной смеси. Выхватила ее, кинула оземь, пригибаясь, и, небо голубое, таки взорвала сеть!

Их-ха! Грубая технология против высокой магии, обожаю «метод топора»!

Ходящие вздрогнули и с новыми силами начали что-то там сплетать в своих худющих и бледняющих, костлявых пальцах.

Я вприсядку, сгорбившись, некрасиво, но эффективно, бросилась к Польшени. Все мои знания времен школы и наставничества гласили – команда лучше, чем один. Один ты идешь быстро и бодро, но лишь в команде – далеко.

Оказавшись рядом с куратором, я вытянула из бокового кармана своего мешка вторую бутылку и снова кинула ее в теневигов. На сей раз, увы, они были готовы и встретили мой снаряд высокочлассным щитом. Но я дала Польшени необходимое время для того, чтобы прикрыть нас с фронтона толстой, огнеупорной энергетической сферой.

– Вали отсюда, и побыстрее, – выкрикнул он, пока наш щит один за другим пытались пробить стихийные заклятья.

– Ага, шаззз, – возразила, хитро переплетая ладони и мысленно решив: если унни не захочет пойти мне навстречу, я ее заставлю. Как в старые добрые времена классической магии.

Почувствовав принуждение, теневые блики на изнанке моих век так яростно полыхнули, что я вскрикнула от боли и отшатнулась. Польшень грубо схватил меня за плечи и, буркнув что-то на стародольном языке, оттолкнул.

Пинок, сопровождаемый магией, оказался на диво силен: я отлетела метров на пятнадцать, пребольно ударившись головой о собственный же забор (обидно, однако). Ну и вырубилась, как же иначе.

Да что за день такой.

39

Рассказ ходящего

*Мы всегда получаем то, во что верим, ребяташки.
Пиония де Винтервилль*

Когда я пришла в себя, вокруг была лишь темнота и тишина, приправленная звуком срывающихся с решеток капель. Я тряхнула головой.

Зря: липкие из-за влажности волосы миглом приклеились к шее. Я потянулась их поправить и поняла: мои запястья упакованы в добротные железные наручники. Хорошо хоть, в раздельные. Да и цепь была длинной – вставай и садись, сколько влезет, хоть зарядку делай.

– Вот прах... Прах... Прах... – это не было эхом. Это, раз за разом, бормотала я, рабатуя голос, как всегда, не блещущий после долгого молчания. Добившись нормального тона, я окликнула:

– Польшень, ты тут?

Ответа не последовало.

Я сощурилась, пытаюсь разглядеть в темноте кандалы. Увы. Темница полностью соответствовала своему названию: хотя глаз выколи, разницы не будет.

– Польшень?!

– Кап-кап, кап-кап, – издевались падающие капли.

– Я тут, – наконец-то раздался тихий голос откуда-то сбоку.

Я выдохнула.

– Почему ты молчал?

– Приходил в себя. Меня чем-то накачали, чтобы подавить Умения. – И правда, язык у Польшеньки заплетался, голос был вялым. Впрочем, звук доходил свободно, откуда-то из-за моей спины. Видимо, между нашими камерами было окошко.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – забеспокоилась я.

– Насколько это возможно в казематах Теневого департамента... – пробормотал куратор в ответ. Какое-то время он молчал.

Потом Внемялющий снова нарушил тишину:

– У тебя свободны руки?

– Нет. А у тебя?

– Пф... И руки, и ноги – все в скобах. Даже на шее цепь, с ума сойти. А вокруг – Пузырь Линга для особо опасных. Я надеялся, ты ошупаешь свою камеру и сможешь что-то придумать.

– Я могу немного двигаться туда-сюда, в пределах метра. Но разве отсюда можно бежать?

– Учтывая, что нам назначали казнь утром, будет глупо не попробовать, как считаешь?

– Польшень, прости меня, мне так жаль, что это случилось... – вдруг прорвало меня.

– Не жалею, – его голос был очень строгим. – Случилось и случилось. Но то, что ты здесь – это бред, конечно. Если бы не глупая попытка противостояния в саду, у них бы на тебя не было ничего стоящего. А так... Да.

– Эээ... Ну, вообще-то, это ты кинул в Ходящих заклинание. Я попробовала первой, да. Но безрезультатно. Хороший специалист из Правого ведомства наверняка доказал бы, что я просто решила размяться, а злобные теневики напали. То есть с точки зрения формальной логики мы здесь именно из-за тебя. Не швырни ты тот «снежок» – убежал бы уже далеко-далеко, а я, как ты сам отметил, была бы выпущена из пыточного подвала.

Ответное молчание за стеной показалось мне очень обиженным. Могу представить себе ход мыслей Польшы: да я там тебя спасал, весь такой из себя шикарный, а ты теперь меня крайним выставляешь! Неблагодарная!

Нет, ну а что? Он действительно ошибся. И лучше я скажу ему об этом сейчас, чем буду годами копить обиду, которая сгноит в итоге и мою душу, и наши отношения.

И все-таки прерву саму себя: какая же я оптимистка, оказывается! Мы сидим в темнице, вроде как приговоренные к смертной казни, а я рассуждаю о пользе немедленного высказывания претензий во имя долгой и продуктивной дружбы. М-да.

– Ладно, Польшы, забыли. В любом случае, это было благородно – кинуться на мое спасение. Получилось весьма романтично – строгий карьерист, оказавшийся мятежным Ходящим, ставит на карту свою жизнь, чтобы помочь юной Ловчей, не всегда выставлявшей себя с хорошей стороны. . .

– Проехали, – деловито отрезали с той стороны. – И, кстати, я не мятежный Ходящий.

– Ну да, конечно.

– Я серьезно. Если ты перестанешь корчить из себя шута, все расскажу. А потом попробуем устроить побег.

Согласившись с таким планом, я поудобнее устроилась на гнилой соломе, застилающей пол темницы, оперлась затылком о стену позади себя и приготовилась слушать.

История Польшы

Когда мне было пять лет, мои родители, с подачи тетушки Тишь, продали меня королю.

Дело в том, что Лесное королевство с самого момента своего образования комплексовало из-за множества вещей. Наша страна была подростком на зрелой арене мировых государств. Нервным, озлобленным и талантливым, которого каждый пытался нагнуть в меру своих способностей. Для серьезной игры мы совсем не годились. То правомочности у нас было маловато, то история бедновата, то мы никому не нравились из-за долголетия и магии кургана.

Внешние враги – это ладно. Но от возможной смуты внутри нужно было сразу придумать лекарство. А то, как оно бывает: сплетни, слухи, подпольные кружки, план революции, государственный переворот – и вот уже у власти стоит жалкий приспособленец, который за горсть золотых сдаст нашу страну в подчинение другим.

Нет. Такой сюжет нас не устраивал, не для того мы возвращались из Шэрхенмисты на землю наших предков.

Вот и пришлось власть имущим окружить наше общество сторожевыми псами, которые одних инакомыслящих могли срезать на корню, а других – просто припугнуть, потому что никакая магическая предрасположенность не делает человека бесстрашным. Бесстрашными, Тинави, людей делает только правильное воспитание вкупе с тяготами жизни, но это совсем не шолоховская история, что уж там.

На роль агрессивных, зубастых овчарок первый шолоховский правитель выдвинул тех, кого теперь вы называете Ходящими, да в придачу тихонько сплевываете или молитесь вслед, кому что ближе.

Как добиться того, чтоб Ходящие были умнее и сильнее своих поднадзорных? Очень легко. Надо было отдавать их на обучение шэрхен – единственному народу Лайонассы, который сохранил старые магические традиции.

Обитатели Шэрхенмисты не понаслышке знали хранителей и драконов. Они запросто могли выпить чарку вина с Рэндомом, сплясать гопака с мучительно краснеющей Селестой и рассказать неприличный анекдот веселушке Дану.

Может, нам, шолоховцам, и обломилась халявная унни в виде курганных косточек, но народ шэрхен понимает, что, как и почему работает в магии. И вообще они секут в устройстве

мира больше, чем остальные. Не ленятся книжки читать. Заумные такие теоретики. Хвала небу, что на своей волне, а не то вся Лайонасса уже была бы под ними.

Итак, был создан Теновой департамент. Каждый год специальные люди находили в Шолохе несколько малолеток с максимальными показателями энергетического потенциала, выкупали их у родителей и отправляли на добрых пятнадцать лет в Шэрхенмисту.

Там детей растили, учили чародейству, рисовали на коже Глазницу – так мы называем меж себя око Ходящих – и потихоньку приучали к невероятной магии.

Да, легенды не врут. У Ходящих, помимо права на убийство, есть пять невозможных, катастрофических или, как мне нравится это называть, запредельных умений: Скользить (то есть идти или бежать очень быстро), Прыгать (мгновенно перемещаться в пространстве на малые расстояния), Созерцать (с помощью часов-артефакта отматывать время на час назад и смотреть прошлое, не вмешиваясь), Читать (чужие мысли) и Блекнуть (становиться невидимым).

Как мы это делаем? Спасибо Глазнице. Путем многочисленных опытов мастера шэрхен научились с помощью татуировки делать невозможное возможным. И, нет, Тинави, мы никого не убиваем для того, чтобы применять Умения.

Разве что себя – каждый раз, понемногу. Ведь за все нужно платить.

По окончании учебы Ходящие возвращались в Шолох и верой и правдой служили короне, наводя в столице покой и порядок. И, заодно, нагоняя страха, профилактики ради. Помнишь, что я сказал тебе, когда мы ловили баргеста? Не так важна степень наказания, сколь неизбежность оного. Ходящих так боялись, что не торопились бунтовать. Мы довольно редко пытали, убивали и прочее. Один факт нашего существования на ура промывал горячие головы.

Хотя да... Иногда приходилось делать то, о чем мне не хочется вспоминать.

Все шло, как по маслу. Ровно до тех пор, пока два года назад Сайнор не решил, что содержать институт Ходящих – это какая-то политически отсталая идея.

Якобы у наших товарищей асеринцев и иджикаянцев нет тайных канцелярий, а мы, гады такие, гоняемся за преступниками внутри своей страны и чего только себе не позволяем в процессе. И Сайнор начал свою прахову реформу. И все покатило в тартарары.

Потому что Ходящих было много, и Ходящие были сильны. Им всегда нравилось их особое положение, ради которого они готовы были терпеть подчинение кому-то менее умному, чем они. Потому что, поверь, себя Ходящие считали и считают куда более крутыми, чем того же короля с его свитой.

Даже юные, неокрепшие теневики, на наш гордый взгляд, лучше и сильнее так называемых сливок общества. Кстати, да. На момент реформы у шэрхен продолжало учиться несколько талантливых шолоховцев – и, Тинави, поначалу я думал, что ты из них, иначе откуда у тебя такой прекрасный щит от Чтения, но при том по нулям практических знаний?

В общем, приняв решение, Сайнор по-королевски небрежно махнул рукой: «Распустить департамент», а моя тетушка Тишь, глава Ходящих, так же вольготно щелкнула пальцами: «Наказать короля».

И понеслось.

Я почему-то думал, что все пройдет цивилизно: выйдем с плакатами, помашем транспарантами, выскажем свою волю, ну и найдем какой-то общий знаменатель. Но нет. Оказалось, в политике любые перемены идут через кровь, и единственный значимый фактор – готова ли хоть одна из сторон этой кровью жертвовать?

Тетушка Тишь была готова.

Тринадцатого мая она вывела Ходящих на бунт с приказом убивать всех несогласных.

Затея мне категорически не понравилась. Сквозь толпу коллег я пробрался к ней, чтобы предупредить – я выхожу, я вне игры. Тишь назвала меня предателем. Но зато я не стал мятежным Ходящим, как ты изволила меня окрестить.

Меньше всего на свете я бы хотел им быть, Тинави. Я надеюсь, ты понимаешь, почему. Нельзя вступать в борьбу, если ты заведомо сильнее. Нельзя начинать бунт в центре мирного города. Нельзя доказать, что ты прав, грязным мордобоем. Испугать – можно. Но не победить.

Впрочем, боюсь, своими громкими словами сегодня я просто пытаюсь отодвинуться от тех, на кого до сих пор похож куда больше, чем на тебя.

Тогда меня уберегло, скорее, упрямство.

Я пошел прочь. Бойня уже началась, центральные районы Шолоха горели, вокруг сновали Смотрящие, Ловчие, Правые и Стражи, против которых, не стыдясь своих противоестественных умений, но, наоборот, гордясь ими, выступали Ходящие. Кстати, после бунта департамент Шептунов уговорил деревья в лесу распространить специальный яд, который слегка исказил воспоминания жителей о мятеже. В противном случае сверхъестественные возможности теневиков ни у кого не вызвали бы сомнений – все в тот роковой день могли созерцать бешеных, разъяренных Ходящих...

Я брел сквозь этот бедлам незамеченным, причем безо всяких Умений. Спокойный человек в рядах революции не тормозит на себе ничьего взгляда, его не видят и не чувствуют, как нечто, противное бытию.

Но я допустил забавную ошибку: забыл снять железную маску. Знаю, звучит безумно, но для того, кто буквально живет в ней все свою зрелую жизнь – вполне простительная оплошность.

Неожиданно на меня со спины кинулся кто-то из врагов, распаленный, негодующий. Не желая ничьих смертей, не оборачиваясь, я просто Скользнул дальше по дороге.

В тот же миг послышался глухой звук спущенной тетивы, и свист стрелы разорвал переулочек. Я не успел среагировать. Но стрелу приняла на себя тетушка Тишь, Прыгнувшая буквально из ниоткуда на ее путь. Когда я обернулся, у тети в плече уже торчало опасное оперение, что, впрочем, отнюдь не мешало ей драться с неведомым противником в мантии. Почти сразу же на поле боя появились еще Ходящие и еще один противник – мои защитники быстро победили, или, что было бы точнее – забили врагов до смерти.

Тетушка Тишь торжественно подошла ко мне, наблюдавшему за бойней из конца переулка.

– Я спасла тебя, – сказала она горделиво.

– Спасибо, пусть я не просил о такой отвратительной услуге, – я покорно склонил голову.

Она скривилась:

– Если тебе так противен наш клан, уходи. Но тогда не возвращайся, когда мы победим и наш символ воссияет на флаге Лесного королевства.

– Договорились, – согласился я.

Днем я уехал из Шолоха. Я решил схорониться в глуши и послушать, чем кончится дело. Был уверен, что вскоре моя любимая тетка займет шолоховский трон.

Но, как оказалось, все кончилось быстро. И плохо для «наших» – объединившиеся против общего врага шолоховцы взяли Ходящих измором. Мы не можем колдовать все время – татуировка изматывает, буквально растворяет нас, если мы «запредельничаем» слишком часто... За пару дней шолоховцы переловили и перебили множество Ходящих, еще больше приговорили к смертной казни. В огромном пожаре, охватившем всю центральную часть Шолоха, многие из моих коллег погибли.

Тишь была схвачена и отправлена в тюрьму.

Именно тогда мне повезло на самой границе Шолоха встретить удивительную даму по имени Пиония де Винтервилль, мигрантку, мать архиепископа Саусберийского, мечтавшую открыть чайную лавку.

– Фу, ну от вас и воняет, – заявила она, когда мы делили пригородный дилижанс.

Старушка дала мне прекрасные лекарственные травы от кашля, напрочь перебивающие запах мокрой земли и червяков.

– А эта силовая аура... Меня сейчас просто по стенке кареты размажет, – сурово покачала головой Пиония. – Это у вас амулеты или что?

– Или что, – вздохнул я.

– А лучше б амулеты, людям понятнее, – погрозила пальцем она и повесила мне на шею цепочку из рыбьих косточек.

Так на свет появился чудаковатый, склонный ко всяким оберегам и талисманам Польш из Дома Внемлющих. Несколько недель я прожил на съемной квартире у Пионии, обвешиваясь все новыми амулетами, отвыкая от Умений, но привыкая к настойке от кашля, чтоб перебить земляной запах, и забивая руки татуировками, чтобы скрыть Глазницу...

Пиония, эксцентричная старушка, была рада мне, потому что и ее собственный сын, говорят, лишь казался добропорядочным, как это и происходит со всеми высокими чиновниками Асерина. Я же, по ее словам, наоборот – человек с ужасной репутацией, но вполне сносный при личном общении.

Вскоре я выяснил, что документы о моем принятии в Ходящие благополучно сгорели в том большом пожаре.

– Ну, малыш, иди тогда и начинай свою жизнь сначала, – кивнула Пиония, которая к тому моменту уже обзавелась и чайной лавкой, и ослом.

Пришлось последовать совету.

Дом Внемлющих на мое возвращение почти не среагировал. Холодное игнорирование стало их тактикой. Я пошел и подал документы в Ловчие. Я досконально знал, как устроен прием на работу в Иноземное ведомство, а потому с блеском прошел все испытания, понимая, на что и почему рекрутеры будут обращать особое внимание.

Меня взяли.

Я знал, что хочу стать Генералом Улова, обладателем королевского желания, – ведь я был должен Тишь, которая спасла мне жизнь. Она как сидела в тюрьме, так и сидит до сих пор. Возможно, у нее слишком хорошие адвокаты для того, чтобы тетушку можно было повесить в одночасье, как остальных. Но, скорее, она зачем-то нужна Сайнору.

Приблизиться к заветной цели, к Генеральству, для меня оказалось далеко не так легко. Я пытался играть честно, но... не выдержал. Сдался. Потихоньку я стал применять свои Умения, нарушая тем самым закон и наталкиваясь по итогам на ревность и зависть коллег.

У Умений есть побочный эффект: если ты перебарщиваешь с ними, то становишься прозрачным. Плюс силовая аура еще мощнее, а запах червей – сильнее. Но я всегда соблюдал меру, поэтому никто меня не мог раскусить. Да никто и не хотел, кроме, разве что, озлобленной калеки Селии, несостоявшейся генеральши. Так я и дожил до сегодняшнего дня, когда в ходе ловли маньяка перебрал с Умениями, расслабился и позволил поймать себя.

Что ж. По-своему, все честно.

* * *

За время рассказа Польшы мои глаза постепенно привыкли к темноте камеры. Я увидела, какие тут низкие потолки, каким толстым слоем плесени и лишайника покрыты каменные стены.

– Ну как тебе история? – раздался голос Польшы.

– Отстойная, как. Почему же ты думал, что тебе хватит времени сбежать?

– Последние два года показали, что, хоть Сайнор и ненавидит Ходящих, а все же не спешит тратить казенные деньги на их специальную поимку. Я был уверен, что часов десять форы у меня есть – пока они считают показания маг-кристаллов, пока составят официальный отчет, пока вышлют дозоры... Плюс маньяк. И землетрясение – все-таки серьезная задержка для всех.

– Полынь, ну ты чего. Селия не позволила бы тебе уйти.

– Пустопорожня ненависть не дает ей преимуществ.

– Пустопорожня? Ты что, не понял, кто пустил в тебя стрелу два года назад в переулке?

Полынь умолк на секунду. Потом он тяжело вздохнул:

– Бывает, что в глубине души ты подозреваешь некоторые вещи, но сознательно отказываешься себе в них признаваться. Так спокойнее. Это из той серии. Ты думаешь, все-таки Селия?

– Да я уверена! Неожиданный для Ходящих враг, которому на подмогу приходит коллега. Один погибает, вторая кажется мертвой, но на деле лишь покалечена. Это точь-в-точь история Селии и Ллойда. Мужчину убили. Селия лежит и умирает. Ты, весь такой расстроенный, идешь прочь, пусть и не сняв маску. А значит, Ловчей видны твоя походка, фигура, руки... Она думает, что умирает. И образ Ходящего, из-за которого это происходит, навсегда запечатлевается в ее мозгу. Она точно запомнила тебя. Зуб даю. Особенно, когда все-таки выжила, но без магии. И потом, вернувшись в ведомство, увидев тебя, она почувствовала, что ты – не тот, за кого себя выдаешь. Да еще, наглец такой, идешь к Генеральству, которое вообще-то было ее мечтой! Но доказательств у Селии ноль. А сегодня... Наверняка благодаря ей все службы очухались быстрее, чем могли бы, и кинулись нас искать. Андريس была в ведомстве и, видимо, услышала что-то. Она успела меня предупредить. Причем с Марахом, не ташени. Наверное, не хотела, чтобы ее отследили...

По ту сторону долго не раздавалось ни звука.

– Хей, Полынь, ты жив? – испугалась я.

– Жив, конечно.

– Это хорошо. Слушай, а Йоукли знала, что ты Ходящий?

Он заворчал:

– Да что ты к Андريس прикопалась... Не знала. Но чуяла, наверное. У нее хороший нюх.

– Неужели ты с ней об этом не говорил?

Я прямо почувствовала, как Полынь за стеной недовольно закатил глаза. Ответа так и не последовало.

Вместо этого куратор резко сменил тему:

– Печально, что мы так и не узнаем, где Анте Давьер вычитал про чистую магию. И почему стал убийцей. Да, наверное, он утратил способности к колдовству еще до приезда в Шолох. Но вот где он потерял совесть? Порешить столько народа, позариться на драконов... Я бы с его деньгами просто нанял себе кучу магов для фокусов и горя не знал.

– Нет, Полынь. Колдовать самому – это совсем другое, – сказала я.

– Ты его что, оправдываешь? – изумился Ловчий. Я ойкнула.

Потом вздохнула. Пора признаться.

– Ты знаешь... Боюсь, я не рассказала тебе парочку вещей, связанных с нашим маньяком.

– Это как? – В голосе куратора зазвенел металл.

– Они слегка безумные. Я боялась, ты меня обсмеешь. А потом стало поздно.

– Рассказывай сейчас, – Полынь вздохнул и, судя по звону оков, попробовал сесть поудобнее.

И я рассказала свою концепцию. Увязала в нее все чужие секреты, которые раньше скрывала, все странные фразочки, сыпавшиеся от окружающих и оседавшие на каемке моей памяти,

все умыслы и домыслы, что орбитами крутились в подсознании, но никак не складывались воедино. До сегодняшнего дня.

Полынь за стенкой долго молчал.

Потом куратор цокнул языком:

– Что ж. Очень интересно. То есть ты думаешь, что Анте Давьер – это скатившийся хранитель Теннет. И твой главный аргумент – то, что он отозвался на это имя возле озера? Не маловато ли для столь глобальных выводов?

Я раздосадовано возразила:

– Да нет, Полынь! Это не главный аргумент, это последний хронологически. Вообще у меня их много. Во-первых, знания о чистой магии и антураж для убийств. Во-вторых, союз религиозной Айрин. В-третьих, я немного как Селия...

– В смысле? – не понял куратор.

– Я тоже узнала спину своего врага. В яблоневых кошмарах Карла был мужчина, который вздрагивал, почувствовав приход Зверя, и шел прочь. Анте Давьер вздрогнул точно так же у себя на балконе, когда я окликнула его на званом ужине.

– Да у него невроз, я погляжу, – пренебрежительно фыркнул Полынь.

– Но и это не все! – я продолжила, торжествуя. – В-четвертых, Анте был путешественником, и однажды его шандарахнуло молнией. В-пятых – Давьер постоянно употреблял какие-то странные слова, судя по всему, иномирные. В-шестых – он знал Карла...

Полыни надоел мой детективный бенефис.

Он деловито вмешался в цепочку рассуждений:

– А Карл у нас, значит, – *по твоей теории*, – эти слова куратор особенно подчеркнул, – не только хозяин крустов, иномирный гость и повелитель таинственных батареек, но и...

Договорить Полынь не смог, потому что в это мгновение обе наши камеры заполнились моим торжествующим воплем:

– Батарейки-и-и! – я орала так радостно, что со мной не могли бы сравниться даже самые бешеные равнинные феи.

Эхо пропрыгало по всему тюремному этажу вверх и вниз.

С опозданием я прикрыла рот ладонью: нехорошо, если стражники захотят узнать, в чем причина столь бурной радости заключенной. Но, кажется, в подземелье не было никого, кроме нас.

– Может, объяснишься? – проворчали из-за стены.

– Дай мне минуту, – попросила я и замерла в максимально неудобной позе, прислушиваясь к ощущениям.

И точно. Прямо в сердце, сквозь слои бирюзового шелка летяги, упиралось что-то металлическое. После это я начала бешеную пляску под названием «сумей подставить карман под скованную руку и ею пошарить в нем». Задача усложнялась тем, что в летяге, если вы помните, была тысяча кармашков, а я искала самый глубокий. Настолько глубокий, что до него даже тюремщики при осмотре не добрались! То ли лень стало, то ли просто не ожидали таких издевательств над портняжным искусством.

Ценой невероятных акробатических усилий я достигла успеха: вытащила из видавшей виды летяги фиолетовый фонарь. И... Батарейки Патрициуса. В смысле, Карла. В смысле, мои – мне же их подарили, ну!

– Полынь, у меня тут тот самый фонарик, – торжествуя объявила я.

– Он работает? – Голос куратора был полон неподдельного интереса.

– Сейчас проверю.

Это заняло еще несколько минут, потому что сначала я старательно держала батарейки в подмышках – по завету Карла. Потом кое-как спрятала их внутрь. Закрутила цилиндр. Потом нащупала мягкую кнопку и осторожно нажала на нее.

Мутноватый желтый свет вырвался из фонаря, освещая по диагонали пол темницы. Я повернула его так, что желтое пятно переползло на стену рядом со мной, вырастая в диаметре. Внутри круга проявилось знакомое изображение деревянной двери.

– Ну как? – спросил Польш с любопытством.

Я тяжело сглотнула:

– Получилось.

– Прекрасно. Тогда уходи, – твердо сказал куратор.

Я возмутилась:

– Никуда я без тебя не пойду!

– Пойдешь, Тинави. Еще как пойдешь. Ты права – это я виноват, что ты здесь оказалась. Так что руки в ноги – и бегом в Святилище, малек. И обещай не расстраиваться, если моя история закончится здесь.

– Не говори так! – взвилась я.

Польш усмехнулся:

– Но ведь это будет честно, Тинави. Наказание неизбежно, помнишь? Меня это тоже касается.

– Не смей опускать руки, Польш из Дома Внемлющих! Слышишь меня?

– Я не опускаю руки. Я признаю, что мир до пепла ироничен, – интонация, с которой Польш произнес это, отчетливо наполнилась улыбкой.

Очень неуместной улыбкой, учитывая, что нас собираются повесить.

Во что, кстати, банально не верилось.

Честное слово, я ведь не была изменницей, или в чем там меня обвиняли. И Польш – отличный же человек. В конце концов, его Ходящим насильно сделали... Почему именно куратору теперь надо за это расплачиваться? Где справедливость, я вас спрашиваю?

Хотя, небо голубое, что я несу. Какая уж тут справедливость, о чем речь... Мир дает нам в ответ ровно то, что мы в него транслируем – своими действиями, словами и даже мыслями. Почаще убеждай себя в том, что ты злобное ничтожество – и, да, так карты и лягут. Начни играть в героя, хрестоматийного паладина – и шаг за шагом мир поверит в твою роль, распахнет тебе объятия в ответ.

Польш, несмотря на свою клановую гордость, верил, что Ходящие – плохие парни, и теперь покорно сидел в каземате.

А я? Во что верю я?

Если честно, как минимум я верю в то, что я – положительный персонаж. Несмотря на все мои слабости, глупости, очевидные промахи и стыдные трусости, я – человек с горящим сердцем.

Мне частенько бывает жаль, что только королевская фамилия носит гордое название Ищущих. Уверена, существуй справедливость, весь Шолох бы так назывался. Мы все ищем, ищем без усталости. Кто-то целенаправленно копает в нужном направлении, как Кадия, кто-то, как я, позволяет течению жизни мотать себя туда-сюда, но иногда спохватывается и корректирует маршрут.

И сейчас моя дорожная карта, как ни крути, вела к таинственной двери. Сидеть и ждать у моря погоды, надеясь на другое чудо, было глупо.

Когда я пересказывала Польш свои детективные теории, я уже успела проверить Карлову магию. Увы. Не работало. Вообще не работало. Кажется, Карл был прав насчет отношения унни к эмоциональным, неуравновешенным «тусовщикам».

Но... Может, в Святилище магия передумает и помирится со мной? Да наверняка! Ведь Святилище так чутко отзывалось на все мои мысли и желания! И вообще – они одного поля ягоды, нет?

Решительность воссияла внутри меня.

– Полынь! Я вернусь, чтобы вытащить тебя, – я прижалась лбом к холодной стене темницы. С той стороны фыркнули:

– Да я не против.

– Ты не должен «не быть против», ты должен хотеть этого! – возмутилась я, совсем «не в кассу».

Полынь тихонько заржал.

– Чокнутый куратор... – пробормотала я.

Смех прекратился. Строгим, донельзя сухим голосом Полынь сказал:

– Тинави, давай, иди уже в эту дверь. И береги себя.

Я разозлилась так сильно, что не нашлась, что ответить. Встала, потянулась к двери, выдохнула и резким движением повернула странную металлическую ленту. По ту сторону был белый туман, просто много-много белого густого тумана. Я забеспокоилась на пороге, переминаясь с ноги на ногу.

– Я с тобой, – подбодрил меня из-за стены куратор.

Я сделала шаг в белизну, до последнего надеясь сказать что-то важное, что-то уместное случаю, но в итоге так и не выбрала реплику и ушла, не попрощавшись. Когда я поняла, что это куда хуже, чем даже банальное «пока», было уже поздно: стоило мне пройти сквозь дверь, как она, все так же распахнутая, исчезла.

Остались только я и белый туман.

Поэтому первым, что я произнесла, оказавшись в этой неведомой вате, оказалось долгое и громкое «Праааааааааах!».

40

Междумирье

Рано или поздно нам всем приходится вспомнить, кто мы на самом деле.

Приписывается хранителю Карланону

Я шла на ощупь в абсолютной белизне. Кандалы на двух железных цепочках уныло болтались у меня на руках. Перемещение через таинственную дверь как бы «отрубило» их от тюремной стены, но расстегнуть браслеты мне так и не удалось.

Мда. Гремела я, конечно, знатно. Семейные призраки позавидовали бы.

В голове стучали самые разные мысли, преимущественно панического порядка: действительно все вокруг такое белое или, может, я умерла? Вдруг мои догадки неверны? Вдруг это не Святилище, а очень, очень опасный мир, и за мной сейчас ползет огромный белесый червь, бесшумный и голодный, который секунду спустя проглотит меня целиком? Вдруг время здесь идет по-другому и, пока я шатаюсь во взбитом молоке, Польша уже казнили, четвертовали и что угодно еще?

Впрочем, в какой-то момент сквозь пелену стали проступать очертания высоких, мощных стволов, покрытых серебристой корой. Крон не видно, потому что они таят где-то там, в глухом тумане высоты.

Эти деревья, ни на что не похожие...

Картинка быстро прояснялась, и вот вдалеке показалась изящная белокаменная беседка, увитая редким плющом. Ура!

Более того, на перилах, спиной ко мне, сидел кто-то в шелковой пижаме.

– Лиссай? – окликнула я, чувствуя, что сердце бьется где-то в глотке.

Рыжий принц обернулся.

– Тинави! – он обрадовался. – Оно вернулось! Святилище вернулось к нам! Как ты попала сюда без меня?

– Долго рассказывать, – я покачала головой. – Лиссай, скажите, когда вы возвращаетесь из Святилища в Шолох – нет ли случайно возможности выбрать конкретное место... М-м... Посадки?

– Что ты имеешь в виду? – Принц спрыгнул с перил и подошел ко мне.

Как всегда в белом мире, Лиссай не был похож на доведенного до ручки невротика.

Это был высокий позитивный парниша, открытый всем чудесам мироздания, с улыбкой на миллион. С большим удовольствием я увидела, что он так и не снял жемчужинку Бундруми с лацкана своей коралловой пижамы.

– Мне бы очень хотелось оказаться в каземате Теневого департамента, – сказала я. – А потом снова метнуться сюда, забрав с собой кое-кого. Поможете?

Сказать, что Лиссай удивился – ничего не сказать.

Но сладкий воздух Святилища плохо влиял на критическое мышление. Поэтому принц не стал расспрашивать и просто пожал плечами:

– Я бы хотел помочь, но не знаю как, Тинави. Ведь все последние разы Святилище слушалось тебя, а не меня. Кстати, об этом... – Он неожиданно сграбастал меня за руку и усадил на траву. – Прости, что я ругался на тебя. Просто Святилище – мой лучший друг. Мне было так плохо без него. Когда несколько лет назад я полностью отказался от магии, поняв, насколько больно она делает нашему миру, я не ожидал, что получу за это какую-то награду. А когда получил – в виде Святилища – то, конечно, сразу принял это как должное...

Я моргнула.

– «Отказался от магии»? Так вы не колдуете, Лиссай?

– Конечно, нет! – рассмеялся он. – Я же говорил тебе – с унни надо дружить. А как ты собираешься дружить с ней, если вся магия – сплошь насилие? Энергия не любит лицемеров.

– То есть думаешь, что Святилище – это награда за твою... экологичность?

– Ну разумеется!

Брякнув цепями, я завалилась на спину и задумчиво уставилась на сливочно-белое небо Святилища. С ума сойти. Неужели все так просто – сюда притягивает тех, кто не борется с бытием? Элитный клуб, в который так просто попасть!

– Ты ведь тоже не колдуешь, Тинави? – Принц улегся рядом, закинув руки за голову, и снова улыбнулся.

– Вообще-то колдую... – пробормотала я, чувствуя, как сладкий, опасный воздух Святилища кружит мне голову, уводит все проблемы куда-то на задний план. – Но не так, как остальные. Я использую Карлову магию – она как раз зиждется на дружбе.

– Карлову? – удивился Лиссай.

– Ага. В честь одного мальчика, который, кажется, совсем не мальчик. Сейчас покажу.

Готовясь к чародейству, я глубоко вдохнула перечный аромат Святилища. Унни-унни-унни. Гули-гули-гули! Ты простишь меня? Пожалуйста! Уж в таком-то месте!

– Здесь – прощу, – сказал в голове голос Дахху. – Но это в последний раз, Тинави.

Я поперхнулась. То ли энергия бытия умеет говорить и почему-то выбрала Дахху как «интерфейс» (Карлово словечко), то ли я окончательно свихнулась...

После чего в моей голове раздался знакомый тихий смех, и ласковая унни так и ринулась ко мне в объятия.

Отвечая моим желаниям, по траве вокруг нас запрыгали сначала полупрозрачные, а потом все более и более материальные антилопы. На беседке завела песнь прекрасная птица охри из Западных долин. Огромные бабочки лениво шевелили крылышками, отдыхая на цветах Святилища, а хитрый лисенок выглядывал из-за беседки.

Я, ликуя и смелея благодаря собственным способностям, указала на него пальцем:

– Лис. Он лис, и вы Лис. Можно я буду так вас называть и вслух тоже, а не только у себя в голове?

– Я всегда мечтал, чтобы меня так называли. Только никто до сих пор не предлагал, – признался Лиссай.

Он повернулся на бок, подперев голову рукой и тем самым оказавшись ко мне еще немного ближе. У меня сладко перехватило дыхание.

Но взгляд принца был обращен куда-то за мое плечо.

– Удивительно, – рассеянно произнес он. – Ты любишь мух?

– Что?

Сзади раздалось какое-то жужжание. Я, все еще в неге и истоме, обернулась. Помимо моих волшебных животных, вокруг беседки начали появляться мухи. Одна, другая, пятая, десятая... Их становилось все больше. И летели они к нам – очень целенаправленно летели.

Меня будто ледяной водой окатили. Мозг мгновенно вернулся на место.

– Лис, – я вскочила. – Это не я.

– Ты уверена? Это появилось после твоего колдовства.

Принц тоже поднялся и напряженно встал впритык ко мне, насупив рыжие брови. Будто суровый взгляд королевского отпрыска мог остановить загадочных насекомых.

Мы смотрели на странную черную линию, появившуюся вдали – там, где белый туман мягко поглощал мшистые стволы. Мухи вылетали из нее. Линия выглядела так, будто невидимым пером провели жирную черту прямо по воздуху. Она расширялась, из нее появлялись новые насекомые – самые разные – целый иллюстрированный словарь по энтомологии.

Сотворенные мною иллюзии стали исчезать с тихими хлопками. Небо начало стремительно темнеть.

«В Шолох. Верни нас в Шолох. Эй, Святилище, милое, верни нас домой. Сейчас!» – мысленно воззвала я. На мгновение мне показалось, что все удалось – реальность поплыла – но... Нет.

– Я не могу отправить нас во дворец, – тихо сказал Лиссай слева от меня.

Я кивнула:

– Я тоже.

Черная полоса раскрылась в дыру, эдакий портал. Внутри дыры была липкая, грязная серость. Эта дыра пришила Святилище, как булавка. Оно не могло вырваться. Мы тоже.

Насекомые начали с гулом виться вокруг нас с принцем. Какой-то мерзкий слепень попробовал сесть мне на руку. Я с отвращением прихлопнула его. Несколько агрессивных летучих жуков попытались укусить нас. Гул нарастал, в ушах царил странный звон. Принц тяжело сглотнул, кадык так и дернулся вверх-вниз.

– Раз мы не можем уйти, может, ты убьешь насекомых при помощи своей магии? – нервно спросил Лиссай.

Я кивнула и вновь призвала теневые блики.

С их помощью мне удалось откинуть насекомых на несколько метров, но... Сразу же в пространстве вокруг нас раскрылось еще три серых дыры – с мерзким чавкающим звуком. Я охнула.

– Тинави, колдуйте дальше! – горячо зашептал Лис.

– Нет, не стоит, – я сглотнула и сделала шаг назад, не сводя глаз с самого большого портала.

– Почему? – принц нахмурился.

– Я поняла, как осуществляется «кибер-мониторинг» Зверя. Он подвешен на проклятую Карлову магию! – я застонала.

– Что это значит? – не понял Лиссай.

– Это значит: бежим! Мне нельзя применять магию в Святилище! – взвизгнула я, сцапала принца за руку и бегом потащила прочь.

Из дыр уже всюду лезли черные, долговязые силуэты, будто бы состоящие из быстро мигающих густых точек. В области головы то и дело появлялись огромные глаза – сплошь зрачок и красные искры – но мгновение они спустя исчезали. Чуть ниже чудился и пропадал оскаленный рот, пальцы на длинных руках крючились и нащупывали что-то. Мухи, будто почувствовав хозяев, рванули к ним, облепили их, сделав чудовищ куда как более материальными и жуткими.

Спотыкаясь, мы с Лиссаем бежали по неприветливой сухой соломе, в которую превратилась нежная трава Святилища. В спины нам задул такой сильный ветер, что широкий капюшон летяги швырнуло мне на затылок. Пижаму Лиссая тоже трепало от души. Краем глаза я увидела, как жемчужинка Бундруми на воротнике подпрыгивает и колотит принца по челюсти.

Талисман Дружеского Ободрения! Что ж, как говорится – на безрыбье!

На ходу, продираясь сквозь неведомо откуда взявшие колючие кусты, слыша за спиной отвратительный рык, хрипенье, чавканье и гул насекомых, я сорвала клипсу с принцева лацкана.

«Карл, Карл, Карл», – отчаянно думала я, сжимая раз за разом амулет. На секунду жемчужинка разогрелась, что показалось мне хорошим знаком, но почти сразу же остыла...

– Тинави! – задыхаясь от бега, крикнул Лиссай, бледный, как полотно. – Давай... Я... Поговорю... С ними...

– Еще чего не хватало! Вы с ума сошли! – Я энергично дернула его за собой, перепрыгивать гнилое бревно.

С каждым мигом бежать становилось сложнее. Иномирные твари что-то сделали со Святилищем: белый туман этого мира постепенно переставал быть просто конденсированной водой – он густел, как молоко, не давал нам прорываться вперед.

Да еще этот дурацкий Лиссай заладил:

– Дипломатия... – невнятно кричал он где-то позади меня, все пытаясь вырвать свою грешную руку. – Надо попробовать... Имя Дома Ищущих... Переговоры...

Честное слово, я была готова его убить. Но остановись я для расправы – эту высокую честь себе забрали бы стрекочущие твари за нами. Поэтому я, до боли сжав челюсти, продолжала бежать вперед («Еще сорок кругов, малявка! СОРОК КРУГОВ, а не то получишь битой в зубы!» – вспоминались чудные тренировки с мастером Пнивколено). Сзади продолжались задыхающиеся хрипы «Все должно быть цивилизованно...» под авторством душечки Лиссая.

Впереди замаячил обрыв – хвала небу, не утес какой-нибудь, а овраг. Но все равно – видно было издали – до пепла неприятный. Мне требовалось срочно оценить наши перспективы. На бегу я обернулась – чуть ли не на сто восемьдесят градусов, в стиле Мараха.

Кривые, косые, неуклюжие и неукротимые силуэты не отставали. Они двигались неравномерно, странными скачками, будто на полянке мигал свет, из-за чего я видела их не все время, а урывками.

«Думай, Тинави, думай!» – приказывала я себе, галопируя дальше и не сводя глаз с чудовищ.

Но озарения не случилось. Зато случилось столкновение: под удивленный возглас Лиссая я вдруг смачно врезалась во что-то живое.

Мы все кубарем покатались вниз, по крутому склону оврага, столь же глубокого и темного, сколь степень моей неудачи в последние пару дней.

– Тинави, ты к-к-как? – сочувственно простонал Лиссай, когда мы, наконец, затормозили, рассыпавшись по дну оврага, как кегли. Принц мирно лежал под кустом папоротника и выглядел достаточно бодрым – учитывая наше незавидное положение.

Я не ответила Лиссаю. Я во все глаза пялилась на третьего участника гонки «Вниз Да Вниз».

Он уже встал во весь свой невеликий рост, в центре оврага, спиной к нам, и внимательно глядел наверх. Красный комбинезон, клетчатая рубаха с плеча Дахху, взлохмаченные волосы – ошибка невозможна.

– Карл, ты пришел! – с невероятным облегчением выдохнула я.

Мальчик не ответил. Он наблюдал за тем, как потусторонние твари собираются на краю обрыва. Их становилось все больше – открывались новые серые дыры, оттуда вылезали новые твари. Все они пялились на нас, странно корчась наверху, клонясь то вправо, то влево. Вдруг я поняла: они смеются...

– Это слуги Зверя? Что нам делать с ними? Небо голубое, прости меня, что я открыла эту прахову дверь... Как быть сейчас? Ты что-то вспомнил? – Раз боя пока не намечалось, я продолжала бомбардировать Карла вопросами, понятия не имея, как правильно вести себя в данной ситуации.

Двадцать моих идиотских реплик спустя мальчик обернулся...

Я отшатнулась. Лиссай, едва было выползший из-под папоротника, сдавленно ахнул.

У Карла наблюдались страшные проблемы с лицом. Лик мальчика сбоил, перелистывался, как страницы комикса. Менялась форма носа, расположение родинок на лице, разрез глаз, изгиб рта. Карл будто никак не мог решить, какое из сотни, нет, тысячи лиц выбрать.

Потом изменения пошли дальше: тело Карла также стало рябить и мигать, как сумасшедшее. Люди и нелюди всех возрастов промелькивали передо мной, примеряя на себя красный комбинезон. Одно лишь было неизменным – взгляд. Грустный взгляд пронзительно бирюзовых глаз. И фиолетовый фонарик в руке.

Наконец, черед незнакомцев исчезла. В центре оврага снова оказался Карл, мой Карл, любитель сахарного миндаля.

Когда его внешний вид устаканился, хохочущие до того твари замерли в высоте над нами – на полушаге, полужесте.

Они жадно всматривались в Карла: тут и там крохотные крылышки насекомых вибрировали в возбуждении, липкая серость порталов тянулась вперед. Под всем этим вниманием я почувствовала себя, как на арене в древней Тилирии – будто мы три гладиатора, на которых сейчас выпустят дикое животное... Учитывая присутствие Зверя в контексте, я, вероятно, была права.

– И вот я здесь, – сказал Карл тварям. – Чего же вы ждете?

Ох, зря он так.

Эти простые слова произвели эффект разорвавшейся гномьей бомбы.

Твари мгновенно рассыпались на составные части – тени отдельно, мухи отдельно... Кишащее насекомыми марево слетело на дно оврага, как моровое облако. Будто одеялом, жуки обернули нас с ошарашенным Лисом. Шевелящийся рой превратил нас в два отвратительных кокона и начал стягивать в туго перебинтованные оводами, слепнями и жуками мумии. Я, закрыв глаза, задыхалась от нехватки воздуха и отвращения.

Если бы меня кто спросил тогда, я сказала бы, что Карл – самый ужасный переговорщик во всех мирах.

Неожиданно ярко-белая вспышка разорвала небо.

Секунду спустя стали раздаваться невероятные крики. Я рискнула посмотреть, что происходит, и увидела, как Карл мощными движениями рук разворачивает в воздухе искрящуюся, плюющуюся во все стороны голубыми огнями фигуру, состоящую из множества треугольников, сложенных в единое полотно. Эта фигура была такой четкой и явственной посреди творящегося вокруг липкого безумия, что больно было смотреть.

Тварей начало засасывать в сверкающие треугольники, но не успела я обрадоваться, как поняла, что со всех сторон в воздухе появляются все новые и новые дыры. А из них – тени и мухи, мухи и тени.

Порталы в неизвестность буквально изрешетили несчастное Святилище. Без устали они выкидывали к нам насекомых.

Среди этих дыр вдруг возникло одно ярко-золотое, светящееся окно. Сквозь него в Святилище прыгнула златовласая женщина невероятной красоты. Она посмотрела на маленького Карла.

Карл посмотрел на нее, не отпуская заклинания.

– Сии, кр`айге? – сказала женщина, и мне показалось, что мое сердце сейчас разорвется от красоты ее голоса. Мальчик покраснел... Потом серьезно кивнул.

Опустившись на колени, женщина ударила ладонями о землю. Ее тонкие, длинные пальцы, казалось, ни разу даже посуду не мыли и вообще попахивали слабосилием, но эффект был потрясающим. По всему Святилищу прошла мощная энергетическая волна, откинувшая серые дыры куда-то за пределы видимости.

На краю оврага осталась лишь одна, самая крупная. Из нее начало вылезать НЕЧТО.

Не люблю больших букв, но тут иначе не скажешь. НЕЧТО было настолько неестественным, настолько шедшим в противоречие любым человеческим инстинктам, что я не нахожу слов, чтобы описать его. Любые, даже самые сложные обороты, были бы преуменьшением всего того ужаса, который рождало НЕЧТО в стороннем наблюдателе.

Златовласая женщина на мгновение обомлела, увидев это жуткое, мерзкое создание. Потом она взвизгнула, как банши, и вытянула вперед правую руку с раскрытой ладонью, левой начав выписывать что-то на своем предплечье остро наточенным коготком, так, что на коже оставались белые полосы. В НЕЧТО одно за другим полетели магические заряды цвета индиго.

С влажными хлопьями они увязали в пустоте чудовища, которое медленно, с чавкающим звуком выбиралось из слишком узкого для него портала – разрывало края дыры, будто живую плоть, и с каждой секундой все больше заполняло собой Святилище...

Я все еще не могла двигаться, облепленная насекомыми. Поэтому, увидев, что мелкие твари, схватившие Лиссая, не сдаются и целеустремленно тащат принца прочь по дну оврага, я могла только заорать что есть мочи. На бледном лице принца, единственно торчащем из кокона, в ужасе вращались испуганные глаза.

– Карл, помоги Лиссаю!

Мальчик не слышал меня. Сложная конструкция из треугольников с его подачи отправилась в вольное плавание по воздуху, засасывая в себя, как воронка, все новых и новых пришельцев. Но Карл не остановился на этом. Он с силой поднял руки к туманному небу и заговорил на незнакомом языке, властном, резком и гортанном. Воздух начало затапливать золотое сияние. Оно становилось плотнее, это было не просто свет, а некое вещество. Я почти не могла вдохнуть. На всех оставшихся вокруг нас тварей свет подействовал схожим образом.

Они стали двигаться еле-еле. Действительно, будто в меду. В таком замедленном состоянии их быстро ловила и сжигала не потерявшая скорости фигура из треугольников. Карл кинулся ко мне.

– Лиссай, там, Лиссай! – попробовала объяснить я. Язык еле ворочался.

Он наконец-то понял.

– Ави, правда хома акэя! – крикнул мальчик златовласой женщине.

Женщина кивнула, сжала руки в кулаки, ударила одним о другой. В НЕЧТО, выбравшееся из портала уже наполовину, полетел заряд размером с винную бочку.

Дама в несколько широких прыжков достигла того места, где слабо дергался в сером коконе Лиссай. На ходу выхватив из-за спины длинный двуручный меч, женщина наискось рубанула пространство, являя миру сияющую перламутровую дыру. Воткнув меч обратно в ножны, она сначала затолкнула в портал кокон с Лиссаем, потом, сгруппировавшись, прыгнула следом. Портал зазвенел и стянул края, как испуганный осьминог.

Между тем НЕЧТО все-таки прорвалось в Святилище целиком. Я слабо пискнула от ужаса. Серой тенью чудовища накрыло весь овраг. Оно ощерилось – из-за его гнилых зубов выпорхнуло целое облако отвратительных белесых мотыльков.

Карл смотрел на монстра совершенно спокойно.

– Снова здравствуй, Зверь, – сказал мальчик. – Спасибо за передышку.

И в тот момент, когда Зверь прыгнул на нас, Карл в резком жесте распахнул руки по сторонам. Из-под пальцев мальчика во все стороны хлынул ослепительно белый свет – как тогда, в спальне у Дахху.

Я зашипела и зажмурилась. Пленившие меня жуки с визгом отпрянули. Я закрыла глаза руками и буквально рухнула на сухую траву оврага, от всей души надеясь, что Карл помнит, что я тоже тут – и что меня, в отличие от Зверя, не надо сжигать заживо...

Скуля и повизгивая от страха, сжавшись в комок на земле, я вдруг почувствовала, как чьи-то руки с силой давят мне на виски.

Второй раз за день я потеряла сознание.

Эпилог. Море

*Проницательный ум знает – случайностей
не бывает.*

Приглядишься – ты найдешь подсказки

И, расставив акценты, сказку

Сотворишь из своей судьбы.

Не ленись и не бойся. Ищи.

Девиз студентов шолоховской Академии

Первое чувство, вернувшееся ко мне, было слухом. Ирония, ведь после инцидента я слышала только одним ухом, поэтому это, как бы, не самая сильная моя сторона. Тем не менее.

Слух подсказывал: ты у моря, девочка. Это невероятно, но ты у моря – резкие вопли чаек, грохот волн о камни, шуршание песка на ветру. Потом вернулся запах и подтвердил догадку: где еще так пахнет солью и водорослями, гнилью и свободой, как не на море?

Наконец, я с опаской открыла глаза.

Мы с Карлом находились на самом берегу. Впереди, насколько хватало взора, медленно и величаво перекатывались синие волны с белыми гребешками. Мы сидели на узкой полосе песчаного берега – вот только песок был черным, а не желтым. Я оглянулась. Сзади торчали неприветливые скалы и рос сосновый лес.

– Где мы? – прохрипела я.

– В Шэрхенмисте, на острове Рэй-Шнарр.

– А Лиссай где?

После секундного молчания Карл твердо произнес:

– Тоже должен быть в безопасности.

В моей голове моментально возник следующий вопрос – сколько прошло времени, Полынь еще жив? – но откуда знать Карлу?

– Времени с момента твоего исчезновения из тюрьмы прошло очень мало, всего несколько минут. В Междумирье оно идет гораздо быстрее. Поэтому, если я правильно понял ход твоих мыслей, с твоим куратором все в порядке. – Карл чуть улыбнулся.

– Ты же не мог раньше читать мои мысли? – подозрительно уточнила я.

– А теперь могу. Междумирье вправило мне мозги. Перезагрузило, как компьютер, – голос у мальчика был ровный, спокойный, самое то для послеобеденной беседы.

Карл сидел босиком. В руке он сжимал корягу, выброшенную морем, и задумчиво чертил ей какие-то фигуры на песке.

Я сглотнула.

– Карл... Это был Зверь?

– Ну да.

– Ты победил его?

Коряга в руке Карла, поколебавшись, вывела знак вопроса...

– В этом раунде я победил, – сказал мальчик. – Но, к сожалению, за два месяца моих внеплановых каникул произошло очень многое. Зверь был на свободе, его приспешники разбежались по Вселенной, и... – Карл тяжело вздохнул. – Мне только предстоит разобраться со всем. Я рад, что ты не послушалась мое альтер-эго и все-таки открыла дверь, Тинави. Иначе с меня бы сталось провести в Шолохе несколько столетий подряд, периодически переезжая с места на место, чтобы никто не понял, что я живу подозрительно долго... Карл получился

очень доброй, но очень трусливой ипостасью, нужно признать это, – он снова улыбнулся, не глядя на меня, но глядя на море.

Я пару раз моргнула. И зрение хотела прояснить, и заодно подспудно проверить – не сон ли это? Но нет. Скалистый берег остался черным, как ночь, а невысокий мальчик так и сидел подле меня, что-то рисуя кривой палкой и крепко поджав пальцы на ногах.

Мой собеседник улыбнулся одним уголком рта:

– Ты можешь и дальше звать меня Карлом, если хочешь.

– Но на самом деле ты Карланон.

– На самом деле я Карланон.

Хоть я и ожидала услышать такой ответ, а все равно поперхнулась. Что, знаете ли, довольно сложно сделать, если у тебя пересохло в горле после жаркой битвы с потусторонними созданиями в потустороннем же мире. Но повод того стоил. Многие ли устаиваются чести по-дружески пообщаться с Богом?

– А-ха-ха, теперь ты думаешь «бог» с большой буквы, – засмеялся Карл. – Гляди, еще и в храм пойдешь – и не чтобы его разрушить!

– Та женщина...

– Да, это Авена. Я позвал ее.

– Карл... Ты можешь все-таки рассказать мне по порядку, что случилось? Откуда взялся Зверь? И что теперь?

Мальчик заложил большие пальцы за лямки комбинезона и задумчиво оттянул их вперед. Стуча костяшками пальцев друга о дружку, он вздохнул:

– К сожалению, у меня очень мало времени. Если вкратце, дело обстоит так: мне было чертовски одиноко, Тинави. Вы все пишете: Карланон, дескать, человечный хранитель, защитник. Но если бы кто-то спросил меня самого, я бы сказал, что Карланон – глупый хранитель с багом, закравшимся в код... И я сейчас совсем не про приспешников Зверя, хм. Впрочем, возвращаемся к тезаурусу Лайонассы. Пардон, сложно держать себя в рамках одного мира, когда память возвращается вся и разом. Так вот. Там, где братья и сестры спокойно выполняют свою работу, я все думаю – зачем. Зачем все это. Иногда, к сожалению, такие мысли в голове божества приводят к очень большим проблемам. В последний раз я дерзнул отправиться на поиски Отца, чтобы задать сакраментальный вопрос «доколе?!» ему лично. Плохая была идея. Я нашел какую-то... дверь. И возле нее решил устроить обряд вызова – очень могущественный обряд, съевший большую часть моих сил. Но вместо того, чтобы вызвать Отца, я умудрился открыть Врата Хаоса и пустить во вселенную Зверя.

Карл выпятил губы трубочкой и почесал вихрастый затылок, прежде чем признаться:

– Ты представляешь, я сначала решил, что Зверь – это Отец. Только подумай! Я бросился к нему с распростертыми объятиями...

– К нему? Вот к тому уроду, которого мы сейчас видели? – я опешила от таких признаний.

– Ага, – Карл тихонько засмеялся. Потом он подтянул колени к груди привычным для меня жестом положил на них подбородок.

Мне было приятно думать, что и в нынешнем состоянии ему нравится эта уютная, домашняя поза.

– Конечно, Зверь на меня напал. Я был почти без сил после ритуала, плюс потерял преимущество инициативы, плюс был в некоем душевном раздрае... Мы начали бороться, но я очень быстро стал проигрывать. Он ранил меня. Я начал терять память.

– Как это?

– Зверь – не из нашего измерения. В Царстве Хаоса все по-другому. Не знаю, как именно. Ведь раньше Врата были закрыты, и Теннет одергивал нас, если кто случайно приближался... Видимо, у Зверя и его приспешников свои способы убийства противника. Раненный, я понял, что теряю себя. И что надо бежать. И я побежал. Побежал, прыгая из Междумирья то в один

мир, то в другой. Я скакал, как сумасшедшая белка, чтобы Зверь потерял мой след, а память и сознание все покидали меня... И, вместе с ними, смелость. В конце концов, вероятно, уже из последних сил, я прыгнул в мою любимую Лайонассу.

– Прямо на участок фонарщика Рили.

– Судя по всему, так. А дальше ты знаешь – два месяца сна, бокки, которые пытались привести меня к подходящим людям и рассказать им мою историю, не закрытая дверь в Междумирье, наши с тобой уроки и вот – сегодняшний день.

– А ты всегда выглядишь как мальчик?

– Нет. Думаю, эта форма просто наилучшим образом отражала мое состояние на момент побега и всей той истории.

– А сейчас зачем ты так выглядишь?

Карл скосил на меня круглые глаза и подмигнул:

– Чтобы наше общение оставалось хоть сколько-нибудь прежним.

Мы немного помолчали.

– А что с Анте Давьером? – наконец, спросила я.

Карл резко помрачнел. Свинцовая волна жадно лизнула берег, почти добравшись до наших голых пяток – я свою обувь вообще так дома оставила...

– Пусть сидит в тюрьме, – наконец, тихо сказал Карл.

– То есть я права? Давьер – это Теннет, который без зазрения совести убил десяток человек? Мне кажется, или это особенно гадко, когда ты хранитель?

Карл поморщился.

Потом вздохнул:

– То, что натворил мой брат под личиной Анте Давьера – всем кошмарам кошмар. План с телепортом – чудовищный. Был таким изначально и стал лишь более страшным, когда Теннет увидел и признал меня. С другой стороны, я сам сказал, что «не хочу ему помогать»...

– И тогда он решил, что «пусть все идет как идет», – вспомнила я.

– Да... Теннет всегда был очень гордым. И благодаря своему «чутью» играл роль нашей «сигнализации» (я подсмотрел это сравнение у тебя в памяти, очень смешно, спасибо). Видимо, предупредить остальных о Звере для него оказалось важнее, чем сберечь людские жизни. Если бы магия была при нем, конечно, он бы не стал разворачивать такой план.

– А как Теннет потерял магию?

Карл замешкался:

– Я не уверен точно... Однажды я видел, как Отец наказал, м-м-м, Теннета, но... Сейчас это не важно. Да и я не знаю, тогда ли брат лишился силы. Всякое могло произойти, – нахмурился мальчик. – Кстати, вероятно, на ужине у Дахху Теннет подумал, что и меня постигла такая участь. Все спрашивал тогда про колдовство, удары молнией... Да, забавно.

Карл надолго замолчал.

– А почему Шэрхенмиста? – я вновь нарушила тишину.

Карл перевел на меня расфокусированный взгляд:

– Что?

Я обвела рукой пляж, и скалы, и частокол сосен вдали.

– Почему ты перенес нас в Шэрхенмисту?

– Это не я, – насупился Карл. – Междумирье барахлит из-за приспешников Зверя. Я боюсь, сейчас никто не может предсказать, куда оно выбросит тебя в следующий раз. К тому же я сам сейчас так жестоко вычистил его светом...

Он прикусил губу и потупился.

– Мне действительно пора идти, Тинави, – наконец, сказал он. – Надо временно прикрыть и восстановить Междумирье. Понять, что из себя представляет Хаос. Где остальные хранители. Что успел натворить Зверь – и куда уполз восстанавливаться – что-то мне подсказывает, что

убить его еще сложнее, чем меня... Но это уже не твои заботы, конечно, – он улыбнулся. – Не бери в голову. Я просто привык к разговорам за эти два месяца.

Я тяжело сглотнула.

Почувствовав, что мою голову просто разрывает от вопросов, Карл предостерегающе поднял руку:

– Задай только один.

– Ты можешь сделать так, чтобы у Полыни все было хорошо?

Карл расширил глаза и фыркнул:

– Ты только для унни так запросы не формулируй, ладно? Очень уж много вариантов...

А вообще – да.

Хранитель щелкнул пальцами:

– Вуаля. К королю Сайнору прилетел ястреб, который скажет, что, во-первых, Полынь из Дома Внемлющих нельзя казнить. Нельзя подсылать к нему наемных убийц, нельзя травить ядом, нельзя подстраивать несчастные случаи, нельзя волновать его до инфаркта – и еще три тысячи возможных способов неявного убийства от дворца. Я уверен, Сайнор оценит этот список. Во-вторых, ястреб потребует, чтобы Полыни из Дома Внемлющих немедленно выдали заслуженное звание Генерала Улова – со всеми сопроводительными плюшками вроде статуи в ведомстве и исполнения одного любого желания. Сайнор неплохо знает привычки богов. Он послушает птицу. Так что твое желание исполнено, Тинави.

Я тихонько выдохнула:

– Спасибо.

– Но это, конечно, было читерство, – Карл покачал головой и с хрустом поскреб макушку. – Я больше не буду так делать. Считай это запоздалой платой за много-много сахарной ваты по утрам в Шолохе, – он грустно улыбнулся и, кажется, собирался еще что-то сказать, но в итоге просто тихонько вздохнул.

Потом Карл встал с песка, отряхнул комбинезон и, прислонив ребро ладони ко лбу, стал вглядываться вдаль.

– Кстати... Помнишь, я говорил про грозу?

– Да?

– Вон она, – Карл пальцем указал на иссиня-фиолетовые тучи, затянувшие морской горизонт. – Это твоя дворцовая работа. Вот только плохо, что базируется на ненависти. Не делай так больше, хорошо? Колдуй правильно.

– Хорошо. Обещаю.

– Ну, уж нет. С дверью в Междумирье ты тоже обещала. Давай в этот раз по серьезному.

Кля-нусь. К-л-я-н-у-с-ь.

– Клянусь, Карл.

– Супер!

И Карланон, без каких-либо предисловий, с легким хлопком исчез. В воздухе остался только приятный запах жасмина.

– И все?! – возмутилась я, подскакивая.

Отброшенная Карлом коряга вдруг поднялась, как невидимой рукой, и вывела на черном вулканическом песке витиеватые буквы: «...И все только начинается».

Я ошалело перевела взгляд на море. Рэй-Шнарр... Остров народа шэрхен. От Шолоха меня отделяет – ох, почему я так плохо учила географию! – что-то вроде ста километров моря. Не переплыву.

Я с сомнением посмотрела на черный песок под ногами, черные острые скалы, темные частые сосны и парочку воронов в отдалении. Из моря выползло какое-то мелкое прибрежное чудище вроде рачка и, спотыкаясь, бесшумно поползло ко мне. Я отодвинулась, освобождая ему путь.

Рачок энергично прополз мимо.

Грохот волн, разбивавшихся о скалы, был монотонно-неравномерным, как удары сердца. В промежутках – тишина.

Давящая на уши тишина под высоким белесым небом Шэрхенмисты. А там, на горизонте, бесится моя гроза, плюется молниями. Я поежилась и пожалела, что не с кем неловко пошутить на тему кривоватых краев тучи – «исполнение хромает, видно руку новичка».

Подумав еще немного, я завалилась на спину и представила, что пляж – это небо, а небо – это пляж.

И я смотрю на него сверху вниз, такая маленькая, лопатками приклеенная к побережью, и огромный космос цветком раскрывается подо мной, и созвездия мерцают там, за воздушной пеленой, и галактики тихо поют о своем, и мальчик Карл напряженно вглядывается в Хаос...

Привет вам, тайны мироздания. И тебе привет, звездная ширма вечности. И даже тебе – великолепная карьера, из «никто» в «доверенное лицо Карланона» (ну, мне так хочется думать).

Что ж...

Я перевернулась на живот и снова уперлась взглядом в маленького, упрямого рачка. Он уже закончил свои секретные дела на берегу и теперь деловито спешил обратно.

На сей раз мне сосисочкой пришлось откатываться вбок, чтобы уступить ему дорогу. Пусть ползет домой, и пусть на пути его не будет больше огромных лохматых чудовищ вроде меня.

Я снова встала, сложив руки на груди и глядя на глубокое, глубокое синее море... Блики бледного восточного солнца прыгали по нему точно так же, как теневые блики пляшут на изнанке моих век.

Нет. Счастье, конечно, не в магии, которую я так оплакивала зимой. Это точно. Зато в магии много радости. Очень много – как, пожалуй, и в других способах менять мир.

В приключениях тоже радости полно, авторитетно заявляю. Их у меня теперь завалились – и, судя по вот тому мрачному лесу, будет лишь больше.

Определенно, какой-то процент счастья есть в том, чтобы сохранить себя, всегда осознавать себя, быть верным себе до конца, как я решила после первой встречи с теневыми бликами... Хотя все это, скорее, необходимое условие для жизни.

А вот где, правда, очень много счастья – так это в них, в других. В тех, кто рядом. Вернее, в тех, кто далеко – вон там вот, в ста с чем-то километрах морем.

Гордое и беспощадное слово «любовь». Я не Кадия, за ним не бегаю, скорее – от него, но... Это, наверное, самый простой и честный выбор пути. Голосуй за любовь – не ошибешься. В широком смысле, не ждите розовых соплей.

Однако в любом случае... Это же я. Прахова максималистка – и ношу это звание гордо.

А потому – о, да, – я выбираю все сразу. И магию. И приключения. И целостность. И, конечно, их. «Человеков моих», как сказал бы Патрициус.

Да. Хочу все и сразу. Эй, теневые блики? Милая унни? Можно так? Мне не с кем поговорить, поэтому спрашиваю тебя. Можно мне попробовать все?

Соленый ветер принес с моря запах подгнивших водорослей и сдул надпись, появившуюся после ухода Карла. Как и следовало ожидать, буквы не исчезли совсем, лишь пересыпались в одно огромное «ДА».

– Спасибо, – я улыбнулась.

Так, ну глобальная стратегия выбрана. А что касается тактики – так первым делом мне надо вернуться домой.

Польнь, я хочу вместе с тобой прийти в Галерею Генералов и радостно пялиться там на твою статую, громко, при всех, обсуждая, какая же крутая прическа у «этого парня». И хочу рассказать тебе лично про волшебное появление Карланона ястреба с письмом. Надеюсь,

кстати, мальчишка просто по недосмотру умолчал о том, что и про меня черкнул там пару добрых слов Его Величеству.

Кадия, тебя будем утешать, а то опять с кавалером не заладилось. Ну да не впервой! Тут погуляем, там погуляем, проговорим с десятков ночей.

Дахху, вот уж кто даже и не заметит моего отсутствия. Я уверена, ты и в Лазарете обложешься своими писульками вместо одеяла – лишь бы твой радостный «морфий-настрой» никуда не делся!

И куда все-таки Святилище забросило Авену и принца?.. Надеюсь, не в Иджикаян – Лис же там взвоят от поклонников, бедняга.

От всех этих дурацких мыслей на душе было до странности легко. До странности, да.

Кажется, я мастерски овладела искусством Мелисандра Кеса смещать акценты. И, кажется, качество жизни действительно определяется характером твоего мышления. А еще наличием весьма конкретной цели.

«Карл, заглядывай, куплю миндаля!» – вывела я на песке уже вполне самостоятельно. Вдруг у моего маленького друга будет возможность заглянуть сюда между хуком справа и хуком слева по мотыльковой роже Зверя?

Потом я прихватила все ту же «писчую» корягу на манер посоха (песок такой песок) и двинула вдаль, что-то весело – слегка нервно, не без того – насвистывая.

Эй, рачок! Теперь ты уступай мне дорогу.

Я возвращаюсь домой!

Энциклопедия «Доронах»

*Некоторые черновые заметки господина Дахху из Дома
Смеющихся*

Эти записки найдены в сумке господина Дахху из Дома Смеющихся, поступившего в дворцовый лазарет после июньского землетрясения на острове-кургане. Разрозненные и неполные, они представляют собой первые черновики грядущей энциклопедии «Доронах».

И хотя автор наверняка смутился бы, узнай он, что чужаки листают его несовершенное, недописанное детище, сами чужаки – знахарки и лекари – остались вполне довольны прочитанным. Они узнали о Лесном королевстве кое-что новое, вспомнили кое-что старое... А главное – вновь почувствовали, в каком удивительном, потрясающем мире они живут.

Пару статей чернового «Доронаха» мы контрабандой покажем вам.

Только тс-с! Пусть это будет тайной.

Магические существа, духи и представители иных рас

Помимо людей (коренного населения и чужеземцев), в Лесном королевстве проживает больше ста видов магических существ, множество представителей иных рас и несметное число духов и привидений. Не говоря уже о чудовищах Смахового леса – нечисти и нежити.

В некоторых случаях вопрос о том, кого считать существами, а кого – представителями иных рас (и корректно ли так называть их) сложен и вызывает жесточайшие диспуты среди ученых. Общее правило таково: о представителях иных рас и чужеземцах заботится Иноземное ведомство, о существах, духах и нежити – Башня магов.

Вот некоторые из тех, кого вы можете встретить в Шолохе и его окрестностях.

АВАНКИ – огромные зубастые твари, жители речных омутов, похожие на помесь бобров с крокодилами. С удовольствием едят и подводных жителей, и людей. Если аванк выпрыгнул на вас, бегите прочь, отчаянно петляя.

БАРГЕСТЫ – нейтральные духи, предвестники несчастья. Похожи на огромных черных псов. Являются людям, в чьих венах течет кровь срединного народа. Чтобы проявиться, тянут магическую энергию из адресата.

БЕСЕДОЧНЫЙ УВАЛЕНЬ – садовая нечисть. Каменные духи, похожие на маленьких троллей. Мозг увальней напоминает мозг животного, но иногда с беседочниками случаются «припадки самосознания»: они погружаются в пучину рефлексии, достойную пустынных поэтов прошлого века. Тогда беседочные увальни начинают крушить всё, что видят, стараясь вернуться к привычному, безопасному «отупению».

БОККИ-С-ФОНАРЯМИ – духи, которые появляются в Смаховом лесу дважды в месяц, на новую и на полную луну. В эти ночи все жители Шолоха сидят по домам: прогулкам бокки-с-фонарями строго запрещено мешать. Бокки носят темно-зеленые туманные плащи, в руках – оранжевые фонари, под капюшонами – смутное золотое свечение. В Шолохе достоверно не знают, кто такие бокки и откуда они взялись: эти духи уже были в Смаховом лесу, когда сюда прибыли потомки срединников.

БЭЛЬБОГИ – лешие, болотные жители. Их никто никогда не видел, только слышал: иногда бэльбоги подсказывают путь тем, кто заблудился на болотах. Или просто скачут по кочкам, невидимые, распевая Осеннюю Песнь.

ВАЙТЫ – шаловливые духи воздуха, похожие на прозрачно-леденцовых светлячков. Считается, что приносят удачу. Падки на все звенящее и стучащее. Повесьте ловец ветра на крыльце – и вайты с удовольствием будут с ним играть.

ВАМПИРЫ – жители Восточного Хейлонда. Неотличимы от людей, если не улыбаются. Если улыбаются – видны острые клыки. Умеют обращаться в летучих мышей. Несмотря на дурную репутацию, не злоупотребляют кровью теплокровных, пьют ее умеренно и цивилизованно. В Шолохе есть специальные вампирьи лавки, где представители этой расы могут сделать заказ на кровь с определенными параметрами и быть уверенными в качестве продукта.

ГНОМЫ-РАВНИННИКИ – низкорослые обитатели пустошей и равнин. Не предрасположены к колдовству, с трудом разучивают даже простейшие заклинания, однако весьма умелы в прикладных искусствах и точных науках.

ГОБЛИНЫ – признанные космополиты. В Лесном королевстве проживает три разновидности гоблинов. Во-первых, гоблины грязевые, которые давно обжились в Шолохе на роли лавочников. Во-вторых, кобольды, нанимающиеся на работу к фермерам в сенокос. В-третьих, гоблины коблинау – великие мастера золотоносных руд, те, кого так ценят и ненавидят в нашем Казначействе.

ГОРНЫЕ ГНОМЫ – изначально жители северных гор княжества Вухх и Норшвайна. Прекрасные воины, ростом практически с человека, отличаются обильной растительностью на

лице, руках, спине. Самый заметный вклад гномов в культуру Лесного королевства – это ругательства, в частности, широко употребляемое междометие «грёк» и неодобрительное прилагательное «лыдровый».

ДРИАДЫ – лесные нимфы, обительницы деревьев. При желании дриада может поменять свое дерево на комфортную городскую жизнь – в этом случае ей нужно будет раз в месяц совершать специфический ритуал пополнения энергии.

КЕЛПИ – водяные кони, питомцы ундин. Шаловливые и наглые, с сине-зеленым окрасом. Иногда выскакивают из воды и мчатся по людным набережным, обрызгивая прохожих. Также находят должников ундин и копытами выбивают из них деньги.

КЕНТАВРЫ – полулюди-полукони, в основном предпочитают жить за городом, где больше места. Те, кто выбрал Шолох, селятся кучно, в районе Метелочного квартала. Статистика показывает, что значительная часть кентавров работает перевозчиками и гонцами, другие содержат торговые лавки и кафе с едой навынос.

КРУСТЫ – лешие, древесные человечки, похожие на связку палочек для розжига. Живут на волшебных деревьях ошши, ухаживают за ними, оберегают их. Отличаются крайне пакостным характером.

ЛЕПРЕКОНЫ – миниатюрный рыжеволосый народец, ростом не более сорока сантиметров. Обладают ярко выраженной склонностью к экономическим наукам и торговому ремеслу, что породило слухи о том, что каждый лепреконт несметно богат и имеет свой горшок с золотом.

ЛИВЬЯТАНЫ – подводные саблезубые змеи, длина достигает трех метров. Считается, что они очищают и «лечат» воду. Яд из клыков ливьятанов используется во многих зельях.

ОЙКИ – проказливые водяные духи, похожие на бескрылых птичек. Утаскивают детей под воду, снабжают воздушными пузырями для дыхания и принуждают к играм. Если ребенок отказывается играть, то ойка съедает его. Если соглашается, то дух позже возвращает его на берег.

РЫБЬЕГОЛОВЫЕ – шанс встретить рыбьеголового в Шолохе крайне мал. Обитатели подводной Рамблы, они путешествуют по миру очень редко (рыбьеголовым не очень комфортно находится в пресной воде). Выглядят ровно так, как и звучит их название.

САДОВЫЕ ТРОЛЛИ – молчаливые толстенькие существа, которые селятся среди кустов. Днем спят, превращаясь в камень (не споткнитесь!), и бодрствуют ночью. Безобидны. Бродят по саду, все время о чем-то вздыхают и мечтательно смотрят на звезды. Предположительно романтики.

САТИРЫ – козлоногие и рогатые господа. Самок называют сатирессами. Очень небольшой процент сатиров решается на городскую жизнь, большинство предпочитают полудикое-полуживотное существование. Впрочем, и живя в городе, сатиры напрочь игнорируют большинство правил этикета.

ТАШЕНИ – летучая почта Лесного королевства. Ташени – это письма, сложенные в форме птичек, которые после специального заклинания оживают: углы сглаживаются, нарастает объем. Ташени чирикают, ластанся и летают, из-за чего многие считают их живыми, поэтому мы включили их разделах «о существах и не-людях».

ТРАВЯНЫЕ ФЕИ – дикий подвид фей. В отличие от классических фей, травяные не хотят вписываться в цивилизованное общество. Вместо этого они селятся под холмами, заманивают туда путников и увлекают в свой бесконечный танец – прах-с-два выберешься.

ТРОЛЛИ – крупные и мускулистые обитатели Скалистых гор. Кожа троллей отличается непривычным фиолетовым оттенком, волосы бывают либо снежно-белого, либо угольно-черного цвета. Тролли – апологеты богемной жизни и бандитского шика. Большинство шолоховских троллей проживает в увеселительном районе Чрева и среди полулегальных Рокочущих рядов.

УНДИНЫ – жительницы рек и озер Смахового леса. Крайне негативно относятся к человеческим женщинам: могут расцарапать или даже утопить. В Шолохе создали развитую подводную инфраструктуру: бары, торговые ряды и, конечно же, дома увеселений. Продолжают род, вступая в связь с человеческими мужчинами. Если рождается девочка, то ундина. Если мальчик (очень редкий случай) – то человек, однако между пальцев у него будут перепонки, и ему обязательно нужно жить у воды.

ФЕИ – маленькие крылатые создания. Весьма упрямы, взбалмошны и скандальны, гордятся своим «сильным характером». В Шолохе держат несколько рынков, много мелких бизнесов и полутеневых зельварческих лабораторий. Часто работают на правительство на роли двойных агентов.

ШЕВА – дух, который использует человека для своих криков и танцев. Его еще называют «кликухой». Шева выбирает жертву и селится в ней, чтобы набраться сил после сезона охоты. *(неразборчивая приписка: «Во всяком случае, так сказал Карл. А я почему-то верю этому мальчишке. Нужно будет добавить данных! Прах, вообще везде нужно будет добавить данных...»)*

ШУВГЕИ – колдовские смерчи, выходящие на охоту стаями. Обожают лакомиться человеческой. Воронка воздуха затягивает жертву в разряженное сердце смерча, и сидящий внутри дух – собственно, шувгей, – шинкует жертву.

ЭЛЬФЫ – худощавые и невысокие (рост составляет от полутора метра до метра семидесяти). Глаза полностью затянуты черным цветом, клыки острые, как у вампиров. Носят пышные и сложные прически, пудрят волосы серебром. Магические способности сравнимы с человеческими. Чувствуют себя в Шолохе вполне комфортно, в последние годы часто вступают в браки с людьми.

ЭХ-УШКЪЕ – тоже водяные кони, но на сей раз морские и океанские. Черные, злобные, зубастые и неуправляемые. Владычица подводного царства Рамблы выращивает эх-ушкье, но, говорят, даже от нее они часто сбегают. Верней, уплывают.

ЯБЛОНЕВЫЕ ЛЮДИ – тонкие, полупрозрачные, светящиеся духи около полутора метров высотой. У них вытянутые головы, огромные глаза и длинные пальцы на бестелесных руках. Яблоневые люди селятся в садовых деревьях по одному небу известному принципу, но это, бесспорно, хороший знак. Духи помогают хозяевам сада и раз в несколько лет преподносят им ценный дар – золотое яблоко.

...Остальные заметки раздела «магические существа, духи и не-люди» неразборчивы и залиты кровью.

История Срединного государства и его преемника Лесного королевства

Записи этого раздела густо зачеркнуты и снабжены припиской: «Только что прошел ритуал Ночной пляски. Учитывая новый рассказ бокки-с-фонарями, мне придется переписать историю Срединного государства... И хотя сейчас в письме к Тинави я выразил полнейший восторг на эту тему, я начинаю сомневаться, что подобные данные вообще стоит обнародовать. *Это полностью меняет картину нашего мира.* Никогда еще в моих руках не было таких знаний. И что прикажете с ними делать?.. Даже личины богов меркнут на их фоне!

Пожалуй, для начала нужно отоспаться. А потом – обсудить все с Карлом и Анте Давьером. Скамья в храме Белого огня, где меня положили отдохнуть, определенно не самое удобное место на свете, но я все же вздремну. Голова ужасно кружится после ритуала, обезболивающее застилает разум. Надеюсь, Тинави заберет меня отсюда».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ЛЕСНОГО КОРОЛЕВСТВА

Лесное королевство – это монархия. Во главе государства стоит его величество Сайнор из Дома Ищущих. Главный законодательный орган – малый Лесной Совет. До 2018 года в него входил сам король, Глас Короля и главы десяти шолоховских ведомств – всего дюжина человек.

В 2018 году Теневое ведомство было реформировано (фактически, упразднено), после чего в Совете осталось только одиннадцать человек. Двенадцатое кресло, принадлежавшее госпоже Тишь из Дома Внемлющих, все еще стоит в зале совета... Пустуя. Предостерегая.

ДЕСЯТЬ ВЕДОМСТВ ЛЕСНОГО КОРОЛЕВСТВА:

1. Лесное ведомство

Самое крупное министерство с очень широким профилем. В него входит больше тридцати департаментов. Наиболее значимые из них:

- Департамент Шептунов (колдуны, ответственные за отношения со Смаховым лесом);
- Департамент Смотрящих (детективы, которые расследуют преступления, связанные с коренными жителями Шолоха);
- Водное управление, Дом Холмов и Чашобный корпус (дороги, застройка и транспорт в разных зонах королевства);
- Департамент Улыбак (внутренний туризм).

2. Башня магов

Магическое министерство, которое включает в себя две дюжины отделов: Лазарет (национальное здравоохранение), департамент Карателей (специалисты по нежити и нечисти), департамент Лакмусов (мастера иллюзий), Стихийный отдел, Алхимический корпус и так далее. Также при Башне находится магический университет, где обучают колдунов всех профилей, в том числе Шептунов, которые в дальнейшем работают в Лесном ведомстве.

3. Военное ведомство

Регулярной армии в Лесном королевстве нет, так что Военное ведомство обеспечивает охрану правопорядка. Самые значимые отделы:

- Департамент Стражи (занимается вопросами безопасности в столице, работает в тесном сотрудничестве с детективами-Смотрящими);
- Департамент Граньих (охрана границ Лесного королевства);
- Чрезвычайный департамент (чрезвычайные происшествия, стихийные бедствия, а также дополнительная охрана столицы в дни важных мероприятий. Интересный факт: Чрезвычайный департамент практически полностью укомплектован гномами).

4. Иноземное ведомство

Занимается как внешнеполитическими вопросами, так и положением чужестранцев внутри Лесного королевства. Состоит из пяти крупных департаментов: Указующие, Говоруны, Ловчие, Ищейки, Архив. (*притиска: попрошу Тинави рассказать подробнее, раз она теперь оттуда*).

5. Торговая палата

Несмотря на «невнушительное» и «узкое» название, фактически является министерством экономики. Легенды гласят, что господин Доллгар из Дома Дерзающих – первый руководитель Торговой палаты – сумел отстоять такое именование исходя из неких магически-суперъестественных соображений, а потом оно стало традицией. В состав Торговой палаты также входят Казначейство и Налоговый корпус.

6. Королевский двор

Занимается вопросами культуры, искусства и спорта.

7. Ратуша

В ведении Ратуши – сам Шолох. Учитывая, что больше городов в Лесном королевстве нет, наша Ратуша по-своему уникальна.

8. Академия

Главное государственное высшее учебное заведение, а также совокупность исследовательских центров при нем и департамент, ответственный за народное просвещение.

9. Правое ведомство

Функции и структура Правого ведомства сопоставимы с функциями министерств юстиции в большинстве стран Лайонассы.

10. Теневое ведомство

Оно же – департамент Ходящих. Занимается борьбой с государственными преступлениями, в том числе с изменой родине, шпионажем, терроризмом, диверсиями и вредительством. Ведает конрразведкой, охраной гостайны, вычленяет неблагонадежных граждан. В 2018 году департамент был реформирован: часть функций распределена между другими министерствами, а количество агентов-Ходящих сокращено в десять раз и передано в личное подчинение королю.

ЛЕСНОЕ КОРОЛЕВСТВО НА КАРТЕ ЛАЙОНАССЫ

На материке Лайонассы располагается пятнадцать суверенных государств, а также бесчисленное множество племен и так называемых «свободных земель». Самые экономически развитые страны – Асерин и Иджикаян. С самым высоким уровнем магического потенциала – Лесное королевство и Шэрхенмиста. С самым высоким уровнем жизни – Рамбла. С самым высоким уровнем счастья – Кнассия, хотя никто не может понять, отчего так – что ни говори, кнасски живут бедно и грязно... Но почему-то очень весело.

Ниже предоставляем вам список лайонассинских государств и их столиц.

Восточные пределы:

Лесное королевство – Шолох

Шэрхенмиста – Пик Волн и Пик Грез

Рамбла – Рамбла

Страна Смерти за Холмами – Стылый город

Северные пределы:

Княжество Вухх – Бромдель

Графство Норшвайн – Врата Метели

Республика Острого Пика – Скалистая Бухта

Западные пределы:

Тилирия – Коххо-Пьоджере

Тернасс – Дастингс

Восточной Хейлонд – Хейлонд

Лаэнца – Лисья Гавань

Южные пределы:

Иджикаян – Хардурман

Асерин – Минакор и Саусборн

Лютгардия – Тами-Аваль

Кнассия – Иград

БОГИ-ХРАНИТЕЛИ

Шестеро богов-хранителей считаются детьми непостижимого Отца Небесного, хотя в них очень сложно заподозрить родственников.

Разные народы относятся к богам по-разному. Мы в Лесном королевстве считаем так: сильнейшие колдуны, дерзкие ученые и нестареющие путешественники между мирами, они играют роль старших сестер и братьев для разумных существ Вселенной. Их задача – следить, чтобы миры не стояли на месте: развивались, усложнялись, двигались вперед, обеспечивая вечный поток энергии *унни*.

Шестеро равны друг другу по мощи, однако у каждого бога есть любимая сфера колдовства, в которой он превосходит других – не из-за таланта, а из-за усердия и количества часов, посвященных магической практике. Эти божественные «специализации» достаточно узки. Сложенные вместе, они отнюдь не покрывают весь комплекс магических наук – это просто... хобби наших хранителей, выбранное ими однажды. В современных воскресных комиксах такие хобби чаще называют «суперспособностями».

Теннёт – повелитель времени. Выработал у себя легкий пророческий дар, так называемую «теннетову чуйку». Знаменит неуравновешенным характером и крайней степенью нервозности. Долгое время жил среди драконов. Испытывает сильную тягу к искусствам и полетам.

Рэндом – сильнейший телепат. Умеет раскалывать свое сознание между разными объектами, в легендах часто разделяет себя на несколько человек. Неравнодушен к карточным играм, «грязным» развлечениям, воровству «интереса ради». Трикстер и джокер, адреналиновый маньяк.

Карланон – когда-то воин-защитник и целитель, к концу прошлой эры он сменил сферу своих интересов и превратился в «архитектора бытия». Знаменит сочувствием к смертным, заморожен идеей создания жизни и вопросами существования иных измерений. В Срединном государстве организовал лабораторию, где пытался синтезировать *искру* и *искусственный разум*.

Авена – богиня-воительница, которая, как и Карланон, в последние годы жизни в Лайонассе разочаровалась в своем профиле. Искусство войны больше не прельщало Авену – теперь хранительницу заинтересовали астрономия и космология. Перед уходом Авена говорила своим ученикам-срединникам, что постарается «выйти на новый уровень», что бы это ни значило.

Дану – госпожа иллюзий, чар и зелий. Рыжеволосая хохотушка и шутница, известная своим легким нравом, она находила общий язык со всеми на свете. Ученики Дану обожали наставницу и задаривали ее подарками. Однажды ей подарили семерых волчат, и богиня по беспечности забыла их в корзине в подземелье с ядами. Волчата вылакали отраву и погибли... Раскаянию Дану не было предела. Однако оказалось, что искры животных не потухли полностью – они стали призраками. Дану укрепила тени волчат своей кровью, позволив им действовать в материальном мире. С тех пор серебристые призрачные волки стали ее верными спутниками.

Селеста – покровительница флоры и фауны. Одиночка и отшельница, всегда держалась особняком от других хранителей. Тихая и молчаливая, она могла пропадать в неизвестном направлении на долгие годы и никогда не брала себе учеников. При этом считается богиней любви – за свою красоту, спокойный характер и за то, что, согласно некоторым мифам, в нее в разное время были влюблены и Теннет, и Рэндом, и несчетное множество смертных мужчин. Каждое десятое лирическое произведение, дошедшее до нас со времен Срединного государства, посвящено богине Селесте.

...Совесть не позволяет нам дальше читать окровавленные черновики господина Дахху из Дома Смеющихся.

Будем надеяться, он выживет и сможет дополнить свои записи. Тогда мы заглянем в них вновь.